Мифология

Британских островов

Энциклопедия

Составитель К. Королев

МИДГАРД

Содержание

Предисловие

Мифологический ландшафт Европы — освоенное Homo occidentalis мифологическое пространство — зиждется на четырех «узлах силы», фиксируется четырьмя мифогеографическими локусами, в которых, собственно, и зарождалась европейская культура. Первый мифогеографический локус — классическая мифология Средиземноморья (Греция и Рим); второй — германо-скандинавская мифология севера Европы (бассейны Балтики и Северного моря, Норвегия и Исландия), третий — славянская мифология — протянулся от полабских земель на восток (территория обитания славянских племен, от острова Рюген до Днепра и озера Ильмень); наконец, четвертый локус — это мифология Британских островов, своего рода «плавильный тигель», в котором смешались воедино мифологические традиции кельтов и германцев, эпические мотивы бриттов, саксов, галлов и франко-норманнов, фольклорные сюжеты англичан, шотландцев, валлийцев и ирландцев.

На мифологической карте Европы Британия издревле занимала особое положение. И главная причина — ее географический статус: остров. В символике мифопоэтической традиции остров — образ иного, потустороннего мира, мира, с которым связаны все представления о чудесном, волшебном, магическом. По словам А. и Б. Рисов, именно так воспринимали Британию континентальные галлы: «Иной Мир всегда расположен за текущей водой. Для кельтов Галлии это, по-видимому, была Британия». Вряд ли будет преувеличением распространить галльское воззрение на Британию, трактовать его как общеевропейское. Подтверждением тому, что подобное «расширение» правомерно, служат многочисленные попытки самых разных племен и народов утвердиться в Британии, — попытки, которые нельзя объяснить исключительно территориальной экспансией, стремлением к территориальным захватам, характерным, в терминологии Л.Н. Гумилева, для этносов в стадии пассионарного

подъема. На наш взгляд, эти попытки объяснялись, в том числе, и желанием приобщиться к чудесам острова, который рисовался этим народам в полном соответствии с замечательным описанием в поэме Гальфрида Монмутского «Жизнь Мерлина»:

Бог средь своих зыбей распростер обширные земли,
В коих люди живут, плодородье их обнаружив
По изобилию трав, которые почва рождает.
Первой из оных земель и лучшей Британию числят,
В щедрости вящей своей она все, что ни есть, производит,
Злаков растит урожай и душистый дар благодатный
Год за годом дает на потребу живущим в ней людям.
Есть в ней леса и есть дерева, что медом сочатся,
Ширь травянистых лугов и горные кручи до неба,
Реки есть, родники, и скот, и звери, и рыба,
Много древесных плодов, самоцветов, ценных металлов, —
Все, что только дает природа творящая людям.
Есть и ключи целебные в ней с кипящей водою:
Лечит недужных она, притекая в отрадные бани,
Немощь из тела изгнав, возвращает немедля здоровье...[1]

Вполне вероятно, что те же кельты видели в Британии прекрасный остров Авалон:

Остров Плодов, который еще именуют Счастливым,
Назван так, ибо все само собой там родится.
Нужды там нет, чтобы пахарь поля взрывал бороздами,
Нет земледелия там: все сама дарует природа.
Сами собою растут и обильные злаки, и гроздья,
Сами родятся плоды в лесах на раскидистых ветках,
Все в изобилье земля, как траву, сама производит.
Сто и более лет продолжается жизнь человека...

Островное положение Британии и соотнесенность через него с потусторонним миром превратили остров в «сакральный центр» ев-

---

[1] Здесь и далее цитаты из «Жизни Мерлина» приводятся в переводе С. Ошерова.

ропейского Северо-Запада[1], этакий мифопоэтический прообраз метрополии той самой империи, над которой никогда не заходит солнце.

Как и подобало сакральному центру, мифологическая Британия притянула к себе и впитала все мифопоэтические традиции ступавших на ее землю народов — и романтическую мифологию островных кельтов, и куда более «приземленную» и жестокую мифологию кельтов континентальных, и героическую мифологию германцев и скандинавов, и даже «имперскую» мифологию римлян и мистическую идеологию христианства. А впитав, породила уникальный сплав — мифологию Британских островов, в которой христианский святой, дядя Иисуса, Иосиф Аримафейский оказался первым хранителем Священного Грааля, имеющего явно кельтское «происхождение», а скандинавский бог-кузнец Велунд преобразился в покровителя путников «угодника» Вейленда (само имя которого Wayland[2] соотносилось с понятием пути); в которой рогатый бог континентальных кельтов Цернунн трансформировался в Старого Ника, то бишь дьявола, римские лары и пенаты — хранители домашнего очага — уступили место брауни и хобгоблинам, а доблестные Племена богини Дану кельтов островных скрылись в волшебных холмах-сидах и с течением лет обернулись проказливыми фейри; в которой, наконец, некий бриттский «военачальник Артур», под несомненным германо-скандинавским влиянием, превратился в образец рыцаря, идеального правителя идеального королевства и в которой удачливый разбойник, промышлявший в окрестностях Ноттингема, стал «принцем воров» Робин Гудом.

В свое время некий В. Томс, изобретатель термина «фольклор», прислал в солидный английский литературный журнал «The Atheneum» письмо, в котором делился своей мечтой — воссоздать

---

[1] Ср. в «Кельтской цивилизации» Ж. Леру и Ф. Гюйонварха: «Британия, как реально, так и символически, является островом, а всякий остров, по традиционному определению, это сакральный центр». Любопытно, что на европейском Юге, во «владениях» классической мифологии, мы находим аналог острова-центра — это знаменитая Атлантида. На Востоке же таким аналогом Британии выступает остров Буян славянских преданий, он же остров Рюген.

[2] Буквально «путь земли», или «путь по земле».

мифологию Британских островов, совершив для Британии то, что совершил для Германии Я. Гримм своей «Deutsche Mythologie»[1]. Как писал Томс, эту мифологию возможно воссоздать «лишь путем собирания бесконечного множества мелких фактов, относящихся к древним нравам, обычаям, обрядам, суевериям, балладам, пословицам и т. д., фактов, которые подобны колоскам, разбросанным по сжатому полю. Хотя многое полностью исчезло, столь же многое рассыпано в памяти тысяч и тысяч людей».

«Мечта Томса», как, несколько снисходительно, принято называть это письмо в фольклористике, оказалась трудно осуществимой — не в последнюю очередь из-за того, что на Британских островах до сих пор силен «внутренний национализм», проявляющийся даже в далеких вроде бы от политики мифологических штудиях: исследователи, как правило, сосредоточивают усилия на какой-либо составляющей британской мифологии — чаще всего, на мифологии кельтской (обыкновенно ирландской, чуть реже — валлийской) как на наиболее колоритной и наиболее «возвышенной».

Настоящая книга — попытка нарисовать, хотя бы несколькими мазками, общую картину мифологии Британских островов, этой удивительной мифопоэтической традиции, подарившей миру Оберона и Титанию, Гамлета и Мерлина, Глориану — Королеву фей, Робина Доброго Малого, Беовульфа и короля былого и грядущего...

---

[1] А для славянского мира — А. А. Афанасьев в своем капитальном исследовании «Поэтические воззрения славян на природу».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТУМАНЫ АЛЬБИОНА

Глава 1

СВЯЩЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ И СВЯЩЕННАЯ ИСТОРИЯ БРИТАНИИ

Гальфрид Монмутский о Британии. — Доисторические времена. — Мегалиты. — Стоунхендж. — Кельты. — Кельтский пантеон. — Священное письмо. — Римляне. — Победа христианства. — Темные века. — Германский пантеон. — «Беовульф». — Викинги. — Битва при Гастингсе.

«Британия, прекраснейший из островов, лежит в западном Океане, между Галлией и Ибернией, простирается на восемьсот миль в длину и на двести в ширину и с неубывающим плодородием доставляет смертным все, в чем они испытывают нужду. Обильная всякого рода металлами, она обладает широко раскинувшимися полями, а также холмами, пригодными для богатого урожаями земледелия, на которых благодаря щедро родящей почве в подобающее им время вызревают всевозможные земные плоды. Обладает она и полными самым различным зверем лесами, в которых на прогалинах и перемежающихся с ними пастбищах для домашних животных произрастают травы и цветы различной окраски и наделяют медом прилетающих

сюда пчел. Обладает она и лугами, зеленеющими в прелестных местах на склонах вздымающихся высоко в небо гор, и прозрачными родниками на них, которые сверкающими потоками струятся с легким журчанием, навевая сладостную дремоту тем, кто прилег на их берегах. Орошают остров также озера, богатые рыбою реки, и от южных его побережий, откуда отплывают корабли в Галлию, протягиваются, как три руки, три знаменитых реки, а именно: Темза, Сабрина и Хумбер, по которым из заморских стран тем же водным путем доставляют товары. Некогда украшали остров двадцать, даже двадцать восемь значительных городов, из коих иные лежат в развалинах в опустошенной местности, тогда как другие, и посейчас нерушимые, заключают в себе воздвигнутые различным святым прекрасные храмы с башнями, взнесенными на огромную высоту, и в эти храмы стекаются толпы верующих мужчин и женщин, смиренно, в согласии с христианским учением взывающих к Господу. Наконец, обитает на острове пять народов, а именно: норманны, бритты, саксы, пикты и скотты. Исконные его обитатели бритты некогда занимали земли от моря до моря, пока Бог не покарал их за надменность и им не пришлось отступить под натиском пиктов и саксов».

Так писал в своей «Истории Британии» знаменитый средневековый хронист Гальфрид Монмутский, основоположник книжной Артурианы. Гальфрид и его предшественники, в особенности Гильдас, Ненний, Вильям Мальмсберийский и Беда Достопочтенный, в своих сочинениях излагали историю Британских островов с древнейших времен, едва ли не с сотворения мира, и до дней норманнского завоевания (1066 год — год битвы при Гастингсе, в

Карта древней и средневековой Британии.

которой войско короля саксов Харальда было разгромлено армией норманнского герцога Вильгельма), причем история в толковании средневековых хронистов значительно отличается от истории в ее современном понимании: и для Беды, и для Вильяма, и для Гальфрида история была «священной историей», то есть изложением реальных событий в мифологическом и религиозном контекстах. Кстати сказать, подобный подход к истории характерен для Средних веков: любая историческая хроника того времени представляет собой священную историю того или иного народа — к примеру, Гальфрид производит население Британских островов в наследники римлян: он возводит родословную британцев к правнуку легендарного римского скитальца Энея, по Вергилию, бежавшего в свое время из-под Трои и основавшего Римское царство, а галльский хронист Григорий Турский начинает свою «Историю франков» с пересказа Ветхого и Нового Заветов, тем самым как бы встраивая судьбу народа франков в канву библейской священной истории. Более того, английские хронисты не просто излагали священную историю Британии — они в известной степени ее творили: само представление о Британии как о сакральной точке мирового пространства (ср. позднейший вариант этого представления: «империя, над которой никогда не заходит солнце») есть результат совмещения двух культурных традиций, саксонской и кельтской (валлийской), совмещения, осуществленного именно Бедой, Гальфридом, Вильямом и их последователями. Выражаясь современным языком, именно средневековые хронисты создали исторический миф, который стал основой британской национального самосознания, британской идентичности (уже с XII века

слова «Британия» и «Англия» окончательно сделались синонимами).

Этот исторический миф — краеугольный камень мифологии Британских островов, о которой и пойдет речь в данной книге.

Никто не знает, кем были первые насельники Британских островов и откуда они пришли. Считается, что предки современных людей появились на островах около 300 000 000 лет назад. Вскоре после этого — в исторической парадигме, разумеется, — началась затяжная ледниковая эпоха, изгнавшая с островов всех живых существ. Последний ледниковый период завершился около 10 000 лет назад, и к этому времени относятся древнейшие из обнаруженных при археологических раскопках в Британии свидетельства человеческой деятельности. В эту пору на острове вновь появились люди — кочевые племена, промышлявшие собирательством, охотой и рыболовством и из года в год совершавшие миграции по территории острова, миграции по одному и тому же маршруту, некогда проложенному первопредками. (Вероятно, подобное сакрализованное кочевание характерно для всех без исключения «странствующих народов»; например, австралийские аборигены увязывают маршруты своих кочевий со скитаниями предков в период *алтьира*, «времени сновидений».) На стоянки кочевники также останавливались в местах, освященных авторитетом первопредков; вдобавок эти места были отмечены своего рода естественными «метками» — деревьями, скалами, валунами, источниками. В этих деревьях и камнях, в ручьях и источниках обитали духи-покровители, от благорасположения которых

зависело благополучие племени; со временем в местах их обитания стали появляться святилища, где духам приносились жертвы и совершались возлияния. У каждого племени были собственные святилища, но кочевники уважительно относились не только к своим «кумирням», но и к святилищам других; мало-помалу эти святилища покрыли территорию Британии густой сетью. Именно так зарождалась священная география Британских островов.

Археологические раскопки в Клэктоне, графство Эссекс, и в Сванскомбе, графство Кент, открыли множество предметов, относящихся к эпохе раннего каменного века. Во время раскопок были обнаружены кремниевые инструменты, наконечники стрел, даже топоры, а также следы племенных пиршеств — кости слонов, носорогов, пещерных медведей, львов, лошадей, оленей, овцебыков и других животных. На основании этих раскопок и находок был сделан вывод, что территорию Британии человек заселил приблизительно между 10 000 и 8000 годом до нашей эры. По всей видимости, кочевники пришли на остров с материка, влекомые плодородными землями и лесами, изобилующими дичью.

В книге под забавным названием «Цивилизация: ее причины и лекарства от оной» мудрец девятнадцатого столетия по имени Эдвард Карпентер выдвинул тезис о том, что цивилизация представляет собой «болезнь, коей должны переболеть все народы, каковых объединяет в себе род человеческий, как дети непременно болеют коклюшем и корью». На сегодняшний день мы можем только гадать, что заставило кочевые племена, тысячи лет совершавшие свои ритуальные миграции по установленному традицией маршруту, сменить бродячий образ жизни на оседлый.

Переход от кочевого к оседлому образу жизни совпал по времени с зарождением сельского хозяйства; первые следы

культурной обработки земли в Британии датируются примерно 5000 годом до н. э. Это уже эпоха неолита. В местечках Скара-Брэ и Райнио на Оркнейских островах обнаружены остатки неолитических поселений, судя по которым бывшие кочевники строили дома из камня и умели вырезать из дерева домашнюю утварь; схожие данные предоставили и раскопки в местечке Карн-Бри в Корнуолле.

Сельское хозяйство изменило британский ландшафт, девственные леса уступили место возделанным полям. Раскопки неолитического поселения Уиндмиллхилл в графстве Уилтшир свидетельствуют о том, что тогдашние жители Британии держали в качестве домашнего скота овец, свиней и коз, сажали овес и ячмень, собирали лесные плоды и усердно осваивали гончарное ремесло. Своих мертвецов они хоронили в длинных курганах — высоких рукотворных холмах, насыпанных поверх деревянных гробниц. Эти курганы в изобилии встречаются в южной Англии, где прежде всего и расселились бывшие кочевники, привлеченные плодородием почвы и мягким климатом.

А вскоре к курганам прибавились те загадочные сооружения, которые сегодня принято именовать мегалитами.

Начиная приблизительно с пятого тысячелетия до Р. Х. на обширном пространстве от современных Испании и Португалии до Бретани, Ирландии, Англии, Шотландии и Скандинавии стали появляться таинственные каменные строения, сооружение которых требовало изрядного умения и немалых познаний в строительстве. Среди древнейших и наболее величественных строений такого рода — Нью-Грейндж в Ирландии, Маэс-Хоув на Оркнейских островах и Брин Келли-Дду близ Энглси. Их отличительная особенность — подземный коридор, потолок, стены и пол которого

выложены каменными плитами; этот коридор ведет в подземную пещеру, поверх которой насыпан курган и во множестве сложены камни. Археологи обычно трактуют эти строения («хенджи») как гробницы, однако не подлежит сомнению, что функции мегалитических сооружений не ограничивались лишь погребальными обрядами. В конце концов, в Вестминстерском аббатстве в Лондоне похоронены многие видные деятели Великобритании, однако никто не назовет это аббатство обыкновенным кладбищем. Многие камни мегалитов, особенно в Ирландии, украшены рисунками неясного значения. В книге М. Бреннана «Звезды и камни» доказывается, что некоторые из этих символов изображены с таким расчетом, чтобы в определенное время года на них падал луч солнца или луны. Бреннан также утверждает, что коридор, ведущий в подземелье, зачастую ориентировался таким образом, чтобы в конкретный день года луч света мог по нему проникнуть в подземную камеру. В Нью-Грейндже, к примеру, свет восходящего солнца попадает внутрь в день зимнего солнцестояния. Эти данные позволяют предположить, что мегалитические сооружения использовались не только как гробницы, но и как храмы, и как астрономические лаборатории.

По результатам радиоуглеродного анализа древнейшим из насыпных курганов ныне признается монумент в Керкадо в Бретани, возведенный около 4800 года до н. э. К тому же времени, как упоминалось выше, относятся и первые мегалиты, активное распространение которых началось в третьем—втором тысячелетиях до н. э. Разумеется, мегалиты обладают, если можно так выразиться, национальными особенностями, однако сходств у британских и, скажем, испанских мегалитов гораздо больше, чем отличий, поэтому

Резной кельтский крест.

Резной кельтский крест.

вполне логично предположить для этих сооружений общее происхождение и общее назначение.

Еще несколько лет назад считалось доказанным, что строители мегалитов двигались на север от средиземноморской «колыбели цивилизаций», шли этакими конкистадорами или миссионерами к северным пределам Европы. Но недавние исследования показали, что монументы на Атлантическом побережье Европы значительно древнее своих предполагаемых средиземноморских прототипов. Это открытие заставило вспомнить незаслуженно отвергнутые гипотезы, выдвигавшиеся в конце девятнадцатого — начале двадцатого столетий. Одну из таких гипотез выдвинул увлекавшийся мистикой антиквар Дж. Фостер Форбс, автор нескольких книг по истории Британии, среди которых и книга «Неописанное прошлое» (1938), где, в частности, говорится:

Мегалит: взгляд изнутри.

«Эти камни воздвигались с восьмого тысячелетия до нашей эры, и устанавливали их люди с Запада, а именно жрецы, пережившие катастрофу Атлантиды. Они возводили свои грандиозные сооружения, дабы установить и поддерживать порядок в обществе. Мегалиты служили одновременно лунными обсерваториями и храмами, в которых велись священные календари; вдобавок они обеспечивали плодородие земли и процветание общества, управляя магнетическими витальными потоками в земной коре».

Идея западного «происхождения» мегалитов — уже вне «атлантического контекста» — представляется на сегодняшний день вполне обоснованной, равно как и гипотеза об астрономических и календарных функциях каменных кругов. В книгах А. Торна «Мегалитические лунные обсерватории» и «Британские мегалиты» на основании многочисленных измерений и тщательного анализа доказывается, что:

«Каменные круги строились в соответствии с определенными геометрическими прототипами в русле классической пифагорейской традиции. Единицей измерения при их возведении служил так называемый мегалитический ярд — 2,72 фута. Камни внутри и вовне кругов выстраивались таким образом, чтобы зафиксировать определенную точку горизонта, в которой луна и солнце занимали “экстремальное”

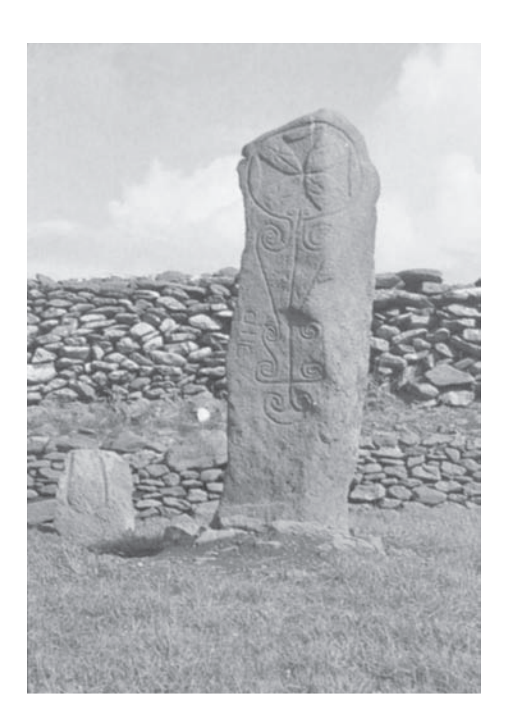
положение, например, во время солнцестояния. Тем самым можно сделать вывод, что строители мегалитов обладали весьма глубокими научными познаниями, основанными на геометрии и науке чисел, и были весьма сведущими инженерами и астрономами».

Отсюда следует, что древние обитатели Британии были отнюдь не варварами, как считалось ранее, но вполне цивилизованным — в современном смысле этого слова — обществом, которым управляли жрецы.

С начала 1970-х гг. предпринималось множество исследований британских каменных кругов. Были получены результаты, в значительной мере подтверждающие предположения Дж. Фостера Форбса. В частности, многочисленные экстрасенсы, равно как и официальная наука, изучали аномальные энергетические свойства мегалитов. Книга Т. Грейвса «Каменные иглы» представляет собой взгляд экстрасенса на проблему взаимодействия мегалитов с подземными магнетическими течениями. Использование счетчиков Гейгера и ультразвуковых детекторов позволило обнаружить аномальные пульсации энергии в пределах каменных колец. К примеру, многие исследователи отмечали, что уровни ультразвука и радиации в пределах мегалитических кругов значительно ниже, чем вовне.

Если принять как данность, что строители мегалитов возводили свои круги и иные монументы на местах, обладающих определенными физическими свойствами, — это означает, что они умели находить потоки природной энергии и использовать их на благо своего сообщества. Вполне логично предположить, что эти потоки, эти загадочные силы природы персонифицировались в духах, которым поклонялись в каменных кругах. Более того, в кочевом обществе святилища «задействовались» лишь в конкретное время года,

совпадавшее с миграцией племени. А в обществе оседлом святилища функционировали круглогодично. Этот духовный переход от кочевания к оседлости хорошо иллюстрируется мифологическими преданиями о победе над змеем или драконом. Согласно алхимическим толкованиям, змей — меркурианские земные токи, которые обеспечивают плодородие земли; победа над змеем и пригвождение его головы к земле колом или камнем — традиционный способ подчинения земного тока. Вспомним Дельфы, где в архаические времена, по мифу, обитала змея, наделенная даром пророчества; прободение ее головы жезлом Аполлона увеличило протяженность периода, в который эта змея давала предсказания. В тех же Дельфах место, представлявшее собой средоточие земных токов, было отмечено омфалом, который, между прочим, также являет собой мегалит.



Дольмен.

Деятельность строителей мегалитов вкупе с распространением оседлого образа жизни и внедрением сельского хозяйства ознаменовала радикальное изменение британского ландшафта. Впрочем, новые храмы, дороги и поселения во многом

проецировались на «сакральную географическую сетку» кочевых времен. Храмы возводились на местах неолитических святилищ, между ними, как и в незапамятные времена, пролегали тропы паломников, вдоль которых воздвигались камни-указатели и иные «метки». В итоге ландшафт получил самую настоящую сеть монументов — «леев», которые зафиксировали сакральное пространство Британии. Тропы между храмами и святилищами, кстати сказать, обладали особой святостью: они трактовались не только как дороги паломников, но и как тропы мертвых и тропы духов, на которых в известное время года можно встретить самых невероятных существ. Поэтому мегалиты, стоявшие на пересечениях таких троп, пользовались одновременно хорошей и дурной славой, как места исцеления и границы между посюсторонним и потусторонним мирами.

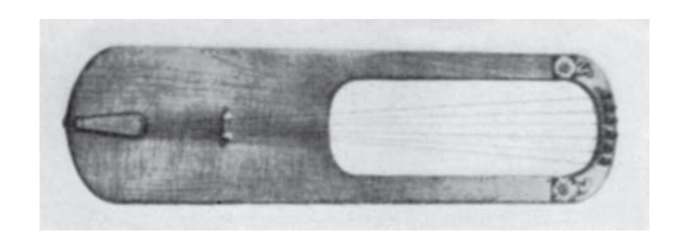
Создавая священный ландшафт эпохи мегалитов, жрецы оседлого общества заботливо сохраняли неолитический «узор»: храмы и природные святилища рассматривались ими как единый громадный храм, как олицетворение священной земли. Череда ритуалов и праздников на протяжении года была призвана умилостивить духа земли и обеспечить через его благорасположение процветание оседлых сообществ. По данным археологов, население Британии во втором тысячелетии до н. э. составляло по меньшей мере два или даже три миллиона человек — как и перед норманнским завоеванием.

Появление на островах так называемых «людей кубков» (прозвище связано с наиболее характерной для этой человеческой группы формой сосудов) ознаменовало начало

Рог для питья из Таплоу. VI—VII вв.

обработки металлов. Вполне возможно, «люди кубков» использовали свои кубки для пива — они выращивали ячмень и умели варить пиво. На островах они смешались с другой группой переселенцев, известных как «люди боевых топоров»; последние приручили лошадей, пользовались тачками на колесах и обрабатывали медь. Согласно одной из филологических гипотез, «люди боевых топоров» принадлежали к индоевропейцам и принесли на острова один из вариантов праиндоевропейского языка.

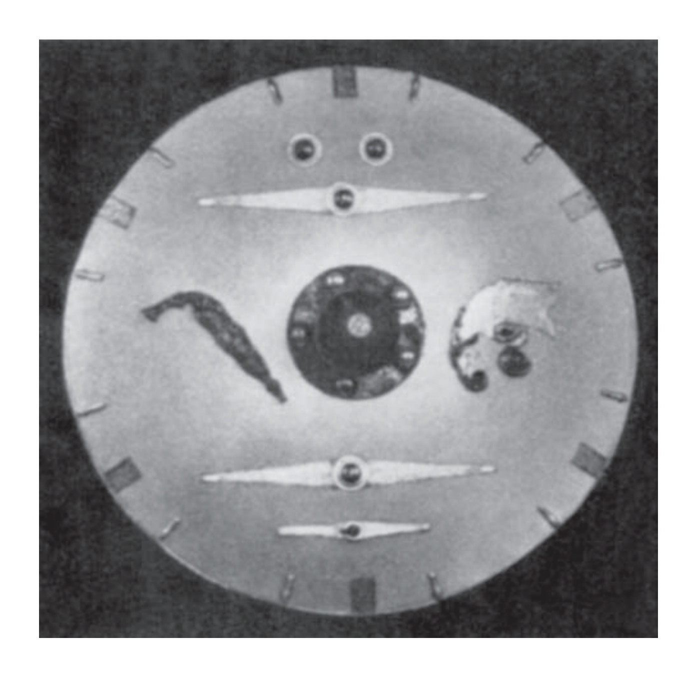
Бронзовая чаша из Саттон Ху. VI—VII вв.



Реконструкция музыкального инструмента из Саттон Ху. VI—VII вв.

В результате смешения этих двух групп возникло явление, получившее в науке наименование Уэссекской культуры. Поселений представителей этой культуры до сих пор обнаружить не удалось, весь археологический материал почерпнут из богатых гробниц, прежде всего из кургана Силбери-хилл, высотой 39 метров, как бы состоящего из вереницы земляных платформ. В разрезах видно, что этот курган сооружался в три этапа: изначально был возведен круглый курган с ядром из гравия, обложенным дерном, окруженный кольцом из столбов и сарсеновых плит; затем первичная насыпь была расширена слоем мела из кольцевого рва, потом ров заполнили и холм достиг современных размеров.

Поблизости от Силбери находится знаменитый хендж Эйвбери, одна из крупнейших ритуальных построек Европы. Монумент площадью 12 гектаров окружен рвом и внешней насыпью, в которой имеется четыре симметрично расположенных входа. Вдоль внутреннего края рва расположен ряд плит из песчаника, в центральной части находятся два кольца из камней, каждое в диаметре около 92 метров. От южного входа начинается аллея менгиров, состоящая из двух параллельных рядов камней и протянувшаяся на 2,5 километра; она заканчивается у ритуальной постройки — по всей вероятности, святилища.



Щит из Саттон Ху. VI—VII вв.

Самый же известный из британских мегалитов — безусловно, Стоунхендж. Можно лишь догадываться о том, скольких трудов стоило его возведение, о грандиозных затратах сил и средств, которых потребовало перемещение камней с Преселли-хилл в Уэльсе и возведение монументальных каменных колец.

Впрочем, по легенде, изложенной у Гальфрида Монмутского, честь постройки Стоунхенджа принадлежит магу Мерлину. По Гальфриду, король бриттов Амброзий Аврелий решил увековечить память о своих подданных, предательски убитых саксом Хенгистом, причем ему хотелось, чтобы памятник представлял собой «новое и доселе невиданное сооружение». Никто из мастеров не смог исполнить желание короля, и тогда Амброзий Аврелий обратился

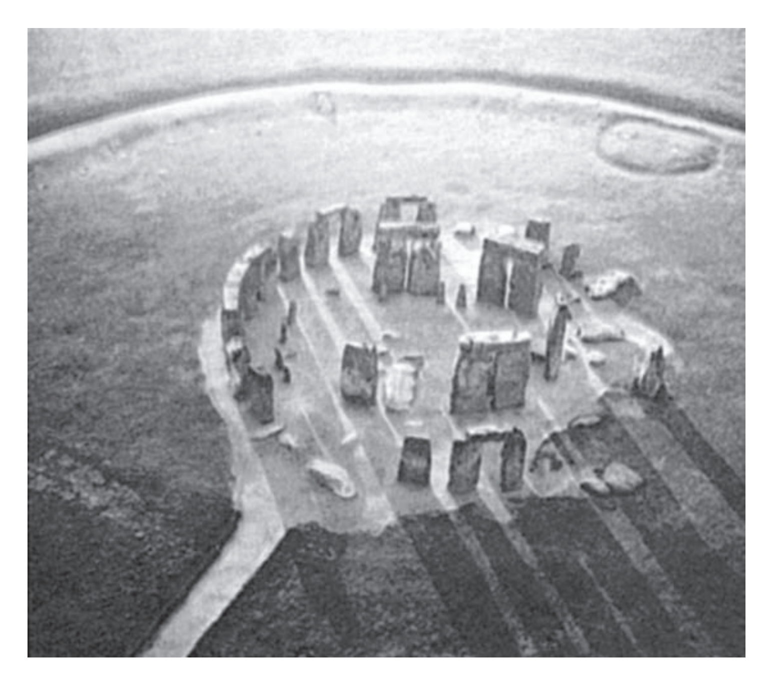
к прорицателю Мерлину. Последний предложил перенести в Британию камни из Кольца Великанов на горе Килларао в Ибернии (Ирландии): «Если ты хочешь украсить могилу убитых мужей отменно прочным сооружением, пошли к Кольцу Великанов, которое находится на горе Килларао в Ибернии. Оно выложено камнями, с которыми никто из людей нашего времени не мог бы управиться, не подчинив искусства уму. Камни огромны, и нет никого, чья сила могла бы их сдвинуть. И если расположить эти глыбы вокруг площадки, где покоятся тела убиенных, так же как это сделано там, они тут встанут навеки». Войско бриттов высадилось в Ирландии, разгромило дружину ибернийского короля Гилломаурия и захватило Кольцо Великанов. Они так и этак пытались сдвинуть с места камни, однако у них ничего не получалось. «Наблюдая за бесплодными их усилиями, Мерлин рассмеялся и измыслил свои собственные орудия. Затем, применив кое-какие необходимые приспособления, он сдвинул камни с невероятною легкостью; сдвинутые им глыбы он заставил перетащить к кораблям и на них погрузить. Ликуя, они отплыли в Британию и с попутными ветрами достигли ее, после чего привезенные камни доставляют к могилам убиенных мужей». По велению короля Мерлин установил эти камни на гробнице жертв Хенгиста «не иначе, чем они были расставлены на горе Килларао в Ибернии, и доказал тем самым, что разум сильнее мощи».

Древнейшее ядро Стоунхенджа (около 2000 г. до н. э.) имело округлую форму и диаметр около 120 метров; оно состояло из рва и внутреннего вала с проходом посередине. С внутренней стороны вала находилось кольцо из 56 ям, предназначенных для блоков голубого камня, как и 82 ямы

Виды Стоунхенджа.

в центре кольца. От прохода в валу к реке Эйвон тянутся два рва. Знаменитые дольмены Стоунхенджа составлены из сарсеновых плит весом в 50 тонн каждая; они были поставлены вертикально, так что центральное кольцо окружали пять трилитов (два столба с перекладиной). Ориентация мегалитов Стоунхенджа по оси северо-восток — юго-запад позволяет предположить, что это сооружение использовали как астрономическую обсерваторию и как храм солнечного божества.

Поскольку Уэссекская культура имела определенные контакты с культурой микенской, некоторые ученые усматривают в Стоунхендже микенское влияние. Однако аналогичные каменные сооружения за пределами Британии неизвестны.



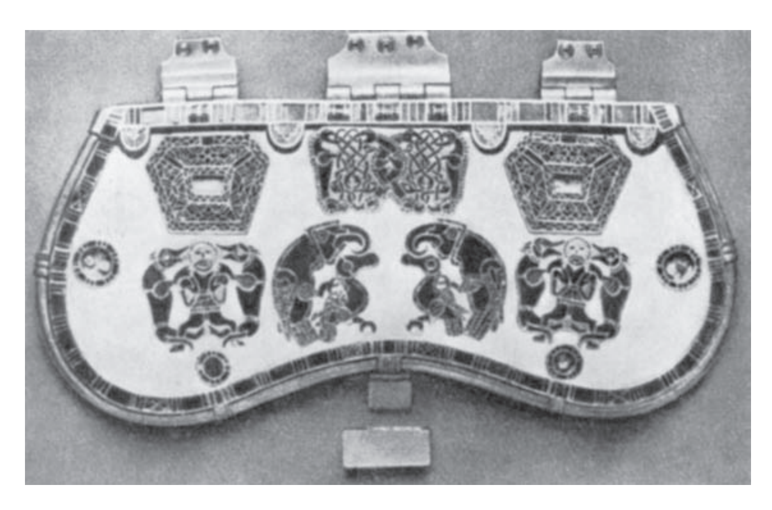
Виды Стоунхенджа.

Вид Стоунхенджа в XVII в. Рисунок Иниго Джонса.

Вопреки распространенному мнению, Стоунхендж не имеет ни малейшего отношения к кельтским друидам, которые появились в Британии на полторы тысячи лет позже возведения этого монумента.

Кельты пришли в Британию около 600 года до н. э. Вероятнее всего, вторжение кельтских племен было отнюдь не единовременным и носило протяженный характер. В графстве Йоркшир обнаружены следы так называемой «аррасской культуры» несомненно кельтского происхождения, а на юго-западе Британии встречаются многочисленные земляные форты, характерные для кельтских племен Бретани. Вторгшиеся в Британию кельты говорили на варианте пракельтского языка, от которого берут свое начало языки валлийский, корнуэльский и бретонский, равно как и гэльский язык Шотландии и Ирландии и язык острова Мэн. Вместе с языком кельты принесли в Британию свою религию — друидизм, сохранив при этом многие черты докельтского мифорелигиозного устройства страны. Календарь друидов, как и календарь мегалитического

периода, основывался на комбинации лунного и солнечного циклов. Социальная структура кельтского общества зиждилась, выражаясь современным языком, на религиозной космологии и «демократическом идеализме». Каждое племя обладало собственной территорией с фиксированными границами; тщательно проработанный земельный кодекс определял права и обязанности каждого члена племени. Часть земли обрабатывалась совместно на благо вождя, жрецов, немощных и стариков; остальная земля раздавалась в семейные наделы. Большинство вопросов решалось на ежегодном общем сборе, на котором, в частности, рассматривались притязания на владение землей и взаимные претензии и избирались вожди и «чиновники». Юлий Цезарь в своих записках о походе в Британию в 55 г. до н. э. упоминает о многочисленности кельтского населения острова, об обилии скота, пастбищ и нив.



Крышка кошелька из Саттон Ху. VI—VII вв.

Резной кельтский крест.

Друиды — жреческая каста кельтов — служили своего рода «соединительным звеном» между племенами. Они хранили традиции и знания, толковали законы, записывали историю и создавали науку. Их власть была выше власти любого вождя, им ничего не стоило остановить кровопролитную битву, вступив в ряды сражающихся. Чтобы стать друидом, требовалось посвятить не менее двух десятков лет изучению устной традиции и, разумеется, пройти инициацию — как писал М. Холл, «посвящение в друидические мис-терии».

Друидов сравнивали с мудрецами античности, пифагорейцами, индийскими брахманами и халдейскими звездочетами. Цезарь писал: «Друиды принимают деятельное участие в делах богопочитания, наблюдают за правильностью общественных жертвоприношений, истолковывают все вопросы, относящиеся к религии; к ним же поступает много молодежи для обучения наукам... Они ставят приговоры почти по всем спорным делам, общественным и частным; совершено ли преступление или убийство, идет ли тяжба о наследстве или о границах — решают те же друиды; они

же назначают награды и наказания; и если кто — будет ли это частный человек или же целый народ — не подчинится их определению, то они отлучают виновного от жертвоприношений... Они учат наизусть множество стихов... Больше всего стараются друиды укрепить убеждение в бессмертии души; душа, по их учению, переходит по смерти одного тела в другое; они думают, что эта вера устраняет страх смерти и тем возбуждает храбрость. Кроме того, они много говорят... о светилах и их движении, о величине мира и земли, о природе и о могуществе и власти бессмертных богов».

Пантеон кельтских богов — во всяком случае, в том виде, в котором он известен ныне из сохранившихся древних и средневековых текстов и надписей, — чрезвычайно многообразен. Ирландская традиция знает божественное племя Туата Де Дананн (Племена богини Дану), потомков Великой богини-матери Дану. К этому племени принадлежат верховные божества гэлов — «добрый бог» Дагда, король богов Нуаду, бог мудрости Огма, богини войны Морриган, Бадб и Маха, бог солнца Бел (галльский Беленос), бог моря Мананнан и бог «всех возможных искусств» Луг. С последним связана легенда, изложенная в сказании «Первая битва при Маг Туиред». По легенде, к Племенам богини Дану, сражавшимся с фоморами, демоническими прежденасельниками Ирландии, однажды пришел воин, назвавшийся Самилданах, то есть «человек всех возможных искусств». Еще он представился как сын Киана, сына Диан Кехта (последний — бог врачевания), и Этне, дочери Балора (Балор Одноглазый — предводитель фоморов). Привратник спросил воина, что он умеет делать, «ибо не знающий ремесла не может войти в Тару» (обитель Туата Де Дананн). Далее произошел примечательный диалог:

Э. Уолказинс. Луг и Нуаду играют в фидхелл.

«— Можешь спросить меня, — отвечал Луг, — я плотник.

— Ты нам не нужен,— молвил привратник, — есть уж у нас плотник, Лухта, сын Луахайда.

— Спроси меня, о привратник, я кузнец, — сказал Луг.

— Есть между нами кузнец, — ответил привратник, — Колум Куалленех, человек трех невиданных приемов.

— Спроси меня, я герой, — сказал Луг.

— Ты нам не нужен, — ответил привратник, — воитель могучий есть в Таре, Огма, сын Этлиу.

— Спроси меня, я играю на арфе, — снова сказал Луг.

— Ты нам не нужен, ибо есть уж среди нас арфист — Абкан, сын Бикелмоса, что был призван из сидов людьми трех богов.

— Спроси меня, — молвил Луг, — я воитель.

— Не нужен ты нам, — ответил привратник, — в Таре есть бесстрашный Бресал Эхарлам, сын Эхайда Ваетлама.

Снова Луг молвил:

— Спроси меня, я филид и сведущ в делах старины.

— Нет тебе места среди нас, — отвечал тот, — наш филид — Эн, сын Этомана.

И сказал Луг:

— Спроси меня, я чародей.

— Ты нам не нужен,— ответил привратник, — есть уж у нас чародеи, да немало друидов и магов.

И сказал Луг:

— Спроси меня, я врачеватель.

— Ты нам не нужен,— промолвил привратник, — Диан Кехт среди нас врачеватель.

— Спроси меня, — снова сказал он, — я кравчий.

— Ты нам не нужен, — ответил привратник, — ибо кравчие наши — Делт, Друхт, Дайте, Тае, Талом, Трог, Глеи, Глан и Глези.

— Спроси меня, — сказал Луг, — я искусный медик.

— Ты нам не нужен, есть среди нас уже Кредне.

И тогда снова заговорил Луг:

— Спроси короля, — сказал он, — есть ли при нем человек, что искусен во всех тех ремеслах. Если найдется такой, то покину я Тару.

Король Нуаду заинтересовался приходом Луга и предложил тому сыграть в чудесную игру *фидхелл*, и Луг несколько раз подряд обыграл Нуаду, после чего король велел пропустить юношу со словами: “Пропустите его, ибо до сей поры равный ему не приходил к этой крепости”.

Тут пропустил Луга привратник, а тот вошел в крепость и воссел на место мудреца, ибо и вправду был сведущ во всяком искусстве».

Что касается традиции валлийской, в ней присутствует Великая Мать богов Дон, бог мудрости Гвидион, боги моря Дилан и Манавидан, боги преисподней Араун и Хавган, богиня-покровительница животных и птиц Рианнон, бог царской власти Бран Благословенный и бог кузнечного ремесла Гованнон. Свод валлийских преданий «Мабиногион» упоминает и об отце Манавидана Ллире (Ллере), которого Гальфрид Монмутский делает центральным персонажем легенды, впоследствии подхваченной Шекспиром, — легенды о короле Лире и трех его дочерях.

В общий пантеон галлов (континентальных кельтов), которые переселялись в Британию через Ла-Манш, входили бог войны Езус, бог грома Таранис, бог племенного коллектива Тевтат, рогатый бог плодородия Цернунн, бог ремесла (?) Суцелл и богиня плодородия и покровительница животных Эпона. Кроме того, известны имена множества так называемых эпонимических божеств, то есть богов, от имен которых получили свое название те или иные племена: например, Аллоброкс — бог племени аллоброгов и т. п.

К сожалению, от большинства британских божеств, в том числе кельтских, не говоря уже о более ранних временах, не сохранилось никаких иных сведений, кроме имен. Тем не менее возможно все-таки провести некоторые сопоставления.

Дон, валлийская мать богов. Изображение на котле из Гундеструпа. Ок. 100 г. до н. э.

Дагда, отец богов. Изображение на котле из Гундеструпа.
Ок. 100 г. до н. э.

Как пишет С.В. Шкунаев, «ряд божеств кельтов Британии имеет явные соответствия в ирландской и валлийской мифологии: Ноденс — ирл. Нуаду, Бригантия — Бригита; божество Мапонус сопоставимо с ирландским божественным персонажем Мак Ок, сыном Дагда... Валлийский Ллеу, сын Арианрод, сходен с ирландским и галльским Лугом, персонажу ирландского божественного кузнеца Гоибниу соответствует валлийский Гованнон, ирландскому Мананнану, сыну Лера, — валлийский Манавидан сын Лира...»

Среди мифологических преданий кельтов особое место занимают мифы о божественных животных, прежде всего о быках. Вспомним знаменитый ирландский саговый цикл «Похищение быка из Куальнге», в котором описывается схватка между двумя исполинскими быками — Донном Куальнге и Финдбеннахом. В валлийских «Мабиногион» и «Триадах острова Придейн» рассказывается об охоте на чудесного кабана Турх Труйта, которую, кстати сказать, воз-

главляет легендарный король Артур. От континентальных кельтов кельты островные переняли также культ лошади и «лошадиной богини» Эпоны.

В самом аутентичном виде кельтский пантеон сохранился, безусловно, в ирландской традиции как наиболее архаичной, тогда как традиция валлийская отстоит от архаической значительно дальше и подверглась существенной «историзации»: Манавидан «Мабиногиона» — уже не божество, а многомудрый смертный Пуйл, во многом сходный с ирландским Дагдой, — также смертный, хоть и ставший властелином загробного мира Аннона, и т. д. Что же касается традиции континентальных кельтов, перенесенной на юг Британии, — она испытала на себе огромное влияние римской мифорелигиозной культуры и, как следствие, практически утратила «первоначальную» семантику.

Необходимо отметить, что кельтские мифы, как и прочие сакральные знания, в эпоху друидов существовали исключительно в устной традиции (и ирландские, и валлийские предания были записаны уже после христианизации обеих земель). Причина этого, возможно, кроется в том, что друиды передавали знания только своим ученикам, а передача из уст в уста обеспечивала сохранение тайны: ведь записанный текст становится достоянием всех, тогда как текст произнесенный предназначается конкретному слушателю. К подобному выводу пришел уже Цезарь, писавший в своих «Записках»: «Мне кажется, такой порядок у них заведен по двум причинам: друиды не желают, чтобы их учение делалось общедоступным и чтобы их воспитанники, слишком полагаясь на запись, обращали меньше внимания на укрепление памяти».

Современные ученые, в частности Ж. Дюмезиль, полагают, что устная традиция — необходимое условие бытования «индоевропейского сказового прототипа». По Дюмезилю, имеется некий исходный текст, состоящий из определенного числа стихотворных отрывков, которые заучиваются наизусть и передаются из поколения в поколение слово в слово; прозаические же фрагменты, соединяющие между собой фрагменты стихотворные, каждый сказитель волен создавать и варьировать сам, поскольку они являются «прозой в текучем состоянии».

Впрочем, отсутствие записанных литературных (в широком понимании) текстов и безусловное следование устной традиции отнюдь не означает, что кельты эпохи друидов не имели письменности. В Ирландии, Шотландии и Уэльсе обнаружено около трехсот надписей, выполненных так называемым огамическим письмом. Это письмо представляет собой насечки или горизонтальные и косые линии, прочерченные или вырезанные на камнях. Из саг также известно, что огамические надписи вырезались и на дереве и что вырезали их друиды, которые использовали эти резные палочки для своих магических ритуалов. Согласно мифу, огамическую письменность изобрел ирландский бог мудрости Огма: «Отец огама — Огма, мать огама — рука или нож Огмы».

Все обнаруженные огамические надписи суть короткие надгробные упоминания, чаще всего они содержат только имя умершего и имя его отца. Самые древние надписи датируются приблизительно IV в. до н. э., после 650 г. огамическое письмо было вытеснено ирландским пошибом латинского письма.

Буквы огамического алфавита, реконструированные Э. Рисом.

Пришедшие вослед кельтам и римлянам в Британию германцы принесли с собой руническое письмо. Первоначально руны, по всей видимости, употреблялись не столько для передачи сообщений, сколько в магических целях: согласно Тациту, германцы получали у оракулов палочки с насечками и по этим насечкам пророчествовали. Угловатость рун объясняется как раз тем, что первоначально они представляли собой насечки на дереве: вертикальные линии вырезались перпендикулярно направлению волокна, округлые и горизонтальные линии употреблять избегали. Рунический алфавит обычно называют *футарком* — по транскрипциям первых шести букв. Впоследствии романтики с их увлечением народным творчеством приписывали рунам сакральное, почти божественное значение, тем паче что некоторые руны соотносились с богами и вырезались на алтарях и могильных камнях (можно вспомнить в этой связи, что германо-скандинавские мифы приписывают добывание «рун мудрости» Одину); это восприятие рун было подхвачено национал-социализмом, адепты которого объявили руны «исконно германским наследием» (на самом деле германские руны восходят к образцам средиземноморской письменности) и придали этим графическим знакам квазимагическое значение.

В Британии, по вполне естественным причинам, «прижился» англосаксонский рунический алфавит, состоявший из 33 знаков; он находился в употреблении приблизительно до VIII в., после чего был вытеснен алфавитом латинским.

Римляне вторглись на территорию Британии в 55 г. до н. э. Их вел Юлий Цезарь, который повторил свой поход год спустя. Впрочем, эта операция была, что называется,

стохастической и представляла собой скорее экскурсию, нежели реальное вторжение с целью оккупации. Цезарь отметил несколько любопытных подробностей в облике жителей острова: «Жители внутренней части Британии большей частью не засевают полей, а питаются молоком и мясом и одеваются в шкуры. А все британцы вообще красятся вайдой, которая придает их телу голубой цвет, и от этого они в сражениях страшней других на вид. Волосы они отпускают, но все тело бреют, кроме головы и верхней губы. Жен они, человек по десять или по двенадцать, имеют общих, особенно братья с братьями и родители с сыновьями; родившиеся от таких союзов считаются детьми тех, кто взял за себя их мать девицей».

Дольмен с огамическими надписями.

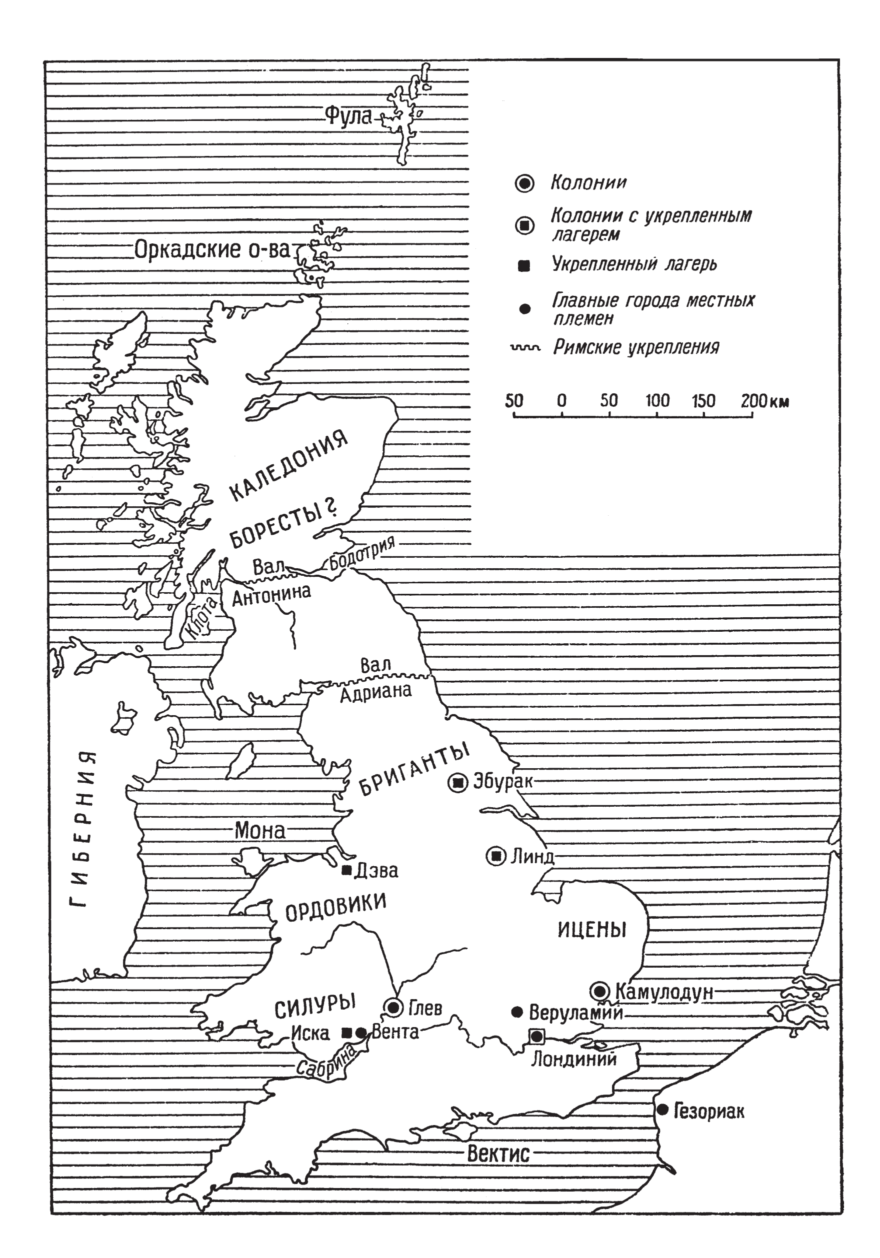
Настоящее завоевание Британии началось почти сто лет спустя, в 43 г. н. э.,

когда император Клавдий отправил к британским берегам экспедицию численностью в 40 000 человек под командованием Авла Плавтия. Через три месяца после высадки Плавтия на британском побережье император смог посетить новую провинцию империи, форпостом которой на острове служил лагерь на территории нынешнего графства Кент. Благодаря тому что кельтские племена предпочитали сражаться в одиночку, не доверяя друг другу, а также благодаря вошедшей в легенды дисциплине и воинской выучке римляне без труда одолели кельтов и в течение сорока лет покорили две трети острова. На юго-западе и юго-востоке острова, в наиболее обустроенной и подходящей по климату зоне, одно за другим стали возникать римские поместья.

Территории на севере и на западе — нынешние Шотландия и Уэльс — оставались воинственным порубежьем: римляне сами не стремились покорять эти скудные и суровые земли, а горцы-кельты время от времени тревожили врагов набегами, но массированного наступления не предпринимали — у них не было ни достаточно сил, ни вождя, способного возглавить такое наступление. Вдоль порубежья, в стратегически важных местах, стояли лагерем подразделения римской армии: всего в оккупации острова было задействовано три легиона.

Чтобы оградить завоеванную территорию от набегов горцев-скоттов и их союзников по оружию пиктов, император Адриан приказал возвести на севере острова вал, «который отделил бы Рим от варварства». Этот вал длиной семьдесят две римских мили протянулся от Тайна до Солуэя; на всем его протяжении, ровно через милю, возвышались укрепленные башни.

Для императорского Рима Британия всегда была «подбрюшьем империи». Цезарь приплыл в Британию, чтобы

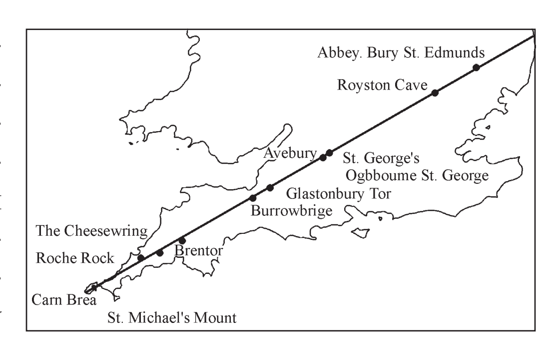


Карта Римской Британии.

покарать тех кельтов, которые помогали континентальным галлам в их борьбе против римлян. Клавдий организовал экспедицию, дабы заручиться у вечности славой; покорение одиннадцати кельтских племен острова и вправду принесло ему заслуженный триумф в Вечном городе. Веспасиан, пришедший в Британию с экспедицией Клавдия, прежде чем стать императором, командовал одним из британских легионов. Последним, кто не только успешно отражал все набеги кельтов, но и сумел раздвинуть границы римских владений на острове, был император (в ту пору легат) Агрикола: он покорил племена ордовиков и силуров, проживавших на территории современного Уэльса, а затем вторгся на северную часть острова и присоединил к империи земли вплоть до Клоты (Ферт-оф-Форт) и Бодотрии (Клайд; в 143 г. между этими поселениями был возведен так называемый Антонинов вал, длиной тридцать семь римских миль); эти земли получили название Каледонии (нынешняя южная Шотландия). В 84 г. Агрикола одержал решительную победу над правителем Каледонии Калгаком, — победу, после которой римляне, по словам Тацита, «перешли рубежи, за которые не ступали действовавшие до того войска... и стали удерживать оконечность Британии».

Впрочем, владычество Рима на севере Британии оказалось не слишком продолжительным. В 184 г., при императоре Септимии Севере, который разделил страну на две провинции — Британию Верхнюю (Западную) и Нижнюю (Восточную), римляне вынуждены были под натиском скоттов и пиктов оставить Антонинов вал и отступить к валу Адриана. А к концу четвертого столетия нашей эры опустели последние римские поселения на севере острова.

Южнее, однако, римское владычество казалось непоколебимым. Тот же Агрикола, по свидетельству Тацита, при-



Воображаемая прямая через святилища на юго-западе Британии.

ложил немало усилий, чтобы «цивилизовать» население острова: «Рассчитывая при помощи развлечений приучить к спокойному и мирному существованию людей, живущих уединенно и в дикости и по этой причине с готовностью берущихся за оружие, он частным образом и вместе с тем оказывая поддержку из государственных средств, превознося похвалами усердных и порицая мешкотных, настойчиво побуждал британцев к сооружению храмов, форумов и домов, и соревнование в стремлении отличиться заменило собой принуждение. Больше того, юношей из знатных семейств он стал обучать свободным наукам, причем природную одаренность британцев ценил больше рвения галлов, и те, кому латинский язык совсем недавно внушал откровенную неприязнь, горячо взялись за изучение латинского красноречия. За этим последовало и желание одеться по-нашему, и многие облеклись в тогу». Любопытно, что этот панегирик своему тестю Агриколе римский историк завершает мрачной по духу сентенцией: «Так мало-помалу наши пороки соблазнили британцев, и они пристрастились к портикам, термам и изысканным пиршествам. И то, что было ступенью к дальнейшему порабощению, именовалось ими, неискушенными и простодушными, образованностью и просвещенностью».

Римляне основали изрядное число городов; чаще всего города возникали на местах военных лагерей — так на карте

Британии появились Колчестер, Глостер, Линкольн, Йорк, Веруламий (Сент-Олбанс) и другие населенные пункты.

«Культуртрегерствующие» римляне принесли с собой в Британию не только римские традиции, римскую власть и римские дороги, но и римскую веру. Первоначально эта была «вера отцов» в Юпитера и домашних пенатов, затем среди легионеров распространился иранский культ Митры, а к концу четвертого века нашей эры и Юпитера, и Митру, и кельтских божеств вытеснило христианство.

По легенде, первым британским христианином был Иосиф Аримафейский, прибывший на остров вскоре после распятия Христа. По валлийскому преданию, христианскую веру распространил в Британии Бран Благословенный в первом веке н. э. Новая вера приживалась тяжело, встречала сопротивление как среди римлян, которые жестоко преследовали христиан, так и среди кельтского населения, не желавшего расставаться с богами предков. Впрочем, по словам Тертуллиана, к 200 г. на острове, вопреки усилиям римлян, уже насчитывалось около десятка христианских общин. Со временем, когда гонения утихли, когда сами римляне раскаялись в казни святого мученика Альбана, первого британского святого, — тогда, по словам Беды Достопочтенного, автора «Церковной истории народа англов», «верующие во Христа, прятавшиеся до того в лесах, пустынях и потаенных пещерах, вышли из своих убежищ. Они отстроили разрушенные до основания церкви и воздвигли базилики в память о святых мучениках. Они открывали их повсюду в знак победы, и праздновали святые дни, и возносили молитвы в чистоте сердца и голоса».

Пожалуй, не будет лишним отметить, что британское христианство значительно отличалось от христианства римского, поскольку унаследовало многое из друидической традиции (нередко священниками становились дети друидов и

даже сами друиды). Духовные пастыри кельтов пожертвовали верой предков, дабы оградить свою паству от притеснений воинственных христиан-римлян; сделать это им было относительно просто, поскольку друидическая религия разделяла некоторые догматы христианства, прежде всего догмат Троицы (в архаической ирландской традиции часты упоминания о «трех богах сидов») и представление о божестве, распятом на дереве (или на деревянном кресте). Наследие друидов проявлялось даже в манере монахов выбривать голову: кельтские монахи, подобно апостолу Иоанну, выбривали переднюю часть головы и не трогали затылок, тогда как пример апостола Петра требовал от монахов выбривать тонзуру на макушке. Пасху они отмечали по древнееврейскому лунному календарю, тогда как календарь Римской церкви определял для Пасхи иную дату; на это расхождение в днях горько сетовал Беда Достопочтенный, посвятивший его искоренению многие страницы своего труда.

В конце четвертого столетия римляне покинули Британию. Отпадение провинции началось еще в середине третьего века, когда одно за другим следовали восстания против римлян, однако до поры до времени с ними удавалось справляться, тем паче что ни одно подавление из этих восстаний не требовало от римлян таких усилий, как подавление восстания племени икенов, которое возглавляла царица Боудикка (61 г.). В 383 г. произошло событие, в корне изменившее расстановку сил не только в Британии, но и во всей империи: британские легионы провозгласили императором имперского легата Магна Максима. Новоиспеченный император объявил войну своему сопернику Грациану и переправился на континент в сопровождении большинства легионеров, оставив в Британии малочисленный гарнизон. Этот римский полководец стал героем валлийского предания «Видение Максена Вледига»; подобной чести он удостоился за то, что

перед отплытием из Британии признал за валлийскими племенными вождями право на самоуправление. Мятеж Максима вверг империю в череду кровавых междоусобиц (сам Максим был убит в 388 г. императором Феодосием), и на дальние провинции, в том числе на Британию, в Риме попросту махнули рукой. Годом 410-м датировано знаменитое письмо императора Гонория, предписывавшее римским гарнизонам самостоятельно обеспечивать себя всем необходимым и полагаться исключительно на свои силы. Несколько лет спустя римскому владычеству в Британии пришел конец: наступали Темные века и близилось нашествие саксов.

Темными веками принято называть период протяженностью в полтора столетия, от ухода из Британии римлян до прибытия на острова Блаженного Августина (597 г.). Письменные свидетельства об этом периоде немногочисленны, однако известно, что именно в это время произошло разделение острова на бриттский запад, германский восток и гэльский север, именно в это время зародились английский, шотландский и валлийский народы, именно в это время большинство населения острова обратилось в христианство.

К 410 г. Британия разделилась на три области, каждая из которых обладала самоуправлением: север (бритты и англы), запад (бритты, ирландцы и англы) и юго-восток (в основном англы). С уходом римлян остров остался беззащитным, чем не преминули воспользоваться соседи Британии: на севере возобновили свои вылазки пикты и скотты, а на юге и востоке активизировались англы, саксы и юты.

Темные века — пожалуй, наиболее мрачный период в истории Британии; сведения о нем мы черпаем в основном из сочинений Гильдаса, Беды Достопочтенного и Ненния. Из этих источников следует, что покорение Британии сак-

сами — «нашествие», в терминологии Беды, — было карой Господней, насланной на кельтов за их прегрешения перед Богом. Этот тезис выдвинул Гильдас, а Беда поддержал его своим авторитетом.

Германцы проникали в Британию небольшими отрядами, иначе говоря — разбойничьими дружинами, и постепенно укреплялись на острове и расширяли свои владения. Хроники, впрочем, утверждают, что нашествие германцев было единовременным и что возглавляли его вожди-юты Хенгист и Хорса, «изгнанники из Германии». Эти вожди вошли в историю как первые англосаксонские короли в Британии. Они появились на острове около 446 г. и были приняты вождем бриттов Вортигерном, который заручился их помощью против скоттов и пиктов в обмен на земельные владения. Согласно «Англосаксонской хронике», Хенгист в 455 г. захватил Кент и основал собственное королевство со столицей в Кентербери.

Постепенно на острове появились и другие англосаксонские королевства — Нортумбрия, Мерсия, Уэссекс, Сассекс, Эссекс, Миддсекс. Они распространили свою власть на всю территорию бывшей римской Британии; единственной сколько-нибудь серьезной попыткой сопротивления германцам было восстание бриттов под началом Кадваллона в начале седьмого столетия. Кадваллону, при поддержке правителя Мерсии, удалось победить короля Нортумбрии, однако в 633 г. саксонское правление было восстановлено.

Покорители Британии — англы, саксы и юты — принадлежали к числу германских племен; они принесли на острова своих богов, которые на время потеснили «Белого Христа».

Германский — точнее, германо-скандинавский — пантеон возглавлял Один (Вотан, Водан), покровитель воинских

дружин, бог мудрости, «верховный шаман» и покровитель инициаций; позднейшая традиция возводит к Одину происхождение германских королевских родов. Так, Саксон Грамматик говорит, что Водан был первым королем саксов; согласно эпической поэме «Беовульф», датский королевский род Скьельдунгов ведет свое происхождение от Скьельда — сына Одина; скандинавская «Сага о Вельсунгах» называет Одина основателем рода Вельсе.

В «Эддах» Одину присваивается множество имен и обличий:

Вот лик свой явил я
чадам божьим,
да явится помочь победных,
дабы все асы
вместе воссели
на скамьи Эгира
в застолье Эгира!

Я — Грим-личина
и Ганглери-странник,
Вождь — мне имя,
тож Шлемоносец,
Друг и Сутуга,
Третей и Захват,
Высокий и Слепо-Хель,

Истый, Изменный,
Истогадатель,
Радость Рати и Рознь,
тож Одноглазый,
тож Огнеглазый,

Злыдень и Разный,
Личина и Лик,
Морок и Блазнь,

Секиробородый,
Даятель Побед,
Широкополый, Смутьян,
Всебог и Навь-бог,
Всадник и Тяж-бог, —
вовек не ходил я
среди человеков,
своих не меняя имен.

Ныне у Гейрёда
я — Гримнир-личина;
я же у Эсмунда был
Мерин, впрягшийся
в сани, Кормилец;
я на тинге — Цветущий,
я же в битве — Губитель;
Ярый, Равный,
Вышний, Брадатый,
Посох и Щит для богов.

Звал меня Сёккмимир
Узд и Обузд,
я же стар-йотуна перехитрил
и победил я
один на один
славного Мидвиднир-сына[1].

[1] «Речи Гримнира», перевод В. Тихомирова.

Шаманская функция Одина ярче всего выступает в мифе о добывании этим богом священного меда и рун мудрости. По мифу, Один, пронзенный собственным копьем, девять дней провисел на мировом древе Иггдрасиль, после чего утолил жажду священным медом и получил из рук своего деда — инеистого великана Бельторна — руны мудрости.

Знаю, висел я
в ветвях на ветру
девять долгих ночей,
пронзенный копьем,
посвященный Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых.

Никто не питал,
никто не поил меня,
взирал я на землю,
поднял я руны,
стеная их поднял —
и с древа рухнул.

Девять песен узнал я
от сына Бельторна,
Бестлы отца,
меду отведал
великолепного,
что в Одрерир налит.

Один, Тор и Фрейр. Гобелен XII в.

Стал созревать я
и знанья множить,
расти, процветая;
слово от слова
слово рождало,
дело от дела
дело рождало.

Руны найдешь
и постигнешь знаки,
сильнейшие знаки,
крепчайшие знаки,
Хрофт их окрасил,
а создали боги
и Один их вырезал[1].

Другой вариант мифа гласит, что Один пожертвовал своим глазом, дабы обрести сокровенную мудрость, скрытую в источнике великана Мимира:

Знаю я, Один,
где глаз твой спрятан:
скрыт он в источнике
славном Мимира!
Каждое утро
Мимир пьет мед
с залога Владыки —
довольно ль вам этого?[2]

---

[1] «Речи Высокого», перевод А. Корсуна.
[2] «Прорицание вельвы», перевод В. Тихомирова.

Культ Одина зафиксирован практически у всех германских племен; исключение, по Тациту, составляют континентальные германцы, поклонявшиеся земнородному богу-андрогину Туисто, от которого происходит первый человек Манн; кстати сказать, «двуполость» Туисто сближает его со скандинавским Имиром, который «сам с собой» зачал и породил мироздание.

Вместе с Одином в Британию пришли громовержец Тор (Донар), богиня любви и плодородия Нертус (Фрейя), бог войны Тюр (Тивас, Тиу) и другие божества германо-скандинавского пантеона.

Впрочем, ко времени появления германцев в Британии древняя религия уже утратила свое былое величие; саксы достаточно быстро приняли христианство, чему в немалой степени способствовал приезд в Британию в 597 г. Блаженного Августина, посланца папы Григория, крестившего остров «к вящей славе Господней».

Утверждение саксов в Британии сопровождалось «освоением пространства», характерным для любого народа, обживающегося в новой для себя местности. Свидетельством этого освоения служит знаменитая эпическая поэма «Беовульф», главный герой которой — воин племени гаутов, побеждающий хтонических чудовищ (олицетворения хаоса) и тем самым устанавливающий на острове «новый мировой порядок».

Как писал в предисловии к первому русскому изданию поэмы А.И. Гуревич, фабула этого произведения достаточно проста: «Беовульф, молодой витязь из народа гаутов, узнав о бедствии, которое обрушилось на короля данов Хигелака,— о нападениях чудовища Гренделя на его дворец

Хеорот и о постепенном истреблении им в течение двенадцати лет дружинников короля, отправляется за море, чтобы уничтожить Гренделя. Победив его, он затем убивает в новом единоборстве, на этот раз в подводном жилище, другое чудовище — мать Гренделя, которая пыталась отомстить за смерть сына. Осыпанный наградами и благодарностями, возвращается Беовульф к себе на родину. Здесь он совершает новые подвиги, а впоследствии становится королем гаутов и благополучно правит страной на протяжении пятидесяти лет. По истечении этого срока Беовульф вступает в бой с драконом, который опустошает окрестности, будучи разгневан покушением на охраняемый им древний клад. Беовульфу удается победить и это чудовище, но — ценою собственной жизни. Песнь завершается сценой торжественного сожжения на погребальном костре тела героя и сооружения кургана над его прахом и завоеванным им кладом».

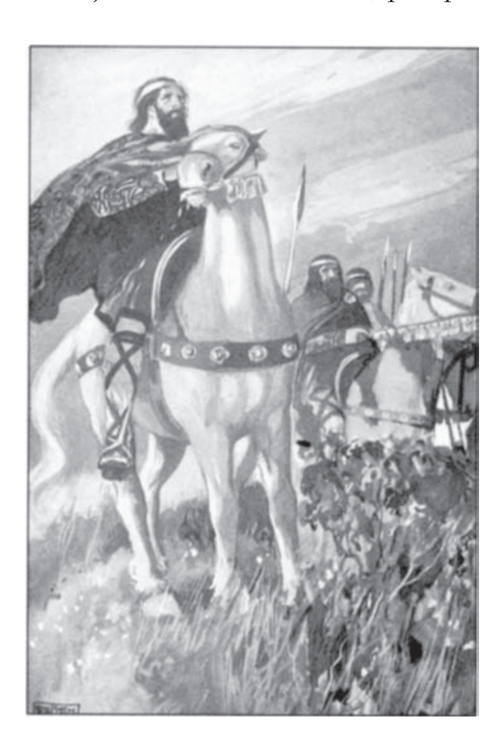
Упорядочение мироздания в поэме происходит не только через победы над хтоническими чудовищами, но и через искоренение идолопоклонства — недаром Грендель называется «потомком Каина». Вообще эта поэма — любопытный образчик смешения христианских и языческих представлений; к последним, например, принадлежит вера во всевластие судьбы, с которой вынуждены смириться даже боги, или прославляемая в поэме родовая кровная месть.

К концу восьмого столетия англосаксы стали полноправными хозяевами Британии; неподвластной им оставалась лишь северная часть острова, Каледония, где владычествовали скотты, практически полностью истребившие загадочный народ пиктов. С момента высадки на британском побережье дружинников Хенгиста и Хорсы сменилось немало

Первая страница рукописи «Беовульфа».

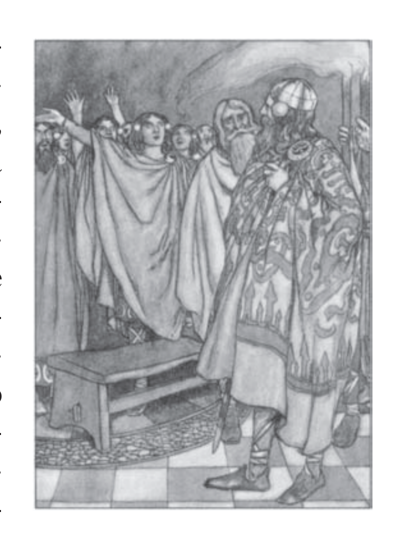
поколений, для потомков завоевателей Британия стала родиной, и именно как родину они защищали остров от набегов викингов.

Первое упоминание о викингах в «Западносаксонских анналах» датируется 789 годом, когда шайка скандинавов высадилась на берег у Дорчестера и перебила всех, кто вышел им навстречу. С тех пор набеги повторялись с печальной регулярностью; главной целью викингов служили монастыри, славившиеся своими богатствами, прежде всего монастырь в Линдисфарне, опустошенный набегом 793 г. Более того, в 851 г. викинги (даны, как говорят о них летописи) захватили Лондон, разгромили армию королевства Мерсия и разграбили Кентербери. После этой победы они, вопреки обыкновению, не повернули домой с награбленным добром, а высадились на острове Танет в русле Темзы, тем самым давая понять, что намерены обосноваться в Британии надолго. Со временем даны покорили фактически всю восточную Англию; едва ли не единственным сколько-нибудь серьезным их соперником оставалось королевство Уэссекс, где правил король Альфред — лишь



Вождь саксов. Иллюстрация С. Рейда.

он один среди всех английских монархов удостоился от потомков прозвища «Великий».



Вождь саксов.
Иллюстрация С. Рейда.

Ко времени коронации Альфреда (871 г.) северяне укрепились в Британии настолько, что разделили свое войско: одна часть осталась на севере, а другая двинулась в поход на Уэссекс. Поскольку Альфред не имел достаточно сил, чтобы отразить это наступление, ему пришлось выплатить дань. Но это был «последний знак покорности»: в 878 г. армия короля Альфреда разбила данов у Эддингтона, четыре года спустя он нанес им еще одно сокрушительное поражение, а в 896 г. освободил Лондон. По словам «Англосаксонской хроники», «все жители Британии примкнули к Альфреду и присягнули ему в верности, не считая тех, кто страдал под игом данов».

Даны поспешили заключить с Альфредом перемирие и поделить остров надвое. Впрочем, это ненадолго облегчило их участь: преемники Альфреда отвоевывали у данов город за городом и местность за местностью, а в 937 г. король Ательстан разгромил соединенное войско данов, скоттов и ирландских гэлов в битве при Брунабурге. Правда, ближе к концу тысячелетия даны, воспользовавшись внутренними неурядицами Британии, вернули себе почти все, что было у них отвоевано (королю Этельреду пришлось даже купить мир, опустошив при этом до дна королевскую

сокровищницу). В итоге в 1017 г. датский конунг Кнут (Канут английского фольклора) был провозглашен королем Британии. После смерти Кнута (1035 г.) вновь начались междоусобицы, тем паче что покойный король не успел — или не захотел — выделить долю наследства третьему из своих сыновей, бастарду Харальду. Скандинавские конунги и англосаксонские короли сменяли друг друга на британском престоле; последним в этой «венценосной веренице» был Гарольд, эрл Уэссекса, — в 1066 г. он сначала одержал победу над норвежским конунгом Харальдом Хардраде, а затем потерпел сокрушительное поражение от норманнского герцога Вильгельма, позднее получившего прозвище «Завоеватель».

Битва при Гастингсе — событие в истории Британии не менее значимое, чем введение христианства. Эта битва окончательно вырвала остров из «архаического контекста». Гастингс и последовавшее за ним воцарение норманнской королевской династии включили Британию в «общеевропейский дискурс»; священная история острова сделалась частью священной истории Европы.

Глава 2

СВЯЩЕННАЯ ИСТОРИЯ БРИТАНСКИХ ОСТРОВОВ: ХРОНОЛОГИЯ

ОБЩАЯ ХРОНОЛОГИЯ

До нашей эры

Ок. 10 000. Первые следы человека в Британии

Ок. 5000. Начало неолита. Земледелие, каменные топоры, посуда.

Ок. 4000. Постройка «тропы Свита» (по имени археолога Р. Свита, обнаружившего эту древнюю дорогу). Первые поселения.

Ок. 3500–3000. Начало возведения каменного кольца Каслриг (Камбрия). Строительство мегалита Брин-Келли-Дду в Энглси.

Ок. 2500. Начало бронзового века. Появление хенджей. Постройки на Силбюри-Хилл. Появление «народа кубков».

Ок. 2300. Начало строительства мегалита в Эйвбери.

Ок. 2000. Изготовление предметов из металла. Начало строительства Стоунхенджа.

Ок. 1200–1000. Выделение из племени класса воинов. Зарождение Урнфильдской культуры, или «протокельтов».

Ок. 1100. Прибытие в Британию Брута (по Гальфриду Монмутскому).

Ок. 500. Распространение кельтов по территории Британии. Установление религии друидов.

Ок. 150. Начало чеканки металлических монет, контакты с континентальными племенами.

55. Первый поход Юлия Цезаря в Британию.

54. Второй поход Цезаря в Британию. Бритты под началом Кассибеллауна сопротивляются римлянам. Предательство племени триновантов обеспечивает римлянам победу над Кассибеллауном.

54—43 н.э. Укрепление римского владычества в Британии.

Наша эра

5. Рим признает Кимбелина, вождя катувеллаунов, правителем Британии.

43. Римляне под началом Авла Плавтия высаживаются в Ричборо (Кент). Вождь Каратак организовывает сопротивление, которое завершается в 51 г. с гибелью Каратака.

61. Восстание племени икенов под началом их царицы Боудикки. Легат Светоний Павлин подавляет это восстание.

63. Иосиф Аримафейский приплывает в Британию, чтобы окрестить остров.

122. Возведение Адрианова вала.

184. Луций Арторий Каст, легат римского легиона в Британии, ведет своих солдат в Галлию на подавление восстания местных племен. Первое упоминание имени Арторий-Артур в истории.

209. Распят святой Альбан, первый христианский мученик в Британии.

383. Магн Максим (Максен Вледиг «Мабиногиона») провозглашен британскими легионерами императором. Переправившись через Ла-Манш, Максим покоряет Галлию, Италию и Испанию.

388. Максим завладевает Римом. В июле 388 г. он попадает в плен к императору Феодосию и его казнят. Многие солдаты Максима остаются в Малой Британии, иначе Арморике, — то есть в Бретани.

396. Римский наместник в Галлии Стилихон восстанавливает систему обороны Британии. Начинается передача власти от римских центурионов военачальникам бриттов.

397. Стилихон переправляется в Британию и отражает набег пиктов.

409. Как сказано в средневековой хронике, «в пятнадцатый год правления Гонория и Аркадия, по причине беспомощности Римского государства, бриттам пришлось сделать нелегкий выбор». Осаждаемые «северными варварами», отчаявшись добиться помощи от Рима, бритты берут управление войсками в свои руки. Некоторое время спустя по декрету императора Гонория Британия получает независимость от Рима. В тот же год готы Алариха грабят Вечный город.

425. К власти в Британии обманом приходит узурпатор Вортигерн.

428. Вортигерн принимает к себе в дружину нескольких германцев (Ненний). Это первое появление германских наемников на острове.

437. Амброзий Аврелиан возглавляет сторонников Рима (по легенде, он приплывает с войском из Бретани). Родич

Вортигерна Виталин дает Амброзию сражение, известное как «битва при Уоллопе». Амброзий побеждает и завладевает «всеми землями на западе Британии».

Ок. 441. В галльских хрониках упоминается, что «Британия, оставленная римлянами, перешла под власть саксов».

Ок. 446. Вортигерн узаконивает приглашение наемников-германцев для защиты северных территорий острова от набегов гэлов и пиктов. Саксы получают надел земли в Линкольншире.

447. В Британию приплывает святой Герман. Он обвиняет Вортигерна в кровосмешении. Битва при Эйлсфорде, в которой сыновья Вортигерна побеждают саксов Хенгиста.

Ок. 450. Хенгист вновь приплывает в Британию «на трех челнах» и находит радушный прием у Вортигерна. В латинских хрониках это событие называется «Adventus Saxonum» — нашествие саксов.

Ок. 452. Саксы укрепляются в Британии. Вортигерн берет в жены дочь Хенгиста и отдает во владение тестю Кент. Сын Хенгиста Окта высаживается на севере острова, чтобы отражать набеги пиктов. Больше упоминаний о пиктах в истории не встречается.

Ок. 456. Святой Патрик отправляется крестить Ирландию. Гальфрид сообщает о массовой резне бриттских вождей, устроенной саксами во время переговоров.

Ок. 458—460. Бритты уплывают в Бретань, спасаясь от саксов.

Ок. 460—470. Амброзий Аврелиан становится правителем Британии и начинает войну с саксами.

Ок. 465. Предполагаемый год рождения короля Артура.

Ок. 469. Римский император Антемий просит у бриттов военной помощи протии визиготов. Хронисты Сидоний

Аполлинарий и Иордан утверждают, что бритты послали императору 12 000 воинов во главе с вождем Риотамом. Бриттское войско разбито и рассеяно визиготами.

Ок. 485–496. Двенадцать легендарных битв короля Артура (по Неннию).

Ок. 487. Рождение святого Давида, покровителя Уэльса.

Ок. 493. Святой Патрик умирает в Гластонбери.

Ок. 495. Вмешательство Артура позволяет избежать войны между двумя валлийскими княжествами, которым угрожает набег германцев.

Ок. 496. Битва при Маунт-Бадон. Бритты под началом «военачальника Артура» побеждают саксов.

537. Битва при Камлане (согласно «Анналам Камбрии»). Сражение между Артуром и Мордредом. Смерть (или загадочное исчезновение) Артура.

Ок. 540. Вероятная дата написания «Истории о разорении Британии» Гильдаса.

597. Святой Августин, посланец папы Григория, привозит в Британию христианство. Он обращает в христианство короля Кента Адальберта и основывает монастырь в Кентербери. В том же году умирает король Уэссекса Кеол — фольклорный «король Коул».

Ок. 600. Валлийский бард Анейрин скадывает поэму «И Гододдин», в которой описывает сражение при Катеррике и упоминает «военачальника Артура»: стаи воронов слетаются туда, где прошелся по рядом врагов Артуров меч.

602. Святой Августин встречается с валлийскими епископами и упрекает их в несоблюдении догматов Римской церкви, прежде всего догмата Пасхи.

604. Вторая встреча Августина и валлийских епископов. Валлийцы отказываются признать главенство Рима — не в

последнюю очередь из-за высокомерного поведения Августина.

664. Прения святого Коллена и аббата Уилфрреда на так называемом «синоде в Уитби». Святой Коллен ратует за «кельтский вариант» христианства, но терпит поражение в споре и в знак протеста отказывается от сана епископа Линдисфарнского.

731. Беда Достопочтенный заканчивает «Церковную историю народа англов».

793. Знаменитый набег викингов на монастырь Линдисфарн. Начало «северной экспансии».

866. «Великая языческая армия» викингов вторгается в Нортумбрию и захватывает Йорк.

991. Битва при Мэлдоне. Викинги-даны громят войско короля Эссекса. Этельред Второй откупается от данов 10 000 фунтами серебра (знаменитое «датское золото», «дань данов» — Danegeld).

1066. Король Гарольд побеждает вторгшегося в Британию норвежского конунга Харальда Хардраду, но терпит поражение в битве при Гастингсе от норманнского герцога Вильгельма, который впоследствии станет королем Британии под именем Уильяма I Завоевателя. История бриттов завершается.

Хронология артуровских легенд

63. Иосиф Аримафейский приплывает в Британию, чтобы окрестить остров. Легенда гласит, что он привозит с собой Святой Грааль.

184. Луций Арторий Каст, легат римского легиона в Британии, ведет своих солдат в Галлию на подавление восста-

ния местных племен. Первое упоминание имени Арторий-Артур в истории.

383. Магн Максим (Максен Бледиг «Мабиногиона») провозглашен британскими легионерами императором. Переправившись через Ла-Манш, Максим покоряет Галлию, Италию и Испанию.

388. Максим завладевает Римом. В июле 388 г. он попадает в плен к императору Феодосию и его казнят. Многие солдаты Максима остаются в Малой Британии, иначе Арморике, — то есть в Бретани.

396. Римский наместник в Галлии Стилихон восстанавливает систему обороны Британии. Начинается передача власти от римских центурионов военачальникам бриттов.

397. Стилихон переправляется в Британию и отражает набег пиктов.

409. Как сказано в средневековой хронике, «в пятнадцатый год правления Гонория и Аркадия, по причине беспомощности Римского государства, бриттам пришлось сделать нелегкий выбор». Осаждаемые «северными варварами», отчаявшись добиться помощи от Рима, бритты берут управление войсками в свои руки. Некоторое время спустя по декрету императора Гонория Британия получает независимость от Рима. В тот же год готы Алариха грабят Вечный город.

Ок. 438. Предполагаемая дата рождения Амброзия Авреллиана, отпрыска римско-бриттского рода.

Ок. 441. В галльских хрониках упоминается, что «Британия, оставленная римлянами, перешла под власть саксов».

Ок. 445. К власти в Британии обманом приходит узурпатор Вортигерн.

446. Вортигерн узаконивает приглашение наемников-германцев для защиты северных территорий острова от набегов гэлов и пиктов.

Ок. 456. Гальфрид Монмутский сообщает о массовой резне бриттских вождей, устроенной саксами во время переговоров.

Ок. 457. Смерть Вортигерна. Победа сыновей Вортигерна в союзе с Амброзием над саксами Хенгиста.

Ок. 460—470. Амброзий Аврелиан становится правителем Британии и начинает войну с саксами.

Ок. 465. Предполагаемый год рождения короля Артура.

Ок. 469. Римский император Антемий просит у бриттов военной помощи протии визиготов. Хронисты Сидоний Аполлинарий и Иордан утверждают, что бритты послали императору 12 000 воинов во главе с вождем Риотамом. Бриттское войско разбито и рассеяно визиготами.

Ок. 485—496. Двенадцать легендарных битв короля Артура (по Неннию).

Ок. 496. Битва при Маунт-Бадон. Бритты под началом «военачальника Артура» побеждают саксов.

Ок. 501. Упоминание Артура в валлийской поэме о битве при Ллонгборте, в которой погиб вождь бриттов Думнонии Герейнт.

537. Битва при Камланне (согласно «Анналам Камбрии»). Сражение между Артуром и Мордредом.

542. Смерть (или загадочное исчезновение) Артура (по Гальфриду).

Ок. 600. Валлийский бард Анейрин скадывает поэму «И Гододдин», в которой описывает сражение при Катеррике и упоминает «военачальника Артура»: стаи воронов слетаются туда, где прошелся по рядом врагов Артуров меч.

Ок. 600—700. Складываются валлийские «Триады».

Ок. 830. Ненний сочиняет свою «Историю бриттов».

Ок. 970. Составление «Анналов Камбрии».

Ок. 1019. Первое появление бретонского жития святого Гоэзновия, в предисловии к которому упоминается Артур, «король бриттов».

1125. Уильям Мальмсберийский завершает свои «Деяния английских королей», где весьма отрицательно отзывается об Артуре: «...выдумка... долго преследовавшая измученную страну и ввергшая добропорядочных людей в раздоры, способные обернуться кровопролитием».

1136. Увидела свет знаменитая «История бриттов» Гальфрида Монмутского.

1139. В одном из писем Генрих Хантингдонский упоминает, что бретонцы не верят в смерть Артура и ждут возвращения короля.

1155. Роберт Вас сочиняет «Роман о Бруте» — стихотворное переложение «Истории бриттов» Гальфрида.

Ок. 1160—1190. Кретьен де Труа пишет свою «пятерицу» — пять рыцарских романов «из жизни короля Артура и его двора»: «Эрек и Энида», «Клижес», «Рыцарь телеги, или Ланселот», «Ивейн» и «Персеваль».

У Кретьена мы встречаем первое упоминание о Граале; впрочем, французский поэт называет Граалем особого вида блюдо, а никак не чашу Тайной Вечери, в которую затем собрали кровь распятого Христа. Тут можно вспомнить хрониста XIII в. Гелинанда, который упоминал о «глубоком и обширном блюде, на кое много мяса кладется... и зовется то блюдо градалем [gradal]». Для Кретьена Грааль был символом красоты и тайны, но религиозного смысла в этот образ французский поэт не вкладывал.

Ок. 1170. Французский поэт Беруль пишет «Роман о Тристане», одну из наиболее ранних литературных версий легенды о Тристане и Изольде.

1184. Пожар в Гластонбери уничтожает Старую Церковь Иосифа Аримафейского.

1190. Обнаружение погребения Артура на монастырском кладбище в Гластонбери.

Ок. 1190. Первое произведение об Артуре на английском языке — выполненный поэтом Лайамоном перевод «Романа о Бруте» Васа.

Ок. 1198. Уильям Ньюбургский сочиняет «Историю английских королей», в которой пытается поместить Артура в исторический контекст, но не находит для этого достаточных оснований и заключает, что Артур и Мерлин — вымысел.

Ок. 1200. К этому году обретает законченный вид валлийское предание «Видение Ронабви», входящее в «Мабиногион». В этом предании великолепие двора Артура сопоставляется с нищетой и разорением, царящими в Уэльсе. Ср.: «И они подошли к броду и увидели самого Артура, восседающего на острове посреди реки, и по одну его руку сидел епископ Бедвин, а по другую — Гвартегид, сын Кау. Перед ними же стоял высокий юноша с каштановыми волосами, с мечом в руке, одетый в кафтан из черного шелка. И лицо его было белым, как слоновая кость, а брови — черными, как сажа. Между рукавами его и перчатками были видны запястья, белые, как лилии, и крепкие, как лодыжка самого сильного воина... И тут они услышали, как кличут Эйринвиха, сына Пейбиау, слугу Артура, а он был рыжим и безобразным, с рыжими усами и волосами, жесткими, как щетина. Он подошел к громадному рыжему коню, грива которого свисала с обеих сторон шеи, и снял с него большой узел.

И рыжий юноша, стоящий подле Артура, развязал этот узел и достал из него золотую цепь и шелковый ковер, и расстелил ковер у ног Артура, и на каждом его конце оказалось по золотому яблоку. И он поставил на ковер кресло, такое большое, что в него могли усесться трое воинов в латах. Ковер этот назывался Гвен, и одним из его свойств было то, что человек, ставший на него, делался невидим, сам же мог видеть всех».

Ок. 1200—1210. Вольфрам фон Эшенбах заканчивает своего «Парцифаля».

Ок. 1210. Робер де Борон, автор «Иосифа Аримафейского» и «Истории Санграаля», вводит в обиход представление о Святом Граале. По де Борону, Грааль был именно чашей, в которую собрали кровь распятого Христа, и эту чашу Иосиф Аримафейский доставил в Британию.

Ок. 1210—1230. Сложилась так называемая «Вульгата», французская версия артуровских легенд, излагающая историю Святого Грааля и повествующая о поисках таинственной чаши. В цикл входят романы «История Святого Грааля», «История Мерлина», «Ланселот Озерный», «Поиски Святого Грааля» и «Смерть Артура».

1278. Король Англии Эдуард I приезжает в Гластонбери, чтобы возглавить церемонию перезахоронения останков Артура. На гробницу черного мрамора ставят погребальный крест. Эдуард всячески подчеркивает, что в государственных делах он выступает как преемник и продолжатель Артура.

Ок. 1350. Джон Син, монах монастыря Гластонбери, заканчивает «Хронику древностей Гластонберийской церкви». Он упоминает о пророчестве валлийского барда Мелкина, согласно которому в Гластонбери находятся и могила Иосифа Аримафейского, и сам Грааль.

Ок. 1450. Генри Лавлих переводит на английский «Историю Святого Грааля».

1465. Джон Хардинг заканчивает свою «Хронику», в которой объединяет легенду о Граале с легендами Гластонбери. По Хардингу, Иосифу Аримафейскому принадлежит честь «изобретения» Круглого стола. Иосиф, полагает Хардинг, появился в Британии в 76 г. н. э., после того как сорок два года провел в заключении; именно он обратил бриттов в христианство.

1469—1470. Сэр Томас Мэлори, находясь в тюрьме, пишет «Историю короля Артура и его рыцарей Круглого стола».

1485. Уильям Кэкстон печатает сочинение Мэлори, называя его «Смерть Артура».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КОРОЛЬ БЫЛОГО И ГРЯДУЩЕГО И ПРИНЦ ВОРОВ: ОТ АРТУРА ДО РОБИН ГУДА

Глава 3

MATTER OF BRITAIN

Легенда о короле Артуре уникальна — точнее, уникален весь свод легенд, который принято называть Артурианой. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что в мире не найти другой такой легенды. В Средние века она вдохновляла хронистов и поэтов по всей Европе; к ней обращаются и поныне, а в жанре фэнтези вообще образовался этакий «артуровский поджанр», ярчайшими образцами которого являются романы М. Стюарт, М.З. Брэдли и Т.Х. Уайта. В Британии, где эта легенда зародилась, насчитывается более полутора сотен мест, связанных с королем Артуром. В британской народном сознании, по меткому выражению современного журналиста, известнее Артура, может быть, только дьявол.

Учитывая непреходящую популярность этой легенды, вполне естественно задаться вопросом: а существовал ли Артур на самом деле? Однозначного ответа на этот вопрос нет и, вполне вероятно, быть не может. «Да» подразумевает реальность легендарного средневекового монарха и его великолепного двора. Увы, это не так. Такого короля и такого двора в Британии не было. «Нет», в свою очередь, подразумевает, что образ Артура — чистейшей воды вымысел, не имеющий ни малейшей связи с действительностью.

По счастью, это тоже неверно. В конце концов, если легенда сложилась и существует по сей день, значит, она на что-то опирается, и объяснить возникновение этой легенды, напрочь отрицая некий «прототип» ее главного героя, абсолютно невозможно. Некоторые исследователи, кстати сказать, пытались это проделать, но никто из них не смог выдвинуть сколько-нибудь удовлетворительной теории.

Поскольку на вопрос «А был ли Артур?» нельзя дать однозначного ответа, разумнее от него уйти и сосредоточиться на предмете, реальность которого не подвергается сомнению, — а именно на самой легенде. Каково ее происхождение, какие события лежат в ее основе? Сумев установить корни легенды, мы, быть может, обнаружим и тот самый «прототип» ее героя.

В своем классическом виде артуровская легенда датируется рубежом двенадцатого и тринадцатого столетий. Именно в это время начинает складываться повествование и появляются основные персонажи Артурианы: сам король, его прекрасная и неверная супруга, чародей Мерлин, магический клинок Эскалибур, рыцари Круглого стола, поглощенные служением высочайшим идеалам, загадочный Святой Грааль... Именно в это время записываются предания о трагической любви Ланселота и Гвиневры, Тристана и Изольды, о смертельной ране Артура, преданного собственным племянником, об отплытии короля на остров Авалон, где он обретает бессмертие... Иными словами, перед нами не историческая хроника, а «полновесный» рыцарский роман, в котором король Артур — идеализированный средневековый монарх, а его Британия представляет собой рыцарскую Утопию, столь непохожую на Британию настоящую.

Однако это отсутствие аутентичности отнюдь не означает отсутствия в легенде хотя бы толики реальности. Сред-

невековые писатели сильно отличались от писателей современных. Они не слишком заботились об аутентичности. Современный писатель, обращаясь в своем произведении к «делам давно минувших дней», старается изобразить времена и нравы как можно правдоподобнее, достовернее, воссоздает мысли и привычки давно умерших людей, их манеру разговаривать, кушать, одеваться... А средневековые авторы исповедовали принципиально иной подход к истории. Описывая события давнего прошлого, они «осовременивали» реальность, подгоняли ее под интересы читателей. Для тех, кто первым записал артуровские легенды, этот король принадлежал к седой древности: их с Артуром разделяло не меньше пяти столетий. Поэтому, чтобы «завлечь публику», они наделили образ короля множеством черт, которые нельзя назвать иначе как анахронизмами, — того требовала традиция.

Романы об Артуре и его дворе выстроены по одной и той же схеме, предложенной весьма талантливым сочинителем по имени Гальфрид Монмутский. Именно он первым сложил «официальную биографию» Артура. В нашем очерке мы будем во многом опираться на Гальфрида — а не на, скажем, писавшего значительно позднее Томаса Мэлори.

О самом Гальфриде известно крайне мало. В своих сочинения он упоминает о себе всего четыре раза, и упоминания эти — обычные для средневековья обращения к меценатам или своеобразные «подписи» автора в конце сочинения либо его раздела. Из прозвища Гальфрида можно предположить, что он родился в Монмуте (юго-восточный Уэльс) — или что он был монахом одного из валлийских монастырей. Если принять первое предположение, то оно означает, что Гальфрид был уроженцем валлийского

княжества Гвент, которое «прославилось мужественным противостоянием англосаксонскому завоеванию: здесь был рубеж продвижения германцев на Запад» (А.Д. Михайлов). Впрочем, некоторые исследователи называют Гальфрида не валлийцем, а бриттом, тем паче что в своих сочинениях он восхвалял как раз доблесть и отвагу бриттов. Валлийская «Хроника княжества Гвент» (XVI в.) сообщает ряд подробностей о жизни Гальфрида: его отцом был капеллан графа Фландрского, а образование Гальфрид получил в доме епископа Ллândафского. Эти подробности не слишком достоверны, зато точно известно, что в 1129 г. Гальфрид находился в Оксфорде и числился в монастырских документах «магистром». Первым произведением Гальфрида, по всей вероятности, были «Пророчества Мерлина», затем вошедшие в «Историю бриттов» (конец 1130-х гг.); еще перу клирика из Монмута принадлежит стихотворная «Жизнь Мерлина».

Написанная на латыни «История бриттов» (или «История бриттских правителей») охватывает временной промежуток почти в две тысячи лет. Начинается она от падения Трои и бегства Энея из разрушенного города; по Гальфриду, именно потомки троянцев высадились на острове, который они назвали сначала Альбионом (Альбанией — такое название зафиксировано в античных источниках), а затем Британией — по имени своего вождя Брута, внучатого правнука Энея. Гальфрид приводит пророчество, которое Брут получил в храме Дианы и которое и привело его в Британию:

Там, где солнца закат, о Брут, за царствами галлов,
Средь Океана лежит остров, водой окружен.
Остров тот средь зыбей гигантами был обитаем,
Пуст он ныне и ждет, чтоб заселили его

Люди твои; поспеши — и незыблемой станет твердыней,
Трою вторую в нем дети твои обретут.
Здесь от потомков твоих народятся цари, и подвластен
Будет этим царям круг весь земной и морской[1].

Брут стал первым правителем Британии, ему наследовали многие другие, в их числе шекспировский Лир, и эта «наследная вереница» не прервалась даже с приходом римлян, которые, как утверждает Гальфрид, дали Британии автономию.

Со временем Британия отпала от Римской империи — и с этого момента, в общем-то, и начинается артуровская легенда. Бриттский престол, изгнав сразу двух законных наследников, узурпировал вельможа Вортигерн. Поскольку ему изрядно досаждали пикты, непрестанно тревожившие бриттов своими набегами, Вортигерн призвал на подмогу саксов — дружину некоего Хенгиста. Вслед за Хенгистом в Британию явились и его соплеменники, так что скоро саксы заполонили остров и из союзников превратились во врагов. Вортигерн бежал в Уэльс, где повстречал Мерлина, который в своих пророчествах посулил беглому правителю приход того, кто избавит Британию от чужеземцев. Некоторое время спустя законные наследники престола вернулись из изгнания, Вортигерн был убит, а саксы слегка присмирели.

Правителем острова на короткий срок стал старший из братьев-наследников — Аврелий Амброзий. Ему наследовал младший брат Утер (Утер Пендрагон). На пиршестве в Лондоне Утера внезапно охватила страсть к Игерне (Ингерне),

[1] Перевод А. Бобовича.

Утер Пендрагон,
отец Артура.
Средневековый рисунок.

супруге герцога Корнуоллского Горлуа (Горлоя). Когда Горлуа увез жену, Утер счел себя оскорбленным и повел армию в Корнуолл, дабы отомстить за оскорбление. Горлуа укрыл Игерну в крепости Тинтагель, расположенной на море, в которую можно было попасть только по узкому скалистому гребню, — и выступил навстречу королю. Однако Утер победил Горлуа без боя: Мерлин напоил короля волшебным зельем, которое наделило Утера абсолютным внешним сходством с Горлуа. В облике своего противника Утер проник в Тинтагель и овладел Игерной, которая приняла его за своего супруга, неожиданно возвратившегося домой. Так был зачат Артур. А обманутый Горлуа тем временем был убит на поле брани, так что Утер не замедлил сделать Игерну своей королевой.

Через несколько лет Утера отравил некий сакс, и королем провозгласили юного Артура. Мальчик вскоре выказал недюжинный талант правителя и полководца; он лично возглавил несколько военных походов против саксов, усмирил пиктов и скоттов и обзавелся чудесным мечом Калибурном, выкованным на острове Авалон. Женой Артура стала Гвиневра «из знатного римского рода». После свадьбы Артур покорил Ирландию и Исландию (последнее не должно удивлять — в те годы Исландия была необитаемой), а затем последовали двенадцать лет мира и процветания Британии. Король учредил рыцарский орден, куда вошли достойнейшие из воинов, стекавшихся к его двору из всех земель.

Наскучив покоем, Артур решил покончить с владычеством римлян над Галлией. Он привлек на свою сторону множество галлов, переправился через Ла-Манш и захватил значительную часть Галлии. Приблизительно с этого момента в повествовании начинают возникать столь хорошо знакомые имена — Гавейн, Бедивер, Кэй и другие. Несколько лет спустя ко двору Артура в валлийском Каэрлеоне явились послы из Рима; они потребовали, чтобы король вернул Риму «неправедно захваченные» территории и возобновил выплату дани, как было в обычае у его предшественников. Рассудив, что лучшая защита — это нападение, Артур вновь повел войско в Галлию, а в Британии вместо себя оставил своего племянника Модреда и Гвиневру. Модред, воспользовавшись отсутсием Артура, провозгласил себя королем саксов и соблазнил Гвиневру; весть об этом заставила Артура, дошедшего до Бургундии, спешно вернуться. В битве при реке Кэмел в Корнуолле он победил и убил своего обидчика, но и сам был серьезно ранен, и его «переправили для лечения на остров Авалон». Корону он передал Константину, «своему родичу и сыну наместника Корнубии» (т. е. Корнуолла).

О смерти Артура в тексте Гальфрида не упоминается. По всей видимости, Гальфрид знал, что народ верит в бессмертие Артура, и не решился противоречить устной традиции.

Что касается датировки перечисленных выше событий, главная «привязка» в тексте — упоминание о том, что в Европе все еще владычествуют римляне. Поскольку Западная Римская империя лишилась последнего императора в 476 г., экспедиции Артура на континент должны были состояться раньше этого времени. Вдобавок в тексте встречаются ссылки на императора Льва, который правил

Восточной Римской империей с 457 по 474 г. Однако в том же тексте мы находим и дату отречения Артура от престола — дату, которая противоречит всем приведенным выше расчетам: «Случилось же это в пятьсот сорок втором году от воплощения Господа». Быть может, впрочем, здесь закралась ошибка — то ли автора, то ли переписчика. Пренебрегая последней датой, мы получаем следующую картину: правление Артура в Британии пришлось на 450-е и 460-е годы нашей эры.

Откуда Гальфрид почерпнул все эти сведения? Были ли у него предшественники, опирался ли он на устную традицию? Или придумал все сам, что называется, «из головы»?

Гальфрид не был хронистом в узком смысле этого слова. Он не протоколировал историю — достаточно вспомнить, что он рассказывает о Юлии Цезаре, чтобы понять: реальные события для него — лишь «сырье» для фантазии. Так, Гальфрид рассказывает, что Цезарь совершил три похода в Британию (а не два — в 55 и 54 г. до н. э.), был дважды разгромлен бриттами и сумел обосноваться на острове, только захватив обманом в плен вождя бриттов Кассибеллана: «О, поразительный в ту пору был народ Британии, дважды изгнавший из пределов своих покорителя всего круга земного! Перед кем не мог устоять целый мир, перед тем неколебимо стояли даже бежавшие от него, готовые принять смерть за родину и свободу. И вот что им в похвалу, повествуя о Цезаре, сочинил Лукан:

В страхе он тыл показал британцам, к которым стремился»[1].

[1] «Фарсалия», перевод Л. Остроумова.

Гальфрид фактически основал традицию, квинтэссенцией которой служит творчество Александра Дюма-отца («Для писателя история — гвоздь в стене, на который он вешает свою картину»). Он не записывал, а творил, опираясь на сведения, которые считал подходящими. Поэтому можно предположить, что Артура он не выдумал, но измыслил — на основе бытовавших в его время преданий.

В чем Гальфриду не откажешь, так это в адекватности общей картины эпохи. Безусловно, история Британии послеримского периода задокументирована весьма скудно, однако археологические данные позволяют сделать определенные выводы.

Римляне владели большей частью острова на протяжении трехсот лет. Под их владычеством находились британские кельты, предки валлийцев, корнуолльцев и бретонцев (английская нация в ту пору еще не сложилась). Местная аристократия пользовалась всеми благами римской цивилизации и со временем приняла христианство. С ослаблением Рима под натиском варваров римское влияние на острове стало уменьшаться, «разнеженные» римлянами бритты оказались вынужденными отбиваться от набегов ирландцев, пиктов и саксов.

Около 410 г. политические неурядицы в империи привели к отпадению Британии. Император своим указом повелел бриттам жить самостоятельно.

Римская администрация еще какое-то время продолжала трудиться, но постепенно ей на смену приходили местные племенные вожди, один из которых, очевидно, довольно быстро приобрел власть над большей частью территории острова. Это Вортигерн, которого Гальфрид изображает коварным узурпатором. Вортигерн, преследуя собственные политические цели, призвал на остров шайку

северных варваров, наделил их землей и кровом в обмен на помощь в борьбе с набегами гэлов и пиктов. И в самом деле, как мы помним, некоторые саксы, англы и юты пришли в Британию, чтобы помочь бриттам справиться с пиктами, — хотя, конечно, далеко не все они действовали из столь благородных побуждений, и Гальфрид изрядно идеализирует германцев в образе Хенгиста. Около 440 г. укрепившиеся саксы объединились с пиктами, которых им надлежало сдерживать, и начали грабить остров. Ограбления и разбой растянулись на добрых два десятилетия и вынудили многих бриттов бежать за Ла-Манш, в Галлию, где они основали Малую Британию — нынешнюю Бретань.

Наконец разбойники утихомирились и отступили на земли, которые им когда-то выделили по договору, а бритты — бритты не собирались прощать нарушение клятв. Они решили отомстить саксам. Во главе их войска встал вождь Амброзий Аврелиан, судя про имени — британец с римскими корнями. Ожесточенные стычки продолжались несколько десятилетий, пока бритты в 490-х гг. не одержали сокрушительную победу над саксами у горы Маунт-Бадон на юге острова. Впрочем, постепенно саксы все-таки покорили весь остров и сделали его Англией — «землей англов»; потомки же бриттов осели в Уэльсе и в других местностях, свято храня память об утраченной свободе.

Об этом периоде мы знаем в основном из сочинения монаха Гильдаса (ок. 530 г.), который был церковником, но никак не историком. Он безбожно перевирал факты, но именно у него мы находим сообщения о разбое саксов, о восстании бриттов и о победе у горы Маунт-Бадон. Единственное имя, которое он упоминает, рассказывая о столкновениях бриттов и саксов, — это имя Амброзия.

Гальфрид в соответствующих главах своего сочинения трактует эти события так, как удобно ему. Он знает о Вортигерне, знает об Амброзии Аврелиане — последнего он «превращает» в короля Аврелия Амброзия. Логично предположить, что Гальфрид знал и об Артуре — не о короле Артуре из интересующих нас легенд, а о некоем бритте, отличившемся в войне с саксами.

В предисловии к «Истории бриттов» Гальфрид говорит, что много размышлял об истории королей Британии и «подивился тому, что, помимо упоминания об их правлении в давние времена, которое содержится в обстоятельных трудах Гильдаса и Беды, я не нашел ничего о королях, живших до воплощения Иисуса Христа, ничего об Артуре и многих других после воплощения Христова, хотя свершенные ими деяния достойны славы вовеки и многие народы их помнят и о них повествуют, как если бы они были тщательно и подробно описаны». А далее он упоминает некую загадочную книгу «на языке бриттов», которую ему предложил его покровитель Вальтер, архидиакон Оксфордский; в этой книге «без каких-либо пробелов и по порядку, в прекрасном изложении рассказывалось о правлении всех наших властителей начиная с Брута, первого короля бриттов, и кончая Кадвалладром, сыном Кадваллона». С большой долей вероятности можно заключить, что упомянутая книга — вымысел Гальфрида, выдуманная, дабы осенить авторитетом древности собственные слова. Но в то же время, как уже говорилось, нельзя утверждать, что Гальфрид выдумал Артура «с ног до головы» — у него под рукой наверняка был источник, на который он по мере необходимости опирался.

Имя «Артур» — валлийская форма латинского «Арторий»; это имя в британском контексте, подобно имени Амброзия, означает, что человек, его носивший, принадлежал

к потомкам римских поселенцев. Такое имя, если оперировать филологическими понятиями, не мог носить ни кельтский бог, ни фольклорный «воин без страха и упрека»; у того и у другого были бы имена на кельтский манер. (По одной из гипотез имя «Артур» происходит от кельтского *artos* — «медведь».) Имя «Арторий» встречается в римских надписях неоднократно; известно, что легат Луций Арторий Каст в 184 г. со своим легионом переправился в Британию, чтобы подавить восстание местных жителей. Вряд ли Артур Гальфрида восходит к *этому* Арторию — уж чересчур далеко они отстоят друг от друга по времени; однако в шестом веке имя «Арторий» внезапно становится весьма популярным в Британии, его упоминают даже шотландские надписи. Такое впечатление, будто весь остров заслушивался сагой, главным героем которой был «славный бритт» Арторий...

Валлийское происхождение Гальфрида, упоминание о старинной книге на языке бриттов, сильная бриттская традиция в Уэльсе, послужившем бриттам убежищем от саксов, — все это означает, что следы Артура ведут в Уэльс.

Валлийские предшественники Гальфрида — барды, рассказчики, клирики — создали значительный пласт литературы, насколько применимо это понятие к устной традиции. В некоторых произведениях встречается и образ Артура: этого доблестного воина восхваляют за отвагу в бою, а одна из бардических песней упоминает о тайне, окутывающей смерть Артура. Другие песни наделяют Артура пышной свитой, точнее, дружиной, которая защищает валлийские земли, истребляя воинственных чужаков и монстров. К сожалению, все эти песни до нашего времени не сохранились, об их содержании мы узнаем лишь из так назы-

ваемых «Валлийских триад». В «Триадах» Артур упоминается довольно часто: так, правление Артура относится, по «Триадам», к одному из трех героических правлений острова Британия, на протяжении которых правители «побеждали врагов и не уступали ни измене, ни лжи»; еще его называют «одним из трех запятнанных кровью», ибо «когда он уходил на брань, то никого из своих не оставлял под мирным кровом» и т.д. Впрочем, в «Триадах» не содержится сведений, на основании которых можно было бы сочинить повествование, подобное повествованию Гальфрида. Исключение составляют разве что те, в которых говорится о вражде Артура с Медраудом (Мордредом) и о роковой битве при Камланне. Записанный в начале XIV в. текст гласит: «Ведомы и три великих предателя острова Придейн. Первый Мандубратий ап Ллудд ап Бели, каковой призвал на остров Юлия Цезаря с его римлянами и тем положил начало римскому нашествию... Второй Вортигерн, убийца Константина Благословенного, беззаконно присвоивший себе венец правителя и призвавший на остров саксов Хенгиста... Третий Медрауд ап Ллью ап Кинварх, коему Артур вверил управление островом Придейн, отправляясь на брань с императором Рима, и коий обманом и обольщением завладел короной Артура и, желая сохранить оную, заключил союз с саксами, и через него кимвры утратили корону Ллогрии и независимость острова Придейн». Битву же Артура с Медраудом «Триады» относят к «трем недостойнейшим битвам острова Придейн»: «Третья битва при Камлане, между Артуром и Медраудом, в коей был сражен Артур и с ним сто тысяч вождей кимвров. В итоге этих трех сражений саксы забрали у кимвров землю Ллогрию, ибо не осталось в ней воинов, способных ее защитить».

Из тех источников, на которые, как мы рискнули предположить, опирался Гальфрид, до нас полностью дошло только повествование о Килухе и Олвен, согласно которому Артур был вождем бриттов и держал двор, к которому съезжались знатнейшие и благороднейшие валлийцы. Среди приближенных этого Артура, кстати сказать, упоминаются и персонажи кельтской мифологии — например, Гвинн ап Нудд, правитель валлийского загробного мира Аннона. По саге, миры посюсторонний и потусторонний существуют в параллельных плоскостях бытия, однако иногда соприкасаются, и в этих «точках соприкосновения» обитают духи и фейри. Сюжет саги — сватовство Килуха к Олвен, дочери великана Исбаддадена; одно из условий, которое ставит великан Килуху, — добыть гребень и ножницы, спрятанные между глаз чудесного вепря-оборотня Турх Труйта: только эти гребень и ножницы смогут справиться с жесткими волосами Исбаддадена. Килух обращается за помощью к Артуру, и король со своей свитой принимает участие в охоте на «Великого кабана». Вполне вероятно, из этого повествования Гальфрид почерпнул идею блестящего двора Артура.

Наконец, Артур упоминается в нескольких житиях валлийских святых. В этих произведениях его именуют то королем Британии, то вождем, а то и тираном. Более того, он изображается грешником, которого чудеса, совершаемые святыми, заставляют покаяться в грехах.

Вряд ли будет преувеличением сказать, что из устной и книжно-церковной валлийской традиции Гальфрид «позаимствовал» в первую очередь имена персонажей своего повествования — Мерлина (Мирддина), Гвиневры, Кэя, Мордреда и других. Что касается сюжета артуровской легенды, его происхождение по-прежнему остается для нас

Король Артур сражается с великаном. Из рукописи конца XII в.

загадочным — до тех пор пока мы не обратимся к двум текстам, о которых преднамеренно не упоминали раньше. Первый — это анонимные «Анналы Камбрии», созданные в конце X столетия. В них Артур упоминается дважды. Под 516 г. сообщается: «Битва при Бадоне, во время которой Артур носил на своих плечах крест Господа нашего Иисуса Христа три дня и три ночи, и бритты были победителями», а под 537 г. говорится: «Битва при Камлане, во время которой Артур и Медрауд убили друг друга, и мор наступил в Британии и Ирландии». Второй текст — это «История бриттов» монаха Ненния, писавшего на рубеже VIII—IX вв. По Неннию, Артур — военный вождь, совершивший немало подвигов, главный из которых — победа при Маунт-Бадоне. Родословную Артура Ненний возводит к Бруту. Это обстоятельство, равно как и во множестве

встречающиеся у Гальфрида прямые и косвенные цитаты из Нenния, заставляют предположить, что «История бриттов» последнего и была той «стариннейшей валлийской книгой», которую архидиакон Оксфордский Вальтер однажды передал Гальфриду[1].

Гальфрид во многом видоизменил и «исправил» тексты Ненния и «Анналов Камбрии». Так, он ввел в историю о Вортигерне юного Мерлина, сделал Медрауда-Мордреда племянником Артура, развернул мимолетное упоминание о битве при Камлане в трагическое повествование. Эти и другие «баснословия» были характернейшей особенностью творчества Гальфрида-сочинителя, вдохновенного писателя, а не беспристрастного хрониста.

В тексте Гальфрида имеется любопытная подробность, которой опять-таки нет в валлийской устной традиции, да и у Ненния она тоже отсутствует. Почти половину повествования об Артуре у Гальфрида занимает «отчет» о деяниях короля на континенте. Если допустить, что этот «отчет» ни в малейшей степени не соответствует действительности, придется признать, что Гальфрид выдумал его от начала и до конца. Однако подобный подход вовсе не в духе Гальфрида; следовательно, рассказывая о подвигах Артура на континенте, Гальфрид опирался на некий источник — вероятнее всего, именно континентальный, поскольку в собственно британских анналах ни о каких походах Артура в Галлию не говорится.

---

[1] К слову, Неннию следовали и современные Гальфриду английские писатели, с большим, чем он, правом претендующие на то, чтобы их считали хронистами. Речь об Уильяме Мальмсберийском и Генрихе Хантингдонском. Первый называет Артура отважным воином из дружины короля Амброзия, а второй говорит, что Артур был «вождем воинов и королей британских».

Более того, в своем «отчете» Гальфрид дает хронологическую привязку — галльский поход Артура, по его словам, приходится на время правления Льва, императора Восточной Римской империи с 457 по 474 г.: «Была тогда Галлия владением Рима, состоявшим под началом трибуна Флоллона, который правил ею от имени императора Льва». Вдобавок разбросанные по тексту намеки позволяют предположить, что решающая кампания этого похода приходится на 469—470 гг.

Из средневековых исторических хроник известно, что в 467 г. император Лев назначил некоего Антемия своим соправителем на западе. Ему надлежало навести порядок в провинции, разоренной варварскими набегами. По хроникам, Антемий заключил союз с «королем бриттов», который привел в Галлию 12 000 своих воинов. Раньше считалось, что под бриттами подразумевались бретонцы, но сегодня это мнение опровергнуто. Войско действительно прибыло в Галлию из-за Ла-Манша.

После непродолжительной задержки к северу от течения Луары, вызванной необходимостью усмирить саксов, тревоживших набегами британских поселенцев, войско выступило в центральную Галлию, против надвигавшихся из Испании визиготов. Императорский наместник Арвандий оказался предателем: он склонял визиготов напасть на бриттов с тем, чтобы после победы поделить Галлию между визиготами и бургундами. Предательство Арвандия было раскрыто, однако визиготы, выполняя договоренность, устремились к Буржу, где разбил свой лагерь «король бриттов». Последовала кровавая битва, и бритты вынуждены были отступить в глубь бургундской территории. Больше ни о них, ни об их короле ничего не известно.

В этом предании мы находим основные моменты артуровской легенды: король отправляется в поход, его «заместитель» вступает переговоры с врагами и замышляет измену; последнее, что известно о короле и его войске, — что они двинулись в направлении реально существующего французского города Аваллон (Авайон). Как правило, название чудесного острова Авалон производят от кельтского *afal* «яблоко», однако вполне возможно, что Авалон артуровских легенд «происходит» от упомянутого выше французского города.

В нескольких сообщениях хронистов этот «король бриттов» называется по имени — Риотам (Riothamus). С известной долей уверенности можно предположить, что Гальфрид, сочиняя «отчет» о деяниях Артура на континенте, опирался на факты, относящиеся к действиям Риотама. Конечно, он оставался верен себе — безудержно фантазировал, «перекраивал» реальные события, измышлял победы бриттского оружия. Тем не менее в Риотаме вполне можно усмотреть прообраз Артура: он жил и действовал именно в интересующее нас время, его подвиги, что называется, задокументированы (сохранилось даже письмо к нему), наконец он и вправду совершал деяния поистине «артуровского масштаба».

Естественно, предположение об идентичности Риотама и Артура кажется несколько натянутым. Однако оно подтверждается свидетельствами других средневековых авторов, писавших до Гальфрида или не пользовавшихся его трудом при сочинении своих повествований. Так, некий бретонец, автор жития местного святого, в предисловии к этому житию рассказывает о событиях пятого века в Бретани и упоминает «Артура, короля бриттов», причем деяния этого Артура практически полностью соответствуют деяниям Риотама. В еще одной хронике находим интересную подроб-

ность: правителя-изменника эта хроника называет Морвандием — что вполне может быть истолковано как контаминация имен «Мордред» и «Арвандий».

Остается решить вопрос о несходстве имен: ведь имя «Риотам» никоим образом, по всем филологическим законам, не могло трансформироваться в валлийское «Артур». Вероятно, Риотам в действительности носил два имени (как было в обычае у части бриттов — вспомним хотя бы Аврелия Амброзия), и вторым его именем было «Артур» или, скорее «Арторий». Одно имя сохранилось в истории, а второе перешло в легенду. Существует и более «экзотическая» версия, возводящая имя «Риотам» к бриттскому слову «Ригοтамос» (Rigothamos), «верховный правитель». В таком случае «Риотам» — уже не имя, а прозвище или титул: «Арторий Риотам» или «Риотам Арторий». Впрочем, не исключен и обратный вариант, когда «Риотам» — имя, а «Арторий» — прозвище. Вспомним легата Луция Артория Каста, переправившегося через Ла-Манш во главе легиона; может статься, какой-нибудь поэт, желая польстить своему правителю, поименовал его в стихах «вторым Арторием».

О Риотаме до того, как он очутился в Галлии, не известно ровным счетом ничего. Тем не менее он был достаточно важной персоной, раз римский император обратился к нему за помощью. «Король бриттов», пожалуй, явное преувеличение, однако он наверняка был вождем какого-либо бриттского племени — или союза племен, поскольку смог по просьбе императора собрать многочисленное войско и переправить его через пролив. По всей видимости, он правил областью на западе острова, то есть на территории легендарного Артура, и, по всей видимости, был вовлечен в крупнейший «артуровский» проект, о котором поведала нам археология, — в перестройку замка Кэдбери, предполагаемого

Камелота. И все двенадцать битв Артура, о которых рассказывается у Ненния, вполне укладываются в приблизительные годы жизни Риотама[1].

Но вернемся с континента на «остров Придейн», как валлийские «Триады» именовали Британию.

Гальфрид писал свою «Историю» в период, когда в Британии установилось правление норманнов. Молодая династия Плантагенетов, укоренившаяся как на острове, так и на материке (Нормандия и Бретань), весьма одобрительно от-

[1] «В те дни сражался с ними (саксами. — *К. К.*) военачальник Артур совместно с королями бриттов. Он же был главою войска. Первая битва произошла в устье реки, которая называется Глейн. Вторая, третья и четвертая, равно как и пятая — у другой реки, носящей название Дубглас и находящейся в области Линнуис. Шестая — у реки, именуемой Бассас. Седьмая битва произошла в Целидонском лесу, иначе Кат Койт Целидон. Восьмая битва состоялась у стен замка Гвиннион, и в ней Артур носил на своих плечах изображение святой непорочной Девы Марии; в этот день язычники были обращены в бегство и по изволению Господа нашего Иисуса и святой Девы Марии, его родительницы, великое множество их здесь было истреблено. Девятая битва разразилась в Городе Легиона. Десятую битву Артур провел на берегу реки, что зовется Трибруит. Одиннадцатая была на горе, которая называется Агнед. Двенадцатая произошла на горе Бадона; в ней от руки Артура пало в один день девятьсот шестьдесят вражеских воинов, и поразил их не кто иной, как единолично Артур. Во всех упомянутых битвах он одержал верх. А саксы, так как во всех этих битвах были повержены, запрашивая из Германии помощь, непрерывно возрастали в числе и призывали к себе королей из Германии, дабы те царствовали над ними в Британии, и так продолжалось вплоть до того времени, в которое царствовал Ида, сын Эоббы: он стал первым королем Земли Беорники». (Ненний. «История бриттов». Перевод А. Бобовича.)

неслась к труду Гальфрида. «Для представителей этой династии, и прежде всего для короля Генриха II (чьей женой была знаменитая Алиенора Аквитанская, страстная поклонница куртуазной лирики трубадуров и покровительница литературы), артуровские легенды обладали большой притягательной силой. Ведь они рассказывали о досаксонских правителях Британии, якобы генетически связанных с родом римских императоров. Поэтому-то Генрих проявлял повышенный интерес к личности короля Артура, дал это имя одному из своих внуков... и способствовал появлению стихотворного романа-хроники Васа “Брут” (1155)» (А.Д. Михайлов). В своем романе Вас пересказал в стихах «Историю» Гальфрида, значительно изменив образ короля Артура. Васовский Артур приобрел черты убеленного сединами старца, мудрого правителя и образца благородства и рыцарственности; кроме того, в романе Васа появился Круглый стол («заимствованный» из бретонского фольклора), за которым собирались наиболее прославленные рыцари.

Образ Артура продолжал бытовать и в народной традиции. Некий норманнский священник, в 1113 г. посетивший Уэльс, сообщал, что местные жители показывали ему места, связанные с этим королем, и уверяли, что Артур по-прежнему жив. В Бретани утверждали, что король находится на зачарованном острове — Авалоне Гальфрида — или спит в глубокой пещере, но в урочный час пробудится и вернется к своим подданным. Благодаря бретонским певцам легенды об Артуре распространялись по Европе; в частности, мы находим изображения персонажей артуровского эпоса на вратах собора в итальянской Модене.

С конца XII столетия легенды об Артуре прочно вошли в средневековую литературу. Прежде всего необходимо

Э. Берн-Джонс. Артур и рыцари Круглого стола призваны на поиски незнакомкой.

упомянуть знаменитого французского поэта Кретьена де Труа; впрочем, Кретьен писал не столько об Артуре, сколько о рыцарях короля — Эреке, Ивейне, Ланселоте, Гавейне и Персевале. Радениями Кретьена и его продолжателей все большую значимость в своде артуровских легенд стал обретать образ Мерлина. У британских авторов Мерлин играл вспомогательную роль — он лишь предрекал рождение Артура и содействовал зачатию младенца; у авторов же норманнских Мерлин превратился в могущественного чародея, этакого магического гаранта королевской власти. Гальфрид помещал столицу и двор Артура в Каэрлеоне, а норманнские авторы перенесли артуровский двор в мифический Камелот. Именно в сочинениях норманнов легенда приобрела столь знакомые нам черты: появились эпизоды с извлечением меча из камня как подтверждением права на престол, с падением Мерлина, побежденного любовью к чародейке, с подвигами Гавейна (хотя знаменитый стихотворный рыцарский роман «Сэр Гавейн и Зеленый рыцарь» сложился позднее) и, наконец, с поисками Святого Грааля.

На протяжении Средних веков романы о короле Артуре и рыцарях Круглого стола становились все популярнее среди аристократии. Британские лорды и леди устраивали «артуровские пиры», на которых «примеряли» на себя роли персонажей этих романов. Со временем Артур стал национальным героем Англии, причем его изначальный статус врага англосаксов был напрочь забыт. Эдуард I Плантагенет, по свидетельствам современников, устроил пять приемов «в духе рыцарей Круглого стола»; более того, свои притязания на Шотландию он обосновывал тем, что когда-то Шотландия входила в состав королевства Артура. А Эдуард III всерьез помышлял о возрождении рыцарского ордена, якобы учрежденного Артуром (но в конце концов вместо возрождения старого ордена учредил новый — знаменитый орден Подвязки).

Что касается эволюции персонажей этих романов, то с введением в артуровские легенды Граальского цикла двор Артура отодвинулся на задний план, а идейным центром свода легенд стал именно Грааль. Постепенно начало правления Артура стало связываться уже не с мифологизированными событиями Темных веков британской истории, а с перенесением на острова священных реликвий христианства (частицы креста распятия, той же чаши Грааля и т.д.). «Подвиги основных персонажей артуровских сказаний приобрели иное содержание: на смену бездумным поискам приключений пришли осмысленные богоугодные деяния, ведущие к моральному совершенствованию рыцаря и к установлению справедливости и гармонии в мире... Роль короля Артура претерпела дальнейшую редукцию: этот персонаж совершенно утратил былую активность, превратившись даже не в верховного судью в делах доблести и чести, а в некоего бесстрастного наблюдателя, в праздности и

лени проводящего свои дни в Камелоте и других замках. Артур лишается "истории": у его королевства нет ни начала, ни конца, оно как бы существует вечно. Нет у него и четких географических границ: это уже не королевство Британия, а какая-то всемирная империя, без конца и без края» (А.Д. Михайлов).

В годы Войны Роз (1455—1458 гг.) английский аристократ сэр Томас Мэлори на основе наиболее известных обработок и пересказов артуровских легенд составил собственное повествование, которое назвал «Книгой о короле Артуре и об его доблестных рыцарях Круглого стола». Во многом это повествование представляет собой парафраз сочинений предшественников, однако Мэлори не просто пересказывал — он менял, исправлял, добавлял; в частности, именно он создал цельный образ королевы Гвиневры и ее трагической любви к Ланселоту. Подобно тому как сочинение Гальфрида подвело итог развитию легенды об Артуре на кельтской почве, творческая компиляция Мэлори завершила собой норманнский этап эволюции этой легенды. В 1485 г. У. Кэкстон опубликовал текст Мэлори под названием «Смерть Артура»; с течением лет эта книга стала канонической — своего рода «Библией Артура», на нее опирались и продолжают опираться позднейшие сочинители артуровских романов и поэм — например, Альфред Теннисон, Олджернон Ч. Суинберн, Уильям Моррис, Чарльз Уильямс или Теренс Х. Уйат.

В 1936 г. английский историк Р.Дж. Коллингвуд, опираясь на приводимое у Нenния описание двенадцати битв Артура, высказал предположение, что Артур был командиром кавалерийского отряда, наподобие римской алы, и что этот отряд нападал на небольшие группы саксов, бродившие по

территории острова. Этого же предположения придерживались Чарльз Уильямс и Клайв С. Льюис, в соавторстве написавший «Артуровский фрагмент». В общем и целом к этому предположению, хотя и с оговорками, склонялись и другие современные исследователи — до тех пор пока в 80-х годах XX столетия не был «открыт» Риотам...

Археологи также предпринимали попытки совместить описания средневековых хроник и романов с фактическим ландшафтом. В основном раскопки велись в трех местах — в Тинтагеле, где был зачат и рожден Артур; в аббатстве Гластонбери, связанном с историей Грааля; и в Кэдбери, где предполагалось найти развалины Камелота. Во всех трех случаях раскопки показали, что в этих местах действительно существовали бриттские поселения. Более того, хотя никаких следов Артура и его королевства найти не удалось, выяснилось, что эти места пользовались почитанием бриттов и, следовательно, могут в известной мере служить хронологическими «точками фиксации» артуровской Британии.

Кстати сказать, само представление об артуровской Британии (англ. Matter of Britain; первым это выражение употребил французский поэт XII в. Жан Бодель, упоминавший о «безыскусных и милых британских песнях»), подобно образу Артура, вышло с течением лет за пределы «обыденной географии». Карта Артурова королевства не знает, к примеру, ни Оксфорда, ни Бирмингема, ни Глазго, зато на ней присутствуют такие названия, как Зеннор, Эйберрфроу, Драмелциер и др. К реальному ландшафту эти легенды «привязаны» лишь в нескольких узловых точках — Тинтагеле или Гластонбери, с древнейших времен окутанных завесой тайны; да еще встречаются по стране различные «пещеры Артура» и «камни Артура», происхождение названий которых теряется в глуби веков.

Э. Берн-Джонс. Король Артур на Авалложе.

По мере развития артуровского эпоса , по мере складывания и развития в нем «куртуазной» традиции (Кретьен, Вольфрам, Мэлори) происходило «вымывание» из свода артуровских легенд тех деталей, которые связывали его с кельтской мифологией. Более того, мир Артура сам приобретал мифологические черты. Камелот, Круглый стол, братство рыцарей, Грааль уже на исходе средневековья стали новыми мифологемами. В этом символико-мифологическом качестве они бытуют и по сей день, а образ Артура стал своего рода духовным символом Британии — идеальный правитель, рыцарь без страха и упрека, благородный сюзерен, милосердный к подданным и беспощадный к врагам. Артур встал в один ряд с такими мифологизированными персонажами мировой истории, как Александр Македонский и Фридрих Барбаросса. Мэлори приводит эпитафию Артуру, будто бы написанную на могиле короля: «Hic jacet Arthurus rex quondam rexque futurus», то есть «Здесь покоится Артур, король в прошлом и король в грядущем». В современном восприятии Артур — «король былого и грядущего» есть олицетворение «истинной Британии», связующее звено между ее героическим прошлым, славным настоящим и грандиозным будущим.

Глава 4

СВЯТОЙ ГРААЛЬ

Грааль мифологический и Грааль оккультный. — Чудесные котлы кельтской мифологии. — Кретьен де Труа и Робер де Борон. — Галаад. — А. Веселовский о Галааде. — Вольфрам фон Эшенбах. — Персеваль-Парцифаль. — А. Веселовский о Парцифале. — Фейрефиц. — Грааль христианский. — Иосиф из Аримафеи. — Гластонбери. — Святилища бриттов. — Камелот. — Зодиак Мальтвуд.

«Грааль — это камень особой породы:
Lapsit exillis[1] — перевода
На наш язык пока что нет.
Он излучает волшебный свет»[2].

Такими словами описан Грааль в стихотворном рыцарском романе «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха. Грааль — чаша, в которую, по легенде, Иосиф Аримафейский собрал кровь Христа, стекавшую по распятию; иначе — чаша

[1] Это выражение можно перевести и как «божий камень», и как «упавший с неба», и как «камень мудрости».
[2] Здесь и далее перевод Л. Гинзбурга.

Тайной Вечери, служившая для причащения во время первой литургии.

Вольфрам продолжает: кто узрит Грааль, тот не умрет; постоянное его лицезрение содержит человека в юности. Каждую Страстную пятницу голубь с неба кладет на него облатку:

Облаткою Грааль насыщается,
И сила его не истощается,
Не могут исчерпаться никогда
Ни его питье, ни его еда,
Ни сокровища недр, ни сокровища вод,
Ни что на суше, в реке или в море живет.
Происхождение Грааля — небесное:
Когда небеса сотрясало войною
Меж Господом Богом и сатаною,
Сей камень ангелы сберегли
Для лучших, избранных чад земли...

Ангелы снесли Грааль, сотворенный из лучистого камня Люцифера (его вырубил из короны Люцифера своим мечом архангел Михаил во время битвы между ангелами и восставшими духами), на землю, где его сторожат теперь крещеные люди в замке Корбеник (А.Н. Веселовский объясняет это название как «святая чаша») на горе Монсальват («гора спасения»).

Грааль загадочен и непостижим; недостойным он невидим, да и достойным является в искаженном, «иномирном» обличье. К нему может приблизится только непогрешимый в целомудрии; любой недостойный, посмевший приблизиться к Граалю, будет наказан ранами или недугами. Иными словами, это — истинная награда для истинного рыцаря;

отсюда столь значительная популярность сюжета о поисках Грааля в средневековых рыцарских романах. (Современная трактовка этих поисков также сосредоточена на идеальном рыцаре, только рыцарское целомудрие, sine qua non средневековья, «превратилось» в аскетичность образа чаши; вспомним американский художественный фильм «Индиана Джонс и последний крестовый поход», где используется символика Грааля, оказывающегося простой деревянной чашей среди множества драгоценных кубков.)

Согласно легенде, Грааля смогли достичь только три рыцаря, три совершенных — Галахад, Парцифаль и Борс.

В оккультной традиции Грааль — символ мистических поисков. Про замечанию Мэнли Холла, «поиск Святого Грааля есть вечный поиск истины». Также Холл добавляет: «Святой Грааль является символом низшего (или иррационального) мира и телесной природы человека, потому что они служат вместилищем для сущностей высших миров... Для христиан, чья мистическая вера делает особый упор на элементе любви, Святой Грааль типизирует сердце, в котором постоянно происходит водоворот вечной жизни. Больше того, для христианина поиск Святого Грааля есть поиск собственного “Я”, открытие которого знаменует завершение Великой Работы».

Вместе с Граалем в преданиях часто упоминаются два других символических предмета — копье сотника Лонгина, некогда пронзившее тело распятого Христа, и меч царя Давида, уготованный рыцарю-девственнику; иногда эти предметы могут «сливаться» в один — чаще всего в копье.

В «кельтской версии» артуровских легенд о Граале не упоминается, зато в версии «норманнской» — у Робера де Борона, Кретьена де Труа, в анонимных рыцарских романах —

Грааль постепенно становится основой цикла, а мотив поисков Грааля обретает значение идеологии артуровского общества.

Кельтская мифология знает многочисленные чудесные котлы, дарующие изобилие и процветание, наделяющие бессмертием и мудростью. Это и котел Дагды, от которого «не случалось людям уйти голодными» («Битва при Маг Туиред»); и котел Брана Благословенного, оживлявший мертвых: «И тогда разожгли огонь под котлом оживления и принялись бросать туда мертвые тела, пока котел не наполнился, и на следующее утро мертвые воины стали такими же, как раньше, кроме того, что не могли говорить» («Бранвен, дочь Ллира»); и котел Керидвен, отпив из которого обрел сокровенную мудрость знаменитый бард Талиесин: «И она решила опустить своего сына в Котел Вдохновения, чтобы он обрел знание всех тайн прошлого и будущего. Она поставила котел на огонь, и он должен был кипеть не закипая год и еще день, пока не выйдут из него три капли вдохновения» («История Талиесина»). Эти чудесные котлы, почерпнутые «норманнской версией» из бретонского фольклора и поэтически и символически перетолкованные, по всей вероятности, и послужили прообразами Святого Грааля артуровских легенд, позднее впитавшего в себя и христианскую семантику.

По преданию, чашу Грааля в Британию принес Иосиф Аримафейский. Полагают, что распространению культа Грааля в Британии способствовала обыкновенная ошибка монахов-писцов, которые в своих хрониках спутали двух Филиппов — первого епископа Иерусалима, хранителя святых реликвий (чаши и копья) отождествили с первосвятителем Галлии, вследствие чего долгая время бытова-

Кельтский котел возрождения. Серебро. Ок. 100 г. до н. э.

ло предание о крещении Галлии одним из соратников Иосифа.

У Кретьена Грааль — чаша, нахождение которой поможет снять заклятие с Заколдованного замка, где хранится Грааль. Робер де Борон вводит мотив поисков Грааля ради символического обретения благодати; этот и другие христианские мотивы подхватывают последующие авторы рыцарских романов. По де Борону, центральный персонаж легенд о Граале — Галаад, дальний потомок Иосифа, о котором говорится: «Клиу станет тем, кто перенесет горестей и страданий более, чем кто-либо до него и кто-либо после. Он станет истинным псом, и от него возьмет начало река, воды коей будут мутны, словно грязь, и густы у истока, а в середине предстанут чистыми и прозрачными; а в устье потока

явятся в двести раз прозрачнее и чище, нежели в начале. Вода будет приятной для питья и едва ли сможет напоить нас допьяна; я окунусь в этот поток с головой. Клиу будет коронован и получит имя Галаад. Он превзойдет добротой и храбростью всех, кто был до него и кто придет после. Он подчинит своей воле все события на земле и положит конец распрям».

В анонимном рыцарском романе «Queste du St. Graal»[1] Галаад соперничает за Грааль с Персевалем, который, по Кретьену, был первым рыцарем, сумевшим отыскать чудесную чашу.

Содержание этого романа пересказывает А.Н. Веселовский:

Накануне Иванова дня посланница короля Пеллеса является ко двору Артура и ведет рыцаря Ланселота в монастырь, где он находит своих двух братьев, Беорта и Лионеля, а монахиня показывает ему юношу Галаада. Посвятив того в рыцари, Ланселот возвращается с товарищами; на вопрос братьев, не сын ли его тот юноша, он ничего не отвечает. У короля Артура Круглый стол, устроенный Мерлином наподобие трапезы Иосифа; Мерлин же напророчил, что искание Грааля удастся лишь трем витязям, двум девственникам и одному целомудренному. За этим столом было запретное место, на которое никто не мог сесть, кроме того, кому оно было предназначено; теперь на нем является надпись, гласящая, что избранник явился — и чародей приводит Галаада, от семени Давида и Иосифа. На этот раз Ланселот признает его своим сыном. Галаад вытаскивает меч, воткнутый в приплывший камень: его суждено извлечь лишь храбрейшему на свете витязю. Вечером является Грааль в сия-

[1] «Поиски Святого Грааля» (*старофр.*).

нии, несомый неведомо кем, распространяя благоухание и наполняя трапезы яствами. Гавейн, Ланселот, Персеваль и другие рыцари Артура дают обет посвятить один год и один день исканию Грааля; Персеваль оказывается ближним родственником Галаада по Пеллесу.

Приключения искателей рассказываются вразбивку: в одном аббатстве Галааду достается щит Эвалаха, на котором Иосиф сделал знамение креста; щиту этому суждено быть в руках последнего потомка Иосифа. Далее Галаад встречает Персеваля и Ланселота, которые, не признав его, бьются с ним и побеждены. Ланселот отдыхает у часовни, где больной рыцарь получил исцеление чудом Грааля — и он не спрашивает о чуде; голос велит ему не осквернять более места, где пребывает святыня; он огорчен до слез и кается пустыннику в своем великом грехе: любви к Гвиневре. Персеваль видит в одном монастыре ветхого старца Мордрейна, о котором британский эпизод «Grand Sangreal» рассказывал, что он был наказан слепотою за желание лицезреть тайны Грааля и осужден пребывать в немощном состоянии до появления последнего витязя из своего рода. За все это время (400 лет или 104 года) он питается лишь гостией.

Между тем Ланселот приехал в Корбеник, где хранился святой Грааль и священник совершал службу. Он входит, несмотря на предупреждение, и ему кажется, что во время возношения у священника в руках человеческое тело; он хочет подойти ближе, но жгучий ветер сшибает его с ног и он немотствует в течение двух недель. Король Пеллес обрадован его приездом, за трапезой святой Грааль всех чудесно питает, но искание для Ланселота кончено, вещает ему одна из девушек.

Галаад и его спутники странствуют и являются в Корбеник, где их ждет король Пеллес с сыном Элизером и девять

рыцарей, искателей Грааля. Приносят на деревянном ложе больного венчанного мужа, который приветствует Галаада как своего давно ожидаемого избавителя. Все удаляются, кроме искателей Грааля; их двенадцать, по числу апостолов. Тогда четыре ангела сносят с неба человека в епископском облачении и помещают его перед престолом, на котором стоит святой Грааль; на челе мужа начертано, что он Иосиф (сын Иосифа Аримафейского), первый христианский епископ. Он коленопреклоняется перед престолом, открывает дверцы ковчега, откуда выходят ангелы: двое со свечами, один несет плат из красного бархата, другой держит в одной руке копье, в другой сосуд, куда стекала кровь, капавшая с острия. Свечи поставлены на престоле, ангел склоняет копье над сосудом, в который сбегает кровь, Иосиф покрывает чашу платом. Во время совершения таинства спустился с неба образ огнеликого младенца и внедрился в гостию, принявшую человеческий вид. Иосиф исчезает, а из чаши показывается муж с окровавленными руками, ногами и телом; он причащает Галаада и его товарищей. Грааль — это сосуд Тайной Вечери, вещает он, Галаад познает его полнее в Саррасе, куда он перенесется, ибо Британия (Логр, Logres) недостойна его; в Саррас последуют за ним лишь Галаад, Персеваль и Борс, но перед тем Галаад должен исцелить болящего короля, помазав его ноги кровью, стекающей с копья.

Прошел год; когда однажды утром Галаад пошел на молитву, увидел мужа в епископском облачении, совершавшего мессу; это Иосиф. «Приступи, раб Божий, и ты узришь то, чего так долго жаждало сердце». Трепет обуял Галаада, и он узрел. «Благодарю тебя, Господи, что Ты исполнил мое сердечное желание: теперь я воистину вижу чудеса святого Грааля и молю Тебя послать мне кончину и душу мою при-

нять в райские селения». Он умирает; рука с неба взяла святой Грааль и копье и унесла; их больше никогда не видели...

Явление Грааля за Круглым столом. Средневековая книжная миниатюра.

Мы попытаемся теперь предложить несколько заключений о первичном составе легенды о Галааде.

В «Joseph d'Arimathie» де Борона святыня Грааля хранится в одном роде; всех хранителей три: Иосиф, Хеврон и его внук, которого он дождется, чтобы передать ему тайну Грааля. Как представлялась последующая его история, прекращалась ли она вообще, являлся ли последний властитель Грааля таким же девственником, как Галаад,— остается неизвестным.

В легенде о Галааде носителей также три: Иосиф, Алэн и Галаад, который явится к своему деду, болящему Пеллесу, и уврачует его, но конечную тайну Грааля поведает ему сам Господь. Мотив «спроса», так хорошо знакомый из «Парцифаля» Вольфрама фон Эшенбаха, очевидно, поздний: родовой страж Грааля сам приходил к ожидавшему его откровению, спроса ожидают от тех, которые ищут его сердцем, но ощупью. Спрос — указание на то, что родовое значение Грааля уже ослабело.

Между первым и последним его блюстителем в «Grand Sangreal» прошли поколения, в течение которых к роду Иосифа пристал род Соломона и род «язычника Насиэна», которого «заменил» впоследствии Ланселот. Галаад соединил

в себе все три генеалогические линии. Он водворяет Святой Грааль на место, откуда тот был увезен; в представлении «Grand Sangreal» — в Саррас. Там совершается последнее откровение Грааля, и так как Галаад последний его хранитель, святыня взята на небо. Невольно припоминается легенда о последнем царе из эфиопского рода, который в конце дней повесит свой венец на крестное голгофское дерево, от чего вознесутся на небо и крест, и царская стемма».

Свое дальнейшее развитие легенда о Граале получила уже вне британо-галльской традиции — в романе Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль». Обратимся вновь к свидетельству А.Н. Веселовского.

«В числе искателей Грааля посчастливилось герою сказки о «простачке», пристроившейся к циклу романов Круглого Стола. Герой этот — Персеваль, он оттеснил Галаада, постепенно вторгаясь в его генеалогию, пока не создал себе новой. В «Perceval-Didot» (= «Petite Queste»)[1] он сын Алэна, которого «Joseph d'Arimathie» знает девственником; в «Perceval-Rochat»[2] он приходит к отцу Алэна ли Гро и королю-рыбарю (Бронс), которому и наследует; в «Perlesvaus» его отец Элейн (Вилейн, Вилльен, Вилан, Жулиен = Алэн) ли Гро, дядя Пеллес.

Рядом с вторжением в генеалогию «Joseph d'Arimathie» — такое же в родословную «Grand Sangreal», на что указывает и имя Пеллеса. В «Queste» видно, как устраивается это родство: тетка Персеваля говорит ему о Пеллесе как об их родственнике; в генеалогии Галаада по «Grand Sangreal» перед Пеллесом, его дедом, стоит имя Пеллехам; по «Queste» Персеваль и его сестра оказываются его детьми, Пеллес их дядей.

---

[1] «Персеваль Дидо» (= «Малые поиски») (*фр.*).

[2] «Персеваль Роша» (*фр.*).

Стремление к сближению Галаада с Персевалем обнаруживается в «Queste» и тем, что с известного момента Персеваль носит Галаадов меч.

Можно не считаться с именами, которые дают отцу Персеваля «Sir Perceval» и введение в «Conte du Graal»; продолжатели Кретьена де Труа связаны были его умолчанием: в дошедшем до нас отрывке его поэмы отец Персеваля не назван, равно как и его мать, сестра болящего короля-рыбаря (властителя Грааля). У Вольфрама им даны имена, не поддержанные никакой другой традицией: отец Гамурет, мать Герцелойда, сестра короля Амфортаса, хранителя Грааля; при них обширная генеалогия, также обставленная нетрадиционными именами.

Одним из источников Вольфрама был Кретьен де Труа, другим — утраченная поэма какого-то Киота (Гюйо), которого он зовет провансальцем: Киот нашел книгу о Парцифале на языческом языке и пересказал его по-французски; в другом месте о нем говорится, будто он обрел в Толедо сказание о Граале, написанное языческими письменами; написал его Флегетанис, поклонявшийся тельцу, язычник со стороны отца, но Соломонова рода по матери; был он большой звездочет и в звездах прочел тайну Грааля. Ознакомившись с его писанием, Киот принялся искать в латинских книгах, где бы мог находиться целомудренный народ, поклонники Грааля; перечел разные хроники в Британии (ze Bretane), Франции и Ирландии — и нашел искомую повесть в Анжу. К Анжу он и приурочил Парцифаля: тот сын Гамурета Анжуйского и Герцелойды. Все это он мог узнать из каких-нибудь европейских источников; что Парцифаль являлся в его рассказе, тому свидетельством Вольфрам; если он утверждает в одном случае, что Парцифаль найден в «языческой книге», то это, может быть, невольное смешение: у язычника

Флегетаниса Киот мог найти нечто другое, и Киоту, вероятно, принадлежат контаминации Парцифаля с его дублетом, Фейрефицем.

Разбирая далее поэму Вольфрама, выделю из нее эпизоды Парцифаля, в его отношениях к Граалю,— и Фейрефица. Пересказывая первый, я буду держаться текста Кретьена, которому Вольфрам следовал довольно близко до эпизода *Orgueilleuse* включительно, и ограничусь лишь указанием на отличия рассказа у Вольфрама; далее пользуюсь текстом последнего.

А. (Вольфрам: Герцелойда потеряла на войне мужа и воспитывает сына Парцифаля в лесном уединении и в невинности сердца и желаний, из боязни, чтоб он не увлекся светом и соблазнами рыцарской жизни.) Однажды в лесу Персеваль видит проезжих рыцарей, разыскивавших Артура, и вернувшись к матери, говорит ей, что и он хочет быть рыцарем. Когда ее отговоры не помогли, она отпускает его в бедном одеянии, дав ему на дорогу несколько советов практической мудрости, которые он тотчас и пускает в дело с наивной, излишней точностью. Так же неловко ведет он себя при дворе Артура и тотчас же проявляет свою силу, сразив одного вражьего рыцаря, в доспехах которого и удаляется. По пути рыцарь Горнеманс (Гурнеманц Вольфрама) принимает его в своем замке, обучает его военному искусству и рыцарскому вежеству; один из его советов существен для схемы всего романа: Горнеманс наставляет его не быть слишком любопытным, не торопиться с расспросами. Персеваль освобождает от осады племянницу Горнеманса, Бланшефлер (у Вольфрама Кондвирамур — Condwir amurs), домогается ее любви (у Вольфрама: женится на ней), но покидает ее: ему хочется повидать мать. Он при-

был к реке, видит в челноке двух мужчин (у Вольфрама: одного), из которых один, удивший рыбу, предлагает ему остановиться на ночлег в его замке. Персеваля ввели в белый покой, посреди которого покоился на ложе почтенный старец, кругом него рыцари. Входит конюший, неся копье, с острия которого сочится кровь, затем двое с светочами, наконец, девушка с сияющим Граалем в руках, за ней другая с серебряным блюдом. Процессия прошла мимо Персеваля, скрылась в соседней комнате,— а он не спросил, что это? Затем принесли доску из слоновой кости, положили ее на козлы, сели за стол, и за каждым блюдом являлся Грааль. Персеваль не спрашивает, помня завет Горнеманса.

У Вольфрама подробности другие: окровавленное копье, несомое конюшим, две девушки со светильниками, две ставят перед старцем козлы из слоновой кости, четыре идут с большими свечами, четыре несут доску, вырезанную из граната (granat jachant) так тонко, что сквозь нее просвечивает солнце; ее возлагают на козлы, она служит трапезой хозяину. Снова четыре девушки со свечами, за ними еще две несут на полотенцах два острых серебряных ножа; наконец, Грааль, предносимый светочами, он в руках царевны Репанс де Шой (Repanse de Schoye).

И был на ней, как говорят,
Арабский сказочный наряд.
И перед залом потрясенным
Возник на бархате зеленом
Светлейших радостей исток,
Он же и корень, он и росток,

Райский дар, преизбыток земного блаженства,
Воплощенье совершенства,
Вожделеннейший камень Грааль...[1]

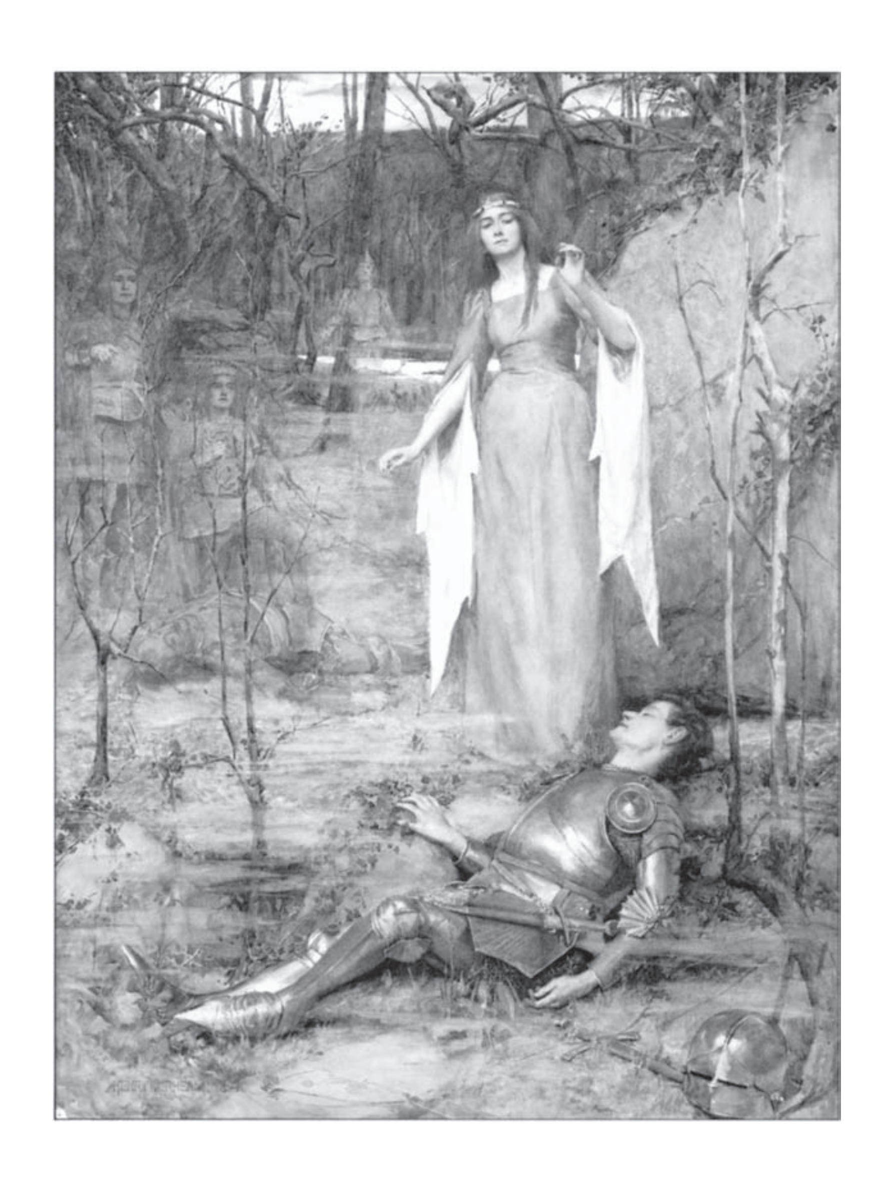
Грааль ставят перед хозяином замка. Когда впоследствии процессия снова прошла мимо Парцифаля в соседний покой, он увидел там возлежавшего на ложе красивого старца, белого как лунь (у Кретьена эта подробность упоминается позже в рассказе дяди отшельника Персеваля). Парцифаль все время воздерживается от вопросов.

Далее нити рассказа у Кретьена и Вольфрама сходятся. Пиршество кончилось, и все разошлись; когда Персеваль проснулся утром, в замке не было ни души, словно все вымерло, у ворот он находит своего коня, копье и щит и выезжает по опущенному подъемному мосту. Встреча с двоюродной сестрой: она узнает от него, что он провел ночь в замке Грааля, властитель которого был тот самый рыбак, которого Персеваль видел на реке; раненный копьем в оба бедра, он находит удовольствие лишь в ужении рыбы. Видел Персеваль и Грааль, и окровавленное копье — и не спросил, что это. От этого вопроса болящий ждал исцеления. «Великий от этого урон и большой на тебе грех!» — говорит кузина. Вольфрам зовет ее Сигуной, болящего короля Амфортасом; замок Грааля Мунсальвеш (Munsalvaesche), в земле Терредесальвеш (Terre de Salvaesche).

Персеваль сидит за Круглым Столом Артура, когда является какая-то уродливая женщина (у Вольфрама: Kundrie la Surziere) и проклинает его за то, что он воздержался от вопроса. Персеваль не успокоится, пока не узнает тайну Грааля; он выезжает на поиски.

---

[1] Здесь и далее цитаты из Вольфрама в переводе Л. Гинзбурга.



Г. Рим. La Belle Dame Sans Merci.

Исповедью у пустынника, который оказывается его дядей, кончается у Кретьена роль Персеваля; в следующих стихах его неоконченной поэмы, которыми еще пользовался Вольфрам, он более не выступает.

У Вольфрама пустынник, также дядя Парцифаля, носит имя Треврицент. Он поучает племянника относительно Мунсальвеша, где живут хранители Грааля, храмовники (templeise):

Святого Мунсальвеша стены
Храмовники иль тамплиеры —
Рыцари Христовой веры —
И ночью стерегут и днем:
Святой Грааль хранится в нем!..

Короче было сказано об этом уже в строфе 454-й со слов Флегетаниса.

Нейтральные ангелы снесли Грааль на землю; что его сторожат теперь крещеные люди, это хронологическое указание, не противоположение; помиловал ли тех ангелов Господь, это Он ведает. Судя по строфе 798-й, они представляются пребывающими у Грааля именно как нейтральные, чающие, не осужденные на мучение, но и не удостоенные неба.

Имена призванных к служению Граалю показываются в надписи на его ободке, и они являются в Мунсальвеш отовсюду, в детском возрасте, мужчины и женщины, и здесь возрастают, в сердечной чистоте, в блюдении святыни; из их числа Господь избирает по своему усмотрению властителя для страны, которая оказалась бы его достойной и в которой властителя не стало.

Треврицент поясняет племяннику и другие отношения Мунсальвеш: чистая дева носительница Грааля, Репанс де Шой, сестра Треврицента, король-рыбарь Амфортас — его брат; в юности он был предан свету, Амур был его боевым криком, он совершал подвиги во имя любимой дамы, но —

Он славно бился, смело дрался,
В любую битву так и рвался,
Что — прямо вынужден сказать —
Нельзя со святостью связать...

Однажды он сразился с рыцарем-язычником, искавшим завладеть Граалем, убил его, но острие вражьего копья осталось у него в ране. С тех пор он хворает, никакие средства не помогают ему, но лицезрение Грааля не дает ему умереть. И вот на Граале явилась надпись, что в Мунсальвеш явится рыцарь, и если он поставит вопрос о значении совершающегося вокруг него таинства, Амфортас исцелится и его царское достоинство перейдет к вопрошающему. Что до старца, которого Парцифаль видел в соседнем покое, то это его прапрадед Титурель.

Последний, неоконченный эпизод Кретьена, героем которого является Гаван, досказан Вольфрамом по другому источнику. Эпизод кончается поединком и рядом браков. Вид чужой, счастливой любви вызывает у Парцифаля память о его Condwir amurs: он так давно ее оставил.

Он думал о любимой,
О ласковой своей жене,
Скучавшей в дальней стороне...
Мой взор тоскует по ясноликой,

Мучусь мукою великой,
Рвусь к возлюбленной жене,
Все радости недоступны мне!..

Быть свидетелем веселья и носить печаль в сердце — это не питает мужества; но что ему предпринять — пусть решит его доля, ему все равно, что бы с ним ни случилось: Господь не желает ему радости. Будь его любовь к жене из тех, которые расторгаются, он нашел бы, быть может, другую:

Если бы дух мой колебался,
Я бы, наверно, другим улыбался,
Но Кондвирамур, мою Верность храня,
Неверность похитила у меня,
И, неспособный на прегрешенья,
Я все равно не найду утешенья!

Он облекается в свои доспехи и едет.

Б. Парцифаль за столом Артура; явление Cundrie la Surziere, той самой, которая прокляла Парцифаля за воздержание от вопроса; она просит извинить ее и вещает, что на чудесном камне показалась надпись: Парцифаль будет царем Грааля, спросит Амфортаса, и тот, исцеленный, уступит ему власть. Парцифаля принимают в Мунсальвеше; Амфортас ждал его. «Где Грааль? — спрашивает его Парцифаль. — Все увидят, объявится ли надо мною Господня благодать!» Он горячо молится перед святыней, и когда обратился к дяде с вопросом: «О дядя! Молви, что с тобой?» — тот встал совсем здоровый, в невиданной красе.

Весть о случившемся дошла до Кондвирамур, и она направляется в Мунсальвеш с двумя сыновьями, которых

родила от Парцифаля. Он едет ей навстречу, но по пути посещает дядю Треврицента, который винится перед ним: когда-то он говорил ему о нейтральных ангелах, пребывающих у Грааля, оставляя открытым вопрос, помилованы они или нет. Они отвержены навсегда; если он говорил иначе, то чтобы поддержать Парцифаля, не лишить его надежды на милость Божию. Грааль нельзя заслужить, отвоевать, благодать посылается свыше; если бы Треврицент знал, что Парцифаль осудит себя на трудный подвиг искания, он отговорил бы его. Теперь все сложилось иначе, тем выше награда Парцифаля.

Встреча с Кондвирамур и сыновьями происходит в лесу. Одного из них, Кардейса, Парцифаль тотчас же венчает на царство: он будет властвовать над странами, доставшимися в наследие от Гамурета, и Кардейс тотчас же едет в свою область, а Парцифаль с женою и сыном Лоэрангрином водворяется в Мунсальвеше как царственный хранитель Грааля.

Я пересказал по Вольфраму легенду о Парцифале, не вступая в разбор психологического содержания, которое автор вложил в тип своего героя. Легенда эта следует очень близко легенде о Персевале у Кретьена; там, где рассказ Кретьена обрывается, у Вольфрама был какой-нибудь другой источник, может быть, Киот. У него он мог найти и не знакомый Кретьену мотив, объясняющий, почему мать Парцифаля воспитывает его в уединении, ревниво оберегая от соблазнов рыцарской жизни: ее муж погиб на войне. Мотив этот был не безызвестен: его знает «Peredur» и «Sir Percyvell»; им воспользовался автор пролога к роману Кретьена, где отец Персиваля назван Блиокадранс. У Вольфрама его имя Гамурет взято, вероятно, у

того же Киота, вместе с рассказом о нем и его сыне, Фейрефице, брате Парцифаля. Рассказ этот пристал к схеме Парцифаля таким внешним образом, что может быть выделен из него без нарушения целостности впечатления.

«ФЕЙРЕФИЦ»

Повесть о Гамурете служит как бы введением к Парцифалю. Анжуйский принц Гамурет прибыл в страну Зазаманку, где жители черны, как полночь. Их царица Белакана любила Эйзенгарта, властителя Азалука, такого же мавра, как она; для нее совершал он бранные подвиги; она хотела испытать его чувства, и по ее желанию он выезжает без лат — и погибает в поединке с Протизиласом, который и сам пал в бою. Она оплакивает своего милого, а между тем его родня возводит на нее обвинение, будто она велела убить его; ее город, Пателамунт, осажден, когда случайно Гамурет является на выручку. Они увлекаются друг другом, она становится его женой, он — властителем Зазаманки. Всем мила ему Белакана, но его тяготит мысль, что ему нет теперь места для бранных подвигов, и тайком от нее он удаляется на корабле. В письме, которое он оставил жене, он говорит, что будь он с ней в христианском браке, он постоянно горевал бы о ней; и теперь он горюет. Он сообщает ей, из какого он рода, пусть передаст это их сыну; если б она захотела принять крещение, он снова был бы с нею.

Опечаленная Белакана родит сына, цветом белого и черного вместе; она назвала его Фейрефиц.

Все это рассказано в строфах 1—58, следующие строфы переносят нас в Европу. Победой на турнире Гамурет завоевывает себе сердце и руку Герцелойды и женится на ней. Калиф Багдадский, у которого он раньше служил, опять зо-

вет его на помощь против одолевавших врагов; он едет — и предательски убит. Когда весть о том дошла до Герцелойды, она удалилась в пустынную местность, где и воспитывает своего сына Парцифаля, оберегая его и строго запретив своим что-либо говорить о рыцарстве.

Здесь примыкает эпизод А легенды о Парцифале, в течение которого мы изредка узнаем, что сталось с Фейрефицем. В Трибалиботе и Таброните царствует Секундилья, в стране несметных сокровищ, диковинок и чудесных людей. Из ее областей похищен камень-самосвет, в котором, как в зеркале, можно видеть все совершающееся на расстоянии шести миль. Руку и царство Секундильи добыл своею рыцарскою доблестью Фейрефиц; когда дошли до нее слухи о чудесном Граале и его властителе Амфортасе, ей захотелось достать о нем вести, и она послала ему в дар двух уродов, какие водились у нее: знахарку Кундри и ее брата Малькреатюра. Кундри служит звеном между мирами Фейрефица и Парцифаля: она входит в интересы Грааля, как его вестница, обличает Парцифаля за то, что не поставил рокового вопроса; знает его генеалогию, родство с Фейрефицем, от нее знают о том и другие. Когда Парцифаль и Фейрефиц встретятся, их взаимное признание совершится вскоре.

Фейрефиц является на сцену лишь в конце отдела А эпизода о Парцифале. Парцифаль выезжает — и встречается с неведомым рыцарем. Они вступают в бой; когда Фейрефиц назвал себя анжуйцем, Парцифаль говорит, что настоящий анжуец — он; слышал он, правда, что у него есть брат на языческой чужбине, он узнал бы его по приметам, о которых ему сказывали — и он просит Фейрефица обнаружить свое лицо. «А какие приметы?» — спрашивает тот. «Точно записанный пергамент, черное и белое вперемешку».— «Это я

и есть» — говорит Фейрефиц, поднимая забрало; а приехал он, чтобы увидать отца, оставившего его сиротою; слышал он, что лучшего рыцаря нет. Здесь мы впервые и, может быть, не случайно узнаем, что Белакана умерла с горя; но нет и Гамурета; эта весть печалит Фейрефица.

Братья едут к Артуру, сидят за его столом; тут примыкает эпизод Б Парцифаля, в развитии которого участвует и Фейрефиц. Вместе с братом он едет в замок Грааля, присутствует при его чудесах, но самой святыни не видит, потому что он язычник. Красота носительницы Грааля, Репанс де Шой, пленяет его: он готов креститься, забыть Секундилью. После крещения Грааль объявился ему, он женится на Репанс де Шой и едет с ней во владения Секундильи, которая умерла кстати. Фейрефиц утверждает в Индии, что там зовется Трибалибот, христианскую веру, до тех пор слабо распространенную, его сын — пресвитер Иоанн; это имя носили и все его наследники.

Таков сюжет «Фейрефица» в обработке Киота и Вольфрама. Попытаемся привести его к более простым очертаниям.

1. Витязь Гамурет приезжает издалека в страну, где жители язычники, чернокожие мавры; страна названа Зазаманкой. Может быть, мы вправе видеть в эфиопской царице Белакане царицу Савскую, араб. Balkis (Bilkis), Balama. Ее город носит название Пателамунт: вероятно, Patenae (patellae) mons, «гора патены, дискоса», которому христианская символика (и «Joseph d'Arimathie») дала значение камня на гробнице Христа, которая, в свою очередь, прообразует алтарь. Припомним, что в эфиопской легенде о Соломоне и ковчеге город Македы, эфиопской царицы, назван Makedae mons.

2. Фейрефиц такой же, как Галаад, сын Ланселота и Елены, дочери властителя Грааля, и так же покинут отцом. Елена с сыном едут искать его, как Фейрефиц Гамурета. Встречи с отцом нет, потому что у Вольфрама Гамурет уже умер, согласно той версии легенды о Персевале, по которой его отец убит раньше его рождения. Вместо того говорится о враждебной встрече с братом, но я считаю вероятным, что в первичной легенде о Фейрефице, еще не слитой со схемой Персеваля, сын не только искал отца, но и сходился с ним. Указание на существование такого именно мотива дает эпизод нидерландского «Ланселота», героем которого назван Морен; он сын Агловаля, брата Персеваля. Автор романа отрицает мнение, будто Морен был сыном самого Персеваля, на том основании, что последний — девственник; это точка зрения той поры развития легенды о Граале, когда образ Персеваля слагался по типу Галаада. В одном памятнике последней четверти XII в. («Black book of Carmarten»[1]) говорится о гробнице Мора (Mor), величественного, непоколебимого властителя, высокого столба битвы, сына Передура Пендавига. Мор — Морен, мавр.

Передавая далее схему Морена, мы не будем считаться с именами Агловаля и Персеваля. Первое встречается в «Domanda do Santo Gral» (и в какой-нибудь версии французского «Queste», ее источнике), в «Merlin-Huth» и в прозаическом романе о Тристане; у Манессье, одного из продолжателей Кретьена, Гловаль ли Галуа — отец Персеваля; во 2-й части «Livre Artus» Агловаль — сын Пеллинора и брат Персеваля, как в «Морене».

Морен прижит Агловалем (=Персевалем) от мавританской принцессы, сердце которой он прельстил своею

[1] «Черная книга Кармартена» (*англ.*).

красотою и доблестью и которую покинул для подвигов (искание Ланселота). В его отсутствие она родила сына, черного как смоль; когда он выступает впервые, он в черном вооружении, на вороном копе. Его мать и он обесчещены, лишены наследия по законам страны, и вот он едет отыскивать отца, поклялся биться со всяким встречным, чтобы дознаться вестей об отце, которого хочет заставить, даже страхом смерти, вернуться к матери и жениться на ней. Когда отец и сын объяснились, Агловаль не отказывается; если он не вернулся ранее, то потому только, что его удержали другие дела, да и теперь еще он не оправился от ран; но он готов сдержать данное слово. И он едет с сыном и Персевалем, которому сновидение, бывшее его брату, пророчит, что он будет в числе тех, которые обретут святой Грааль. Брак совершается, и мать Морена провозглашена царицею маврского государства.

Барч объяснил имя Фейрефица из его образа у Вольфрама: он — черный, в белых пятнах, пестрый: vair (varius) flls, что дало бы Feirfiz; но Морен черный. Ближе фонетически было бы: veire fils, «поистине сын!» Так Агловаль признал Морена, Гамурет мог признать Фейрефица.

3. Морен возвращается к матери с отцом; этим кончается посвященный ему эпизод нидерландского «Ланселота». Галаад едет с отцом Ланселотом в царство матери, где находился Грааль, становится его властителем и переносит его на восток (в Саррас). Как разрешалась первоначально легенда о Фейрефице? У Вольфрама отца его нет в живых, умерла и мать, и сам он возвращается не в землю мавров, а в царство Секундиллы, где после него водворяется его сын, пресвитер Иоанн. Диковинки Секундиллы, как колонна-зеркало, как чудесные уродцы, напоминают его знаменитую «Эпистолию». Чудеса христианской Индии пресвитера

Иоанна могли заменить другие, приуроченные к царству Белаканы; старое смешение Индии с Эфиопией известно.

Я предположил, что Пателамунт — гора патены, дискоса. Это была бы такая же pars pro toto, как в представлении Грааля у Вольфрама: в процессии, им описанной, несут козлы из слоновой кости, затем доску, вырезанную из граната, сквозь которую просвечивало солнце; это алтарный камень, антиминс, который и возлагают на козлы; на этот алтарь ставят Грааль, образ которого так и остается неопределенным: когда далее о нем говорится, речь идет о камне; алтарный камень заслонил и поглотил представление чаши. Камень этот снесен ангелами; я давно сопоставлял с ним красный камень, служивший алтарем в церкви святого Иоанна на Сионе. По русскому паломнику Зосиме, это был тот камень (камни), на котором Господь (Христос) беседовал с Моисеем на Синае; пречистая Богородица захотела его увидеть, и ангелы перенесли его на Сион; по талмудическому преданию, сохранившемуся у Свиды и Епифания, из этого сапфира вырублены были скрижали Ветхого Завета. Доски скрижалей и алтарная соединились по идее прообразования.

Рассказ о снесении камня-Грааля приурочен у Вольфрама (в его источнике), хотя и довольно неопределенно, ко времени падения ангелов. В эфиопской легенде о Соломоне и Македе Ковчег Завета, Бога Израиля, святого небесного Сиона, созданный раньше всего создания, ниспослан с неба. Еврейское предание соединяет с ним представление камня, камня основания (Eben shatya): он в средоточии мира, на нем покоился Иаков, когда ему было сновидение о лестнице; он находился в Иерусалимском храме в Святая Святых, на нем стоял ковчег со скрижалями; от него исходило Израилю изобилие пищи, в пору первого разрушения Иерусалима скрижали в нем скрылись.

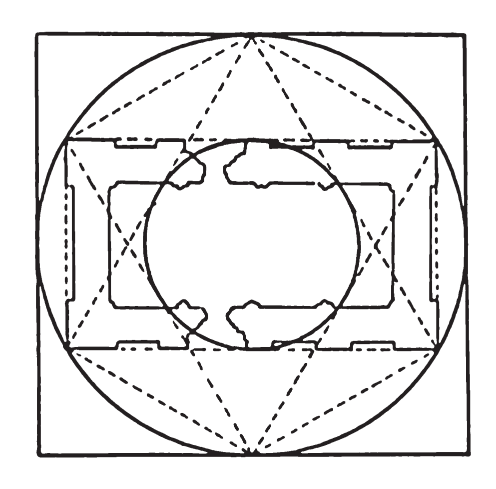
Мы попытались собрать главные мотивы, которые, по моему мнению, могли бы быть вменены древней легенде о Фейрефице: она отвечает схеме легенды о Галааде. И как к последней примкнула сказка о Персевале, так случилось и с темой о Фейрефице, но с другим результатом: у Вольфрама Фейрефиц отошел на задний план, интерес отдан Персевалю, он уже стал полноправным, родовым искателем Грааля; но представление Грааля камнем отразило, быть может, символику, искони принадлежавшую легенде о сыне эфиопской царицы. Служители Грааля у Вольфрама, его templeise, живущие в какой-то заповедной, окруженной тайной области, на охране святыни, которая их чудесно питает и к которой направлены тревожные искания рыцарей,— несомненно, идеализованные храмовники; но за наслоениями, которым мог подвергнуться этот образ, невольно вспоминаются те «блаженные» блюстители ветхозаветного откровения и его христианских преобразований, веками отчудившиеся от мира, к которым влекло еврейских странников и которых находили порой христианские анахореты.

В британской традиции образ Грааля тесно связан с аббатством Гластонбери, этим, по выражению А.Д. Михайлова, «местом соприкосновения четырех культур — валлийской, ирландской, саксонской и франко-норманнской». По легенде, именно в Гластонбери принес чашу Грааля Иосиф Аримафейский и именно здесь она хранилась на протяжении многих лет.

Материальным локусом легенды о Гластонбери является часовня Девы Марии (или часовня святого Иосифа — по преданию, она возведена на том самом месте, на котором в незапамятные времена Иосиф Аримафейский возвел цер-

ковь с деревянными стенами и тростниковой крышей).

В Корнуолле бытует предание, что Иосиф торговал оловом, которое покупал у корнуолльских рудокопов и даже как-то раз приплыл в западную Британию вместе со своим племянником Иисусом Христом. Позднее Иосиф вернулся в Британию уже как миссионер, во главе двенадцати ревнителей Христовой веры. Он высадился в Пилтоне, в нескольких милях к востоку от Гластонбери, откуда поднялся на холм Уириолл-хилл и вонзил в землю посох; тот немедленно процвел, и от этого посоха происходят знаменитые священные кусты боярышника в Гластонбери. Король бриттов Арвираг даровал Иосифу земельный надел, на котором святой и его спутники поселились и возвели деревянную церковь.



План часовни Девы Марии в Гластонбери. Площадь внешнего квадрата составляет 0,144 акра — т. е. одну десятитысячную от «надела Иосифа Аримафейского» (12 хайдов или 1440 акров).

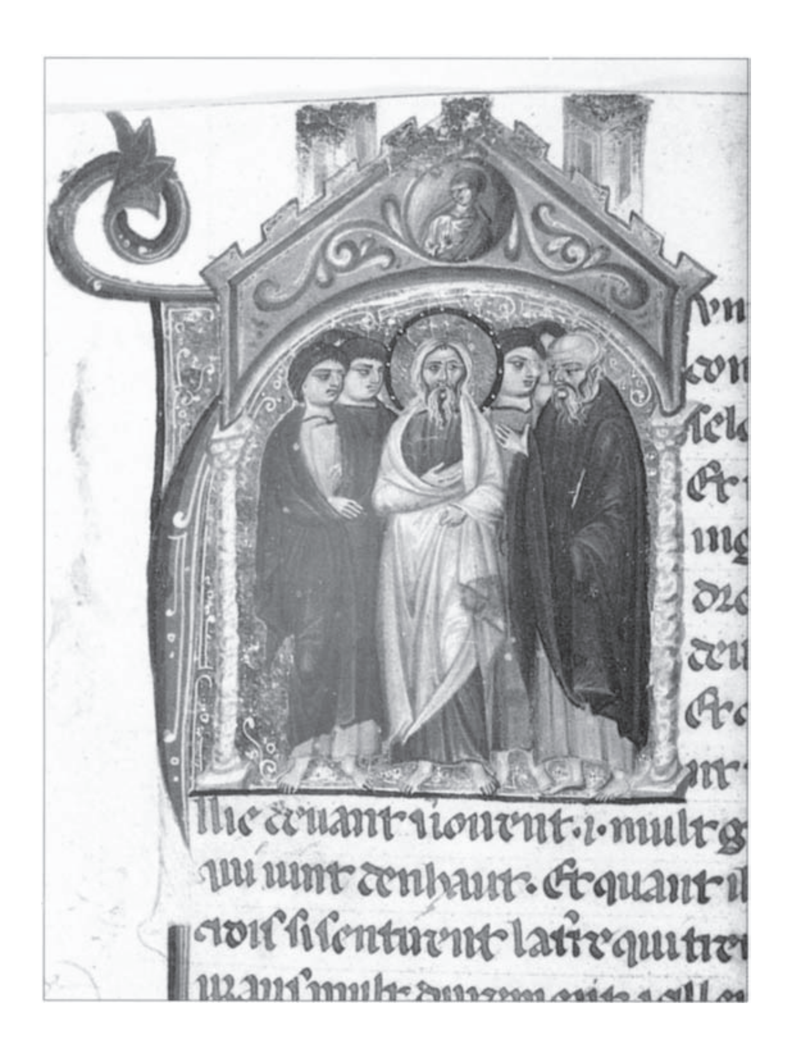
По свидетельству Уильяма Мальмсберийского, который около 1130 г. изучал в библиотеке аббатства Гластонбери записи об истории этого места, «церковь в Гластонбери возведена дланями апостолов Господних». Уильям также прибавляет, что «церковь эту обычно называют Старой Церковью, ибо сложили ее из тростника в годы, о коих и память утрачена, и с самого основания витал над нею дух святости... Множество людей стекаются сюда со

всех концов страны: и воины, отложившие на время брань, и правители, и ученые мужи, и мужи благочестивые... Место упокоения стольких святых поистине заслуживает своего названия небесной обители на земле».

Святой Патрик, креститель Ирландии, был одним из аббатов Гластонбери. Его и похоронили в этом аббатстве, и его мощи сделались со временем одной из главных святынь Гластонбери. Святой Давид, покровитель Уэльса, по легенде, хотел освятить аббатство в честь святого Патрика, однако ему было видение, что церковь уже освящена самим Господом Иисусом Христом во имя Его Матери; поэтому Давид ограничился тем, что возвел часовню рядом со Старой Церковью.

Аббатство пользовалось уважением не только бриттов, но и саксов, и норманнов. Автономия аббатства как места, неподвластного мирским законам, подтверждена норманнским земельным кадастром — так называемой Книгой Страшного суда. Ко времени норманнского завоевания Британии территория аббатства значительно превышала первоначальные двенадцать хайдов (1140 акров), составлявших надел Иосифа Аримафейского.

В ночь на 25 мая 1184 г. аббатство загорелось. Пожар уничтожил Старую Церковь вместе с мощами святого Патрика и святого Дунстана. Разумеется, были приложены все усилия, чтобы восстановить разрушенное огнем (в частности, именно тогда на месте Старой Церкви появилась часовня Девы Марии), однако приток паломников существенно сократился — ведь огонь пожрал святыни, которыми они приходили поклониться. Впрочем, через несколько лет после пожара была сделана удивительная находка: на территории аббатского кладбища внезапно осыпалась земля, обнажив два дубовых гроба. В первом оказались кости высокого



Иосиф Аримафейский. Иллюстрация к манускрипту XV в.

мужчины, во втором — женщины, на голове которой сохранилась прядь золотых волос. Рядом с гробами в земле обнаружился крест с надписью, гласившей, что тела принадлежат королю Артуру и королеве Гвиневре. Покойников перезахоронили в самом аббатстве; эта находка вновь сделала Гластонбери центром паломничества.

Изображение креста на гробнице Артура. Из книги У. Кэмдена «Британия» (1607).

Церковная история Гластонбери завершилась в середине XVI столетия. В 1539 г. посланцы короля Генриха VII явились к аббату Ричарду Уитингу и обвинили последнего в укрывании от короны сокровищ аббатства. По приговору королевского суда Уитинг и еще двое монахов были повешены, а затем четвертованы на вершине гластонберийского холма Тор. Король завладел сокровищницей аббатства, братия, лишившись настоятеля, разбежалась, а местные жители принялись разбирать каменные стены аббатства и строить из них сараи и изгороди. Богатейшая библиотека Гластонбери исчезла без следа и с годами превратилась в такую же легенду, как библиотека Ивана Грозного в России. Погребальный крест, отмечавший место перезахоронения короля Артура, попал в частные руки — и словно растворился в небытии. Правда, в 1981 г. его нашли во время раскопок близ аббатства Уолтем в графстве Эссекс. Рабочие, не подозревая о ценности своей находки, передали ее местному жителю, интересовавшемуся древними вещи-

цами. Этот человек привез крест в Британский музей, но отказался передать крест государству; когда же его обязали сделать это судебным постановлением, он предпочел отправиться в тюрьму за неисполнение решения суда. Через несколько месяцев он освободился по амнистии, а местонахождение погребального креста Артура остается неизвестным по сей день.

В валлийских «Триадах» Гластонбери перечисляется среди «трех вечных клиросов острова Придейн»: «В каждом из этих клиросов 2400 святых, то есть сотня на каждый час дня, а ночью святые меняются, так чтобы беспрерывно славить Господа». Второй клирос — место Лан-Илттид-Воур, ныне Большой Лантвит в южном Уэльсе, а третье — «клирос Амброзия» — есть не что иное, как Стоунхендж.

Незримая связь Гластонбери и Стоунхенджа проявляется, в частности, в их расположении на одной линии. Эта

Развалины аббатства Гластонбери.

линия начинается от церкви святого Бенедикта к западу от аббатства Гластонбери и идет на восток, через Чалис-хилл и Кейр-хилл с церковью святого Михаила на вершине, а затем упирается в Стоунхендж.

Существует и другая манифестация этой незримой связи. Как уже упоминалось, после пожара 1184 г. на месте Старой Церкви Иосифа Аримафейского возвели часовню Девы Марии. Несложные промеры и подсчеты показывают, что план этой часовни достаточно сильно напоминает план Стоунхенджа.

Можно предположить, что на месте аббатства в незапамятные времена находилось языческое святилище, подобное Стоунхенджу; это предположение подтверждается и существованием близ Гластонбери «дороги мертвых» (нынешней Дод-лейн; Dod от Dead, «мертвый»), по которой в древности духи умерших шли к Авалону.

Гластонбери связан и с другими святилищами древности. Башня на вершине гластонберийского Тора (все, что осталось от церкви святого Михаила, возведенной, по преданию, святым Патриком) составляет ориентир на «Христовом пути»: легенда гласит, что однажды Христос прошел по британской земле из Корнуолла в Гластонбери (и когда-нибудь снова повторит этот путь), и следы его продвижения отмечены храмами и часовнями[1]. В одиннадцати милях к юго-западу от Гластонбери лежит Сент-Майкл-хилл с развалинами древней церкви; линия между этими холмами, если ее продолжить, приведет точно к южному входу в Эйвбери.

[1] По всей видимости, «Христова тропа» представляет собой древнюю дорогу между двумя святилищами — Гластонбери и Эйвбери.

Исследователи артуровских легенд сопоставляют Гластонбери с двумя наиболее известными географическими точками королевства Артура — островом Авалон и столицей Артура Камелотом. Первое сопоставление основывается на бриттском названии Гластонбери — Инис-Ветрин, то есть Стеклянный остров; поскольку на мифическом Авалоне находилась стеклянная башня, тождество Гластонбери и Авалона считается почти доказанным. Что касается второго сопоставления, оно связано с плато, расположенным в одиннадцати милях к юго-востоку от Гластонбери; на картах оно отмечено как Кэдбери-Касл. По свидетельству Дж. Леланда, местные жители, которых он опрашивал в 1542 г., называли это плато Камелотом и утверждали, что на нем стоял замок короля Артура и что Артур, погруженный в глубокий сон, покоится в пещере под близлежащим холмом. Зимними ночами можно видеть проносящееся над плато призрачное воинство (интересный вариант общегерманского представления о Дикой Охоте).

Раскопки, проводившиеся на Кэдбери-Касл в 1960-е годы, показали, что на плато и вправду находился город, который несколько раз отстраивали заново. Приблизительно в VI в. н. э., то есть в предполагаемые годы жизни Артура, на плато был возведен огромный деревянный замок с каменными башнями. Это сооружение уникально, во всей южной Англии не удалось отыскать хотя бы слабого его подобия, из чего был сделан вывод о достоверности народных преданий и об обнаружении Камелота.

В заключение приведем любопытный случай, связанный с Гластонбери и циклом артуровских легенд. В 1929 г. молодая художница Кэтрин Мальтвуд приехала в Гластонбери, чтобы почерпнуть вдохновение для иллюстраций к

«Истории Святого Грааля» — средневековому рыцарскому роману о подвигах короля Артура и его рыцарей. Прогуливаясь по окрестностям с романом в руках, Кэтрин, как ей казалось, узнавала многие описанные в тексте места. Однажды ей пришла в головы мысль, что «ключ» к артуровским легендам зашифрован именно в ландшафте Гластонбери.

Как-то вечером она поднялась на Тор и взглянула в сторону Кэдбери-Касл — и вдруг заметила, что вечерние тени своими очертаниями напоминают гигантские человеческие фигуры. Фантазия художницы разыгралась; мисс Мальтвуд предположила, что легенды об Артуре основаны на астрологическом «узоре» местного ландшафта. Она обложилась картами и данными аэрофотосъемки и постепенно выявила «астрологические метки» Гластонбери и окрестностей, которые соответствуют местоположению созвездий на небосводе в определенные месяцы года.

Как ни удивительно, эта теория, не подкрепленная ничем, кроме фантазии художницы, приобрела довольно много поклонников. По сей день в Гластонбери стекаются тысячи приверженцев «астрального Артура», а в книжных магазинах города можно приобрести книги с описаниями «зодиака Мальтвуд».

Глава 5

МЕРЛИН

Рождение Мерлина. — Мерлин-пророк. — А. Веселовский о Мерлине. — Мерлин у Ненния и Гальфрида. — «Жизнь Мерлина». — Мерлин у де Борона. — Мерлин в «Le Roi Artus». — Мерлин и Морольф. — Мерлин и Соломон. — Ланселот как «заместитель» Мерлина. — Клижес.

Особое место в ряду персонажей артуровского цикла занимает Мерлин, воспитатель и наставник Артура, со временем превратившийся в магического опекуна Логрии — артуровской Британии.

Согласно легенде, Мерлин родился от смертной женщины, соблазненной демоном-инкубом. По Гальфриду, его мать сама призналась в этом, когда ее привели к королю Вортигерну: «И когда их привели перед королевские очи, государь принял мать Мерлина с должной почтительностью, так как знал, что она происходит от знатных родителей. Затем он начал ее расспрашивать, от кого зачала она Мерлина. Та ответила: “У тебя живая душа и живая душа у меня, владыка, мой король, но я, и вправду, не знаю, от кого я его понесла. Мне ведомо только то, что однажды, когда я находилась вместе со своими приближенными в спальном покое, предо мной предстал некто в облике прелестного юноши и, сжимая

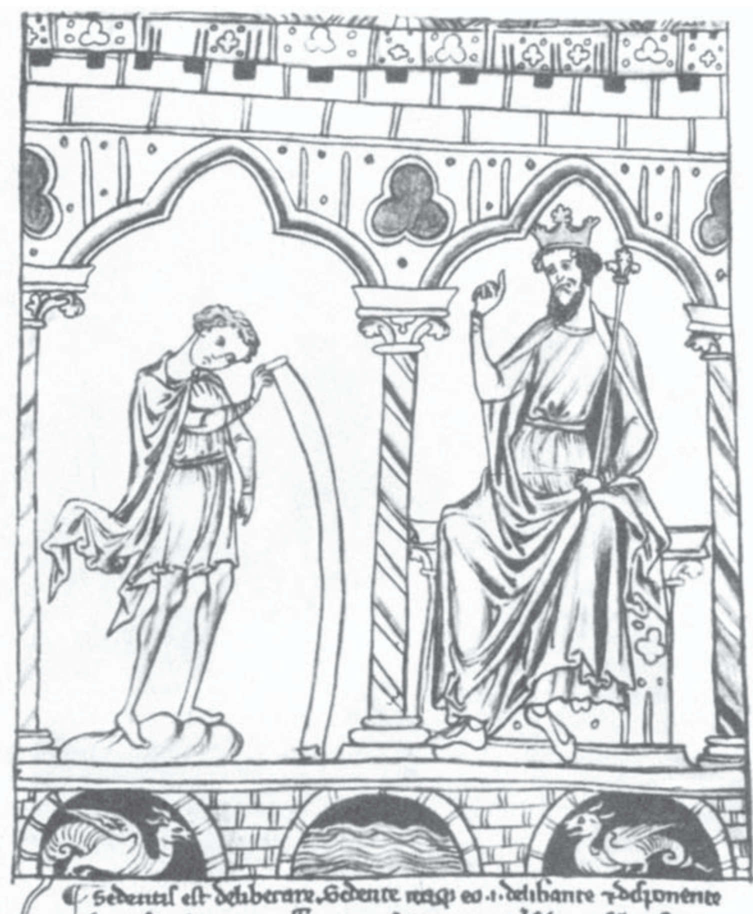
в цепких объятиях, осыпал меня поцелуями; пробыв со мною совсем недолго, он внезапно изник, точно его вовсе и не было. И он долгое время посещал меня таким образом, как я рассказала, и часто сочетался со мною, словно человек во плоти и крови, и покинул меня с бременем во чреве”».

Вортигерн же разыскивал человека, рожденного не от смертного отца, — ему было предсказано, что лишь на крови такого человека будет стоять крепость, которую он замыслил возвести. Мерлин, впрочем, сумел избежать гибели: проявив не свойственную столь юному возрасту мудрость, он убедил Вортигерна, что крепость неустойчива по очень простой причине — под ней находится подземное озеро, которое и лишает камни опоры. Когда слова юноши подтвердились, Вортигерн оставил Мерлина в живых и даже приблизил к себе в качестве придворного прорицателя.

Тот же Гальфрид приводит пророчества Мерлина, столь туманные и столь многозначительные, что кажется, будто перед нами — Нострадамус, «позабывший» зарифмовать свои центурии. Эти пророчества заслуживают того, чтобы привести их целиком.

«Горе дракону красному, ибо близится его унижение. Пещеру его займет белый дракон, который олицетворяет призванных тобой саксов, тогда как красный — исконное племя бриттов, каковое будет утеснено белым драконом. Горы Британии сравняются с ее долами, и реки в долах ее станут струиться кровью. Почитание истинной веры иссякнет, и взорам предстанут развалины Господних церквей.

И все же вера, гонимая и утесняемая, в конце концов возьмет верх и устоит перед свирепостью иноземцев. Придет на подмогу и вепрь из Корнубии и своими копытцами



Юноша Мерлин и король Вортигерн. Из рукописи XIII в.

растопчет их выи. Господству его подпадут на океане лежащие острова, и он овладеет галльскими лесами и рощами. Вострепещет дом Ромулов пред его свирепостью, и будущее римской державы станет сомнительным. Уста народов станут его прославлять, и его деяния доставят пищу повествователям. После него будет еще шесть венценосцев, но затем воспрянет германский змий.

Возвеличит его водный волк в сопровождении африканских лесов. Снова иссякнет вера, и переместятся епархии. Лондонский епископат украсит собой Доробернию, и седьмой эборакский пастырь будет собирать вокруг себя толпы в Арморике. Меневия облачится в мантию Города Легионов, и онемеет проповедник-просветитель Ибернии из-за чада, растущего в материнском чреве. Будет низвергаться кровавый дождь, и свирепый голод изнурит смертных. Красный дракон будет охвачен скорбью, претерпевая все это, но, перестрадав, снова окрепнет.

Тогда белого дракона постигнут бедствия, и в садах его рухнут здания. Погибнут семь венценосцев, и один из них будет причислен к лику святых. Материнские чрева будут иссечены и младенцев извлекут из них недоношенными. Случится великое истребление сынов человеческих, дабы восстали из праха исконные обитатели острова. Кто это свершит, того облекут бронзовым мужем, и он на таком же коне долгие годы будет стеречь врата Лондона.

Затем красный дракон вернется к прежним делам своим и примется упорно вредить себе самому. И вот обрушится мщение Вседержителя, ибо всякое поле обманет упования земледельцев. Смерть накинется на людей и произведет опустошения среди всех народов. Пощаженные ею покинут родные края и станут засевать чужеземные пашни. Благословенный король снарядит флот и во дворце двенадцатого свя-

тителя будет сопричислен к лику святых. Горестным будет опустошение царства, и поля, с которых снимали жатву, превратятся в поросшие кустарником пустоши. Снова восстанет белый дракон и призовет дочь Германии. Сады наши снова заполнятся иноземным семенем, а красный дракон будет чахнуть на краю болота. Вслед за тем будет увенчан короною змий Германии, а бронзовый государь низвержен. Змию предуказан срок, превысить каковой он бессилен.

В течение ста пятидесяти лет он будет пребывать в тревоге и унижении, в течение следующих трехсот — в покое. Вслед за тем на него обрушится северный ветер и вырвет с корнем цветы, взлелеянные дуновением весны, произойдет осквернение храмов, не затупятся острия мечей, с трудом будет удерживать пещеры свои германский дракон, ибо грядет отмщение за его предательство.

Он постепенно окрепнет, но его ослабит беспощадное изничтожение со стороны неустрийцев-завоевателей, ибо нагрянет народ в ладьях и в железных доспехах, который ему воздаст за его мерзостные деяния. Этот народ вернет коренным жителям их пепелища, и на чужеземцев придет управа. Поросль белого дракона будет выкорчевана из наших садов и остатки его потомков истреблены. На их выи будет возложено ярмо вековечного рабства, и свою мать изранят они сохами и мотыгами.

Появятся два дракона, из коих один задохнется от жала ненависти, а другой станет тенью своего имени.

Появится лев правосудия, от рыкания коего затрясутся галльские башни и драконы на острове. В его дни золото станут добывать из лилий и крапивы, а серебро потечет из копыт тех, что мычат. Люди с убранными по-особому волосами облачатся в одежды различные, и их облик будет свидетельствовать об их внутренней сущности. Лапы дающих

будут отрублены, и дикие звери обретут мир и покой, человечество же будет удручено казнями. Ценность монеты изменится, половина станет круглою. Коршуны перестанут быть хищными, и зубы волков затупятся. Детеныши льва превратятся в морских рыб, а его орел построит себе гнездо на горе Аравии. Венедотия заалеет от материнской крови, а дом Коринея умертвит шестерых братьев. Ночными слезами будет сочиться остров, из-за чего все будут готовы на все.

Потомки будут силиться взлететь на высоты, но благорасположение к новым усилится. Властителю из нечестивых будет вредить его доброта, пока он не обретет для себя отца. Наделенный клыками вепря, он перешагнет через горные вершины и тень того, на ком шлем. Вознегодует Альбания и, призвав сопредельных с ней, примется проливать кровь. Челюсть ее стянет узда, выкованная в лоне Арморики. Позлатит ее орел разорванного союза и будет обрадован своим третьим гнездовьем. Детеныши рыкающего пробудятся от сна и, покинув леса, примутся за ловитву внутри стен городских. Немалый урон нанесут они тем, кто потщится им воспрепятствовать, и оторвут языки у быков. На выи мычащих возложат они бремя цепей, и дедовские времена возвратятся.

Затем большой палец, омоченный миром, прикоснется сначала к первому, после него к четвертому, после четвертого к третьему, после третьего ко второму. Шестой властитель порушит стены Ибернии и леса обратит в равнину. Различные части он сведет воедино и увенчает себя львиною головой. Начало его будет подвластно смутным влечениям, но конец вознесет его к вышним. Ибо он обновит родительские святилища и расставит пастырей в должных местах. Двум городам даст он епископскую епитрахиль и одарит девственниц подобающими их девству дарами. Он

заслужит благоволение Вседержителя и будет причислен к лику святых.

Из него выйдет обладающая всепроникающим взором рысь, которая будет угрожать гибелью собственному народу. Ведь именно из-за нее Неустрия лишится и того и другого острова и утратит былое достоинство. Затем на остров вернутся исконные его обитатели, ибо между чужеземцами вспыхнет раздор. Белоснежный старец на белоснежном коне запрудит реку Пирон и ослепительно белой тростью разметит место, на котором поставит мельницу. Кадвалладр призовет Конана и примет в союз Альбанию. Тогда произойдет избиение чужеземцев, тогда реки потекут кровью, тогда в Арморике наружу вырвутся родники и будут увенчаны короною Брута. Камбрия преисполнится радости, и зазеленеют дубы Корнубии. Остров будет наречен по имени Брута, и изникнет название, данное ему чужеземцами.

От Конана произойдет доблестный вепрь, который в галльских лесах покажет, до чего остры его клыки. Он подсечет самые могучие из дубов, а меньшие станет оберегать. Арабы и африканцы вострепещут пред ним, ибо свой безудержный бег он устремит в Испанию Дальнюю.

Явится козел из чертогов Венеры; будет он с золотыми рогами и серебряною бородкой и станет из ноздрей выпускать настолько густой туман, что тот окутает собою весь остров. Нерушимый мир будет царить в его время, и благодаря плодородию почвы умножатся урожаи. Уподобившись змеям, женщины обретут плавность в движениях, и всякий их шаг будет исполнен высокомерия. Обновятся чертоги Венерины, и Купидоновы стрелы не перестанут наносить раны. Источник Амне станет бить кровью, и два короля сойдутся в единоборстве из-за львицы с Брода Дубинки. Вся

земля погрязнет в разврате, и человечество не прекратит предаваться распутству.

Все это увидят три века, пока не будут отысканы могилы королей, погребенных в Лондоне. Снова вернется голод, снова начнет свирепствовать смерть, и граждане будут скорбеть о разорении городов.

Явится вепрь торговли, который возвратит рассеянные стада на позабытое пастбище. Грудь его будет пищей для алчущих, а язык его утолит жаждущих. Из пасти его изольются реки, которые увлажнят иссохшие глотки людей. Затем на Лондонской башне вырастет дерево, которое, удовольствовавшись только тремя ветвями, своею густою листвой погрузит в тень лик всего острова. На дерево налетит враждебный Борей и своими неистовыми порывами обломает его третью ветвь; место уничтоженной займут две оставшиеся невредимыми, пока одна из них не задушит другую неисчислимым множеством своих листьев и не завладеет местом обеих; она приютит на себе птиц из заморских стран, но окажется вредоносной для отечественных пернатых, ибо те, страшась царящей здесь тьмы, утратят свободу полета. Затем явится осел беспутства, быстрый возле кующих золото и медлительный при нападении жадных волков.

В эти дни в лесах запылают дубы и на ветвях лип окажутся желуди. Семью рукавами потечет в море Сабрина, а река Оска будет кипеть в продолжение семи месяцев; рыбы ее погибнут от жары, и из них народятся змеи.

Источники Бадона остынут, и их целебные воды станут смертельными.

Лондон оплачет гибель двадцати тысяч людей, и Темза потечет кровью. Монахи начнут вступать в браки, и их выкрики будут слышны на альпийских вершинах.

В Гвинтонии городе три родника вырвутся на поверхность, и ручьи, излившиеся из них, на три части рассекут остров.

Кто изопьет из первого, тот насладится долгою жизнью и не познает горести увядания; кто изопьет из второго, тот погибнет от неизбывного голода, и на лице его выступит бледность и печать ужаса; кто изопьет из третьего, того похитит внезапная смерть, и тело его нельзя будет предать погребению. Желающие избавиться от этой напасти будут стараться прикрыть источник чем-нибудь, но какие бы груды ни навалить на него, они лишь изменят свой облик. Ибо насыпанная поверх земля превратится в камни, камни в древесину, древесина в пепел, пепел в воду.

Из города, именуемого Лесом Канута, выйдет дева, дабы изыскать средство от этого бедствия. Она, как если бы превзошла все науки, лишь своим дыханием иссушит пагубные источники. Затем, окрепшая от целительного питья, понесет в правой руке лес Калидона, а в левой — защитные стены Лондона. Куда ни ступит ее нога, повсюду вспыхнут огни с сопутствующим густым серным дымом. Этот дым разъярит рутенов и уничтожит пищу обитателей хлябей морских. Горючие слезы прольет эта дева, и ее горестные рыдания огласят весь остров. Ее убьет олень своими рогами о десяти ветвях, из которых четыре будут нести на себе золотые венцы. Шесть остальных превратятся в бычьи рога и своим гнусным стуком встревожат три острова бриттов.

Будет разбужен Данейский лес, и он воскликнет человеческим голосом: “Приблизься, Камбрия, и приведи сбоку себя Корнубию и скажи Винтонии: «Тебя поглотит земля; перенеси поэтому местопребывание пастыря туда, где пристают корабли, и пусть прочие члены последуют за головой».

Ибо близится день, в который погибнут за свои клятвопреступления горожане. Обрекут же их на это как белоснежная шерсть, так и многоразлично окрашенная. Горе преступившему свои клятвы народу, ибо из-за него рухнет преславный город. Корабли возрадуются такому возвеличению и из двух останется лишь одно. Рухнувший город отстроит наново еж с ношей плодов земных, на запах которых слетятся из разных лесов пернатые. Он возведет к тому же огромный дворец и окружит его шестьюстами башнями. Этому позавидует Лондон и удлинит втрое свои защитные стены. Река Темза обойдет его отовсюду, и молва об этом сооружении перешагнет через Альпы. Свои плоды еж укроет в Лондоне и прокопает здесь подземные ходы. Об эту пору возопиют камни, и море, по которому плывут в Галлию, за краткий срок стянется. Пребывающие на том и другом его берегах будут слышать друг друга, и площадь острова увеличится. Откроются тайны морских глубин, и Галлия содрогнется от страха".

После этого из Калатерского леса явится цапля, которая за два года облетит остров. Ночными криками она будет сзывать пернатых и соберет весь птичий род вокруг себя. Он устремится на нивы смертных и пожрет весь урожай хлебов до последнего зернышка. Голод накинется на людей и вместе с ним жестокая смерть. А когда это бедствие прекратится, отвратительная птица прилетит в долину Галаб и поднимет ее на высокую гору. На вершине горы она высадит дуб и на его ветвях угнездится. Три яйца отложит она в гнезде, и из них вылупятся лиса, волк и медведь. Лиса пожрет свою мать и напялит на себя ослиную голову. Преобразившись в чудовище, она устрашит своих братьев и прогонит их в Неустрию. А те там раззадорят против нее клыкастого вепря и, вернувшись с ним вместе на кораблях, вступят в борьбу с

лисой. Эта, начав с ним битву, прикинется поверженной насмерть, и вепрь ее пожалеет. Вслед за тем, приблизившись к трупу мнимопочившей, он подует ей в глаза и на щеки. А та, не позабыв о своей хитрой уловке, вонзит зубы в его левую ногу и полностью ее отгрызет. Вскочив, она отхватит у него правое ухо и хвост и укроется в горных пещерах. Обманутый вепрь воззовет к волку и медведю, дабы они восстановили ему утраченные им члены. Те, узнав, что случилось, пообещают ему оторвать у лисы две ноги, уши и хвост и превратить их в кабаньи. Вепрь успокоится и станет дожидаться обещанного, восстановления того, что он потерял. Между тем лиса спустится с гор; обернувшись волком и как бы намереваясь вступить с вепрем в беседу, она коварно к нему подойдет и сожрет его без остатка. Затем она превратит себя в вепря, лишенного частей тела, и станет дожидаться его сотоварищей, а когда те к ней подбегут, искусает обоих и их умертвит, после чего увенчает себя львиною головой.

В ее дни народится змий, который станет угрозой для жизни смертных. Растянув свое длинное тулово, он окружит им Лондон и станет пожирать всех прохожих. Горный бык обретет волчью голову и в стремнине Сабрины выбелит свои зубы. Стада Альбании и Камбрии он присвоит себе, и те выпьют и иссушат Темзу. Осел призовет козла с кустистою бородой и позаимствует его облик. Горный бык возмутится этим и, призвав волка, пойдет на них в обличии рогатого буйвола. Поддавшись ярости, он пожрет их мясо и кости, но будет сожжен на вершине горы Уриана. Искры от костра превратятся в лебедей, которые будут плавать на суше так же, как на воде. Они пожрут в рыбах рыб и проглотят в людях людей. Постарев, они станут подводными рысями и примутся измышлять подводные западни. Они будут топить корабли и накопят немалое количество серебра.

Снова потечет Темза и, приняв притоки, выйдет из пределов своего русла. Она зальет ближние города и подмоет подступающие к ней горы.

Некто, исполненный мерзости и коварства, присвоит себе галабский источник. Из-за этого вспыхнет распря, которая вовлечет венедотов в битвы. Прибудут лесные дубы и вступят в бой со скалами гевиссеев. Прилетит ворон с коршунами и пожрет тела павших. На стенах Клавдиоцестрии угнездится сова, и в ее гнезде родится осел. Возрастит его змей Мальвернский и толкнет к бесчисленным хитростям. Овладев королевским венцом, он достигнет вершин самовластия и ужасающим ревом будет устрашать обитателей этой страны. В его дни задрожат горы Пахайи, и этот край лишится лесов. Ибо явится огнедышащий змий и сожжет деревья своим дыханием. Из него выйдут семь львов, обезображенных козлиными головами. Исходящее у них из ноздрей зловоние совратит женщин, и они впадут в блуд. Отец не будет знать, кто именно его сын, ибо жены будут предаваться любовным утехам подобно домашним животным.

Явится исполин бесстыдства, который пронзительностью своего взгляда станет устрашать всех. Ополчится на него вигорнийский дракон и вознамерится его истребить. В схватке, которая произойдет между ними, дракон, однако, окажется побежденным и будет осилен подлостью победителя. Этот вскочит на спину дракона и, сбросив одежду, усядется на нем совершенно нагой. Дракон вознесет его ввысь и, подняв хвост, станет хлестать им обнаженного. Но великан, собравшись с силами, поразит его мечом в глотку. Наконец дракона сожмет его собственный хвост, и он погибнет, отравленный своим ядом.

После него грядет тотонский вепрь и примется беспощадным насилием утеснять народ. Он изгонит из Клавдиоцестрии льва, который частыми схватками будет беспокоить свирепствующего. Лев подомнет его под себя и будет топтать ногами и хватать своею отверстою пастью. Наконец лев вступит в борьбу с королевством и начнет подминать под себя знатных. В эту распрю вмешается буйвол и ударит льва правой ногой. Он погонит того по различным областям королевства, но обломает себе рога о стены Эксонии. Отметит за льва лисица каердубальская и, растерзав буйвола, сожрет его без остатка. Вокруг лисицы обовьется линдоколинский змий и своим вселяющим ужас свистом оповестит о себе многих драконов. Вслед за тем сойдутся драконы, и один растерзает другого. Крылатый одолеет бескрылого и вонзит в его морду ядовитые когти.

Мерлин и отшельник. Из рукописи XIII в.

Схватятся между собой еще два дракона, и снова один умертвит другого. К умерщвленным подойдет пятый и, прибегнув к всевозможным уловкам, сокрушит тех, кто остался в живых. Он вскочит, вооруженный мечом, на спину одного из этих драконов и отсечет ему голову. Скинув с себя одежду, он взберется и на другого и примется справа и слева наносить ему удары по хвосту. Обнаженный, он осилит его, тогда как одетый ничего не добьется. На прочих он будет нападать сзади и прогонит их на окраины королевства. Появится рыкающий лев, сеющий ужас своей беспредельной лютостью. Он сведет пятнадцать частей воедино и станет самодержавно властвовать над народом. Возблистает белый, как снег, великан и окрепнет белому народу на благо. Наслаждения изнежат властителей, и, погруженные в них, они превратятся в диких зверей. Родится среди них лев, налившийся человеческой кровью. В поле наткнется он на жнеца, поглощенного своим трудом, и его растерзает.

Укротит их эборакский возничий, который, прогнав своего господина, подымется на управляемую им колесницу. Обнажив меч, он станет грозить им востоку и заполнит кровью следы своей колесницы. В водной хляби будет создана рыба, которая, будучи призвана свистом змеи, с нею соединится. От этого соединения родятся три сверкающих буйвола, которые, объев пастбища, обратятся в деревья. Первый понесет бич, сплетенный из гадюк, и покажет спину рожденному вторым. Этот постарается вырвать у него бич, но будет схвачен рожденным последним. Они не станут друг на друга смотреть, пока не выбросят кубка с ядом.

Появится затем земледелец альбан, которому будет угрожать сзади змея. Он примется вскапывать землю, дабы родные края засеребрились посевами. Змея будет стараться

разбрызгать яд, чтобы всходы не дали колосьев. Народ начнет гибнуть от смертоносного бедствия, и города опустеют. Стать целебным средством от всего этого будет предназначено городу Клавдия, ибо из него выйдет дщерь бичующего. Она вынесет весы исцеления, и остров немного спустя воспрянет. Затем пожелают завладеть скипетром двое, которым будет служить рогатый дракон. Один из них, весь в железе, вскочит на летучего змия. Обнажившись, он воссядет на его спину и охватит десницею хвост. От крика его рассвирепеют моря и устрашат второго. Тогда этот второй присоединится ко льву, но, повздорив, они вступят в схватку. Они нанесут друг другу немало увечий, однако ярость дикого зверя возобладает. Прибудет некто с кифарой и бубном и укротит ярость льва. Успокоятся народности королевства и призовут льва к весам. Став у них, он займется отвешиванием, но протянет руки к Альбании. Северные области опечалятся и отопрут двери храмов. Волк-знаменосец поведет за собой отряды и своим хвостом обхватит Корнубию. С ним сразится воин на колеснице, который превратит народ этот в вепря. Вепрь опустошит области, но на дне Сабрины укроет голову. Человек обхватит захмелевшего льва, и блеск золота ослепит взирающих на него. Засверкает вокруг серебро и станет сотрясать давильни.

Налившись вином, смертные захмелеют и, презрев небо, устремят взоры на землю. Отвратят звезды свои лики от них и нарушат обычный бег. Так как они разгневаются, на небосводе не станет влаги, и посевы засохнут. Поменяются местами корни с ветвями, и это будет сочтено чудом. Сияние солнца потускнеет в янтарных лучах Меркурия, и взирающие на это будут охвачены ужасом. Стильбон Аркадский сменит свой щит, и шлем Марса призовет Венеру. Марсов шлем отбросит тень, и ярость Меркурия перешагнет

границы. Железный Орион обнажит меч. Разгонит тучи, поднявшись над морем, Феб. Юпитер сойдет с определенных для него троп, и Венера покинет установленные пути. Светило Сатурн обрушит на землю свинцовый свой свет и изогнутым серпом будет истреблять смертных. Двенадцать чертогов небесных светил разразятся жалобами на то, что гости их обходят. Разомкнут привычные объятия Близнецы и призовут суд к источникам. Коромысло Весов будет пребывать в наклонном положении, пока его не выправит Овен своими закрученными рогами. Хвост Скорпиона станет метать молнии, и Рак затеет спор с солнцем. На спину Стрельца поднимется Дева и унизит свои девичьи цветы. Колесница луны приведет в смятение Зодиак, и Плеяды обольются слезами. Они не вернутся к своим обязанностям, и, затворившись в своем чертоге, скроется Ариадна. Под ударами луча поднимутся воды, и древний прах обносится. В диких порывах столкнутся ветры, и рев их изникнет среди светил».

Подобно предсказаниям Нострадамуса, пророчества Мерлина подвергались многократным (и зачастую чисто субъективным) толкованиям. Относительно их содержания достоверно известно одно: под «красным драконом» разумеются бритты, то есть «наши», а под «белым драконом» — саксы, «чужаки». Кстати сказать, мотив борьбы двух драконов, белого и красного, с годами сделался своеобразной аллегорией британской внешней политики: совсем недавно, в середине XX столетия, противостояние Великобритании и Германии метафорически описывалось как поединок красного и белого драконов.

Если не считать перенесения из Ирландии в Британию камней Стоунхенджа в правление Вортигерна, свои самые

знаменитые подвиги Мерлин совершил, находясь на службе отца Артура, короля Утера Пендрагона, и самого Артура. Он помог Утеру принять облик герцога Горлуа и проникнуть к Игерне, он добыл для Артура чудесный меч Эскалибур, учредил орден рыцарей Круглого стола и т.д.

Кончина Мерлина столь же загадочна, как и смерть Артура. По наиболее распространенной версии легенды, он был усыплен чародейкой Нимуэ, в которую влюбился без памяти и которой раскрыл тайны своего могущества, и она заточила его в пещере или в стволе дерева. Существует также предание, что однажды Мерлин по рассеянности занял за Круглым столом Погибельное сиденье, на котором мог усидеть лишь сэр Галахад, и чародея поглотила земля.

А.Н. Веселовский посвятил исследованию образа Мерлина главу своей фундаментальной работы «Славянские сказания о Соломоне и Киоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине». В рамках рассуждений об эволюции образа Соломона и его различных «ипостасей» в разных культурах он сопоставлял Мерлина с германским трикстером Морольфом, персонажем нескольких рыцарских романов.

Этот фрагмент работы Веселовского, с сокращениями, мы здесь и приводим.

Мерлин из одного рода с Морольфом, он и по времени ровесник ему. Искать в нем каких-либо исторических, тем более мифических отношений так же немыслимо, как видеть в Морольфе немецкого бога. Тот и другой опираются на один и тот же легендарный рассказ, в котором еще до них чередовались в той же роли Асмодей и Китоврас.

Чтобы доказать эти положения, нам необходимо обратиться к текстам. Мы расположим их в следующем порядке: в древнейшем тексте у Генния (IX в.), которым обыкновенно начинают генеалогию Мерлиновой легенды, имени Мерлина еще нет; вместо него является другое лицо, и что рассказано о нем, не обнаруживает еще влияние апокрифа; апокриф явится позже, и тогда рассказ Генния представит ему несколько таких черт, к которым ему удобно будет привязаться. Тогда мы получим легенду о Мерлине, кельтские отношения которой объясняются не природой самой легенды, а содержанием бретонской хроники, давшей ей quasi-историческую подкладку. В самом деле: с первого появления Мерлина у Гальфрида Монмутского (XII в.) его связи с апокрифом тотчас же обозначаются; стихотворная «Жизнь Мерлина» приносит их еще более; дальнейшее развитие легендарного мотива во французском и английском романе прибавляет новые подробности, возвращающие нас все к тому же отреченному источнику. После этого, конечно, не может быть сомнения, что все сказание о Мерлине основано на соломоновском апокрифе, так как оно и является впервые под его влиянием и развивается далее, заимствуя из него же сказочный материал. Оттого в Мерлине мы не только узнаем Китовраса Палеи и Морольфа немецкой поэмы, которому он сродни и по имени, но и Асмодея, демона талмудического рассказа.

Вот что говорится в «Historia Britonum» Генния. Королю Вортигерну (Guorthigernus) угрожают римляне, пикты и приверженцы устраненного им законного короля, Амброзия Аврелиана. По совету своих магов он хочет построить на конце своего царства, в горах, крепкий замок, где бы ему защититься от врагов. Место найдено по указанию тех же магов, собраны работники и материал, но он исчезает три

Э. Берн-Джонс. Обман Мерлина.

раза сряду невесть куда. Тогда мудрецы объявляют Вортигерну, что постройка не удастся, пока не найдено будет дитя, рожденное без отца, и замок не окропится его кровью. Царь шлет послов по всей Британии — не найдут ли они такого ребенка. Однажды они встречают играющих мальчиков, из которых один бранит другого: «У тебя ведь нет отца, ты не выиграешь!» Послы тотчас же принялись за расспросы, и мать мальчика, к которому относились бранные слова, подтвердила им клятвенно, что она действительно не знает, как зачала его, потому что мужчина ее не касался. Ребенка привели к Вортигерну, который на вопросы его объясняет, с какой целью привели его и что сделано это по совету магов. «Кто открыл вам, — спрашивает их дитя, — что этот замок не построится вовеки, если не обагрится моей кровью? И как узнали вы обо мне? Тебе, царь, я тотчас же расскажу все по правде, но прежде спрошу твоих магов: пусть скажут мне, что находится под основанием замка?» Не знаем, отвечали они. «А я знаю, что там озеро (stagnum); начните рыть и увидите». Оказалось, как он сказал. «Скажите мне, что находится в озере?» — продолжает пытать мальчик. Маги снова отзываются незнанием, как и во все последующие разы, а мальчик открывает им постепенно, что в озере найдется створчатый сосуд, в нем шатер, в шатре два спящих дракона, один красный, другой белый; в присутствии всех они вступают в борьбу, один хочет вытеснить другого из шатра; сначала одолевает белый, затем красный погнал противника за озеро. Маги не умеют истолковать этого чудного видения, которое мальчик так объясняет царю: шатер — это твое царство, озеро означает вселенную (figura hujus mundi est); красный дракон — тебя, а белый — народ, занявший многие страны Британии, которой он завладел от моря до моря. Красный дракон одолел белого — это наш народ прогонит

неприятелей. А ты оставь этот замок, который тебе не построить, и ищи себе более безопасного места. Я же останусь здесь. На спрос царя, как он зовется и из какого рода, он называет себя царственным Амброзием, а отца своего одним из консулов римского народа.

Посмотрим, чем стала эта легенда Нenния в истории британских царей Гальфрида Монмутского (XII в.). Здесь так же является Вортигерн, тот же совет магов — построить неприступный замок и та же неудача, потому что сооруженное в один день поглощалось на следующий землею. Послы, отправленные искать мальчика, рожденного без отца, кровью которого надлежало скрепить основание замка, находят его по тому же поводу. Ссорятся два мальчика, Дабуций (Dabutius) и Мерлин (Merlinus), которого противник обвиняет в том, что о нем неизвестно, кто он, что у него не было отца. На расспросы посланных им объясняют, что мать Мерлина — монахиня, дочь короля Деметии[1].

Мать и сына ведут к Вортигерну. Царь начинает пытать ее, кто был отцом ее ребенка. Она отвечает: «У тебя живая душа и живая душа у меня, владыка мой король, но я и вправду не знаю, от кого я его понесла. Мне ведомо только то, что однажды, когда я находилась вместе со своими приближенными в спальном покое, предо мною предстал некто в облике прелестного юноши и, сжимая в цепких объятиях, осыпал меня поцелуями; пробыв со мною совсем недолго, он внезапно изник, точно его вовсе и не было. Позднее он многократно обращался ко мне с речами, когда я бывала одна, но я его ни разу не видела. И он долгое время посещал меня таким образом, как я рассказала, и часто сочетался со мною, словно человек из плоти и крови, и покинул меня с бременем

[1] Dyvved — валлийский Дифед.

во чреве. Да будет ведомо твоей мудрости, что по-иному я не сходилась с этим юношей, породившим моего сына». Мудрый Мауганций, к которому обратились за советом, говорит, что таинственный любовник мог быть один из тех духов, «которых мы именуем инкубами». Их природа наполовину человеческая, наполовину демоническая; они по желанию принимают людской образ и живут с женщинами. Таким образом, Мерлин является если не демоном, то порождением демона, питающего любовь к земным красавицам, каким выставлен Асмодей Талмуда и сам Мерлин в позднейшем романе, говорящем особенно подробно о его нежной страсти к Вивиане. Его мудрость и знание будущего того же демонического источника; когда он спорит с магами Вортигерна, Гальфрид прибавляет: «...сочли, что в нем обитает божественный дух».

Спор с магами рассказан почти с теми же обстоятельствами, как и у Ненния. Вопрос, обращенный к ним: что находится под основанием замка, мотивирован так, что там есть что-то такое, отчего рушится постройка. И действительно, открывается озеро и в нем два полых камня, в которых спят красный и белый драконы.

Вся следующая книга Гальфрида посвящена пророчествам Мерлина по поводу борьбы двух драконов, которую он толкует, как и Ненний. Только пророчества здесь более распространены, они должны были ответить на многое, что томило ожиданием современников Гальфрида; они переходят и в первую главу VIII книги, где Мерлин сулит Вортигерну неминучую беду, потому что уже возвращаются законные властители, Аврелий Амброзий и Утер, старшего брата которых, Константина, извел Вортигерн.

Со смертью последнего роль Мерлина еще не кончилась. Победив врагов и воцарившись, Аврелий Амброзий хочет

увековечить достойным памятником славу павших героев. Ему говорят, что никто лучше не поможет ему в этом деле, как вещий Мерлин. Он между тем скрылся, и его находят после долгих поисков у одного источника, который он любил посещать. Приведенный к царю, он помогает ему чародейной силой перенести из Ирландии в Британию ряд исполинских камней, расположенных кругом, отчего их и назвали хороводом гигантов (chorea gigantum). Никакие человеческие орудия не могли сдвинуть с места эти остатки далекой культурной эпохи, которые и теперь еще слывут под названием Стоунхендж (Stonehenge). Это и есть памятник, назначенный Мерлином для павших британцев.

Между тем как Аврелий Амброзий погибает от яда, брат его Утер, воевавший тогда с саксонцами, видит в небе блестящую звезду: она имела вид дракона, из пасти которого выходили два луча. Мерлин предсказывает ему смерть брата и ему самому воцарение. В память этого Утер велит впоследствии сделать двух золотых драконов, из которых одного жертвует в церковь, а другого назначает носить перед собою в сражениях. С этого дня его самого начали звать Utherpendragon, что на британском языке означает драконову голову, caput draconis.

Утеру Пендрагону Мерлин так же служит советом, как и его покойному брату. Ему полюбилась Игерна, жена герцога Горлуа (Gorlois), которую ревнивый супруг охраняет в замке на острове среди моря, куда доступ так труден, что три воина могут противостоять там целому войску. Мерлин исполняет страстное желание царя: своими чарами он дает ему образ Горлуа, Ульфину, приближенному Утера Пендрагона, — образ другого человека, близкого герцогу, наконец, преображается сам, и под такой личиной все трое свободно проникают в замок, где ничего не подозревавшая Игерна

принимает мнимого супруга с распростертыми объятиями. В ту ночь зачат был Артур.

Чтоб пополнить легендарный образ Мерлина, едва начерченный в Гальфридовой истории, необходимо обратиться к стихотворной «Жизни Мерлина», тем более что большинство исследователей приписывает ее самому же Гальфриду. Этого мнения держался некоторое время и Сан-Марте, хотя за шесть лет до появления его «Arthursage»[1] Томас Райт уже высказал свое сомнение относительно авторства Гальфрида. В 1853 г. в предисловии к изданной им «Жизни Мерлина» Сан-Марте отказался от прежнего взгляда и считает теперь легендарную биографию более поздним произведением, написанным в 1216—1235 гг. Парис снова возвращается к оставленному мнению, полагая Гальфрида автором «Жизни», которую относит к 1140—1150 гг. Как бы то ни было, мы не можем не дорожить отзывом такого хорошего знатока средневековой литературы: что «Жизнь» еще не обличает знакомства автора с романами Круглого Стола. Это позволяет нам рассмотреть ее прежде романов и непосредственно за историей Гальфрида, хотя бы «Жизнь» ему и не принадлежала. Таким образом, мы не выйдем из хронологии развития легенды и познакомимся с чертами, которые «Жизнь» сохранила, может быть, в более древнем виде, чем позднейшие романтические обработки.

Мерлин «Vita Merlini» — царственный вещий старец; он удалился в леса, где особенно любит пребывать у источников. Мы не даем особенного значения причинам, которыми объясняется его бегство: гибель в битве близких ему людей будто бы повергла его в страшное горе, помутила мысли. Мы полагаем, что это черта поздняя и явилась она вследствие

[1] «Сага об Артуре» (*нем.*).

исторического приурочения личности Мерлина: его сестра Ганеида замужем за царем Родархом. Сестра и жена его, Гвендолена, беспокоятся о нем и посылают за ним одного посла за другим. Последний находит его у любимого источника, и ему удается увлечь его ко двору Родарха. Но Мерлин только что пришел и уже хочет снова уйти в свои леса; царь велит сторожить его и даже связать крепкою цепью. Опечалился Мерлин и умолкнул. Не проговорит ни одного слова, не слышно его смеха.

Как-то к супругу идти по дворцу королеве случилось.
Видя ее, Родарх ликовал, как то подобает,
За руку взял жену и рядом сесть приказал ей,
Обнял ее, к устам с поцелуем прижался устами.
Взгляд на нее обратив между ласк, он заметил случайно,
Что у жены в волосах висит, запутавшись, листик.
Пальцы к ним он поднес и, листик вытащив, бросил
Наземь его, веселясь и с любимой женою играя.
Вещий все это Мерлин увидал — и, нарушив молчанье,
Стал хохотать, на себя обратив все взоры стоявших
Рядом и всех удивив, ибо долго он не смеялся[1].

Он допрашивает его о причинах столь несвоевременного смеха, но Мерлин обещает ответить лишь в том случае, когда его освободят. Царь велит снять с него оковы.

Счастлив, что может уйти, королю Мерлин отвечает:

Вот почему я смеялся, Родарх: за то, что ты сделал,
Можно тебя похвалить и за то же винить тебя можно.

---

[1] Здесь и далее цитаты из «Жизни Мерлина» в переводе С. Ошерова.

Листик вытащил ты, который, сама не заметив,
На волосах принесла королева, и верность явил ей
Большую, чем Ганеида тебе в тот час, как в кустарник
Вышла, где встретил ее любовник и с нею спознался.
Навзничь покуда она, распустивши косы, лежала,
Листик ей к волосам и пристал, а ты его вынул.

Царица, сестра Мерлина, отвращает от себя подозрение, сильно опечалившее царя. Нечего верить безумному, потерявшему рассудок, смешивающему истину с ложью, говорит она и берется доказать это на деле:

Жил тогда при дворе — один из множества — отрок.
Только увидев его, жена хитроумная тотчас
Изобрела, какой победит она брата уловкой.
Отрока тотчас призвав, Ганеида брата спросила,
Чтобы предрек он, какой этот отрок смертью погибнет.
Ей Мерлин отвечал: «Узнай, сестра дорогая:
Этот умрет человек, упав с вершины утеса».
Втайне над этим смеясь, удалиться она приказала
Отроку, с тела совлечь ту, в которой был он, одежду,
Новое платье надеть и подрезать длинные кудри;
После вернуться велит, чтоб его сочли за другого.
Воле послушен ее, он, сменив одежду, вернулся
И перед всеми предстал таким, как она приказала.
Снова брата просить начала королева, промолвив:
«Милой поведай сестре, какой он смертью погибнет».

Ей отвечает Мерлин:

Этот отрок, как возраст наступит,
Примет в беспамятстве смерть, на могучем дубе повиснув.

В третий раз царица:

...тихо она приказала отроку выйти
И воротиться опять, одевшись в женское платье.
Тотчас же отрок ушел и точь-в-точь приказанье исполнил:
Женщиной он вернулся назад и в женской одежде
Встал пред Мерлином, меж тем как сестра спросила лукаво:
«Ну-ка, поведай нам, брат, как погибнет эта девица».
«Эта девица, — сказал он в ответ, — погибнет в потоке»,—
И над ответом таким Родарх стал громко смеяться,
Ибо об отроке был об одном трижды спрошен провидец
И трояко ему предсказал грядущие судьбы.

Он заключает, что и сказанное Мерлином о царице столь же неверно. Так она отвела ему глаза, и ее проступок остается нераскрытым. Мы увидим дальше, что роман лучше воспользуется этим мотивом.

Между тем предсказание Мерлина о троякой смерти мальчика оправдывается. Выросши, он погибает на охоте за оленем, упав с конем с высокой скалы, под которой протекала река; в падении он зацепился ногой за ветви одного дерева, а остальное тело попало в воду.

Так упал, утонул и повис на дереве бедный.

Роман де Борона удерживает тот же троякий род смерти. Старую популярность этого рассказа, привязавшегося к имени Мерлина, доказывает латинская эпиграмма о гермафродите, вероятно, античная, хотя она приписывалась Гильдеберту и даже латинско-итальянскому поэту XIV в. Пульче де Кастоза, с именем которого продолжала печататься в антологии.

Подобное рассказывает и Хуан Руис, епископ Гиты (Hita), о сыне мавританского короля Алакараса, которому пять звездочетов напророчили пять различных смертей, и пророчество исполняется в точности.

Но мы возвратимся к Мерлину стихотворной биографии, который, прежде чем исполнилось предсказанное им о мальчике, снова скрылся в леса. После разных приключений, которые мы опускаем, он во второй раз приведен насильно к сестре, связанный, и по-прежнему невесел и неразговорчив.

Видит Родарх, что Мерлин от радости жизни отрекся,
Что приготовленных яств и отведать он не желает;
Сжалясь, король повелел безумного вывести в город,
Чтоб на торгу средь толпы он прошел и стал веселее,
Новым товарам дивясь, которые там продавались.
С царского выведен был он двора и, только лишь вышел,
Как у дверей увидал слугу в лохмотьях, который
Вход стерег и просил, запинаясь, у мимо идущих,
Подали чтобы ему на покупку новой одежды.
Бросив на нищего взгляд, вещий муж засмеялся внезапно.
Дальше оттуда пошел, на юнца он воззрился, который
Новую обувь держал и еще прикупал к ней заплаты.
Вновь засмеялся Мерлин и дальше идти отказался
Через толпу на торгу, чтоб она на него не глазела.

Родарху он объясняет свое загадочное поведение лишь под условием, чтобы с него были сняты оковы:

Перед дверьми привратник сидел в изношенном платье,
Словно нищий, просил подаянья у мимо идущих,
Чтоб уделили ему хоть немного на новое платье.

Заставка А. Рэкхема к циклу легенд о короле Артуре.

Сам же он сидел между тем на груде зарытых
Тайно монет — богач, чья казна от него же сокрыта.
Я и смеялся над ним; а ты, если землю разроешь,
Много найдешь там монет, сберегаемых долгие годы.
Дальше меня отвели на торг, и там я увидел,
Как сапоги покупал человек и заплаты в придачу,
Чтобы, до дыр износив сапоги, как швы разойдутся,
Их опять починить и вновь пригодными сделать.
Я и над ним посмеялся затем, что несчастный не сможет
Даже надеть сапоги, а не то что пришить к ним заплаты
Те, что в придачу купил: ведь уж он утонул и волнами
Выброшен на берег был...

Все оказывается, как сказал Мерлин; а сам он между тем удаляется, чтобы никогда не возвращаться. Лето он проводит в лесах, зиму в хоромах, которые там соорудила по его просьбе сестра его Ганеида. Там он наблюдает ночное течение звезд, читает в них судьбы народа и царства, поминая время, когда он также пророчествовал Вортигерну, сидя с ним на берегу озера и истолковывая мистическую борьбу драконов. По смерти мужа Ганеида окончательно поселяется с братом в лесной тиши, и вместе с ними мудрый Талиэсин (Telgesinus), с которым Мерлин беседует о космогонии, о стихиях, об ангелах и злых духах, о море и его жителях, об островах, реках и источниках, о птицах, в числе которых Мерлин упоминает дятла, заменившего в народных преданиях удода соломоновской саги. Он не забыл легенды о шамире или разрыв-траве, какая ходила о нем, хотя говорит о том не совсем ясно:

Дятел, строя гнездо, от деревьев отщипывать может
Щепки и палки, каких никому оторвать не под силу;
Стуком при этом своим он всю оглашает округу.

Беседа продолжается с небольшими перерывами до конца, занимая, таким образом, большую часть биографии. Сообщая далее в порядке времени сказания о Мерлине, как они сложились в позднейших романах, я буду пользоваться романом де Борона и его продолжателя и отрывками английского стихотворного пересказа.

Начало этого романтического сказания мы уже сообщили. Рождение Мерлина решено на совете демонов, которые думают обрести в нем единственное средство — снова подчинить своей власти человеческий род, искупленный Спасителем. Мерлин — сын демона, обольстившего невинную девушку, когда, увлеченная гневом, она заснула, позабыв положить на себя знамение креста. Она согрешила бессознательно, ее дух не участвовал в немощи тела; оттого Мерлин, зачатый ею, ускользает из власти злых духов: он лишь наполовину принадлежит аду своим знанием прошлого, которым пошел в отца; но Господь даровал ему еще знание будущего: и тем и другим он служит во благо людям.

Мать его, подозреваемая в прелюбодеянии, осуждена на смерть; но казнь отложена, чтобы дать ей время вскормить ребенка. Мерлин родился таким страшным и волосатым, что на него нельзя было глядеть без страха. По осьмнадцатому месяцу он начинает говорить, оправдывает свою мать перед судьей, который обвиняет ее: «Я хорошо знаю, кто мой отец, но ваша мать лучше знает, кто был вашим отцом, чем моя — кто был моим. Она вдова, а отец ваш еще жив. Если бы вы знали это, вы осудили бы ее первую». Судья наводит справки по указанию мальчика: оказывается, что мать прижила его самого со священником. Тогда он отказывается казнить в матери Мерлина то, что прощает своей, и Мерлин рассказывает ему о тайне своего зачатия.

За этим введением, специально принадлежащим роману, следует известный рассказ о Вортигерне и его магах, о неудачной постройке замка, основание которого необходимо смочить кровью ребенка, рожденного без отца. Маги говорят так потому, что прочли в звездах, что этот ребенок будет причиной их гибели. Первое искание Мерлина послами Вортигерна рассказывается таким образом: «Случилось однажды послам подходить к одному городу большим полем, где играло много детей; между ними был и Мерлин. Ему чудесным образом было известно, что его ищут, и потому, подойдя к сыну одного именитого человека, он ударил его палкой, зная, что тот его выбранит. Он действительно срамит его тем, что он рожден без отца, и то же подтверждает послам. Тогда Мерлин сам подходит к ним и говорит смеясь: “Я тот, кого вы ищете; вы поклялись Вортигерну убить меня и принести ему мою кровь”».

Послы ведут Мерлина к царю. Проходя по базару одного города, они встречают крестьянина, который только что купил новые башмаки и большой кусок кожи. Увидя его, Мерлин разразился смехом. «Видите вы этого крестьянина? — объясняет он на спрос послов. — Последуйте за ним: он умрет, не дойдя до своего дома». Двое из посланных отправляются за крестьянином, который говорит им, что купил новые башмаки, потому что думает идти к святым местам, а кусок кожи — чтобы было чем починить обувь, когда она износится. Вернувшись к Мерлину, послы объявляют, что нашли того человека совершенно здоровым. «Тем не менее последуйте за ним», — отвечает Мерлин. Не прошли мили, как крестьянин внезапно остановился и упал мертвый.

Далее по пути они встречают в другом городе похоронное шествие. Хоронили ребенка. Мерлин снова засмеялся. «Видите ли вы вон того человека, который обнаруживает такую печаль? Он считается отцом ребенка. А теперь посмотрите на священника, что идет и поет впереди. Тому бы человеку не след плакать, а горевать бы священнику, потому что он настоящий отец. Пойдите, спросите мать, отчего ее муж печалится. Она ответит вам: потому что потерял сына. Тогда скажите ей в свою очередь: вы хорошо знаете, что отец ребенка — тот священник, и сам он знает о том, потому что заметил себе день, в который он был зачат». Так сказал Мерлин, и, допрошенная послами, мать во всем созналась, умоляя ничего не говорить мужу, который тотчас бы убил ее.

На третий день — новый смех Мерлина; но о нем рассказывает в этом месте лишь английский текст, который, сохраняя вернее расположение древней саги, передает здесь, с некоторыми отличиями, новеллу о неверности Ганеиды. Французский текст продолжателя де Борона воспользуется ею при другом случае, несколько изменив мотив: английский пересказ говорит о женщиие, переодетой царедворцем (chamberlaine), тогда как во французском романе выведены, наоборот, юноши, скрывающиеся в костюмах царицыных фрейлин.

Мерлин так объясняет, почему он засмеялся:

This ilke day, by my truth
In the Kings house is mickle ruth
Of the Kings Chamberlaine;
For the Queen, sooth to sayne,
Hath lyed on him a leasing stronge;

Therfore shee shall be dead with wronge:
For his chamberlaine is a woman
And goeth in the clothing as a man[1].

Царица пристала к ней с предложениями любви, и когда та не согласилась, сказала царю, будто его chamberlaine хотел сделать ей насилие — за что последний осужден на смерть. Поэтому спешите к Вортигерну, заключает Мерлин, и скажите ему, что царица солгала: пусть испытают его chamberlaine; он окажется женщиной. Один из спутников поспешает к Вортигерну объявить ему, что Мерлина ведут и что он то-то сказал о царицыном деле. По испытании chamberlaine действительно оказывается женщиной.

Затем идет известный рассказ о свидании Вортигерна с Мерлином, который открывает ему, почему не строится его замок; борьба драконов и т. д. Мерлин делается советником Вортигерна и впоследствии Утера Пендрагона, к которому французский романист отнес легенду о Chorea Gigantum, рассказанную Гальфридом о брате его Аврелии Амброзии: наоборот, он перенес иные рассказы с Утера на сына его Артура, который становится отныне любимым образом романистов. Отношения к нему Мерлина остаются такие же, как и к его предшественникам; они даже становятся теснее. К Артуру он особенно расположен, оберегает его советами, но его

---

[1] В этот самый день, клянусь,
Случилось в доме короля большое горе
С королевским царедворцем.
Ведь королева, сказать по правде,
Соблазняла его своим телом.
Ее бы и казнить, а не невиновного:
Царедворец-то — женщина,
Только в мужском обличье (*староангл.*).

так же трудно приручить, как и прежде: демоническая натура, он ревнив к своей свободе, капризно меняя свой облик, исчезая ненароком, чтоб явиться на помощь в минуту опасности. Эксплуатируя в подробностях старый мотив, романист не дал своему воображению разыграться до забвения основного типа.

Чтобы открыть смысл этих отношений Мерлина, необходимо остановиться на той таинственной роли, какая отведена во всем этом сказании драконам. Дракон является в воздухе метеором, чтобы возвестить смерть Аврелия Амброзия; от него царь Утер назван Пендрагоном; дракон становится воинским знаком, победоносным знаменем, которое нередко носит сам Мерлин; Артур видит во сне борющихся дракона и медведя; о борьбе красного и белого дракона мы не раз упоминали и даже сравнили ее с другой мистической распрей, источник которой следует искать в одной из отреченных легенд средневекового христианства. К этому предположению мы присоединим теперь другое: драконы Вортигерна и вообще всего мерлиновского сказания не объясняются ли из того же апокрифического цикла, к которому мы думаем приурочить и фигуру самого Мерлина? Вспомним дракона-Асмодея, которого в немецком стихотворении XII в. Соломон поймал у источника, опоив его вином. В одном валлийском mabinogi, вероятно относящемся к саге о Мерлине, хотя он сам и не назван, встречается та же черта. Рассказывают, что остров Британию посетило неведомое горе: раздавался такой страшный, оглушительный гром, что люди глохли, женщины рожали преждевременно, у девушек и юношей отнимались чувства, падали звери и хирели деревья. Король Британии Ллуд не знает никакого средства спасения, пока брат его Ллевелис не указывает ему, что гром происходит от великой

борьбы, поднявшейся между драконом острова и другим, принадлежащим чуждому народу. Каждый год, в ночь первого мая, последний напрягает все усилия, чтобы вытеснить противника, который в ярости и отчаянии испускает слышанный тобой вопль. «Вели отыскать средоточие острова и выкопать яму, поставь большой сосуд с медом, накрой его платом и стереги. Ты увидишь, как оба дракона поднимутся в воздух и начнут сражаться; когда же они устанут, то спустятся в образе свиней на полотно, чтоб напиться меду. Тогда опусти их вместе с полотном на дно сосуда, где они заснут (опившись), и, завернув их, вели зарыть глубоко под землю в самой уединенной части твоего государства». Как только это сделали, бедствие прекратилось, продолжает далее валлийский mabinogi, который мы потому не считаем достоянием специально кельтской саги, что большая часть mabinogion оказалась, наоборот, переведенной из позднейших французских романов, на что и было указано в своем месте. Таким образом, они не только не открывают нам более древнего источника саги, но в качестве показаний второй и даже третьей руки могут быть употреблены в дело лишь в немногих случаях, когда они одни сохранили подробности, опущенные в дошедших до нас французских текстах.

По счастью, мы можем не прибегать к этому средству в данном случае. Чтобы иметь право отождествить Мерлина с Асмодеем-Китоврасом, интересно было бы к остальным чертам сходства подыскать: не рассказывалось ли о Мерлине, что он был пойман той же приманкой, как его апокрифические первообразы? До сих пор мы знаем, что Мерлина искали Вортигерн и Ганеида, что его приводили к ним насильно, даже в оковах; романы особенно часто возвращаются к черте, намеченной уже в «Жизни Мерлина», что он

любит пребывать у источников — место действия Асмодея-Китовраса и дракона, опоенного Соломоном. Остальное доскажет нам эпизод из «Le Roi Artus»[1], анонимного продолжения романа де Борона. Эпизод этот сильно потерпел от пересказчика и, по нашему мнению, не у места: ему бы следовало стоять в самом начале мерлиновой легенды.

Начну с введения. Мерлин оставил на время Артура и перенесся в леса Романии. В Риме царил тогда Юлий Цезарь, у которого была жена большой красоты, но распущенных нравов; она держала при себе двенадцать красивых юношей, одетых в женские платья. Они казались женщинами — так искусно умела императрица сводить с их подбородка начинавшийся волос; они считались ее фрейлинами, и она разделяла с одним из них царское ложе всякий раз, как император удалялся из Рима. При том же дворе жила Адвенабль (Advenable), дочь какого-то немецкого герцога; когда отец был изгнан из своей земли, она также удалилась, одевшись в мужское платье, чтобы избежать опасностей путешествия. Впоследствии, найдя эту личину удобной, она в ней осталась; все ее принимают за мужчину, она посвящена в рыцари, а император делает ее даже сенешалем Романии. Она зовет себя Гризандолем.

Раз ночью императору виделся страшный сон. Ему представилась перед дверьми дворца огромная свинья, между ушей у нее был золотой обруч; длинная щетина спускалась до земли. Ему казалось, что он ее где-то видел и кормил, но он не помнил, чтобы она ему принадлежала. Пока он оставался в раздумии, трое волчат (или 12 львят) вышли из покоев и соединились со свиньей. Ему чудилось далее, что он сам обратился с вопросом к своим баронам: что ему

[1] «Король Артур» (*старофр.*).

делать с нечистым животным, отдавшимся волчатам? Те отвечали, что его надо сжечь. Тут он проснулся, и хотя видение сильно его беспокоило, не сказал о нем никому, так как он был мудр. На другой день, когда все сидели за столом, олень необыкновенной величины, с пятью рогами на голове, с передними ногами белыми, как снег, промчавшись по улицам Рима, ворвался в обеденную залу. Это был Мерлин. Он опрокидывает со стола кушанье и посуду и затем, преклонив колена перед императором, говорит: «О чем задумался Юлий Цезарь? Ему хочется знать, что предвещает его видение; но оно будет изъяснено лишь диким человеком». И он снова пускается в бегство, запертые двери отворяются перед ним чудным образом, он ускользает от погони. Император сильно опечален, велит объявить по всем областям Романии, что кто приведет ему того оленя или дикого человека, станет супругом его дочери и получит в приданое полцарства. Вместе с другими отправилась на поиски и Гризандоль-Адвенабль, как всегда, переодетая мужчиной. Здесь, собственно, начинается тот эпизод, о котором мы упомянули выше.

Восемь дней блуждает Гризандоль по лесам вокруг Рима; на девятый чудный олень предстал перед нею и проговорил человеческим голосом: «Адвенабль, ты напрасно трудишься, ты не найдешь, кого ищешь. Послушай меня: купи свинины, недавно посоленной и приправленной перцем; припаси молока, меду и горячий хлеб; возьми с собой четырех товарищей и мальчика, чтобы вертел на вертеле мясо перед огнем, который ты разведешь в самой глухой части леса. Поставь там стол и на него все снадобья, а сама оставайся в засаде сторожить гостя». Гризандоль все исполнила по писаному, а сама спряталась в кусты. Вот, слышно, идет дикий

Дж. Генри, Э. Норнет. Друиды, приносящие омелу.

человек, ударяя палицей по деревьям; у него голые ноги, волосы дыбом, лицо обросло, платье на нем разорвано. Он принялся греться у огня; затем, вырвав мясо из рук мальчика, начал пожирать его, макая куски мяса в молоко и мед. Так он сделал и с остальным кушаньем и, насытившись, растянулся перед огнем и заснул. Гризандоль и ее спутники улучили эту минуту, чтобы броситься к нему и связать по рукам железною цепью, удалив наперед палицу, которую он напрасно ищет глазами. Гризандоль сажает его на лошадь, сама помещается сзади и везет его по дороге в Рим. Она хотела бы заставить его говорить, но он презрительно смеется. «Существо, отошедшее от своей настоящей природы, — говорит он ей: — Горькое, как сажа, сладкое, как мед, самое обольстительное, самое лукавое существо в свете, надменное, как вепрь и леопард, язвительное, как слепень, ядовитое, как змея, — я отвечу только императору».

Так он отвечает ей всякий раз, когда какая-нибудь выходка с его стороны побуждает ее к вопросу. Проезжая мимо одного аббатства, они видят толпу, ожидавшую раздачи милостыни. Мерлин смеется. На другой день они заходят в монастырь, где в числе прочих находился один рыцарь со своим конюшим. В то время как первый дивится на дикого человека, конюший, стоявший поодаль, вдруг приближается к рыцарю и дает ему пощечину. Ударив его, он удаляется в смущении и слезах, но, возвратившись на свое место, становится весел по-прежнему. Это повторяется три раза, и Мерлин всякий раз смеется. Рыцарь сам не знает, чем объяснить поступок своего конюшего, который говорит, что его побуждала к тому какая-то неведомая сила. Объяснить это может только дикий человек — но Мерлин опять не дает объяснения.

Его привели к императору, сняли цепи. Он говорит о себе, что христианин, что мать зачала его, застигнутая ночью в лесу диким человеком (дублет к демону-инкубу Гальфрида и де Борона), и потом крестила. Он рассказывает императору содержание его сна, о котором никто, кроме него, не знал, и затем толкует его, извиняясь наперед, если он откроет ему что-либо неприятное. Свинья означает императрицу, длинная щетина — платье, шлейф которого она волочит по земле; золотой обруч — царский венец; волчата — это царицыны фрейлины: не девушки, а переодетые юноши, любовники императрицы. Сделали испытание, после чего виновные сожжены по приговору баронов.

Юлий Цезарь пытает Мерлина, почему он несколько раз смеялся на дороге в Рим. «В первый раз это было при мысли, что я попустил себя перехитрить женщине; потому что Гризандоль не то, что вы думаете: нет во всем свете такой красивой, умной девушки» (что впоследствии и оказывается). «Женщины обманывали не раз мудрых мужей, причиняли гибель городам и царствам. Я говорю это не о ней в особенности, а обо всем поле». И он присоединяет еще несколько подобных соображений в стиле Морольфа.

«Толпа, собравшаяся у монастыря за милостыней, не знала, что стоило бы ей покопать землю на несколько футов, и находка клада сделала бы ее в десять раз богаче монахов. Оттого я и засмеялся.

В третий раз возбудила во мне смех тайная причина, вызвавшая выходку конюшего. Первая пощечина изображала гордость и самомнение, которые овладевают обогатившимся бедняком, побуждая его унижать тех, кто стоял выше его и притеснять оставшихся бедными. Вторая относилась к скряге-ростовщику: сидя по горло в своем богатстве,

он зарится на тех, у кого есть земля и необходимость достать денег; он дает им взаймы и, в случае неустойки, отнимает у них их наследие. Третья пощечина относилась к тем сварливым и завистливым людям, которые не переносят рядом с собою людей более богатых и с большим весом, чем они сами; взводят на них напраслину и причиняют их гибель».

Мы оставим здесь романиста, вдавшегося в аллегорию, чтобы, воспользовавшись его рассказом и другими собранными данными, восстановить главные очертания Мерлиновой легенды, которые могли укрыться за множеством эпизодов и посторонних подробностей. Отношения ее к сказаниям об Асмодее-Китоврасе и Морольфе обнаружатся сами собою.

1. Мерлин — демоническая натура, сын демона, одаренный сверхъестественной мудростью и чародейской силой. То и другое обличает его происхождение, равно как и тот странный облик, с каким он является на свет (Асмодей-Китоврас; внешний вид Морольфа).

2. Его ищут, стараются поймать, потому что в нем одном заключается средство, как завершить неудающуюся постройку (замок Вортигерна и Chorea Gigantum; Святая Святых в сказании об Асмодее-Китоврасе; неудающаяся постройка храма в греческом «Testamentum Solomonis»). Она состоится лишь в том случае, если ее основание помажут его кровью (шамир; кровь червяка в средневековых пересказах соломоновской легенды).

3. Его ловят у источника (озера, колодца)[1], опоив вином, и ведут, связанного цепями (Асмодей-Китоврас). По дороге

[1] Это — постоянная черта в легендах о Мерлине; между тем «of no well or fountain, however, could I hear either with the name or a tradition of Merlin attached to it» («я не слышал ни о каком колодце или источнике с именем Мерлина или связанном

разные встречи возбуждают в нем загадочный смех, которому перед лицом царя он дает мудрое объяснение (Асмодей-Китоврас; состязание загадками между Соломоном и Морольфом). Он смеется: a) при виде человека, покупавшего башмаки для далекого странствования (Асмодей-Китоврас, «Жизнь Мерлина», де Борон, английский роман); b) при виде бедняков, не знавших, что под ними клад, который мог бы обогатить их (Асмодей-Китоврас, «Жизнь Мерлина», «Le Roi Artus»); c) встреча с похоронами и смех Мерлина о горевании мнимого отца (де Борон, английский роман) представляется нам видоизменением мотива о плаче Асмодея-Китовраса при виде свадебной процессии, если не считать этот рассказ повторением того, что мальчик Мерлин открывает судье относительно его незаконного рождения (у де Борона и в английском пересказе); d) о смехе Мерлина по поводу открывающейся потом неверности царицы («Жизнь Мерлина», «Le Roi Artus» и английский роман) говорилось, вероятно, в конце путевых приключений: это представлялось удобной завязкой для следовавшего затем рассказа о вероломстве царской жены и ее увозе, отвечавшего подобному же эпизоду соломоновской легенды. Как выразился этот эпизод в цикле сказаний о Мерлине, мы увидим вскоре; пока укажем на черты сходства между Мерлином и Морольфом: как последний, исполняя поручения Соломона, постоянно меняет свой образ, переодевается, так и Мерлин в услужении у Утера и Артура. Но он сохранил более демонических черт, чем Морольф, оттого его превращения чудесного, сверхъестественного характера; он неуловим, являясь

с мерлиновской традицией»), говорит Гленни; однако вся его историческая теория основана на локализации имен Артура и Мерлина.

поочередно в образе угольщика и пастуха, старика слепого и хромого — и мальчика, рыцаря и слуги, ребенка и даже оленя (де Борон, «Le Roi Artus», английский «Merlin»). Романист в этом отношении так же неисчерпаем, как немецкий пересказчик Морольфа.

Мы не можем оставить без нескольких примечаний повесть о Гризандоле, побудившей нас окончательно к такому построению всей легенды. Парис говорит о ней, что она не имеет ничего общего с бретонскими преданиями, к которым он продолжает относить мерлиновскую сагу; самую повесть он считает скорее оригиналом, чем подражанием одного рассказа в романе «Marques de Rome»[1], составляющем продолжение сборника, известного под заглавием «Семь мудрецов». Где оригинал и где подражание — решить мы не беремся, так как недостаточно знакомы с текстом «Marques de Rome». Тот же вопрос был поднят в другой раз и решен также аподиктически. Я говорю о появлении Мерлина в самом тексте «Семи мудрецов», в его латинской редакции и других от нее пошедших. Французский пересказ восходит, по всей вероятности, еще к XII в., и вот та интересная новелла, в которой выведен Мерлин. У римского императора Ирода было семь мудрецов, истолковывавших сны, за что они взимали по золотому (besant) с каждого, вопрошавшего их. Они сделались оттого богаче самого императора, которого посетила между тем страшная немочь: он становился слепым всякий раз, как хотел выйти из ворот города. Он требует от своих мудрецов, чтобы те объяснили ему причину столь непонятного явления; гадатели требуют себе восьмидневного срока, по истечении которого объявлялось, что только дитя,

[1] «Маркиз Римский» (*фр.*).

Торжество Символа веры.
Иллюстрация к средневековому религиозному трактату.

рожденное без отца, может объяснить это. Искание Мерлина (Mellin, Merlin, в немецких пересказах Merkelin, Merilianus, Marleg), ссора мальчиков — все это рассказано, как в романе. По дороге ко двору Мерлин толкует одному человеку его сон, возвещавший ему существование клада под его очагом. Императору он говорит, что под его кроватью в земле находится котел с кипящею водою, под ним семь огней, которые поддерживают семь дьяволов. Дьяволы эти — ваши мудрецы; они стали богаче вас, потому что взимают по золотому со всякого, кто приходит к ним за советом. За то, что вы попустили этот отвратительный обычай, вы лишились зрения. По указанию Мерлина одного мудреца приводят за другим и отрубают им головы: каждый раз один из огней погасал. Когда все сделано, император прозрел и может спокойно выехать из Рима.

Индийский оригинал «Семи мудрецов», предполагаемый Бенфеем, пока не найден, но за существование его говорят древние свидетельства и, косвенным образом, переводы и переделки сказочного сборника в персидской и арабской литературах (Sindibбd-nбmeh, Kitбb-es Sindbбd), заимствовавших обыкновенно материал своих повестей из Индии. В XΘ в. сборник был переведен на греческий язык (Syntipas), в XII—XIII вв. на еврейский (Mischlи Sendabar); древних латинских переводов предполагается несколько. Эбер, автор французского «Dolopathos», указывает как на свой оригинал на сказание какого-то монаха dans Jehans de Haute Selve (или Haute Seille). Оно было недавно открыто Муссафией, хотя без имени автора; Гедеке полагает, что это только прозаическое переложение стихотворного труда монаха. Другой латинской редакцией пользовался Йоханнес

Магические деяния.
Иллюстрация к средневековому рыцарскому роману.

Младший в своей «Scala coeli»[1] (первой половины XIV в.) и рукописная «Summa recreatorum»[2]; о существовании третьей, так называемой versio italica[3], заставляют заключать некоторые особенности позднейших итальянских переделок. Известен, наконец, армянский пересказ и есть указание на существование древнего сирийского, не говоря уже о множестве переводов и подражаний, без которых не обошлась ни одна новейшая литература. Говорят, что кроме Библии, никакая другая книга не поспорит с «Историей семи мудрецов» в количестве переводов на другие языки. Эта популярность и известные нам приемы средневекового литератора, не стеснявшегося требованием точно воспроизвести лежавший перед ним текст, объясняют то богатое разнообразие, какое отличает один вульгарный пересказ «Истории» от другого. Не только менялись имена действующих лиц, подробности и место новелл, но и вводились новые рассказы, заимствованные из других источников, не имевших ничего общего с «Историей семи мудрецов», от которой оставалась нетронутой одна рамка действия. Все это понятно и совершенно в стиле средневекового литературная ремесла; но, с другой стороны, мы едва ли вправе заключать всякий раз, как в одной из европейских редакций попадется рассказ, не встречающийся в восточных текстах, что здесь пересказчик заимствовался из другого источника. Ведь мы можем только говорить о знакомых нам текстах, а их известно немного, санскритского подлинника мы вовсе не знаем. Легко предположить, что рассказ, который мы считаем теперь за чуждый подлинному сказанию, за внесенный в него

[1] «Небесная лестница» (*лат.*).
[2] «Сумма воссоздания» (*лат.*).
[3] Итальянской версии (*лат.*).

позднее, существовал в какой-нибудь древней восточной рецензии, которая, может быть, еще найдется. Встречаясь с повестью о Мерлине в латинском и французско-итальянских пересказах «Семи мудрецов», исследователи ставили вопрос таким образом: в восточных редакциях, насколько они нам известны, Мерлина нет и нет ничего, отвечающего повести «Historia Septem Sapientum»[1]; с другой стороны, образ Мерлина принадлежит кельтской саге, развивается в особом романтическом цикле. Следствие выходило одно: имя и легенда Мерлина перенесены в «Историю» из романа. Так думают Парис, д'Анкона и, если я не ошибаюсь, большинство исследователей. Но, во-первых, если старофранцузская редакция «Семи мудрецов» принадлежит еще к XII в., то в этом же веке начинает слагаться и романическая легенда о Мерлине у Гальфрида, у де Борона и др.; она тотчас получила местный, очень определенный колорит; приверженцы кельтской теории идут далее, полагая ее искони принадлежащей специально бретонскому преданию. Тем хуже для вопроса: мы с трудом представляем себе, чтобы образ, обставленный столь определенными отношениями, которые только что опоэтизировал

Чародей (Мерлин?). Иллюстрация к средневековому рыцарскому роману.

[1] «История семи мудрецов» (*лат.*).

роман, мог так быстро опуститься до бесцветной роли, в какой Мерлин является в «Семи мудрецах», где совопросником его выставлен какой-то небывалый император. Естественнее было бы предположить обратный переход. Во-вторых, аргумент, что повесть о Мерлине не нашлась в известных нам восточных текстах «Семи мудрецов», не может быть принят серьезно. Если бы нашелся такой текст с повестью, отвечающей западному рассказу о Мерлине, пришлось бы оставить гипотезу, по которой последний внесен позднее из бретонских сказаний. Мы еще можем надеяться, что такая находка будет сделана: уже Келлер сравнивал новеллу о семи мудрецах с рассказом о царе Баладе в «Калиле и Димне»[1]. В-третьих, все наше исследование о распространении соломоновского цикла, неоспоримые черты сходства, раскрытые нами между Мерлином, с одной стороны, и Асмодеем-Китоврасом и Морольфом — с другой, утверждают нас в мыс-

[1] Царю Баладу снятся ночью восемь страшных снов. Спрошенные им брахманы говорят ему, что дурное предзнаменование может быть устранено только в том случае, если он согласится пожертвовать жизнью самых близких ему существ: жены и сына, племянника и визиря и др., наконец, мудреца Кебариуна. Их кровью надо наполнить цистерну, в которой брахманы и омоют царя. В Баладе это предложение возбуждает сильную нравственную борьбу, он не может ни на что решиться, становится грустен и молчалив. Царица приступает к нему с расспросами и, допытавшись тайны, советует ему обратиться к мудрому Кебариуну, который толкует ему содержание снов, не предвещавших ничего ужасного. Они так и сбываются. Таким образом обнаружены козни брахманов, и царь велит казнить их. Заметим еще содержание первого сна: царь видел двух красных рыб, стоявших на своих хвостах, — это напоминает драконов Мерлина, как, с другой стороны, — брахманов, требующих крови мудрого Кебариуна, мы узнаем в магах, требующих крови Мерлина.

ли, что оригинал этих типов был восточный, распространившийся путем апокрифа и ереси, образуя наслоения новых повестей и целый цикл романов. Легко предположить, что из того же апокрифического источника, хорошо знакомого средневековому грамотею, повесть о Мерлине проникла и в состав «Семи мудрецов», если не предпочесть мнение, выраженное нами выше, что пересказчик мог найти ее уже в какой-нибудь неизвестной нам восточной рецензии сборника. Таким образом, мы приходим к выводу, что Мерлин найден был в какой-нибудь восточной книге и лишь впоследствии получил право бретонского гражданства. Парис сам недалек от этого взгляда. «Как отличить здесь изобретение от подражания?» — спрашивает он, сравнивая Мерлина в романе и в «Семи мудрецах». «Бретонские певцы и рассказчики почерпали ли из восточных источников? Или, наоборот, восточные авторы книги о Sendebad (?!), или только автор романа о семи мудрецах (разумеется французский или латинский текст) обогатил свой текст арморикaнской легендой (?!) Не берясь разрешить вопрос, скажу только, что если эта часть книги о Мерлине и заимствована из восточных сказаний, она ничуть не противоречит предположению, что Мерлин действительно существовал в Нортумберленде и был сюжетом чисто национальных легенд». Так далеко может зайти ослепление какой-нибудь излюбленной научной гипотезой.

Сравнение Мерлина с Асмодеем-Китоврасом и типом Морольфа показало нам, что легенда о Мерлине архаистичнее немецкой поэмы и ближе к талмудическо-славянским сказаниям, чем к Морольфу. В ней, например, вовсе нет того комического, площадного элемента, которым немецкий пересказчик так щедро одарил своего героя. Мерлин серьезнее, строже, но и в нем демоническая злоба поступилась своим

враждебным характером, чтобы служить лучшим целям. Он находится в исключительно дружественных отношениях с Утером и Артуром; если о нем рассказывалось когда-нибудь, что он похитил жену царя, заменившего в этом сказании библейского Соломона, — я разумею Артура, — то в позднейшем представлении это должно было измениться, согласно с новой постановкой типа, и жену увозил кто-нибудь другой. Одним из любимейших образов романов Круглого Стола была ветреная, влюбчивая супруга короля Артура — Гвиневра (Ginevra, Genievre, Ganievre, Ginover, Gwenhwyvar, Gwennivar, Gvennuvar, Ganora, Vanora, Wander). Она — неверная жена, по преимуществу вечно обманывающая мужа; ее постоянно кто-нибудь увозит. В «Истории» Гальфрида ее похищает племянник Артура, Мордред, овладевающий сверх того престолом дяди. Хольцман замечает по этому поводу, что, сообщая эти сведения, Гальфрид ссылается особенно на чужую книгу, служившую ему источником; ясно, что рассказ не мог быть национальным преданием. В романе Кретьена де Труа «Li romans del chevalier de la Charrette»[1] и в прозаическом «Ланселоте», приписываемом современнику его Вальтеру Мапу (XII в.), ее похищает Мелеагант, сын Бадемагуса; в «Персевале» Гюйо, которому следовал Вольфрам фон Эшенбах, волшебник Клингзор; в «Lanzelet» Цацикхофена или его французском оригинале — Валерий. Но самым постоянным любовником и похитителем Гвиневры был Ланселот. Его имя и легенда, не отвечавшие кельтской фонологии и кельтским сказаниям, долгое время не давали покоя кельтологам, преследовавшим свою любимую идею. Приходилось отказаться от него и, пожалуй, согласиться с Парисом, что роман Ланселота — чисто французского изобретения.

[1] «[Ланселот, или] Рыцарь телеги» (*старофр.*).

Но открытие Вильмаркэ вывело их из затруднения. Имя Lancelot пишут и писали так по ошибке, сливая с именем предшествующий ему член: l'Ancelot. Так, например, читается в романе д'Ожье: «Nest mie de la fable Ancelot ne Tristan»[1]. A ancelot не что иное, как уменьшительное от ancel — слуга, служитель, как от boissel-boisselot, Michel-Michelot и т. п. Вместе с тем это перевод кельтского Mael — serviteur, domestic, man of duty[2]; так называется одно лицо в древних кельтских преданиях, откуда французские романы заимствовали вместе с названием героя и его легенду. Таким образом, гипотеза спасена — но здесь именно и начинаются затруднения. Все, что говорится о Маэле (Malgo, Maglocunus) у бардов VI и следующих веков, в триадах, в Epistola Gildae[3], наконец у Ненния и Гальфрида, частью не имеет никакого отношения к Ланселоту, кроме предполагаемого тождества имени, или не заслуживает внимания, пока не устранены справедливые подозрения ученых относительно воображаемой древности триад и стихотворений, приписываемых старым бардам. Что источниками подобного характера надо пользоваться осторожно — с этим согласны даже такие заинтересованные специалисты, как Сан-Марте. Ближайшее затем свидетельство о Маэле находится в «Житии святого Гильды», написанном Карадоком из Ланкарвана. Маэль (Melvas) царит в Соммерсетшире, где его осаждает Артур. Вильмаркэ и Сан-Марте относят Карадока к XII в., делая его современником Гальфрида; Сан-Марте с оговоркой, что сообщаемая им легенда древнее Карадока, а стало быть, самого

---

[1] Ни из рассказов про Анселота, ни (из рассказов) про Тристана (*старофр.*).

[2] Слуга, служилый (*фр.*), работник, прислуга (*англ.*).

[3] «Послание Гильды» (*лат.*)

древнего романа о Ланселоте. Последнее предположение сделано единственно ввиду теории и ни на чем не основано. Мы скорее согласны с Хольцманом, «что “Жизнь Мерлина” древнее Гальфрида и написана еще в XII в. — это предположение совершенно произвольное. Она позднее прозаического романа, в котором увоз царицы рассказан в существенно тех же чертах».

И здесь, стало быть, как в вопросе о Mabinogion, древнейшими оказались не кельтские редакции, а французские, из которых первые заимствовали. После этого и происхождение их нельзя искать в тесных границах кельтской народности. Рассказ барда XIV в. Давида ап Гвиллима о похищении Mael’ем Артуровой жены мы приводим только для полноты: он позднее романов, и к нему еще в большей мере может быть приложено сказанное о биографии Гильды. По этому рассказу, молодой Маэль узнает, что любимая им Гвенхвивар должна гулять в лесу; сбрасывает с себя платье и, устроив себе пояс из листьев, сторожит ее в этом виде, спрятавшись в кустарнике. Он похищает ее и уносит в свое царство, тогда как дамы, сопровождавшие царицу, бегут в страхе от воображаемого сатира.

Таким образом, Ланселот, или Анселот, снова ускользнул из рук кельтологов, и мы можем спросить его, почему он так назван? В романе о нем нет ничего, что б отвечало его необъяснимому прозвищу: слуга, служитель; разве понимать это определение в более широком смысле: раба, пленника? Он в самом деле в плену у Мелеаганта, откуда его освобождает сначала жена сторожа, в другой раз царевна; французский роман, обработанный Ульрихом фон Цацикхофеном, обстоятельно рассказывает, как он томился в неволе у Лимера и Мабуза. Мерлин лучше отвечает тому и другому значению слова: он пленник, которого приводят насильно,

в узах; затем он становится действительно слугою, помощником царя. Анцелот, похищающий жену Артура, — не есть ли это пленник Мерлин, вымещающий за свое долгое рабство, как Китоврас и Асмодей в соломоновском сказании? Если образы и легенды теперь разделились, то причину тому мы уже указали в постоянно дружелюбных отношениях Мерлина к Артуру, как представляет их себе роман. Мерлина и Ланселота заставляют еще сблизить между собой их общие связи с Вивианой: как она обольстила своей красотой Мерлина и, выведав у него тайну его чар, пользуется ими, чтоб приковать его к себе навеки, так она уводит молодого Ланселота, чтобы воспитать его в царстве фей. Заметим, наконец, что в циклических обработках сказаний Круглого Стола Ланселот обыкновенно следует за Мерлином и что, наоборот, краткое изложение последнего романа служит нередко введением к отдельным редакциям романа о Ланселоте.

Вместе с Ланселотом романы Круглого Стола часто упоминают о Клижесе (Cliget, Cliges, Giles, Eliges, Eljes, Elis). И с другими лицами романов Круглого стола он сопоставляется часто. Например, с Персевалем; его любовь к Фенисе напоминает анонимному труверу нежные отношения Тристана и Изольды. Он вообще тесно связан со всем этим романтическим родом и с семейством Артура: его мать — Сордамур (Sore d'Amors)[1], племянница Артура, сестра Гавана; отец Александр — сын императора, царившего в Константинополе и Греции. Устраненный от престола дядей своим Алисом[2], Клижес сопровождает его в Германию, где Алис

[1] Сестра любви (*фр.*).

[2] Т. е., вероятно, Alexius. Во французском романе «Jourdaiu de Blaѳvies», вероятно, византийского источника, так назван сын константинопольского императора.

сватается за дочь немецкого императора, Фенису (Fenice). Клижес и Фениса страстно влюбляются друг в друга; последняя поверяет тайну няньке — Тессале; та советует своей питомице не противиться свадьбе, а со своей стороны обещает помешать совершению брака волшебным напитком, который следовало поднести мужу. Пока молодые едут в Афины, Клижес удаляется ко двору короля Артура; но ни блестящие подвиги, ни далекие странствия не могут заглушить в нем любви к Фенисе, и его снова тянет в Грецию, посмотреть на нее. Принятый с большими почестями при дворе дяди, он успевает открыться Фенисе, и оба составляют план к побегу. Тессала должна изготовить зелье, приняв которое, Фениса заболеет и станет точно мертвая; ее похоронят, и тогда Клижес с помощью верного своего слуги Жана похитит ее и увезет в Германию. Фениса так и поступает; обман удается, несмотря на вмешательство трех докторов из Салерно, которые наливают ей на руку расплавленный свинец, чтоб удостовериться в ее смерти. Клижес увозит ночью мнимо умершую, которую Тессала снова приводит в себя и заживляет ее раны. По прошествии двух лет Алис открывает убежище любовников, еще не успевших выбраться из Греции; они бегут в Англию искать помощи у короля Артура; готовится борьба, когда приходит весть о смерти Алиса, и Клижес возвращается с Фенисой, чтобы вступить во владение дедовским царством. Так рассказывает Кретьен де Труа в своем «Клижесе». Подробности романа напоминают легенды о Тристане и Изольде, о Ланселоте и Жиневре, но еще более знакомую нам апокрифическую повесть об увозе Соломоновой жены. Это убеждает нас, что и источник сказания о Ланселоте и Тристане следует искать в том же направлении. Если в романе, содержание которого мы передали, Клижес играет роль Китовраса, а стало быть,

«первого Морольфа» в предполагаемом древнейшем содержании его саги, то в английской балладе «Sir Cleges» он — комическое лицо, напоминающее второго Морольфа и его шутовские выходки при дворе Соломона. Эта параллель многознаменательно протягивается и на Мерлина, потому что и Cleges приводится в связь с королем Утером. Он хочет поднести последнему подарок, но привратник и управитель дома допускают его к королю лишь под условием, что он поделится с ними наградой, какую за то получит. Cleges просит себе в награду двенадцать ударов палкой, которыми и делится по уговору. Сближение Клижеса с Морольфом и Мерлином делает вероятной связь романа и баллады, на которую указывали уже Франциск Мишель («Roman de la Violette») и Грассе («Sagenkreise») и которую отрицал Холланд.

Но это сближение не единственное. «Во французской литературе встречается много рассказов, в которых нельзя не признать стиль греческого романа или обработку романтических сюжетов из греческого мира, — говорит Гервинус. — Так, например, в романе о Раймонде дю Бусге (du Bousguet), в легендарном сборнике Бернара, во “Флоре и Бланшефлер”, в “Гильоме Английском” Кретьена де Труа, в “Parthenopeus” и родственном ему “Florimond”, который и написан был по-французски природным греком (1188)». Прибавим к этому «Jourdain de Blaivies», оригиналом которого Хофман считает византийскую повесть об Аполлонии Тирском. Но византийцы, со своей стороны, были большей частью лишь посредниками, пересказчиками восточных повестей; торговые сношения, крестовые походы были путями распространения; к ним мы присоединили еще еретическую пропаганду и широкое влияние апокрифической литературы. Пути эти должны были коснуться прежде всего южноевропейского побережья, Италии и Прованса. Не разделяя

всех мнений Фориэля, мы тем менее склонны разделить то общее отвержение, с каким современная европейская наука относится к его гипотезе о первенстве провансальского романа перед французским. Цикл Карла Великого и его феодальных паладинов был слишком далек от провансальцев, и они могли принять его лишь из вторых рук, в обработке северных труверов. Но Мерлина и Ланселота, Тристана и Клижеса им нечего было искать в далеких преданиях кельтов, когда источники легенд и, может быть, самих названий были у них под руками, в восточно-византийских пересказах. Тассо называет трубадура Арнаута Даниеля автором романа о Ланселоте; свидетельство, к сожалению, слишком позднее, чтобы на нем можно было основаться; но еще Данте приписывал тому же трубадуру prose di romanzi («Чистилище». XXVI, 118)[1], а название gran maestro d'amor[2], которое дает ему Петрарка («Триумф любви» IV, 40), необъяснимое из лирических стихотворений Даниэля, получает смысл, если допустить, что еще в XIV в. он считался автором «Ланселота». Так заключает Диц, и ничто не мешает предположить, что Данте мог иметь под руками провансальский текст романа и читал его сам, прежде чем дать в руки Франческе и Паоло, в известном эпизоде «Ада»:

В досужий час читали мы однажды
О Ланчелоте сладостный рассказ (V, 127—128).

---

[1] В переводе М. Лозинского:
«В стихах любви и в сказах он сильней
Всех прочих...».

[2] Великий маэстро любви (*итал.*).

Глава 6

БЛАГОРОДНЫЙ РАЗБОЙНИК

Артур и Робин Гуд. — Двойственная природа Робин Гуда. — Робин Добрый Малый. — Время Робин Гуда. — Робин Гуд и шериф Ноттингемский. — Лесное братство. — Робин Гуд в современной трактовке.

Артур — олицетворение Британии мифологической, эпической, рыцарской, идеальный правитель, покровитель страны, который в урочный час непременно придет на выручку своим соплеменникам. Однако чем дальше в прошлое уходила «эпоха первотворения», когда закладывались основы британской нации, тем «бестелеснее» и возвышеннее, тем отстраненнее делался образ Артура. А ведь национальный символ должен быть, если позволительно так выразиться, символом «из плоти и крови», «ангельская природа» ему противопоказана (кстати сказать, даже в христианском универсуме национальными символами становились, как правило, святые и угодники, но не Божество — вспомним, к примеру, Георгия Победоносца или Николая Угодника, ирландского святого Патрика или валлийского Давида). Иными словами, Артуру потребовалось найти «заместителя», способного нести национальную идею. И таким «заместителем» оказался Робин Гуд.

В биографии любого легендарного персонажа обязательно присутствуют некое обстоятельство или некая характеристика, отличающие его от простых смертных. Для Робин Гуда таким обстоятельством стало его рождение — он был рожден в лесу. Баллада гласит:

Иные поют о зеленой траве,
Другие — про белый лен...
А третьи поют про тебя, Робин Гуд,
Не ведая, где ты рожден.

Не в отчем дому, не в родном терему,
Не в горницах цветных —
В лесу родился Робин Гуд
Под щебет птиц лесных[1].

Для мифологического сознания лес всегда выступал олицетворением хаоса, диким, неосвоенным пространством, которое противопоставлялось пространству упорядоченному, культурному, освоенному; дом и лес — антагонисты, посюсторонний и потусторонний мир. Поэтому факт рождения в лесу делает Робина «человеком двух миров», он принадлежит и миру людей, поскольку его отец и мать — обыкновенные мужчина и женщина, своей любовью нарушившие сословные запреты; и одновременно принадлежит миру фейри, которые управляют лесом как владением хаоса. Шервудский лес (или лес Барнсдейл), в котором обитают «веселые молодцы» Робин Гуда, таким образом, также получает мифологическую трактовку.

---

[1] Перевод С. Маршака.

Эта «двойственность природы» Робин Гуда проявляется и в его прославленной меткости («никто не может так стрелять, если только он не продался дьяволу»), и в многочисленных уловках, с помощью которых он ускользает от своих преследователей. Кроме того, по средневековым поверьям, вольные стрелки (а Робин Гуд был из их числа) считались слугами дьявола. Недаром в английском фольклоре произошло отождествление Робин Гуда с Робином Добрым Малым, иначе Паком, или Пэком, памятным по шекспировскому «Сну в летнюю ночь». У Шекспира фея, с которой беседует Робин, говорит:

Робин Гуд. Средневековая миниатюра.

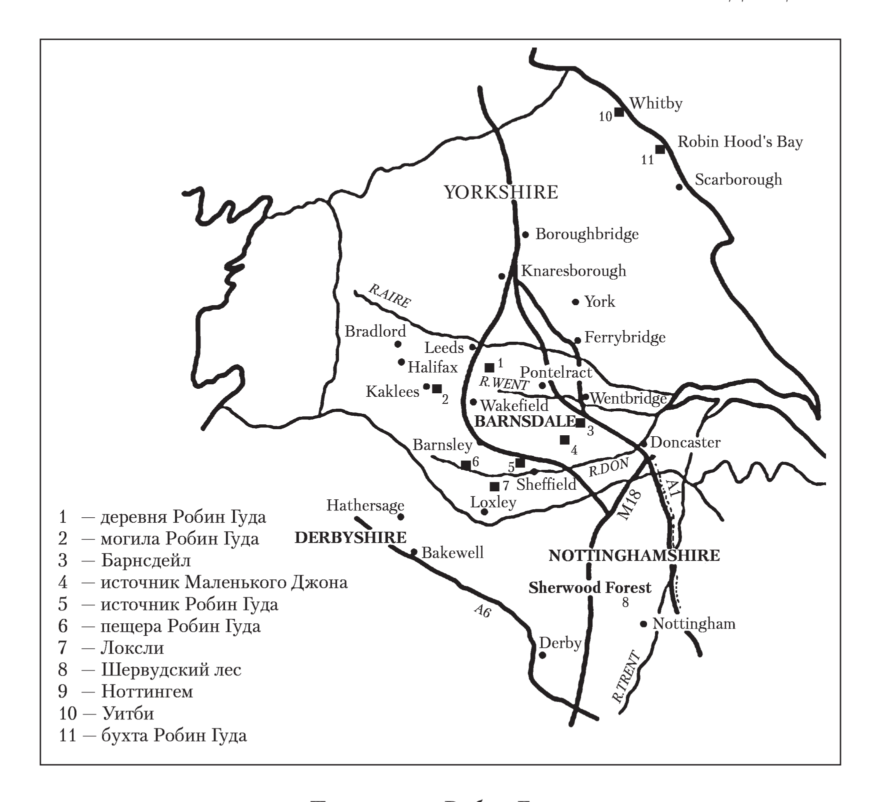
Да ты... не ошибаюсь я, пожалуй:
Повадки, вид... ты — Робин Добрый Малый?
Тот, что пугает сельских рукодельниц,
Ломает им и портит ручки мельниц,
Мешает масло сбить исподтишка,
То сливки поснимает с молока,
То забродить дрожжам мешает в браге,
То ночью водит путников в овраге;
Но если кто зовет его дружком, —
Тем помогает, носит счастье в дом[1].

Существует книга, которая называется «Робин Добрый Малый, его безумные шутки и веселые проказы». Если верить анонимному автору этой книги, Робин — полукровка,

[1] Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

сын короля фейри Оберона и деревенской женщины. В нежном шестилетнем возрасте он сбежал из дома, и до тех пор никаких чудесных способностей у него не было. Однажды он заснул в лесу, а пробудившись, увидел рядом золотой свиток с текстами заклинаний; то был подарок Оберона. Отец наделил его даром оборотничества и наказал использовать свои таланты во зло неправедным людям и во благо добрым. Ему было обещано, что, если он исполнит наказ, его со временем приведут в Волшебную Страну.

Первое письменное упоминание о Робин Гуде датировано 1304 г. (анонимная поэма об Уильяме Уоллесе, в которой последний называется «шотландским Робин Гудом»), но не подлежит сомнению, что легенда вошла в обиход задолго до этого времени. По сообщению шотландского хрониста Эндрю из Винтауна, Робин Гуд и Маленький Джон вершили свои разбойничьи дела между 1283 и 1285 гг. Другой хронист, Джон Фордун, записывает под 1266 г.: «Около этого времени стало ведомо в окрестностях о знаменитом Роберте Гуде, Маленьком Джоне и их сообщниках. Жили они изгнанниками в лесной чащобе, и про них рассказывали всякие небылицы и распевали песни, восхвалявшие деяния этих людей». Третий хронист, Джон Мейджор, утверждает, что Робин действовал в правление Ричарда Первого: «Доподлинно известно, что в годы правления короля Ричарда Первого бесчинствовали в Англии самые знаменитые из разбойников, Роберт Гуд и Маленький Джон; они щадили бедняков, но избавляли от всякого имущества людей зажиточных. Убийств они не совершали, разве что только когда на них нападали. У Роберта был отряд в сто лучников, закаленных воинов, с которыми в бою не сумели бы совладать и четыре сотни человек. Подвиги Роберта известны по всей Англии. Он не допускал, чтобы



Территория Робин Гуда.

кто-либо оскорблял женскую честь или покушался на добро бедняков, и делился с последними награбленным богатством. Как грабитель он заслуживает всяческого осуждения, но не приходится сомневаться, что среди грабителей он — самый щедрый и благородный...»

Ричард Первый, о котором говорит Мейджор, — это Ричард Львиное Сердце. Сегодня принадлежность Робин Гуда эпохе крестовых походов не подвергается сомнению и как-то забылось, что в «Жесте о Робин Гуде» упоминается «добрый король Эдвард» — вероятно, Эдуард I.

Робин Гуд встречает Маленького Джона. Иллюстрация из книги Г. Пайла.

Но куда важнее, нежели датировка, вопрос, который возникает всякий раз, когда мы имеем дело с легендарным персонажем, да еще превратившимся в национальный символ: существовал ли Робин Гуд на самом деле, или он выдумка, или же он — мифологическая фигура?

Что касается мифологичности Робин Гуда, то, если не считать упомянутого выше слияния в фольклоре образов Робин Гуда и Робина Доброго Малого, нет никаких подтверждений теориям относительно того, что Робин — «осовремененная версия» бога плодородия или лесного бога. Подобных предположений не подтверждают и сами тексты: не будем забывать, что в балладах неоднократно подчеркивается, как Робин предан Деве Марии (по «Жесте», он возвращает только что ограбленному им рыцарю 1400 золотых монет, когда тот упоминает имя Богоматери).

Исторического же Робин Гуда современные исследователи отождествляют с рыцарем Робертом де Кимом, жившим в XIII столетии. Этот Роберт притязал на титул графа Хантингтонского — титул, которым обладает Робин Гуд в позднейших балладах. Кроме того, Роберт был изгнанником, а многие его деяния совпадают с подвигами Робин Гуда, описанными в «Жесте». Английский драматург XVI века М. Паркер цитирует в своей пьесе «Смерть Робин Гуда» надпись на могильном камне Робина: «Здесь покоится Роберт, граф Хантингтон, с коим не мог сравниться в меткости ни один лучник. В лесах его называли Робин Гуд. Тринадцать лет подряд

он грабил эти места. Таких изгнанников, как он, Англии никогда больше не знать».

Среди деяний Робин Гуда самое известное — вражда с шерифом Ноттингема Гаем Гисборном. Шериф предпринимает все меры к тому, чтобы изловить Робина и покончить с разбойничьей вольницей в Шервудском лесу, а Робин и его ватага мстят шерифу и его людям и даже осмеливаются проникать в Ноттингем, как описано в балладе «Робин Гуд спасает трех стрелков»:

Двенадцать месяцев в году,
Не веришь — посчитай.
Но всех двенадцати милей
Веселый месяц май.

Шел Робин Гуд, шел в Ноттингэм,
Весел люд, весел гусь, весел пес...
Стоит старуха на пути,
Вся сморщилась от слез.

— Что нового, старуха? — Сэр,
Злы новости у нас!
Сегодня трем младым стрелкам
Объявлен смертный час.

— Как видно, резали святых
Отцов и церкви жгли?
Прельщали дев? Иль с пьяных глаз
С чужой женой легли?

— Не резали они отцов
Святых, не жгли церквей,
Не крали девушек, и спать
Шел каждый со своей.

Памятник Робин Гуду в Ноттингеме.

— За что, за что же злой шериф
Их насмерть осудил?
— С оленем встретились в лесу,
Лес королевским был.

— Однажды я в твоем дому
Поел, как сам король.
Не плачь, старуха! Дорога
Мне старая хлеб-соль.

Шел Робин Гуд, шел в Ноттингэм,
Зелен клен, зелен дуб, зелен вяз...
Глядит: в мешках и в узелках
Паломник седовлас...

— Старик, сымай-ка свой наряд,
А сам пойдешь в моем.

Вот сорок шиллингов в ладонь
Чеканным серебром...

— Коли не хочешь серебром,
Я золотом готов.
Вот золота тебе кошель,
Чтоб выпить за стрелков!

Надел он шляпу старика, —
Чуть-чуть пониже крыш.
— Хоть ты и выше головы,
А первая слетишь!..

Два башмака надел: один —
Чуть жив, другой — дыряв.
— «Одежда делает господ».
Готов. Неплох я — граф!

Марш, Робин Гуд! Марш в Ноттингэм!
Робин, гип! Робин, гэп! Робин, гоп!—
Вдоль городской стены шериф
Прогуливает зоб.

— О, снизойдите, добрый сэр,
До просьбы уст моих!
Что мне дадите, добрый сэр,
Коль вздерну всех троих?

— Во-первых, три обновки дам
С удалого плеча,
Еще — тринадцать пенсов дам
И званье палача.

Робин, шерифа обежав,
Скок! и на камень — прыг!
— Записывайся в палачи!
Прешустрый ты старик!

— Я век свой не был палачом;
Мечта моих ночей:
Сто виселиц в моем саду —
И все для палачей!

Четыре у меня мешка:
В том солод, в том зерно
Ношу, в том — мясо, в том — муку, —
И все пусты равно.

Но есть еще один мешок:
Гляди — горой раздут!
В нем рог лежит, и этот рог
Вручил мне Робин Гуд.

— Труби, труби, Робинов друг,
Труби в Робинов рог!
Да так, чтоб очи вон из ям,
Чтоб скулы вон из щек!

Был рога первый зов, как гром!
И — молнией к нему —
Сто Робингудовых людей
Предстало на холму.

Был следующий зов — то рать
Сзывает Робин Гуд.
Со всех сторон, во весь опор
Мчит Робингудов люд.

— Но кто же вы?— спросил шериф,
Чуть жив.— Отколь взялись?
— Они — мои, а я Робин,
А ты, шериф, молись!

На виселице злой шериф
Висит. Пенька крепка.
Под виселицей, на лужку,
Танцуют три стрелка[1].

[1] Перевод М. Цветаевой.

Большой Дуб — «дерево Робин Гуда» в Шервудском лесу.

Говоря о Робин Гуде, необходимо воздать должное и его товарищам. Ближайшим помощником Робина был Маленький Джон, которого, скорее всего, называли так в шутку, из-за его высокого роста. В 1784 г. была вскрыта могила Джона, и в ней нашли кости весьма рослого человека. Как утверждает Дж. Холт, автор классической монографии о Робин Гуде и лесном братстве, Маленький Джон отличался жестокостью. Что касается брата Тука, тот же Дж. Холт установил: «Письменные материалы свидетельствуют, что брат Тук организовал свою банду разбойников в двухстах милях от Шервудского леса, причем через столетия после Робин Гуда. В действительности брат Тук был весьма далек от безобидной веселости, ибо разорял и сжигал очаги своих врагов». Холт подразумевает, что под личиной монаха Тука скрывался Роберт Стаффорд, священник из Сассекса, замешанный

в разбойничьих набегах; этот священник, как следует из документов XV столетия, именовал себя братом Туком. Об Уилле Статли и Аллене Э'Дейле неизвестно практически ничего, кроме имен. Дева Мариан появилась в робингудовских легендах сравнительно поздно — около XV века. До нее возлюбленной Робина, если таковая упоминалась в балладах, считалась Глоринда, «королева пастушек».

Робин Гуд и дева Мариан. Фигурные кубки.

В XV—XVI столетиях образ Робин Гуда, «защитника бедных и грабителя богатых», прочно вошел в фольклор. Сценки из жизни «благородных разбойников» разыгрывались во время майских празднеств, причем Робин и дева Мариан заменили в обрядности этих празднеств Короля и Королеву весны. А с публикацией романа В. Скотта «Айвенго» (1818) Робин Гуд — Робин из Локсли — покорил не только Британию, но и другие европейские страны. В конце XIX века, благодаря книге Г. Пайла «Веселые приключения Робин Гуда», принц воров завоевал и Америку. Дальше были многочисленные пересказы и фильмы, сценарии которых опирались, вполне естественно, на роман В. Скотта. Можно вспомнить и советский фильм «Стрелы Робин Гуда» с песнями Владимира Высоцкого, и американский «Робин Гуд — принц воров» с К. Костнером, и даже голливудскую пародию на этот фильм «Робин Гуд: мужчины в трико».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЭЛЬФЫ И ДРУГИЕ: НИЗШАЯ МИФОЛОГИЯ БРИТАНСКИХ ОСТРОВОВ

Глава 7

НЕМНОГО О ФЕЙРИ: ВВЕДЕНИЕ В ПРЕДМЕТ

Разновидности фейри. — Происхождение фейри. — Их облик. — Их жилища. — Волшебная страна. — Время в Волшебной стране. — Ремесла фейри. — Забавы и развлечения. — Мораль фейри. — Недостатки людей, осуждаемые фейри. — Болезни, насылаемые фейри. — Чары, дающие власть над фейри. — Фейри и смерть.

Фольклор Британских островов в значительной своей части состоит из преданий о фейри, как англичане, шотландцы, ирландцы и валлийцы называют сверхъестественных существ. К фейри относятся эльфы и дини ши, Туата Де Дананн и Тилвит Тег, Благий и Неблагий Дворы и многие другие.

Фейри можно разделить на несколько родов. Бывают фейри добрые и злые, героические, бродячие, прирученные и одинокие. К героическим фейри принадлежат те благородные рыцари и прекрасные дамы, о которых повествуют автор «Мабиногиона», сэр Томас Мэлори и сочинители куртуазных романов. Типичный пример такого фейри — молодой Тэмлейн, герой одноименной баллады.

Бродячие фейри — едва ли не самая многочисленная группа (кстати сказать, героические фейри, по большому

счету, тоже относятся к бродячим). Они самые разные по росту, по обличью и по характеру, от злобных и кровожадных слуа до крошечных пикси, засыпающих в чашечках цветков.

Одинокие фейри — те, кто злобен по натуре и предпочитает общению одиночество. Единственное исключение составляют брауни. Одинокие фейри отличаются от бродячих еще и тем, что предпочитают одежду красного цвета, тогда как бродячие носят зеленые куртки. Помимо брауни, к бродячим фейри относятся лепрехуны, пуки, бэнши, фир дарриг, глейстиги, брэги, дуэргары и накилеви (естественно, этот список далеко не полон).

К прирученным фейри принадлежат те, кто оторвался от своих собратьев и «прилепился» к людям — те же брауни, детские боуги, жирни и другие.

Согласно одной теории, фейри — падшие ангелы; по другой — это вовсе не ангелы, а самые настоящие бесы. Существует также гипотеза, что это вставшие из могил мертвецы. Представляется, что большинство фейри относится — по терминологии Д.К. Зеленина — к заложным покойникам и лишь некоторые — скажем, Туата Де Дананн или сиды — имеют божественное происхождение. Некоторые полагают, что фейри на самом деле — духи умерших.

Всех без исключения фейри отличает нечеловеческая, неземная красота, омраченная, однако, каким-нибудь уродством. Скажем, женщины-элле — писаные красавицы, но если зайти со спины, выяснится, что затылки у них — полые. Шотландские глейстиги носят длинные одежды, чтобы скрыть свои козлиные копыта. Шетландские хромушки хромы. Иными словами, фейри всегда можно отличить от

человека по какому-либо телесному недостатку. У некоторых всего одна ноздря или один глаз, у других вообще нет носа, у третьих из ртов торчат клыки, у четвертых ноги и руки с перепонками, у пятых такие длинные груди, что их приходится закидывать за спину.

Что касается одежды, большинство фейри предпочитает наряды зеленых тонов. Многие, впрочем, отдают предпочтение красному; кое-кто — к примеру, дини ши — носит зеленые куртки и красные шапки. Некоторые фейри — те же шелковинки или тилвит тег — выбирают белый цвет. На острове Мэн иные фейри отдают предпочтение голубому; встречаются и такие, которые носят наряды серых или черных тонов, но это бывает крайне редко. Наряд фейри обычно составляют зеленая куртка, темные штаны и красная шапка или шляпа, иногда — с пером совы. Так одеваются почти все бродячие фейри. У одиноких фейри красные не только шапки, но и куртки. Эти два цвета — любимые у фейри. Встречаются и такие фейри, которые предпочитают одеяния изо мха или палой листвы — и даже из склеенных росой паутинок.

Роста фейри разного, среди них можно встретить и коротышек, и высоких. Главный признак, по которому можно отличить фейри от человека, — заостренные кверху уши. Наметанный глаз заметит и другие особенности: перепончатые лапы или вывернутые задом наперед ступни, носы без ноздрей, раскосые глаза или торчащий из-под одежды хвост.

Чаще всего фейри селятся в холмах. Эти холмы называются «ноу» и делятся как бы на две части — наружную («шийн») и внутреннюю («бру» или «тулмен»). Шийн представляет собой пещеру, а бру — залу с потолком, который опирается на колонны. В бру обычно проживают сразу

несколько семейств фейри, а в тулменах обитают фейри-одиночки. Иногда можно увидеть вход в бру. Чаще всего такое случается в канун того или иного праздника — скажем, на Ламмас-тайд (7 августа). А вот на Холлан-тайд (11 ноября) к холмам лучше вовсе не приближаться: в ночь на 11 ноября фейри путешествуют между холмами по своим дорогам и тропинкам, раскинутым точно паутина. Вход в бру можно увидеть и в другое время, для этого нужно в полнолуние обойти вокруг холма девять раз — ни больше ни меньше. И тогда взгляду предстанет то, что происходит внутри. Между прочим, на холмах, о которых известно, что в них обитают фейри, не следует строить жилые дома, церкви или замки, ибо фейри могут перенести эти строения на другое место.

Волшебная Страна — это страна, в которой обитают фейри. Порой она является взорам людей как призрачный, окутанный туманами остров в морской дали. У этого острова множество названий — Остров Блаженных, Хай-Бресейл (или Ги-Бразил), а самое известное — Инис Авалон или просто Авалон. На острове Авалон покоится легендарный король Артур, перенесенный туда тремя чародейками после кровавого сражения, в котором он получил смертельную рану. В Уэльсе Волшебную Страну называют Тир-Нан-Ог, или Страна Вечной Юности, но то уже не остров, а некая земля, лежащая за морем на западе, или Тирфо Туинн — Земля-под-Волнами. В Волшебную Страну ведут тайные пути. Считается, что ходы в Волшебную Страну можно найти на дне моря и в глубине горных озер, а также в холмах — недаром фейри иногда величают «народом холмов».

Время в Волшебной Стране иное, чем в мире людей. Один день там равен нескольким годам, если не десяткам лет здесь. Иногда бывает и наоборот.

Сказка гласит, что некий молодой пастух вступил в хоровод фейри — и очутился в прекрасном дворце, где провел в довольстве и радости много лет. Ему ни в чем не препятствовали, запрещали только пить из фонтана, в котором плавали золотые и серебряные рыбки.

Фейри. Книжная заставка.

Однажды он не утерпел и нарушил запрет, зачерпнув воды из фонтана. И тут же дворец исчез, а пастух оказался на склоне холма среди своих овец. С того мгновения, как он вступил в хоровод фейри, прошло от силы пять минут.

Но все-таки гораздо чаще время в Волшебной Стране как бы замедляется, и примеров тому не счесть. Ирландская сага «Плавание Брана, сына Фебала» рассказывает о воине Бране, который достиг Эмайн-Махи — Острова Женщин. Однажды Бран услышал чудесную музыку: мелодия была столь сладостной, что убаюкала героя, а проснувшись, он увидел рядом с собой на земле яблоневую ветвь, усыпанную цветами. Когда Бран вернулся домой, ему явилась женщина в диковинных одеждах и запела песню об острове Эмайн, где нет ни зимы, ни горя, ни нужды, где скачут на раздолье кони бога Мананнана и царят радость и веселье. В той песне были такие слова:

Есть далекий-далекий остров,
Вкруг которого сверкают кони морей,
Прекрасен бег их по светлым склонам волн.
На четырех ногах стоит остров.

Стоит остров на ногах из белой бронзы,
Блистающих до конца времен.
Милая страна, во веки веков
Усыпанная множеством цветов.

Там неведома горесть и неведом обман.
На земле родной, плодородной
Нет ни капли горечи, ни капли зла,
Все — сладкая музыка, нежащая слух.

Без скорби, без печали, без смерти,
Без болезней, без дряхлости —
Вот истинный знак Эмайн.
Не найти ей равного чуда[1].

Женщина пригласила Брана на этот остров и вдруг исчезла. С ней исчезла и яблоневая ветвь. Сожалея о пропаже, Бран велел снарядить флот и на следующее утро двинулся в путь. Вскоре Бран увидел остров Эмайн и провел там, как ему казалось, всего один год. Потом его спутники начали тосковать по родному Эрину; сильнее других рвался домой Нехтан, сын Коллбрена. Бран поддался на уговоры, но пообещал своей возлюбленной, правительнице Острова Женщин, что скоро возвратится. Флот Брана благополучно достиг Ирландии и стал вблизи берега; герой назвал местным

[1] Перевод А. Смирнова.

жителям свое имя и услышал в ответ, что Брана, сына Фебала, давным-давно нет в живых, что он, как гласят древние сказания, столетия назад ушел в море. Нетерпеливый Нехтан прыгнул за борт и вброд добрался до суши, но едва он ступил на землю, как на глазах у потрясенных спутников превратился в дряхлого старца, а затем рассыпался в прах. Тогда Бран велел поворачивать обратно, и больше его в Ирландии не встречали.

Фейри — замечательные мастера. Причем они не только работают сами, но и учат своему ремеслу людей. Фейри славятся как искусные кузнецы. Прежде всего это относится к карликам, которые выковали множество сокровищ и оружия. Правда, тут возникает вопрос, как они могли это сделать — ведь никто из фейри не способен даже прикоснуться к железу. Лепрехуны все время тачают башмаки, но испокон веку возятся с одним и тем же башмаком, так что результата их трудов еще никто не видел. В шахтах и копях трудятся кобольды и стуканцы. Вдобавок фейри замечательно справляются с домашней работой (правда, можно ли домашнюю работу называть ремеслом?).

У каждого рода фейри свои забавы и развлечения. Бродячие фейри в основном предаются тем же занятиям, что и люди. Героические фейри, такие как Благий Двор или дини ши, проводят время в аристократических усладах — танцуют, музицируют, охотятся, устраивают верховые прогулки. Кроме того, они постоянно воюют друг с другом и с людьми. Едва залечив раны, полученные в битве, фейри отправляются на охоту. Добрые фейри охотятся со своими белыми красноухими собаками на оленей; а злые охотятся на людей, собирают человеческие души. Они мчатся

по небу с таким звуком, словно то кричат перелетные птицы; у лошадей слуа глаза пышут огнем. Кроме того, фейри занимаются спортом — в частности, играют в мяч. У них популярны футбол и травяной хоккей, а также шахматы. Между прочим, они великие шахматисты, и большинство гроссмейстеров-людей не годится им и в подметки.

Предание гласит, что у ирландского короля Эохайда была красавица-жена Этайн. Ее красота настолько поразила Мидера, одного из правителей Туата Де Дананн, что он твердо решил забрать Этайн себе. Однажды он появился во дворце Эохайда и предложил тому три партии в шахматы. Эохайд согласился. Тот, кто выигрывал партию, получал что хотел. Первые две партии выиграл Эохайд, который потребовал от Мидера табун лошадей и исполнения трех желаний. А в третьей партии победил Мидер и попросил у Эохайда его жену. Эохайд отказался; тогда Мидер попросил разрешения хотя бы обнять ее и поцеловать. На это Эохайд согласился, но с условием: приходи в конце месяца. Когда срок приблизился, он собрал в чертоге своих воинов и велел, как только Мидер войдет, запереть все двери, чтобы тот не мог похитить Этайн. Мидер увидел, что очутился в ловушке; одной рукой он обнажил меч, второй подхватил Этайн, они пронеслись сквозь крышу и двумя лебедями устремились прочь. История на этом не кончается. Эохайд тосковал по жене и потому напал на Волшебную Страну и вернул себе Этайн. Но Туата Де Дананн разгневались на него и сурово отомстили ему и его потомкам.

Вдобавок фейри — замечательные музыканты. Некоторые из них передают свой дар смертным. В частности, знаменитые шотландские волынщики Маккриммоны научились этому искусству как раз от фейри. Самая приятная, сладостная и опасная для смертных мелодия — напев эль-

фийского короля. Под этот напев танцуют даже камни и деревья. Если человек научится этой мелодии, он пропал: очарование музыки настолько велико, что его не нарушить ничем, разве что волынщик сможет сыграть мелодию задом наперед или скрипачу кто-нибудь перережет струны его скрипки.

Выше уже было сказано, что фейри более или менее определенно делятся на добрых и злых. Добрые довольно дружелюбно относятся к людям и потому редко позволяют себе всякие нечестные поступки, хотя и не прочь поозорничать. А вот злые — дело другое: они никогда не упустят случая обмануть человека. Именно злые фейри похищают человеческий скот и крадут детей, вместо которых оставляют подменышей. Иногда они велят людям убивать себе подобных; но их можно провести, вместо человека убив корову или лошадь. Фейри ничего не заподозрят, а смерть животного на время утолит их кровожадность. Впрочем, добрые фейри тоже могут при случае похитить скот или выкрасть младенца из колыбели. Зачастую добрые и злые фейри ходят вместе, и стоит обидеть одних, как другие тут же принимаются за них мстить. В общем и целом все фейри живут по присловью: «Что твое, то мое, а что мое — никому не отдам». Правда, среди всех фейри выделяются тилвит тег — это благородные создания, всегда готовые помочь человеку, который им по нраву, и поступающие всегда

Фейри. Книжная заставка.

предельно честно: если что-то берут, то обязательно отдают что-либо взамен. Что касается лжи, тут следует помнить, что фейри, даже злые, не лгут — они всего-навсего лукавят; говорят правду, но так, что не всякий поймет истинный смысл слов.

У фейри существуют свои понятия о чести, которых они строго придерживаются. Тех людей, которые не соблюдают этих правил, фейри строго карают. Прежде всего, они следят за соблюдением тайны, ибо им есть что таить, и жестоко наказывают тех, кто пытается за ними шпионить. Люди, которые похваляются своими заслугами перед фейри, частенько заболевают, у них на теле появляются эльфийские метки, их разбивает паралич. А те, кто пытается украсть сокровища фейри, рискуют жизнью. Фейри терпеть не могут скупердяйства, грубости и невежливости; кроме того, они недолюбливают мрачных типов, тогда как человек веселый вправе рассчитывать на радушный прием. Если в доме чистота и порядок, фейри обязательно наградят чем-нибудь его хозяйку. А нерях и лентяек они не преминут проучить. Заодно достается тем мужьям, которые бьют своих жен, и любителям сквернословить.

Как правило, фейри довольно дружелюбно относятся к людям. Но если их оскорбить, пускай даже непреднамеренно, они мстят. Чаще всего их месть заключается в том, что они насылают болезни.

Самая известная болезнь такого рода — паралич или, как его именуют в народе, удар. Фейри наводят паралич на свою жертву, а потом похищают человека, оставляя взамен подменыша либо деревянную колоду, заколдованную таким образом, чтобы ее приняли за труп.

Этот паралич еще называют «эльфийским ударом» или «эльфийским выстрелом». По признанию ведьмы Изобель Гоуди, она собственными глазами видела, как эльфийская ребятня затачивает наконечники стрел; Р. Роббинс сообщает: «С помощью другого заговора ведьмы могли превращаться в животных... Иногда они стреляли эльфийскими стрелами, которые, как видела Гоуди, точили маленькие мальчики-эльфы, чтобы калечить или убивать людей». Потом эльфы передавали стрелы ведьмам, чтобы те поражали ими людей и домашний скот.

Среди прочих хворей, насылаемых фейри, можно упомянуть ревматизм, защемление позвонков и все прочие болезни, уродующие плоть. Этими болезнями страдают те, кто сильно обидел фейри. За меньшие провинности людей «награждают» мурашками, сыпью или синяками по всему телу. Считается, что туберкулез — тоже дело рук фейри, что они причастны к переутомлению, рвоте, поносу. Если у женщины бесплодие или если у человека завелись вши, и тут наверняка не обошлось без фейри (или, на худой конец, без ведьмы, действующей по их наущению).

От фейри достается не только людям, но и домашнему скоту. Падеж в стаде начинается оттого, что фейри похищают животных, убивают их и съедают — причем чаще всего они пожирают не плоть, но суть домашней скотины, а люди о том и не подозревают, ибо в хлеву остаются телесные оболочки — так называемые «фойсон».

Подобно демонам, фейри можно подчинить себе чарами и заклинаниями. Существуют специальные заклинания, вызывающие фейри и прогоняющие их, обращения за помощью и просьбы о совете. Вот некоторые из них.

1. ПРИЗЫВАНИЕ ФЕЙРИ

Взять сосуд венецианского стекла размером три на три фута, в течение трех недель, по средам или по пятницам, опускать этот сосуд в кровь белой курицы, затем вымыть святой водой и окурить; после чего взять три прута с орехового куста не старше года от роду, очистить от коры, сделать с одного бока плоскими, написать на них имена фейри, которых хотите вызвать, по три раза каждое, и зарыть прутья под каким-либо из чудесных холмов; в среду перед призыванием и в пятницу после оного извлечь прутья и произнести имена фейри в урочный час, отмеченный благосклонностью планет; тот, кто призывает фейри, должен быть чист душой и телом, встать ему следует лицом на восток. Если соблюдены все условия, фейри появится в том самом сосуде.

2. ЗАКЛИНАНИЕ, ОТГОНЯЮЩЕЕ ФЕЙРИ ОТ КЛАДА

Заклинаю вас, духи, семь сестер, имена которых — Лилия, Рестилия, Фока, Фола, Африга, Джулия, Венулия, заклинаю вас именем Иисуса Христа и его святой Матери — отныне ни вам, ни кому другому не позволено являться здесь без разрешения имярек; ни днем, ни ночью, ни поодиночке, ни вместе.

В фольклоре германских народов довольно часто встречается сюжет, носящий название «чудесных похорон». Между тем в сказках и преданиях повторяется, что фейри не умирают — по крайней мере, от старости (их можно лишь убить или смертельно ранить). Представляется, что прежде чем рассуждать о том, смертны ли фейри, следует задаться другим вопросом: а есть ли у них бессмертная душа? Ведь если душа у них есть, они и вправду бессмертны, как бессмертны люди —

милостью неба. Если же души у фейри нет, можно предположить, что они бессмертны только физически — то есть умирают не от старости, а от смертельных ран. Иными словами, в таком случае их душа сродни душе животных. Скорее всего, бессмертной души у фейри нет. У них нет души — и нет загробной жизни. Тем не менее они бессмертны. Умирая — точнее, погибая в мире людей, фейри возвращаются в Волшебную Страну, где продолжают жить как ни в чем не бывало (нет никаких сведений о том, что в Волшебной Стране кто-либо когда-либо умирал — наоборот, везде говорится, что смерти в нее путь заказан). Однако порой они настолько устают от жизни, что начинают мечтать о смерти, которая избавила бы их от тягот бытия. А чтобы умереть, фейри нужно обрести бессмертную душу, подобную человеческой...

Что же касается похоронных процессий фейри, встреча с ними предвещает человеку беду.

Предание гласит, что как-то поздно вечером двое мужчин возвращались домой. Дорога шла мимо кладбища; в тот самый миг, когда они поравнялись с кладбищенскими воротами, часы на колокольне пробили полночь. Затем наступила тишина, которую вдруг нарушил погребальный звон. Колокол ударил двадцать шесть раз — ровно столько, сколько было лет одному из мужчин. И показалась диковинная процессия: сотни крошечных существ двигались по дороге, несли гроб с откинутой крышкой, в воздухе плыла невыразимо грустная мелодия. Когда гроб поравнялся с ними, старший из мужчин заглянул внутрь. Лежавший в гробу был как две капли воды похож на его спутника. Юноша, услышав об этом, решил спросить у фейри, сколько ему осталось жить. Никто не ответил, процессия вскоре скрылась, а мужчины благополучно добрались до дома. Месяц спустя юноша сломал себе шею и умер.

Глава 8

БРИТТСКИЕ ГОБЛИНЫ: НИЗШАЯ МИФОЛОГИЯ БРИТТОВ[1]

Достоинства сказки. — Вера в фейри. — Святой Коллен и Гвинн ап Нудд. — Авалон. — Разновидности фейри. — Эллилон. — Эллилдан. — Коблинай. — Озерные фейри. — Горные фейри. — Подменыши. — Тилвит Тег. — Музыка фейри. — Ведьмины круги. — Защита от проказ фейри. — Чудесные дары. — Происхождение валлийских фейри.

Сколь бы ни расходились мнения ученых мужей в отношении других областей фольклора, в вопросе о фейри они единодушны: истории о фейри — пережиток древней мифологии. Такое единодушие и должно царить в царстве, хранящем светлые воспоминания о самом поэтическом времени жизни, детстве человечества, когда скепсис еще не занял место неведения. Этот скепсис — порождение знания, несравненно более ценного, чем изгнанная им вера, однако мало кто из современных людей втайне не сожалеет, что научный подход лишил нас старой веры в фейри. Есть некое очарование в убеждении, что «давным-давно» мир был не

[1] По книге У. Сайкса «British Goblins». Перевод Г. Соловьевой.

столь практичен, как ныне, не столь будничен и полон обыденности и не так подвержен действию неумолимых законов гравитации, оптики и им подобных. Какой драматичной была тогда жизнь! Сколько в ней было поэзии, мечты и радости!

Но, достигнув зрелых, мудрых лет и лишившись сказки, мы можем отчасти утешиться, обратившись к сказочной мифологии. Пусть любимые нами истории старины «неправда» — но они и не праздные выдумки. Существование сказки имеет добротное оправдание, и мы вправе относиться к ней с уважением. Остряк, заметивший, что «в общем и целом сказка обеспечивает развлечение охотникам, решившимся безрассудно проследить ее до места и времени рождения», высказал под видом шутки вполне серьезную мысль. Раз уж нельзя больше мириться со счастливым неведением, любители сказок могут утешиться тем, что нет нужды выбрасывать сказку в мусорную корзину вместе с кучей старого хлама; напротив, старые герои, пройдя суровое испытание в тигле строгой науки, стали еще привлекательнее.

Случайный наблюдатель может предположить, что вера в фейри в Британии почти исчезла в наши дни даже среди простого народа, однако это не так. Хотя даже люди образованные и постоянно проживающие в Британии могут в этом отношении оказаться не более осведомлены, чем случайные наблюдатели. Лишь немногие из них, те, кто особо интересовался этим предметом, представляют, насколько живы еще народные верования, в то время как большинство образованных британцев вообще не имеют мнения по этому вопросу и, пожалуй, удивятся, что вопрос этот еще может возникнуть. В 1858 г. ученый автор статьи в «Археологических чтениях» заявлял, что «ныне можно пересечь страну от края до края и ни разу не подивиться и не

позабавиться теми народными легендами или сказочными историями, которые некогда передавались от отцов к детям». Однако в том же издании восемнадцать лет спустя находим статью Джона Уолтера Люкиса (президента Кардиффского общества естествознания), в которой о кромлехах, волшебных холмах бру и древних стоянках в графстве Гламорган говорится: «С ними всегда связаны рассказы о фейри и призраках, причем в правдивости некоторых местные жители полностью убеждены, и кажется, что чем нелепее история и ее герои, тем больше в них верят». Наблюдения подтверждают утверждение последнего свидетеля. Образованные европейцы, как правило, убеждены, что подобные верования полностью исчезли в их стране или, по крайней мере, в той области, где они живут. Если что-то в этом роде и могло остаться в наш просвещенный век, то, по их мнению, «где-нибудь на севере», если сами они живут на юге, или на юге, по убеждению северян. А в целом они относят эти верования к веку минувшему, или к средневековью, а то и ко временам короля Артура. Ректор Мертира, человек пожилой, относит эти верования ко временам своей юности. «Я настолько стар, — писал он в письме, датированном январем 1877 г., — что еще помню времена, сорок или пятьдесят лет назад, когда этим историям полностью верили». Сдается мне, люди образованные в любом веке считали эти истории достоянием прошлого. Чосер думал об этом почти пять столетий назад, когда писал (в «Рассказе батской ткачихи» из «Кентерберийских рассказов»):

Когда-то, много лет назад,
В дни короля Артура (говорят
О нем и ныне бритты с уваженьем),

По всей стране звучало эльфов пенье.
Чрез сотни лет теперь совсем не то,
И эльфов не увидит уж никто[1].

Драйден на двести лет позже подхватывает, говоря о фейри:

То было в древности.
Теперь уж пастушок,
ночной порою проходя по лугу,
Не примечает эльфов хоровод...

И в новые времена другие авторы повторяют друг за другом: «Теперь уж не то, а вот еще не так давно...» Истина, вероятно, в том, что стоит только погрузиться в народную жизнь, особенно в жизнь наших поселян, как без труда обнаружишь те же старые поверья, что и пятьсот лет назад.

В артуровскую эпоху и до нее жители Южного Уэльса почитали страной фейри Северный Уэльс. В народном воображении эта далекая страна представала излюбленным обиталищем великанов, чудовищ, колдунов и других волшебных созданий. Оттуда и являлись фейри погостить на солнечных землях юга. Главным мудрецом этой волшебной страны был великан, любивший посидеть на горной вершине и созерцавший звезды. Правил в той стране волшебный король Гвидион, обладавший умением обращать себя в любой мыслимый и немыслимый образ. Крестьяне, жившие на берегах Дифеда, видели вдали, за синими волнами моря, зыбкие очертания горных вершин, пронзающих облака, —

[1] Перевод И. Кашкина.

величественных и суровых стражей колдовской страны. Оттуда, с родины бурь, прилетали к ним грозовые облака, там загорались в зимние ночи огненные знамена северного сияния, оттуда уходили в черную звездную высь дороги королей фейри. Эти картины то и дело встречаются в «Мабиногионе», этом великолепном собрании волшебных сказаний Уэльса.

Позднее означенного времени предания помещали страну фейри в долине Нит в Гламорганшире. Один крутой и скалистый утес, известный как Крайг-и-Динас, приобрел особую известность как твердыня волшебного народа. В его пещерах и расщелинах много веков жили фейри, он служил оплотом последним жителям Британии. Нечего и говорить, что еще живы люди, которые помнят встречи с фейри у Крайг-и-Динас, хотя они, конечно, станут уверять, что нынче Малого Народца там не увидишь. По общему мнению, фейри сбежали от методистов и прочих ревнителей веры: в самом деле, судя по множеству рассказов, фейри, когда их еще встречали по всей Британии, проявляли единодушную неприязнь к проповедникам. Надо сказать, что с той же сердечной неприязнью относились они и к трезвенникам.

Правителем фейри, их защитником и покровителем был некий Гвинн ап Нудд. Он же правил всеми гоблинами. Его имя часто встречается в древних валлийских сказаниях. Бард четырнадцатого столетия, который, следуя за фейри, оказался темной ночью на торфяном болоте, называл его «рыбным прудом Гвинна ап Нудда, дворцом гоблинов и их соплеменников». Связь этого легендарного персонажа с долиной Нит в Уэльсе становится явной, если заметить, что

имя Нудд в Уэльсе произносится не иначе как Нит. Что касается королевы, у гоблинов таковой, кажется, нет. Тем не менее филологи производят имя Моргана от Мор Гвин, Белой дамы; и в связи с этим нельзя не упомянуть о встречающемся в Уэльсе женском имени Морганна.

Легенда о святом Коллене, в которой фигурирует Гвинн ап Нудд, рисует последнего королем не только фейри, но и Аннона (ада или страны теней).

Коллен жил смиренным отшельником в горной пещере. Однажды он услышал, как двое людей беседуют о Гвинне ап Нуде, называя того королем этих двух царств. Коллен велел

болтунам убираться и не упоминать дьявола. Но король страны фейри прогневался на эти слова и решил проучить Коллена. Святого пригласили на встречу с королем в полдень на вершине холма. Он долго отказывался, однако в конце концов явился, не забыв прихватить с собой сосуд со святой водой. «И, придя туда, увидел прекраснейший замок, окруженный стройными рядами воинов, и было там множество менестрелей, и самый воздух звенел песнями и музыкой, и в седлах скакунов восседали прекраснейшие юноши, и окружали его девы, стройные, с легкой поступью, в расцвете молодости, и было все вокруг величественно и прекрасно, как подобает двору славнейшего монарха. И на стене замка увидел святой рыцаря, пригласившего его войти, ибо король ожидает его к трапезе. И Коллен вошел в замок и предстал перед королем, сидевшем на золотом троне. Тот с почетом приветствовал Коллена и предложил ему отведать яств, уверяя, что помимо того, что видит он на столе, имеется в достатке любых лакомств и напитков, каких пожелает душа, и все готово для пира, достойного оказать честь и гостеприимство столь премудрому господину.

"Я не ем листьев", — отвечал Коллен.

"Видел ли ты когда-либо одеяния роскошнее, чем одежды моих придворных из алого и голубого бархата?" — вопросил король.

"Самая подходящая для них одежда", — отвечал Коллен.

"Чем же?" — спросил король.

И тогда ответил Коллен:

"Красная половина означает огонь ада, а голубая — его холод".

И с этими словами Коллен достал свой сосуд и обрызгал все вокруг святой водой. И тогда скрылись с глаз и замок, и войско, и юноши, и девы, и скакуны, и менестрели, и пир-

шественный стол, будто и не было ничего, кроме зеленой травы на вершине холма».

Третьим обиталищем фейри британцы называют Авалон артуровских легенд. Зеленые луга средь моря, острова, называемые в «Валлийских Триадах» Гверддонау Ллон, иначе — Зеленые острова посреди моря: «Случилось на острове Придейн три знаменитых исчезновения. Первым исчез Гавран и его люди, каковые отправились на поиски Зеленых островов посреди моря, и больше о них никогда не слыхали».

С этими островами поныне связано множество удивительных преданий.

Верили, что там находят пристанище души друидов, недостаточно святые, чтобы попасть на небеса христиан, и не настолько злые, чтобы мучиться в Анноне. Для них нашлось место в этом романтическом варианте языческого рая.

В пятом веке эти зачарованные острова посетил король Британии Гавран; со всем семейством он отплыл по неведомым волнам, и с тех пор их больше не видели. Его странствие увековечено в «Триадах» упоминанием о «трех исчезнувших». Остальные двое — Мерддин и Мадог. Мерддин уплыл на стеклянном корабле; Мадог отправился на поиски Америки и не вернулся, оба исчезли навеки.

На этих романтических берегах моряки еще рассказывают о зеленых волшебных островах, лежащих в Ирландском проливе к западу от Пемброкшира. Порой они ненадолго открываются взгляду смертных, но вдруг исчезают из вида.

Ходит рассказ о моряках, которые побывали на берегах острова фейри — и поняли, куда их занесло, только когда остров исчез на глазах охваченных трепетом матросов; не погрузился в волны, не уплыл, а просто вдруг исчез.

Говорят, фейри с этих островов нередко появляются на ярмарках в Милфордхейвене и Лагарне. Они делают покупки, не произнося ни слова, выкладывают деньги и скрываются, но всегда приобретают товар за ту самую цену, за которую продавец рассчитывал его сторговать. Иногда они невидимы, но люди с «двойным» зрением могут их приметить.

Не раз и не два люди ясно видели Зеленые острова недалеко от большой земли, и большинство полагает, что там полным-полно фейри. Говорят, что те попадают с островов на наши берега и обратно по подземной галерее, проложенной под морским дном.

Одинокий мыс, на котором лежит Пемброкшир, оставался для остальных британцев страной тайн долгое время после того, как в 1113 г. на нем поселились «варварские пришельцы с Севера». Завеса тайны покрывала омываемый морскими волнами мыс, жители которого говорят не по-английски и не по-французски, а на какой-то невразумительной тарабарщине. Мифология на этой странной земле слилась с христианством, и порой не знаешь, кому больше удивляться — язычникам или священникам, столь неправдоподобны изобилующие чудесами истории первых и проповеди вторых.

Фейри, как создания воображения, неподвластны твердым и неизменным правилам точных наук, где законы неизменны, а если и изменяются, то сами исключения подчиняются точным правилам. Сравнительной мифологии, если она желает быть принятой в строгое общество точных наук, приходится держаться скромно. Все, чего может добиться автор, посвятивший себя этому предмету, — упорядочить изложение для удобства ученого собрата, которому прихо-

дится обращаться за справками и заниматься сравнением, и при этом не заставить скучать обычного читателя.

Томас Кейтли разделяет героев скандинавских народных преданий на четыре класса:

1. Эльфы.
2. Гномы и тролли.
3. Ниссе.
4. Некке и морской народ.

Всякому интересовавшемуся скандинавским фольклором тут же станет ясно, насколько относительно это деление, однако оно, быть может, не менее удобно, чем любое другое. Придерживаясь не слишком строгой аналогии, можно разделить британских (точнее, бриттских) фейри на пять классов:

1. Эллилон, или эльфы.
2. Коблинай, или фейри рудников.
3. Бубаход, или домашние фейри.
4. Гуараггед Аннон, или фейри озер и ручьев.
5. Гвиллион, или горные фейри.

Современное название фейри —Тилвит Тег, то есть Чудесный Народ или Чудесное Семейство. Иногда их называют длиннее: Тилвит Тег ин-и-Коед, Чудесное Семейство лесов, или Тилвит Тег и-Мун, Чудесный народ копей.

Их видят танцующими в лунном свете на бархате трав, облаченными в легкие воздушные одежды голубого, зеленого, белого или алого цвета — в отношении цвета одежд описания часто расходятся. Говорят, что смертному, заслужившему их благосклонность, достается благословение фейри, и потому называют их еще Бендит-и-Мамай, или «Матушкино Благословение».

Фейри гневаются, если назвать их обидной кличкой, зато тех, кто говорит о них лестно, могут вознаградить.

Изучающему мифологию фейри этот факт говорит о многом, так как подобное верование прослеживается по всей земле до начала человеческой истории, зародившейся среди заоблачных вершин Центральной Азии. Греки поминали фурий под именем эвменид, то есть «милостивых»; горцы в романах сэра Вальтера Скотта почтительно именуют виселицу «королевскими помочами», даяки называют оспу не иначе как «вождем»; для лапландцев медведь — «мохнатый старик»; в Аннаме тигра зовут «дедушкой»; и, кажется, правило говорить о покойниках только хорошее происходит от боязливого почтения к могуществу душ умерших.

Эллилон — крошечные эльфы, обитающие в долинах и рощах. Они больше всего напоминают эльфов из сочинений английских поэтов XVI—XVII столетий, будь то Эдмунд Спенсер, Филип Сидни, Джон Драйден или Уильям Шекспир. По-видимому, и английское слово «эльф» происходит от валлийского «эл» — дух, или «элф» — стихия, элементал. В языке валлийцев множество слов такого рода, обозначающих неуловимое, ускользающее, духовное, дьявольское, ангельское или относящееся к миру гоблинов.

Слово «эллилон» (мн. ч. от «эллил»), несомненно, состоит в родстве с древнееврейским «Эллилим» как по значению, так и по происхождению слова. Поэт Дэвид аб Гвилим, шутливо описывая свои блуждания в тумане в 1340 г., пишет:

Yr ydoedd ym mhob gobant
Ellyllon mingeimion gant.
(И смеялись из каждой лощины коварные эльфы.)

И сейчас крестьянин, припозднившийся с ярмарки или рынка, высматривает эллилов в лощинах и расщелинах.

Еда эллилов на валлийском называется «масло фейри» и «эльфова снедь» — «именин твилит тег» и «бвид эллилон»: последнее название относится к поганкам, а первое — к маслянистому веществу, которое иногда находят в глубине известняковых расщелин, куда спускаются в поисках свинцовых жил. Перчатками (мениг эллилон) эллилам служат колокольчики наперстянки, листья которой содержат сильное седативное вещество. У них есть и королева — не королева всех фейри, подобно королю Гвинну ап Нудду, а только королева эллилов, та самая, о которой шекспировский Меркуцио говорит, что

> Она не больше
> Агата, что у олдермена в перстне[1].

Надо сказать, Шекспир широко и с большим знанием дела использовал валлийский фольклор. Кейтли в своей «Мифологии фейри» упрекает Барда за неточное представление английских суеверий, связанных с фейри, но к валлийским верованиям этот упрек не относится. Именно от валлийцев Шекспир перенял образ королевы Маб. Это имя на валлийском означает маленького ребенка, а еще встречается как корень во множестве слов, обозначающих младенческое, детское: любовь к детям — мабгар, котенок — мабгат, детский лепет — мабиат и т. п. Наиболее достопримечательным представляется слово «мабиноги», ед. ч. от «мабиногион» — старинные романтические истории для детей.

---

[1] «Ромео и Джульетта», акт I, сц. 4, перевод Т. Щепкиной-Куперник.

ИСТОРИЯ ФЕРМЕРА РОУЛИ ПУГА

На одной ферме в Гламорганшире жил Роули Пуг, известный всей округе своим невезением. За что бы он ни взялся, все шло вкривь и вкось: у всех соседей хороший урожай, а ему едва хватало прокормиться; крыша текла, сколько он ее ни латал; стены в доме покрывались плесенью от сырости, хотя у других было сухо, и, в довершение несчастий, жена у него болела и не справлялась с хозяйством. Наконец он потерял надежду и совсем было решил продать ферму и уехать попытать счастья на чужбине. И вот сидел как-то Роули, пригорюнившись, на каменной изгороди у своей лачуги, и вдруг подошел к нему маленький человечек и спросил, что случилось. Роули уставился на него в изумлении, а эллил усмехнулся и говорит: «Ладно-ладно, молчи, знаю все сам. Ты в беде и подумываешь уехать. Но я дам тебе совет, и уезжать не придется. Скажи только своей жене, чтоб не гасила свечу, ложась в постель, а больше ничего не говори».

Тут эллил щелкнул каблуками и пропал. Нечего и говорить, фермер выполнил его наказ, и с того дня дела его пошли на лад. Каждую ночь его жена, Китти Джонс (до недавних пор женщине в Уэльсе и после замужества дозволялось носить девичье имя), ставила свечу, выметала очаг и отправлялась спать, и каждую ночь фейри за нее пекли хлеб и варили эль, стирали и убирали, а порой даже приносили с собой инструмент и материал для починки одежды. Фермер стал ходить в чистом, ел свежий хлеб, пил добрый эль и чувствовал себя так, будто заново родился. И работа у него спорилась, за что бы он ни взялся, все шло на лад: урожай хорош, в стойле чисто, скотина лоснится, ни у кого во всем приходе не было таких жирных свиней. Так продолжалось

Фермер и эллил. Из книги У. Сайкса «British Goblins».

три года. Но как-то раз Китти вбила себе в голову, что надо подсмотреть, как фейри делают за нее всю работу. Любопытство победило осторожность, и ночью, пока муженек спокойно похрапывал, женщина поднялась и выглянула в щелочку двери. Тут и увидела она веселую семейку эллилов, которые трудились как сумасшедшие да еще успевали смеяться и приплясывать. Китти не выдержала и тоже рассмеялась. Заслышав ее голос, все эллилы растаяли, как туман на ветру, и комната осталась пустой. Они не вернулись, но все же фермер успел разбогатеть и никогда больше не знал неудач.

Изучающий сравнительный фольклор сразу заметит сходство этой истории со многими другими. Заметит он и родство этого предания с рассказами о бубаход, или домашних фейри. Это постоянный камень преткновения в подобных научных исследованиях. Идея Баринг-Гоулда о том, что все домашние сказки произрастают из первобытных корней (подобно словам), как ни удачны приводимые им примеры, постоянно сталкивается с препятствиями такого рода. Легенда о Роули Пуге напоминает сходные истории о гриммовских «witthelmaenner». Германские «hausmaenner» — те же домашние эльфы, иногда проказливые, иногда полезные, но всегда ожидающие материального вознаграждения за свои услуги, как и те английские гоблины, о которых Мильтон в «L'Allegro» говорит, что они трудятся,

> Чтоб заработать кринку сливок.

Эллилдан — разновидность эльфов, в точности соответствующая «блуждающим огонькам», скандинавским «ликтгубе» или бретонским «санд йан и тад». Валлийское слово «дан» означает огонь, а может обозначать и приманку. Образовавшееся сложное слово обозначает манящий огонек эль-

фа. Бретонские «Санд йан и тад» — манящие огненные фейри, которые носят на кончиках пальцев пять огоньков, вращающихся, как колесики прялки. Негры в южных областях Америки наделили блуждающие огоньки ужасными чертами собственного изобретения. Они называют огоньки «Джек-с-фонариком» и представляют их уродливыми человечками пяти футов ростом, пучеглазыми, с огромным ртом и телом, покрытым длинными волосами. Передвигаются они будто бы скачками, как огромный кузнечик. Эти ужасные духи сильнее самого сильного человека и быстрее самой быстрой лошади. Они заводят жертв в болото и топят в трясине.

Как все родственные им гоблины, эллилдан, разумеется, показываются в болотистых местах. Они пляской заманивают запоздалого путника в трясину. Впрочем, как заметил один остроумный валлиец, «бедные эльфы теперь захирели и помирают с голоду, и огоньки их навеки погасли, потому что фермеры осушили болота, и где в тростниках прятались выпи да кулики, теперь растут ячмень и картошка».

Пука — другое название эллилдан, как английский Пак — другое имя блуждающего огонька. В обоих случаях короткое имя звучит более поэтично и больше распространено. Имя Пак первоначально относилось к целому семейству английских фейри, и до сих пор мало кто из эльфов пользуется у нас большей популярностью, чем Пак, несмотря на все его проказы. Отчасти этой популярностью он обязан поэтам, особенно Шекспиру. Отдадим должное Барду за его подробное и достоверное изложение фольклора: это особенно интересно ввиду обвинений, предъявленных ему за неточность в изложении английских преданий.

В Уэльсе существует легенда, что Шекспир узнал о валлийских фейри от своего друга Ричарда Прайса, сына сэра Джона Прайса, аббата Брекона. Говорят даже, что действие «Сна в летнюю ночь» первоначально разыгрывалось в

Пука. Из книги У. Сайкса «British Goblins».

романтическом Глене-Клидах, в Брекониире, — фантазия столь же легкая и воздушная, как сам Пак. (Судя по письму поэта Кэмпбелла, считалось, что Шекспир лично посещал волшебную долину. «Не далее как вчера, — писал Кэмпбелл, — я узнал, что существует вероятность — почти уверенность, — что Шекспир навещал друзей в том самом городе [Брекон в Уэльсе], где родилась миссис Сидон, и там он нашел глен, известный под названием “Долина Пака”, главного действующего лица действия “Сна в летнюю ночь”».) Как бы то ни было, Кум-Пукка существует на самом деле; и до того как в этой долине построили металлургический завод, гоблинов там водилось больше, чем, как говорят в народе, благочестия в голове у методиста. В Уэльсе есть и другие местности со сходными названиями, и проказы Пака хорошо помнят местные старожилы. Все разнообразие проделок, приписанных ему народной фантазией, выражено Шекспиром в словах, вложенных Бардом в уста самого Пака:

Ну да, я — Добрый Малый Робин,
Веселый дух, ночной бродяга шалый.
В шутах у Оберона я служу...
То перед сытым жеребцом заржу,
Как кобылица; то еще дурачусь:
Вдруг яблоком печеным в кружку спрячусь,
И лишь сберется кумушка хлебнуть,
Оттуда я к ней в губы — скок! И грудь
Обвислую всю окачу ей пивом.
Иль тетке, что ведет рассказ плаксиво,
Трехногим стулом покажусь в углу:
Вдруг выскользну — тррах! — тетка на полу.
Ну кашлять, ну вопить! Пойдет потеха!
Все умирают, лопаясь от смеха,
И, за бока держась, твердит весь хор,
Что не смеялись так до этих пор...[1]

Однако в своем подлинном облике Пука выглядит забавным эльфом. Известно, что валлийский крестьянин, которого попросили описать внешность Пуки, изобразил угольком следующее существо:

Пука.
Из книги У. Сайкса
«British Goblins».

Самая известная история о Пуке заключается в том, что некий фермер, возвращаясь домой после работы или с ярмарки, увидел перед собой огонек. Присмотревшись, он различил маленькую темную фигурку, державшую над головой фонарик или

[1] «Сон в летнюю ночь», акт II, сц. 1, перевод Т. Щепкиной-Куперник.

свечу. Он долго гнался за огоньком и вдруг очутился на краю страшной пропасти. Из глубины доносился рев бурного потока. В тот же миг гоблин с фонариком перепрыгнул через расщелину, на другой стороне поднял фонарик высоко над головой, потом с громким злорадным хохотом задул огонек и исчез в холмах, оставив фермера в темноте на краю обрыва. Фермер в итоге добрался до дома, но какого страха он натерпелся — этого не передать словами.

Под общим названием «коблинай» известны фейри, обитающие в шахтах, каменоломнях и в пещерах Уэльса. Коблинай соответствуют классическим гномам. Слова «коблин» имеет два значения: «стуканец» и «дух, демон». Не отсюда ли происходит слово «гоблин»?

Под этим названием валлийские шахтеры знают маленьких фейри, которые обитают в шахтах и указывают легким постукиванием или шорохом местонахождение богатых рудных жил. Эти фейри обитают в тех местах, где лежат подземные богатства, а также в пещерах и укромных горных ущельях. Говорят, что коблинай ростом в пол-ярда и очень уродливы на вид, зато добродушны и дружелюбны к горнякам. Наряд их напоминает одежду шахтера, и они носят с собой маленькую кирку, молоток и фонарик. Они усердно трудятся, нагружая руду в ведра, бегают по трекам, крутят крошечные лебедки и стучат как сумасшедшие, но толку от их работы нет. Если горняк болтает о них попусту, они со злости швыряют в него камни, но и от камней этих никому вреда не бывает. Однако горняки стараются не раздражать коблинай, потому что их появление приносит удачу.

Шахтеры, вероятно, не суевернее прочих людей: многие из них с возмущением отрицали, что им вообще свойственны суеверия, но поверить в данном случае означало

бы поставить шахтеров вровень с непогрешимым Божеством.

Некоторое время назад в «Освестри адвертизер» сообщалось, что «на угольной шахте курьером наняли женщину, и поскольку она выполняла свои обязанности рано утром, то встречалась множеству шахтеров, идущих на работу. Некоторые из них искренне уверены, что встретить женщину поутру — дурная примета; в итоге они, не сумев добиться ее увольнения другими средствами, объявили управляющему, что не выйдут на работу, пока женщину не уволят». Это было в июне 1874 г. В 1878 г. в газетах сообщали о рабочих каменоломни в Пенрине, отказывавшихся работать в праздник Вознесения. «Отказ этот происходит не от религиозных чувств, но от старого и распространенного суеверия, что, если выйти на работу в день Вознесения, неизбежно случится несчастье. Несколько лет назад управляющие убедили рабочих пренебречь приметой — и каждый год случались несчастья, что вполне объяснимо, учитывая объем работ и опасный характер труда горняков. Однако в этом году рабочие единодушно отказались работать».

Не приходится удивляться суеверию горняков. Их жизнь проходит в темных шахтах глубоко под зеленой поверхностью земли, среди каменных стен, на которые от шахтерских фонариков падают уродливые тени. Неудивительно, что воображение (а современные валлийцы, потомки бриттов, обладают чрезвычайно живым воображением) создает из этих теней причудливые образы гномов и коблинай, призраков и фейри. Заслышав таинственное постукивание, которое, как наверняка известно, производится не людьми, и найдя на месте, где слышались необъяснимые звуки, богатые жилы металлов, поколеблются самые упорные скептики. Наука поясняет, что стук этот может происходить от капель

воды, стекающих по трещинам в пустоты горной породы, и в самом деле указывать на присутствие металлов.

Пока Пристли не сумел поймать и загнать в бутылку демона, существующего в форме углекислого газа, товарищи шахтеров, насмерть пораженных в недрах земли невидимым врагом, приписывали случившееся проискам сверхъестественных сил. Столкнувшись с тем, что теперь называется взрывом рудничного газа, который калечил и убивал людей, выжившие не сомневались в том, что столкнулись со злым подземным духом. Отсюда и возникла вера — ныне, возможно, почти исчезнувшая — в подземных василисков, убивающих взглядом. Когда стало ясно, что шахтеров убивает воздух, которым они дышат, а не то, что они видят; когда химия отняла у царства фейри рудничный газ, вера в василисков и огненных духов лишилась пищи. Объяснение существования «стуканцов» появилось совсем недавно и, пожалуй, менее наглядно и убедительно.

Коблинай — карлики; появляются они в разных местах, но народная фантазия убеждена, что прежде всего обитают они в копях или пещерах. Их жилища скрыты от взглядов смертных. Если кто встречается с ними в горах или копях — значит, коблинай на время покинули свои убежища, столь же призрачные, как они сами.

Существует по крайней мере одно описание их тайного убежища, открывшегося глазам человека. Я нашел его собрании валлийских легенд, изданных преп. Эдмундом Джонсом.

Предание говорит, что некий Уильям Эванс из Хафодафела рано утром шел по склону Маячной горы и увидел угольные копи фейри, в которых деловито трудились маленькие человечки. Одни рубили уголь, другие насыпали его в меш-

ки, третьи навьючивали эти мешки на лошадей и т. д., и все это происходило в полной тишине. Уильям подивился такому зрелищу, тем более что он прекрасно знал, что в этом месте не было никаких копей. О нем сообщается, что Эванс — человек «известный своей правдивостью» и, более того, «солидный человек, который не опустится до выдумок».

В тех же хрониках находим свидетельства, что коблинай могут порой забредать далеко от дома в свободное от трудов время.

Эгберт Вильямс, «благочестивый молодой джентльмен, в то время еще учившийся в школе», как-то играл на поле, называемом Кае-Калед, в приходе Бодфари, со своей сестрой и двумя ее подружками. От перелаза через изгородь у Ланевид они заметили компанию из полутора десятков коблинай, кружившихся в бешеной пляске. Человечки плясали посреди поля, примерно в семидесяти ярдах от детей, и танцевали что-то вроде «морриса», только быстрее и задорнее. Одеты он были в красное, как английские солдаты, а на

Коблинай в шахте. Из книги У. Сайкса «British Goblins».

головах у них были красные платочки в желтый горошек. Надо сказать, что ростом они были почти с обычного человека, а все же выглядели гномами, и иначе как гномами их и назвать было нельзя.

Вскоре один из плясунов отделился от круга и направился к компании, стоявшей у перелаза. Дети испугались и полезли через изгородь. Барбара Джонс перелезла первой, за ней — ее сестра, а когда Эгберт помогал своей сестренке подняться по ступенькам, то, оглянувшись, увидел коблинай совсем рядом. Едва он успел сам перескочить на другую сторону, как коблинай уже положил свои мохнатые руки на жерди изгороди и, перегнувшись через нее, очень сердито поглядел вслед убегающим детям. Лицо его от злости сделалось цвета темной меди. Ребята добежали до дома и позвали взрослых, но когда те выбежали на поле, коблинай уже исчезли.

Родичи коблинай встречаются и в других странах. В Германии это «вихтляйн», маленькие длиннобородые человечки ростом меньше локтя, обитающие в копях южных земель страны. Богемцы называют их «хаусшмидтляйн», маленькие домашние кузнецы, потому что они порой стучат своими молоточками, словно молотом по наковальне. Правда, они не пользуются таким уважением, как в Уэльсе, потому что, как считается, встреча с ними предвещает смерть или несчастье. Смерть шахтера предсказывают три отчетливых удара, а в предчувствии других бед эти фейри поднимают такой шум и стук, словно заняты работой. Особенно досаждают немецким горнякам кобольды, которые устраивают всяческие каверзы и сводят на нет всю работу. Они бывают весьма опасны, особенно когда ими пренебрегают или оскорбят чем-либо, но порой проявляют и доброжелательность к рабочим, которые им по нраву. Когда кто-то из рабочих

натыкается на особенно богатую жилу, его товарищи говорят, что дух копей навел его на богатство.

В мифологии фейри явно заметна связь горных фейри с гномами, которые испокон веков считались жителями гор. «Господь, — говорится в предисловии к немецкой народной книге “Хельденбух”, — сотворил гномов, потому что в горах никто не жил и пропадали зря залежи серебра, и золота, и драгоценных камней, и жемчуга». С древности до наших дней рассказы о горных фейри сходны. Едва ли хоть одна северная сага обходится без гномов, и эхо этих преданий отзывается громом в расщелинах гор Кэтскилл, когда гномы Хендрика Гудзона играют в кегли.

Бубахи — добродушные гоблины, которые всегда готовы помочь работящей служанке, если она заслужит их благосклонность способом, описанным в старинных легендах.

Служанка должна подмести кухню, развести в очаге огонь, поставить на беленый очаг маслобойку со сливками и мисочку свежих сливок для бубахов. Потом можно ложиться спать. Утром (если повезет) служанка найдет мисочку пустой, а сливки — сбитыми так крепко, что ей остается только разок-другой встряхнуть маслобойку и вынуть ком масла. Подобно эллилам, с которыми они так похожи, бубахи недолюбливают протестантов и терпеть не могут трезвенников.

В одном поместье в Кардиганшире гостил проповедник, предпочитавший доброму элю длинную молитву. Бубахи же любят, когда люди собираются у комелька с кувшином эля и длинной трубкой, вот домашний бубах и принялся изводить проповедника. Только тот за молитву, а бубах выдернет из-под локтя скамеечку для молитвы, так что молящийся ткнется носом в пол, или примется греметь сковородками, или

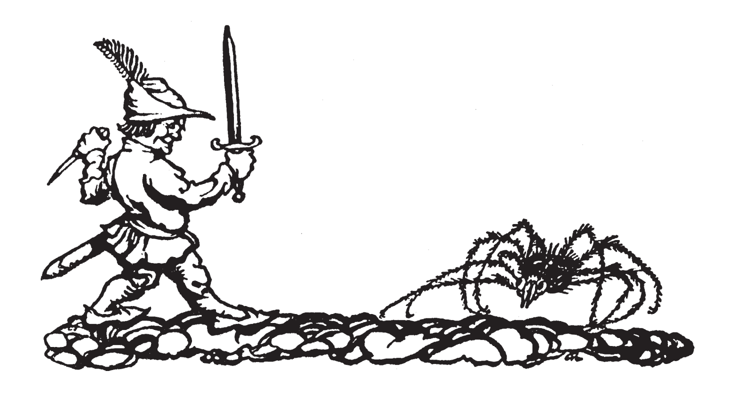
заставит всех собак поднять вой. А то пугает мальчишек, ухмыляясь им через оконное стекло, или доводит до слез служанок. Дошло до того, что он осмелился напасть на священника, когда тот гулял по полю. Вот что рассказывает сам проповедник:

«Я шел, читая свой молитвенник, и вдруг меня охватил страх и колени задрожали. Какая-то тень подкралась ко мне сзади, а когда я обернулся ей навстречу... Это был я сам! Мое лицо, моя одежда, и даже молитвенник. Я только взглянул — и упал без чувств». Таким, бесчувственным, его и нашли.

Это испытание оказалось последней каплей для священника, который счел его предупреждением, что пора покинуть эти места. Так что на следующий день он оседлал коня и уехал. Соседский мальчишка, правдивость которого, как любого мальчишки, неоспорима, рассказывал потом, что видел, как бубах вскочил на коня позади священника. И лошадь понеслась, как молния, сверкая глазами, а проповедник оглянулся — и увидел ухмыляющегося во весь рот бубаха.

Как и боуги с хобгоблинами, бубах сочетает в своем характере черты домашнего фейри и устрашающего призрака. В обеих ипостасях он довольно смешон, но во второй может быть и опасен. Попасть ему в лапы — совсем нешуточное дело, потому что он способен таскать людей по воздуху. Для этой цели иной раз используют бубахов беспокойные духи, которые не могут уснуть, тревожась о зарытых ими кладах. Найдя человека, который согласится откопать сокровище, такой дух привлекает бубаха, чтобы перенести смертного в тайное место.

Во Франции этого забавного фейри называют «гобелен». Матери пугают им детей: «Гобелен тебя унесет, гобелен тебя съест!» Английское слово «хобгоблин», вероятно, происхо-



Мальчик-с-пальчик. Иллюстрация из книги XVIII в.

дит от валлийского «хоб» (прыгать) и «коблин» (гоблин) и обозначает скачущего гоблина, то есть пуку, которого народные предания часто смешивают с бубахом; для современного англичанина это слово превратилось в обозначение хоба, то есть домового.

Слово «бубах», как и английское «боуги», считается родственным славянскому «бог» и, по профессору Фиску, обозначает верховное существо. «Древняя форма этих эпитетов обнаруживается в древнеарийском “бхага”, которое переходит в неизменной форме в ведический санскрит и напоминает о себе в эпитете фригийского Зевса “Багайос”. Первоначально слово могло обозначать ясное солнце или полуденное небо, освещенное солнечными лучами».

Итак, то самое имя, которое для ведического поэта, перса времен Ксеркса или современного русского обозначает верховное божество, в английском стало обозначением смешного и уродливого духа, состоящего в близком родстве с карикатурным северным бесом, о котором Роберт Саути не мог думать без смеха.

ОЗЕРНЫЕ ФЕЙРИ

Гуараггед Аннон (букв. «девы нижнего мира») — волшебные девы, живущие под водой. В Гуараггед Аннон нет ничего рыбьего, и они не живут в море. Их дом — реки и озера, особенно дикие и пустынные горные озера. Эти романтические места окружены бесчисленными преданиями, к которым обратимся ниже. В царстве фейри они словно посредники между Срединным миром людей и нижним миром Аннона, призрачным королевством, где правит Гвинн ап Нудд, король фейри. Эти подводные царства населены фейри Плант Аннон, и горцы Уэльса верят, что Гуарагедд Аннон до сих пор иногда посещают наш мир. Единственное упоминание о валлийских морских девах содержится в описании Дрэйтоном битвы при Азенкуре. Морская дева упоминается среди гербов валлийских рыцарей:

> Шел следом Кардиган с морскою девой на утесе...

Среди многих обителей волшебных дев в Уэльсе — озеро Кримлин близ деревушки Бритон-Ферри. Рассказывают, что в его водах скрывается затонувший город, в стенах которого устроили свои волшебные жилища Гуараггед Аннон. Кое-кто уверяет, что видел под темной водой башни прекрасных замков и слышал доносившийся из глубины звон колоколов. Вот как случилось, что здесь поселились волшебные девы:

«Давным-давно, в незапамятные времена, святой Патрик из Ирландии решил навестить валлийского святого Дэвида, просто чтоб спросить: “Сит ир йи чви?” (Как дела?).

Прогуливались они по берегу озера, дружески беседуя о божественном, но тут кто-кто из местных жителей узнал святого Патрика и принялся бранить его за то, что он, мол, променял землю кимвров на Эрин. Такую дерзость, разумеется, нельзя было оставить безнаказанной, и святой Патрик превратил сквернословов в рыб, но только женщины вместо рыб превратились в фейри.

Еще говорят, что солнце, разгневавшись на непочтительность к святому человеку, посылает свои живительные лучи на темные воды этого озера всего одну неделю в году».

Эту легенду со всеми волшебными подробностями относят и к другим озерам, в том числе и к озеру Линн-Барфог близ Абердови, города, колокола которого воспеты в бессмертной песне.

Из Линн-Барфог пришли на землю волшебные коровы с подводных пастбищ Гуараггед Аннон. Вот легенда о происхождении валлийских черных коров, как ее рассказывают в Кармартеншире:

«В прежние времена в окрестностях Линн-Барфог, озера, лежащего в холмах у Абердови, жили волшебные девы. Они, бывало, прогуливались в сумерки по берегу в зеленых одеждах и с белыми, как молоко, псами. Собаки эти пасли стада таких же белых коров, которых называли Гуартег-и-лин, то есть озерные телки. Как-то старику фермеру из Диссиманта посчастливилось поймать одну из этих волшебных коров, приблудившуюся к его стаду. С того дня фермер начал богатеть. Таких телят, такого молока, масла и сыра, как от белой коровы, никто в Уэльсе не видывал, да и не увидит больше. Слава о Фуух Гифеллиорн (так звали корову) разошлась по всей округе. Бедный фермер стал богачом, хозяином огромного стада. Но однажды ему взбрело на ум, что волшебная корова стареет и пора откармливать ее на мясо.

Недобрый замысел удался на диво. Никогда с тех самых пор, как придумали говядину, не было на земле такой тучной коровы. Настал день забоя, и соседи сошлись посмотреть, как будут делить небывало жирную тушу. Фермер уже подсчитывал прибыль от продажи мяса, а мясник засучил рукава. Корова жалобно мычала и умоляюще смотрела на хозяина, но он все равно связал ее, а мясник поднял молоток и, размахнувшись, ударил ей прямо между глаз. И тут — гляди-ка! — по окрестным холмам разнесся громкий крик, молоток мясника прошел сквозь голову чудесной коровы и зашиб девять зевак, стоявших рядом, а сам мясник завертелся волчком, потеряв опору. И тут пораженные соседи увидали женщину в зеленом платье, которая появилась на утесе высоко над озером и громко позвала:

Dere di felen Emion,
Cyrn Cyfeiliorn-braith y Llyn,
A'r foci Dodin,
Codwch, dewch adre.
(Сюда, Золотая Наковальня,
Рогатая озерная бродяга,
И вы домой бегите,
Безрогие телята!)

И тут встрепенулась и бросилась домой не только чудесная корова, но и все ее потомство до третьего и четвертого колена исчезло в воздухе над холмами, и никто их больше не видал. Всего одна корова осталась у фермера, и та из молочно-белой стала черной, как ворон. Фермер в отчаянии утопился в озере, а его черная корова стала родоначальницей нынешней валлийской черной породы».

Легенда о Меддигон Меддфай также повествует о чудесном скоте, а заодно вводит в свод преданий о чудесных женах. Слово «меддигон» означает «врач»; легенда объясняет, откуда на земле бриттов взялись лекари.

Фермер из прихода Меддфай купил на ближнем рынке ягнят и пустил их пастись у озера Линн-и-Фан-Фах у Черной горы. Когда бы он ни пришел проведать ягнят, перед ним появлялись три прекрасные девы, выходившие из озера прогуляться по берегу. Он не раз пытался догнать и поймать их, но всегда безуспешно: чаровницы ускользали в воду, поддразнивая его такими словами:

Cras dy fara,
Anhawdd ein dala.

Что в буквальном переводе означает:

Печешь свой хлеб,
Не поймаешь нас.

А в более поэтическом изложении может значить:

Смертный, вкушая печеный хлеб,
Не узнает любви озерных дев.

Однажды фермер нашел на берегу кусок мокрого озерного хлеба. Он схватил его и тут же проглотил. На следующий день ему посчастливилось поймать дев на берегу. Он провел с ними немало времени и наконец набрался храбрости предложить одной из них выйти за него замуж. Та ответила, что согласится, если он сумеет назавтра отличить ее от сестер. Молодому фермеру это условие показалось очень

трудным: девушки были так похожи, что он не мог найти в них никакого различия. Однако он сумел заметить оторвавшийся ремешок на сандалии своей избранницы и по этой примете узнал ее на следующий день. Дева сдержала слово и, покинув озеро, отправилась с юношей на ферму. Прежде чем уйти, она вызвала из озера и увела с собой семь коров, двух волов и быка. Молодая жена предупредила, что останется с фермером до тех пор, пока он не ударит ее три раза без вины. Несколько лет они прожили мирно, жена родила фермеру трех сыновей, которые впоследствии стали знаменитыми Меддигон Меддфай. Но однажды, собираясь на ярмарку, фермер попросил жену придержать лошадь. Она согласилась, но замешкалась, и он шутливо ударил ее по руке перчаткой — три раза.

Этого оказалось вполне достаточно, чтобы дева сочла договор нарушенным. Она ушла от фермера, захватив с собой семь коров, двух волов и быка. Волы в тот час как раз пахали поле, но немедленно явились на ее зов и утащили соху за собой в озеро. Борозда, которую они пропахали до берега, сохранилась по сей день. Позже озерная дева явилась своим сыновьям в долине Кум-Меддигон и подарила им волшебную шкатулку, в которой лежали снадобья чудесной силы, с помощью которых сыновья и прославились как искусные лекари. Звали их Кадоган, Груффид и Эмион, а имя фермера было Риваллон. Риваллон и его сыновья с вышеназванными именами были врачами Рис Крига, лорда Диневора, сына последнего валлийского правителя. Все это случилось около 1230 г.

Другая, более поздняя и подробная версия этого предания гласит, что влюбленный фермер услыхал об озерной деве, которая катается по озеру на золотой лодочке с золотыми веслами. У нее длинные золотые волосы, а лицо

Озерная дева Гуарагедд Аннон. Из книги У. Сайкса «British Goblins».

бледное и грустное. И так ему захотелось взглянуть на эту деву, что в канун Нового года он пришел на берег озера и стал ждать наступления первого часа. Когда урочный час наступил, фермер и в самом деле увидел деву в золотой лодочке, которая тихонько гребла по озеру от берега к берегу. Он долго не отрывал от нее зачарованного взгляда, а звезды тем временем уже померкли, луна скрылась за утесом, и близился холодный серый рассвет. И тут прекрасная дева стала удаляться. Охваченный страстью, боясь потерять ее навсегда, юноша крикнул: «Постой, останься! Будь моей женой!» Но дева только тихонько вскрикнула и исчезла. Ночь за ночью молодой фермер проводил на берегу озера, но дева больше не появлялась. Юноша забыл себя, похудел и иссох, лицо его стало воплощением грусти и отчаяния. Пошел он просить совета у жившего в горах провидца, и тот сказал, что завоевать сердце девы можно, принеся ей в дар хлеб и сыр. Получив этот совет, который вполне соответствовал образу мыслей валлийца, фермер завел обычай бросать в волны озера караваи хлеба с сыром. Начал он в канун Иванова дня и продолжал приносить угощение из ночи в ночь, но никто не отвечал на его жертву. Однако юноша возлагал большие надежды на канун Нового года. Наконец долгожданная ночь пришла. Одевшись в лучшее платье, он захватил семь больших караваев белого хлеба и круг отличного сыра и отправился к озеру. Там он дождался полуночи и медленно и торжественно опустил в воду один за другим семь караваев, а следом со вздохом отправил сыр. И настойчивость его наконец была вознаграждена. Появился волшебный челн, прекрасная дева приблизилась к суше, вышла на берег и согласилась взять юношу в мужья. Был заключен упомянутый выше договор относительно рукоприкладства; в приданое девушка привела волшебную скотину. Они прожили вместе

четыре года, и вот однажды пригласили их на крестины. Посреди обряда дева вдруг расплакалась. Муж сердито поглядел на нее и спросил, что стряслось. Жена отвечала: «Бедный малютка входит в мир греха и печали, горести ожидают его, как же мне не плакать?» Тогда муж раздраженно оттолкнул ее. «Предупреждаю тебя, муж мой, — сказала дева, — ты ударил меня первый раз». Прошло сколько-то времени, и позвали их на похороны того ребенка, на крестинах которого они когда-то побывали. Вопреки всему дева смеялась, пела и плясала. Муж снова разгневался, но озерная дева отвечала на его вопрос: «Милый крошка избежал горестей, ожидавших его, и теперь вечно будет невинен и счастлив. Как же мне не радоваться?» И снова муж оттолкнул ее, и снова она предупредила его: мол, ты ударил меня уже дважды. Вскоре позвали их на свадьбу. Невеста была молода и хороша собой, а жених — дряхлый беззубый старый скряга. Посреди венчания дева заплакала и на вопрос мужа ответила: «Правда венчается со старостью из жадности, а не из любви. Лету и зиме не бывать в ладу — дьявольский это союз». Разозлившись, муж оттолкнул ее от себя в третий — и последний — раз. Жена взглянула на него с нежной любовью и упреком и сказала: «Три раза ты ударил — прощай, муж!» — и скрылась. Он никогда больше не видал ни ее, ни скота, который она принесла в приданое.

Сочетание мифа с упоминанием церковных обрядов, как и введение в эту историю сыра, вполне соответствуют духу Уэльса. Удивительно, насколько часто упоминается сыр в камбрийском фольклоре: едва ли не все фейри едят сыр, и даже в «Мабиногионе» наряду с прекрасными дамами, отважными рыцарями и поэтическими чудесами фигурирует сыр. Уместно, пожалуй, снова вспомнить о Шекспире. Его Фальстаф говорит:

Спаси, господь,
Греховную и немощную плоть
От этого уэльского сатира!
Он съест меня, приняв за груду сыра[1].

Хлеб в жертву водным духам приносят в сказаниях многих стран, но сыру подобная честь оказана, насколько известно, лишь в Уэльсе.

Поучительной кажется следующая легенда, которая в нескольких сходных вариантах рассказывается в окрестностях десятка различных горных озер.

В древние времена, когда бритты еще не примирились со своими врагами саксами, в скале над озером в первое утро нового года открывалась маленькая дверца. Если любопытный и решительный смертный осмеливался войти в эту дверь, то по тайному ходу попадал на островок посреди озера. Там он находил чудесный сад, где росли самые прекрасные плоды и цветы и гуляли Гуараггед Аннон, красота которых могла сравниться только с добротой и гостеприимством, с каким встречали они полюбившегося им пришельца. Они собирали плоды и цветы для своих гостей, развлекали их дивной музыкой, открывали тайны будущего и приглашали оставаться, сколько им вздумается. «Однако, — говорили они, — остров наш тайный, и ничего из того, что растет здесь, нельзя уносить за его пределы». Пока этому предупреждению повиновались, все шло хорошо. Но однажды среди гостей затесался злонравный бритт, который, рассчитывая поживиться волшебным соком, спрятал в карман подаренный ему цветок и уже готов был покинуть остров. Только воров-

[1] «Виндзорские насмешницы», акт V, сцена 5, перевод С. Маршака.

ство не довело его до добра. Едва он ступил на берег, как цветок исчез, а сам он упал замертво. Но Гуараггед Аннон ничего не сказали остальным. Они проводили гостей приветливо, как обычно, и, как обычно, дверь за ними закрылась. Но фейри не простили обиды, и хотя они, конечно, попрежнему живут в волшебном саду посреди озера, дверь с тех пор остается закрытой.

В каждой из этих легенд изучающий сравнительный фольклор увидит под позднейшими наслоениями следы древней мифологии. Несомненно, водяные девы во всех странах были некогда плывущими по небу облаками или горным туманом. Они преобразовались в волшебные сказочные создания индоевропейского фольклора, из которых наиболее известны ундины, мелюзины, Навсикая и классические Музы.

Тающие в лучах восходящего солнца или от утреннего бриза темные облака создали миф о людях Ардудуи. Эти люди похищали девушек в долине Клуйд и были убиты настигшими их отцами и братьями девушек. Девушки между тем бросились в озеро, которое с тех пор зовется Озеро Дев, или Линн-и-Морвинион.

В другой легенде речной туман над Кинвалом превращается в дух предательницы, давным-давно погибшей в озере. Она вступила в сговор с северными морскими пиратами (океанскими штормами), чтобы помочь им отобрать земли у правителя кимвров. Ее удалось победить при помощи мудрого волшебника (солнца), и изменница бежала вверх по реке к озеру, где и утонула вместе со своими служанками.

Поверье, связанное с морскими девами, в Уэльсе, кажется, не встречается, по крайней мере, никто не рассказывает сказок о коварных девах, которые заманивают под

воду женщин и детей или молодых женихов, как германская Лорелея. Но несколько валлийских семей числят среди своих предков Гуараггед Аннон. Распространенное валлийское имя Морган иногда трактуется как Рожденный морем. Действительно, «мор» по-валлийски значит «море», а «ган» — «рождение». Интересно заметить, что в нижней Бретани морских дев называют Мари Морган. Однако истории о смертных, взявших в жены водяных дев, широко распространены, и хотя в каждой местности они разукрашиваются различными подробностями, их сходство в сильно удаленных друг от друга землях явно указывает на общий доисторический источник. В Уэльсе, где много мрачных, пустынных и все же прекрасных горных озер; где на многих озерах еще сохранились следы свайных поселений былого; и где хлеб и сыр так же обычны, как эль и свечи, легенды отразили эти местные особенности.

На островах Фаро, где каждому с детства знакомы тюлени, существует предание о превращении волшебной жены в тюленя. Она каждую ночь выходит на берег и, сбросив звериную шкуру, танцует со своими подругами. Смертный похищает тюленью шкуру, и на рассвете, когда другие девы возвращаются в море, одна вынуждена остаться и стать его женой. Рано или поздно он оскорбляет жену, и та, вернув себе тюленью шкуру, скрывается в море.

В Китае существует поверье о духах, которые купаются в колодце в облике прекрасной женщины. Заставший врасплох одну из дев хозяин колодца уговаривает ее выйти за него замуж, и она остается с ним на девять лет, после чего, несмотря на любовь к мужу и двум детям, «улетает на облаке».

Смертный и морская дева. Из книги У. Сайкса «British Goblins».

ГОРНЫЕ ФЕЙРИ

Гвиллионы — страшные фейри, в женском обличье бродящие по безлюдным склонам валлийских гор и сбивающие путников с дороги. Они разделяют некоторые черты образа Гекаты из греческой мифологии, которая повелевала бурями и имела облик ужасной старухи. Валлийское слово «гвилл» может означать мрак, тень, сумерки, старуху, ведьму, фейри или гоблина, но особенно часто используется для обозначения тех мрачных и зловредных горных духов, которые так непохожи на эллилов, часто доброжелательных к людям.

У гвиллионов есть и другое, более распространенное имя — подобно тому как эллилов чаще представляют проказником Пукой, так и гвиллионов обычно представляют Горной старухой.

Эдмунд Джонс подробно описывает Горную старуху, обитающую на горе Ланхидол в Монмутшире. Она напоминает старую нищенку в четырехугольной продолговатой шляпе и одежде цвета пепла, с передником, закинутым за плечо. В руках у нее горшок или деревянный подойник, в каком бедняки носят молоко. Она всегда показывается впереди путника и часто восклицает «Воу ап!» Это восклицание — англизированная форма валлийского междометия, выражающего отчаяние: «Вуб!» или «Ву-буб!»

Человек, увидевший этот призрак, будь то ночью или в туманный день, наверняка заблудится, как бы хорошо ни знал он дорогу. Иногда слышен только крик старухи «Воу ап!», а саму ее не видно. Иногда местные жители, выйдя ночью за углем или водой, слышат ее крик совсем рядом, и тут же этот крик доносится с дальних гор, словно с другого конца округа.

Горные фейри. Из книги У. Сайкса «British Goblins».

Путники, потерявшие дорогу и завидевшие перед собой Горную старуху, обычно спешат вперед, пытаясь догнать ее, так как думают, что это обычная женщина из плоти и крови, и рассчитывают разузнать у нее дорогу, но догнать ее невозможно, и сама она не оглядывается, так что никто никогда не видел ее лица.

Роберт Уильямс из Лангаттока, «человек солидный и известный своей правдивостью», рассказал такую историю: «Однажды ночью шел я через Черную гору и увидел впереди какую-то старуху. В тот же миг я понял, что сбился с пути. Не зная, что вижу призрак, я окликнул старуху и попросил подождать, а не получив ответа, решил, что она глухая. Тогда я ускорил шаг, думая нагнать ее, но чем быстрее бежал, тем больше отставал, чему очень удивился, не понимая причины. Вскоре я заметил, что спотыкаюсь о болотные кочки, отчего еще больше рассердился, и тут послышался жуткий хриплый старческий хохот. Тогда-то я и заподозрил, что имею дело с Горной старухой. Тут мне зачем-то понадобилось достать нож — и старуха немедленно исчезла». После этого мистер Уильямс окончательно уверился в своем подозрении, потому что все валлийские фейри и гоблины боятся ножа.

Другой рассказ повествует о том, как Джон ап Джон из Кум-Келина вышел как-то утром до рассвета, чтобы поспеть

на ярмарку в Карлеон. Поднимаясь на гору Милфре, он услыхал за спиной крик, словно бы с Брин-Маур (это отрог Черной горы в Бреконшире). Потом крики послышались слева, на Булх-и-Луин, что было уже ближе, и его охватил великий страх, потому что голос казался не человеческим. Когда же Джон поднялся выше, то услышал крик прямо впереди, на поле Гилфах, и понял, что это Горная старуха хочет сбить его с пути. Вскоре за спиной у него послышался шум телеги и известный всем крик Горной старухи: «Воу ап!» Он отлично знал, что телега этим путем проехать не может, а потому ужасно перепугался и бросился наземь, в надежде что призрак пройдет мимо. Когда шум стих вдали, он поднялся. Уже слышался утренний птичий гомон, блеяли овцы, так что страх его совсем прошел.

И это, как рассказывает Э. Джонс, случилось не с «низким, безнравственным человеком», а с «человеком честным, мирным и знающим и в придачу недурным собой».

Изгнание нечистой силы посредством ножа является чисто валлийским поверьем, хотя в Европе широко распространена примета, что подарить другу нож или ножницы значит обрезать дружбу. Я столкнулся с этим поверьем и в Америке: однажды друг-издатель в Индианаполисе подарил мне очень красивый карманный нож, однако потребовал за него плату в один цент, уверяя, что без этой предосторожности мы станем врагами. В Китае с ножами тоже связано особое волшебство, нож убийцы считается бесценным сокровищем.

В Уэльсе, по словам Джонса, гвиллионы часто заходят в дома местных жителей, особенно в ненастную погоду, и хозяева радушно принимают их, отнюдь не из любви, но опасаясь бед, которые может навлечь обиженный гвиллион. Им

подносят свежую воду и особенно остерегаются, чтобы в углу у очага, где сидит фейри, не оказалось ножа или иного режущего орудия. «Потому что с теми, кто об этом не позаботится, часто случается беда». Отогнать фейри на горной тропе — одно дело, но под крышей своего дома их лучше встречать гостеприимно.

Существует множество описаний изгнания фейри при помощи ножа. Некий Айвен Томас, проходя ночью через гору Бедвеллти, близ долины Эбви-Фаур, где стоял его дом, увидел вокруг себя множество фейри, кружившихся в причудливом танце. Еще он услыхал звуки рожка, словно мимо проезжали невидимые охотники. Он было испугался, но припомнил, что гвиллионов можно отогнать, вытащив нож. Едва он достал из кармана нож, фейри исчезли. Этот Айвен Томас был «старый джентльмен настолько безупречной честности, что однажды свидетельствовал против самого себя, хотя мог пострадать, и кое-кто уговаривал его не делать этого, и все же он сказал правду, хотя бы и себе во вред».

Отыскивая источник этого поверья, не обнаружим ли мы меч Артура, Экскалибур? Если это предположение верно, мы опять оказываемся в Древнем мире.

Джонс говорит, что Горная старуха с 1800 г. (по крайней мере в южном Уэльсе) перестала появляться, так как ее отпугивает свет церкви, и живет она теперь в горных копях или, говоря словами проповедника, «в угольных копях и пещерах».

Среди легенд о происхождении гвиллионов одна связывает их с козами. Козы в Уэльсе в особом почете, потому что им приписывается мистический разум. Считается, что они в добрых отношениях с Тилвит Тег и знают больше, чем можно сказать по их виду. В обычае Тилвит Тег каждую пятницу

ночью расчесывать козлиные бороды, чтобы они нарядными встретили воскресенье.

О связи гвиллионов с козами рассказывается в легенде о козе Кадваладра.

У Кадваладра была красавица-коза по имени Дженни. Хозяин очень ее любил, и она, как видно, отвечала ему тем же. Но однажды козой словно бес овладел — она бросилась в горы, и Кадваладр побежал за ней в тревоге и досаде. Но скотина никак не давалась ему в руки. Наконец валлийская кровь в нем вскипела, он швырнул в козу камень и сбил ее с обрыва, так что она с жалобным меканьем сорвалась вниз. Кадваладр спустился по скалам на дно расщелины. Коза умирала, но была еще жива и лизнула ему руку. Бедняга так растрогался, что ударился в слезы и сидел на земле, положив голову любимицы себе на колени. Взошла луна, а он все сидел так и вдруг заметил, что коза превратилась в прекрасную молодую женщину. «Ах, Кадваладр, — сказала красавица, — наконец-то я нашла тебя». Надо сказать, что Кадваладр был женат, и это обстоятельство его весьма смущало, однако же когда коза-дева поднялась и, поставив ножку в черной туфельке на кончик лунного луча, протянула ему руку, он вложил свою ладонь в ее и последовал за ней. Вскоре они оказались на вершине самой высокой горы в Уэльсе, и их окружили призрачные козы с темными рожками. Один козел казался королем среди них, и его голос покрывал козье меканье, как некогда колокола Кармартена заглушали все городские колокола. Этот козел бросился на Кадваладра и боднул его рогами в живот, сбив с утеса, как тот недавно сбил свою бедную козочку. Очнувшись после падения, Кадваладр увидел, что светит солнце, над головой у него щебетали птицы. Больше он никогда не видал ни своей козы, ни фейри, в которую она превратилась.

ПОДМЕНЫШИ

Считается, что Тилвит Тег без ума от миловидных детишек. Отсюда множество преданий о младенцах, выкраденных из колыбелей, и о Плентин ньюид (подмененных детях). Плентин ньюид выглядит поначалу в точности как украденный ребенок, но это сходство быстро исчезает. Он становится уродлив лицом, усыхает, начинает капризничать, вопить, кусается, дерется и становится несчастьем для своей бедной матери. Иногда он вырастает идиотом, но чаще проявляет сверхъестественную мудрость, невероятную не только в смертном ребенке, но недоступную и старцам. Правдивейший Э. Джонс повествует о том, как он своими глазами видел Плентин ньюид, оставленного вместо сына Эдмунда Джона Уильяма из Монмутшира. Джонс пишет: «Я сам видел его. В его внешности и особенно в движениях было нечто дьявольское. Он издавал очень неприятный визг, который сильно пугал непривычного человека, но в прочем был безвреден. Кожа у него была темного, коричневатого оттенка». Этот подменыш прожил дольше, чем обычно жили подобные дети в Уэльсе в те времена (жестокое обращение, которому подвергались такие дети со стороны невежественных родителей, было отнюдь не редкостью), и достиг возраста десяти или двенадцати лет. Вообще отношение невежественных людей к подменышам очень жестокое и весьма напоминает отношение к ведьмам. Под предлогом проверки — настоящий это ребенок или подменыш — малыша держали на решетке над огнем или купали в отваре наперстянки, отчего ребенок умирал.

Следует заметить, что это суеверие свойственно отнюдь не только валлийцам. Не говоря о том, что детоубийство, как и убийство, не имеет национальности, подобное обращение

с подменышами практикуется во всех европейских странах, либо для выявления нечеловеческой природы ребенка, либо, надо признать, чтобы изгнать «беса» и тем принудить фейри возвратить украденное дитя.

В Дании матери, истопив печь, кладут ребенка на хлебную лопату, притворяясь, будто хотят кинуть его в огонь, или бьют палкой, или бросают в воду. Те же способы применяют в Швеции. В Ирландии используют лопату.

Мартин Лютер говорит о подменышах в своей «Colloquia Mensalia». Великий реформатор объявляет герцогу Ангальтскому, что будь он правителем страны, он бы «поощрял убийство и бросал их в реку Молдау». Он призывает людей взывать к Господу с молитвой об изгнании беса: Бог «исполнит просьбу, и через год подменыш умрет».

Лютер также упоминает, что подменыши испытывают волчий голод и «едят за двух пахарей, смеются и радуются, когда в доме случится горе, но плачут и печалятся, когда все идет хорошо».

Подменыш. Иллюстрация из книги XVIII в.

В историях о подменышах, которые распространены в Уэльсе, сохраняется память о необычайно скудной кормежке как способе изгнать Плентин ньюид. М. Уиллмарк слышал в Уэльсе рассказ, который, по его мнению, в точности совпадает с бретонской легендой. В гламорганском предании подменыш бормочет про себя старческим голосом: «Видел я желудь, из которого вырос дуб, видел яйцо, из которого народилась белая курица, но этакого никогда не видал». Уиллмарк находит примечательным, что эти слова по-валлийски звучат почти так же, как в бретонской балладе, и отсюда делает вывод, что и рассказ и стишок старше седьмого века, когда произошло разделение бриттов Уэльса и Арморики. А вот сама легенда.

Дева Мария посоветовала матери, у которой украли младенца и оставили вместо него подменыша, приготовить обед для десяти работников в яичной скорлупе; мол, тогда подменыш заговорит. Мать исполнила совет. Подменыш спросил, что она делает, а потом воскликнул: «Обед на десятерых, матушка, в яичной скорлупе?» — после чего пробормотал вышеприведенную фразу («Видел я желудь...» и т. д.), а мать ответила: «Ты слишком много видел, сынок, за то и будешь бит». С этими словами она принялась колотить его, подменыш завопил, появились фейри и забрали его, оставив похищенного ребенка сладко спящим в колыбели. Проснувшись, тот сказал: «Ах, матушка, как долго я спал!»

Подобные истории рассказывают не только о Плентин ньюид, но и о домашних фейри, которые, как в нижеследующем примере, случается, приглашают разделить с ними кров множество своих шумливых друзей и знакомых.

Фермер по имени Дэви Дал ночами не спал из-за шума, который поднимали фейри. Тогда он обратился к мудрецу из Тайара, и тот научил жену Дэви, что делать. Как раз было

время жать ячмень; чтобы сжать большое поле, пришлось позвать пятнадцать человек жнецов. «Приготовлю-ка я обед для пятнадцати жнецов, которые придут завтра жать», — сказала вслух жена Дэви. «Приготовь, — громко, чтобы слышали фейри, ответил фермер, — да смотри, чтобы еды хватило, потому что после тяжелой работы все будут голодны». Когда солнце стало клониться к закату, женщина принялась готовить сытное угощение. Поймала воробья, нашпиговала, как гуся, и запекла в печи. Потом насыпала соль в ореховую скорлупку и поставила на стол, вместе с воробьем и крошечным кусочком хлеба, чтобы жнецы могли подкрепиться. И когда фейри увидели такой скудный обед, то сказали: «Пора отсюда уходить, потому что, увы, наши хозяева совсем обеднели. Кто до нынешнего дня знал такую нужду, чтобы подавать воробья на обед пятнадцати жнецам после тяжелой работы?» Той же ночью они ушли. А Дэви и его семья с тех пор жили спокойно.

Случалось, валлийских фейри ловили на месте преступления, когда они пытались похитить детей. Если мать защищала своего ребенка достаточно энергично, фейри уходили с пустыми руками. Дейзи Уолтер, жена Абеля Уолтера из Эбви-Фаур, однажды ночью, когда ее мужа не было дома, проснулась и обнаружила, что ребенка рядом с ней нет. Она в ужасе стала искать его и нашарила малыша на полке над кроватью — дальше фейри не успели его утащить. А Джанет Фрэнсис из той же долины однажды ночью в постели почувствовала, что маленького сына вырывают у нее из рук. Она с криком вцепилась в ребенка, и, как она рассказывала: «Мы с Богом их одолели». Сын миссис Фрэнсис благополучно вырос и стал знаменитым проповедником.

Существуют особые способы изгнать фейри и уберечь младенца. Самым действенным из них по всему Уэльсу счи-

тается благочестивый образ жизни. Для изгнания фейри годится любое упоминание имени Божьего, но этого недостаточно, чтобы уберечься на будущее. Чтобы охранить ребенка, в колыбель кладут нож или каминные щипцы. Но лучшей защитой служит крещение, ведь фейри обычно похищают некрещеных младенцев. Также и в Германии, во Фрисланде, для защиты от фейри под подушку ребенку кладут Библию. В Тюрингии неодолимой защитой считаются повешенные на стене отцовские штаны. Солидным ученым в голову не придет столь нелепый способ защиты, но для знатока фольклора эти забавные подробности весьма показательны. Схожее поверье встречается и в Шотландии, и даже в Китае, где отцовские штаны вешают на край колыбели, так чтобы пояс свисал ниже штанин. На штаны прикалывают листок красной бумаги, на котором пишут четыре слова, заклинающие все дурные силы войти в штаны, а не в ребенка.

ЖИЗНЬ С ТИЛВИТ ТЕГ

В близком родстве с рассказами о подменышах— истории о взрослых или детях постарше, которых увели к себе Тилвит Тег. Валлийских преданий на эту тему не счесть, и они относятся не только к последним двум столетиям, но и к средневековью. Среди британских гоблинов славятся фейри, увековеченные в легенде об Элидоре. Этот рассказ был записан на латыни Гиральдом Камбрийским, валлийцем, родившемся в замке Пемброк, искренним поклонником всего валлийского, в том числе и собственной персоны. Он был, безусловно, человеком талантливым и весьма ученым. В 1188 г. он объехал Уэльс, по делам готовившегося тогда крестового похода, после чего и написал свою книгу — дивную картину обычаев и преданий Уэльса двенадцатого столетия.

История Элидора разворачивается в долине Нита, уже упоминавшейся как средоточие страны фейри. Элидор, когда ему было двенадцать лет, «спасаясь от суровых наставников», убежал из школы «и укрылся в гроте под речным берегом». Там он просидел без еды два дня, а потом «перед ним появились два маленьких человечка и сказали: “Если ты пойдешь с нами, мы приведем тебя в страну радости и забав”. Элидор согласился и «последовал за своими проводниками по темной подземной тропе, которая привела в прекрасную страну, где, однако, было сумрачно и не светило солнце. Все дни в той стране были пасмурными, а ночи — беспросветно черными. Мальчика представили королю той страны, и он был принят ко двору. Испытав Элидора, король приставил его к своему сыну. Люди той страны были малы ростом, но хорошо сложены и красивы. Они были светлокожи и носили длинные волосы. Были у них и кони, и охотничьи псы — по их росту. Они не ели ни мяса, ни рыбы, а питались только молоком, подкрашенным шафраном. Каждый раз, возвращаясь из нашего мира, они порицали наше честолюбие, неверность и непостоянство, сами же были верными в любви и почитали правду. Мальчик часто выходил в наш мир, иногда той же дорогой, какой пришел, иногда другими. Сперва его провожали, позже он стал выходить один. Он открылся только своей матери, которой рассказывал обо всем, что видел. Она попросила сына принести ей золота, которое в той стране водилось в изобилии, и он, играя с принцем, украл у того золотой мячик. Элидор поспешил отнести добычу матери, но уйти незамеченным ему не удалось; на пороге отцовского дома он споткнулся и выронил мячик, и два человечка тут же подхватили его и удалились, всем своим видом выказывая презрение. Мальчик целый год пытался вернуться в Волшебную страну, но ему больше не удалось отыскать подземный ход».

Крестьяне Пемброкшира рассказывают историю Шуи Рис, в точности соответствующую средневековой легенде по духу, хотя и отличающуюся во многих подробностях.

Шуи была высокой и красивой семнадцатилетней девушкой. Кожа у нее была, как слоновая кость, глаза — темного бархата, а волосы вились черными кудрями. Но, будучи дочерью бедняка-фермера, она проводила дни отнюдь не в праздности; в числе ее обязанностей было пригонять коров на дойку. Она часто забывала о деле, отвлекаясь, чтобы нарвать по дороге цветов, половить бабочек или для иных забав, и ей часто доставалось за забывчивость; люди даже поговаривали, что матушка слишком строга с девушкой и что постоянная ругань до добра не доведет. В конце концов, говорили они, девочка ничего плохого не делает. И вот однажды, когда Шуи в очередной раз вернулась домой только к ночи, оставив коров без присмотра, госпожа Рис задала дочери знатную взбучку.

— Я не виновата, мама, — проговорила Шуи, — это все Тилвит Тег.

Хозяйка подивилась, но поверила — она отлично знала, что в лесах Кардигана часто видели Тилвит Тег. Шуи сперва стеснялась говорить о фейри, но в конце концов призналась, что это были маленькие человечки в зеленой одежде. Они танцевали вокруг нее, играя на крошечных арфах, и говорили на языке, таком красивом, что не повторить. Она не понимала ни слова и все же легко догадывалась, что у них на уме.

С тех пор Шуи часто опаздывала домой, но никто не упрекал ее из страха обидеть фейри. А однажды девушка и вовсе не вернулась домой. Обыскали весь лес, но девушки не было и следа. С той поры никто не видал ее в Кардигане. Мать ждала Шуи в полях на Тер-нос испридион, то есть в

три ночи, когда фейри свободно выходят в наш мир, но Шуи так и не вернулась. Ходили нелепые слухи, что ее видели в большом городе в чужой земле — то ли в Париже, то ли в Лондоне, кто знает? Впрочем, это нисколько не опровергает мрачную уверенность местных жителей в том, что девушку похитили фейри: ведь те могли перенести ее в эти знаменитые центры праздной и грешной жизни так же легко, как в любое другое место.

Шуи Рис и Тилвит Тег. Из книги У. Сайкса «British Goblins».

Танцы и музыка составляют важную часть историй этого рода. Валлийских фейри чаще всего видят танцующими. Они стараются увлечь смертных в свой хоровод, и если человек не сумеет устоять, вероятнее всего, его долго не увидят среди друзей. Так, фейри увлекли в свой круг некоего Эдмунда Уильяма Риса, и он вернулся в свой дом только к концу года, причем на нем лица не было. Однако он плохо помнил, что с ним случилось, и только твердил, что танцевал. Так обычно и бывает в подобных случаях. Люди то ли не могут, то ли не смеют рассказать о своем приключении. В большинстве подобных историй герой умирает в тот же миг, как освобождается от власти фейри. Иногда он просто рассыпается в прах — внезапно и драматично. Следующая история, хорошо известная в Кармартеншире, выразительно описывает подобный случай.

Некий фермер, выйдя рано утром, чтобы привести лошадей с выгона, услышал музыку арф. Он стал искать, откуда исходит музыка, и увидел хоровод фейри, весело пляшущих на лугу. Он решил потанцевать с ними и познакомиться поближе и вступил в круг фейри. Никогда еще принятое решение не исполнялось так основательно, ибо, раз начав плясать, он не мог остановиться долгие годы. Может, он и теперь бы плясал, не случись одному человеку проходить так близко от круга фейри, что он приметил танцующего фермера. «Спаси Господь, что за веселье! Эй, приятель, с чего, во имя неба, ты так расплясался?» Этот вопрос, в котором упоминалось имя Божье, разрушил наложенные на фермера чары, и он воскликнул, словно спросонья: «Куда подевались лошади?!» С этими словами он шагнул за круг фейри и тут же рухнул наземь и рассыпался в прах.

В Матхарвене существует предание, связанное с лесом, называемым Фид-ив-Ивен (тисовый лес), который называется так по волшебному тису, растущему точно в середине леса. Под этим деревом есть круг фейри, называемый «Танцевальная площадка гоблинов». В этом лесу несколько кругов фейри, но с тем, что расположен под тисом, связана легенда: много лет назад пошли два работника с фермы поработать в Тисовом лесу. Звали их Тум и Лаго. Вскоре после полудня на землю лег такой густой туман, что парни решили, будто солнце заходит, и собрались возвращаться домой. Однако, проходя мимо тиса, что рос посреди леса, они вдруг заметили, что еще совсем светло, поняли, что домой слишком рано, и легли вздремнуть под деревом. Долго ли, коротко ли, Тум проснулся и увидел, что приятель его исчез. Он удивился, но потом подумал, что Лаго ушел в деревню по делу, о котором они говорили, прежде чем уснуть. Так что Тум пошел домой и на все расспросы о Лаго отвечал: «Пошел в деревню к сапожнику». Но Лаго не объявился и на следующее утро, и тогда Тума подвергли суровому допросу. Тут он признался, что они заснули под тисом и что с того времени он Лаго не видел. Обыскали весь лес и всю округу, и наконец Тум пошел к «кифарвидду», то есть колдуну, которых в те времена было полным-полно. Колдун дал ему такой совет: «Пойди на то самое место, где вы спали. Иди туда ровно через год с тех пор, как пропал твой друг. Дождись того же часа дня, но, смотри, не вступай в круг фейри. Встань на краю зеленого круга и увидишь, как парень выйдет плясать со множеством гоблинов. Когда он окажется так близко, что ты сможешь до него дотянуться, хватай его и поскорей тащи». Тум послушался совета, увидел Лаго, танцевавшего с Тилвит Тег, примерился — и выдернул того наружу. «Как же ты отощал и побледнел! — воскликнул Тум. —

Ты, наверно, голодный?» — «Нет, — отвечал Лаго, — а если и голодный, то разве у меня в кисете не лежат еще остатки обеда, который я не доел перед сном?» Но, заглянув в кисет, он ничего там не нашел. «Ну, пора и домой», — сказал он со вздохом, даже не догадываясь, что прошел целый год. Был он худым, как скелет, и как только попробовал еду, тут же рассыпался в прах.

Еще одно любопытное предание повествует, как рано утром в понедельник после Пасхи жители приходов Пенкаррег и Кайо сошлись, чтобы сыграть в футбол, и увидели большую компанию танцующих Тилвит Тег. Парней тоже было немало, так что они не испугались, а подходили все ближе к крошечному племени, которое, завидев их, перебралось на другое место. Парни направились туда, а пляшущие фейри вдруг оказались на прежнем месте. Тогда футболисты разделились и начали окружать их, но фейри стали невидимыми и больше никогда там не показывались.

Не во всех легендах этого рода остается неизвестным, что происходит в кругу фейри. В истории Тюдура из Ланголлена, записанной несколькими валлийскими авторами, приключения героя описаны с живыми подробностями. Место действия этой легенды — лощина близ Ланголлена, на склоне горы на полпути от развалин замка Динас-Бран. Эта лощина по сей день носит название Нант-ир-Эллилон. Предание говорит, что она получила свое название таким образом. Некий юноша по имени Тюдур ап Эйнон Глофф пас хозяйских овец в этой лощине. Однажды летней ночью, когда Тюдур со своей курчавой паствой уже готов был спускаться с гор, перед ним на камне вдруг появился «маленький человечек в брюках из мха и со скрипочкой под мышкой». Такого малюсенького человечка и вообразить трудно. Плащ у

него был из березового листка, на голове шлем из цветка утесника, а на ногах башмачки из жучиных крылышек. Он тронул пальцами струны, и от этой музыки волосы на голове у Тюдура встали дыбом. «Нос дах, нос дах», — сказал человечек, что означает: «Добрый вечер, добрый вечер». «Ак и чвитау», — ответил Тюдур, что в свою очередь — означает: «И тебе того же». Тогда маленький человечек сказал: «Ты любишь танцевать, Тюдур, но ты еще не видел лучших танцоров в Уэльсе, а сам я музыкант». Молвил Тюдур: «Где же твоя арфа? Разве могут валлийцы танцевать без арфы?» — «О! — сказал человечек. — На своей скрипке я могу сыграть лучше, чем на арфе». — «Ты называешь скрипкой ту деревянную ложку со струнами, что у тебя под мышкой?» — спросил Тюдур, который прежде не видел скрипки. И тут он увидел, как десятки крошечных духов собираются со всех сторон к месту, где они стояли. Кто был в белой одежде, кто в голубой, кто в розовой, а у некоторых в руках были светлячки вместо факелов. И так легко они ступали, что не помяли ни травинки, ни цветка, и каждый кланялся Тюдуру, а девушки делали реверансы, и Тюдур снял шапочку и кланялся в ответ. Тут маленький менестрель провел смычком по струнам — и полилась музыка, такая чудесная, что Тюдур застыл, словно зачарованный. Заслышав сладостный напев, Тилвит Тег пустились в пляс. Никогда не видел Тюдур танцоров, которые могли бы сравниться с ними. Ноги у него так и просились в пляс, но он не решался присоединиться к танцующим, «потому что думал про себя, что плясать ночью, на склоне горы, неизвестно с кем и, может быть, под скрипку дьявола — не самый верный путь на небеса». Однако долго противиться колдовскому искушению он не смог: уж очень веселые коленца откалывали эллилы. «А ну, да-

Хоровод фейри. Средневековый рисунок.

вай! — выкрикнул он, подбрасывая в воздух шапку. — Играй, старый дьявол! Серы тебе в глотку!» Не успел он промолвить этих слов, как все кругом переменилось. С головы менестреля слетела цветочная шапочка, а под ней прорезалась пара козлиных рожек. Лицо сделалось чернее сажи, из-под плаща высунулся длинный хвост, а вместо башмачков из жучиных крылышек показались раздвоенные копытца. На сердце Тюдура легла тяжесть, зато ноги так и летали. В груди его был ужас, а в пятках — словно бес сидел, заставляя их двигаться. А во что превратились фейри! Кто стал козлом, кто собакой, кто кошкой, а кто принял облик лисицы! Никогда еще столь странная компания не окружала смертного. Танец стал таким бешеным, что Тюдур уже не различал танцоров. Они кружились вокруг него огненным колесом. А Тюдур все танцевал. Он не мог остановиться, дьявольская скрипка завладела им, а козлорогий все играл, и Тюдур кружился, как ни старался освободиться.

На следующее утро хозяин поднялся в горы искать своих пропавших овец и пастуха. Овцы спокойно паслись у подножия Фрона, но вообразите изумление хозяина, когда, поднявшись выше, он увидел Тюдура, который кружился, как бешеный, посреди круглой лощины, что с тех пор зовется Нант-ир-Эллилон. Благочестивая молитва хозяина прогнала наваждение, и Тюдур вернулся домой в Ланголлен, где и рассказал о своем приключении, в котором раскаивался много лет.

Нет надобности отмечать сходство этих рассказов со знаменитыми легендами других стран: оно очевидно для каждого читателя, интересующегося фольклором.

Для остальных достаточно указать, что это сходство существует и дает дополнительное подтверждение общему происхождению подобных преданий в отдаленном прошлом. Аналогичные легенды, как нетрудно заметить, известны и во Франции и в Германии. Приведем еще одно предание о Тилвит Тег.

Некая работница из Уэльса, которая жила со своими родителями, отправилась однажды на ярмарку работников. Там к ней подошел «джентльмен очень благородный с виду, весь в черном, и спросил, не наймется ли она к нему в служанки и в няньки к его детям. Он предложил такое жалованье, что она сразу согласилось, и тот господин сказал, что отвезет ее к себе домой, но только с завязанными глазами. Завязав служанке глаза, он усадил ее на лошадь позади себя, и они поскакали. Скакали долго, но наконец сошли с коня, и новый хозяин взял девушку за руку и повел куда-то, все еще не снимая повязки. Когда же платок сняли, служанка увидела зрелище, какого не видывала прежде: прекрасный замок, переливавшийся цветами, которых она и сосчитать

не могла, множество детей, прекрасных, как ангелочки, и кругом красивые господа и дамы. Детей хозяин поручил ее заботам и дал ей коробочку с мазью, чтобы смазывать им глаза. В то же время он строго наказал ей всегда мыть руки после этой мази и ни в коем случае не допускать, чтобы хоть капля попала в глаза ей самой. Девушка честно соблюдала этот запрет и какое-то время жила очень счастливо, хотя иногда дивилась, почему во дворце всегда горят свечи и почему, как ни прекрасен дворец, все эти дамы и господа никогда его не покидают: никто, кроме хозяина, не уезжал из дворца.

Однажды утром, когда служанка смазывала детям глаза, у нее вдруг зачесался глаз и, забыв приказ, она коснулась уголка глаза пальцем, смазанным мазью. В тот же миг она вдруг заметила вокруг себя страшные языки пламени; дамы и господа походили на чертей, а дети превратились в ужасных дьяволят, хотя другим глазом по-прежнему видела все таким же великолепным и прекрасным, как раньше. Девушка сумела совладать с собой и не выдать своей тревоги. При первой же возможности она попросила у хозяина разрешения навестить друзей. Он сказал, что отвезет ее, но она опять должна будет завязать себе глаза. И вот хозяин посадил девушку на коня и отвез домой. Говорят, она прожила под родным кровом много лет и, уж конечно, постаралась не возвращаться на службу, но много-много времени спустя увидела на рынке своего бывшего хозяина, который воровал с прилавков. Не подумав, она воскликнула: “Здравствуйте, хозяин! Как детки?” Хозяин в ответ спросил, каким глазом она его видит. Девушка честно ответила, что левым; в тот же миг она ослепла на левый глаз».

Более древняя легенда сохранились в истории Талиесина. Гвион Бах открыл глаза, когда капля варева из чудесного

котла Керидвен упала ему на палец и он сунул этот палец в рот.

Кармартенские предания называют среди тех, кто прожил какое-то время с фейри, человека, который перевел на валлийский «Странствия паломника» Джона Беньяна. Его звали Лаго ап Деви, и жил он в приходе Ланлавдог. Он частенько надолго уезжал из дома, и окрестные крестьяне верили, что Лаго «вышел как-то ночью посмотреть на звезды, как было у него заведено (поскольку он интересовался астрологией), а между тем мимо проходили фейри (обитавшие в соседней роще) и увели его с собой. Он прожил у них семь лет. Когда он вернулся, многие спрашивали его, где он пропадал, но он всегда уклонялся от ответа».

Для изучающего фольклор в легендах этого рода открывается широкое поле для сравнений. Кажется, такие истории происходят по всему миру, так что собиратели фольклора из разных стран часто заявляли, что открыли «оригинал», на котором основана история Рипа ван Винкля. К чести американского гения, которого я не могу не упомянуть, ни одна из этих легенд не достигла такой известности, какую Вашингтон Ирвинг принес нашей литературе, а Джозеф Джефферсон — нашей сцене. Скорее всего, Ирвинг черпал вдохновение у братьев Гримм, и горы Кэтскилл обязаны своей романтической славой немецкому Гарцу. Однако легенд, в которых герой проводит среди сверхъестественных существ, казалось бы, недолгое время, возвращается и находит, что дома все изменилось, — великое множество. В Греции рассказывают о поэте Эпимениде, который в поисках пропавшей овцы забрел в пещеру и проспал там сорок семь лет. Хорошо известны также гэльские и тевтонские легенды. Более того, схожие предания находим в Китае и в Японии.

В Японии рассказывают о молодом рыбаке, который вышел на лодке в океан. Богиня моря пригласила его в свой подводный дворец. Погостив три дня, он захотел навестить стариков родителей. При расставании богиня дала ему золотую шкатулку с ключом, но заклинала никогда ее не открывать. Вернувшись в деревню, юноша нашел, что все там переменилось, и не мог отыскать и следа своих родителей, пока одна старуха не вспомнила, что когда-то слышала их имена. Наконец он набрел на их могилы. Решив, что его околдовали, юноша открыл шкатулку. Из нее поднялся белый туман, вдохнув который юноша упал наземь. Волосы его поседели, фигура потеряла юношескую гибкость, и через несколько мгновений он умер от старости.

Китайская легенда повествует о двух друзьях, которые бродили по ущельям своих родных гор в поисках целебных трав и наткнулись на волшебный мост, который стерегли две девы неземной красоты. Те пригласили их в волшебную страну, лежавшую за мостом, и, приняв приглашение, юноши полюбили дев и провели недолгое, но блаженное время среди волшебного народа. Наконец им захотелось навестить земные дома, и их отпустили. Они обнаружили, что за время их отсутствия на земле сменилось семь поколений, а сами они превратились в столетних старцев.

МУЗЫКА ФЕЙРИ

В редких случаях жертву Тилвит Тег зачаровывают не танцем, а музыкой. В Уэльсе широко распространены предания, в которых до наших дней сохранилась волшебная красота первобытных мифов. Например, известна прекрасная легенда о птицах богини Рианнон, которые пели так сладостно, что рыцари, заслушавшись, могли простоять

недвижимо не год и не два. Эта история упоминается в мабиноги «Бранвен, дочь Лера» и на первый взгляд кажется средневековой легендой; однако не будем забывать, что анонимные авторы «Мабиногиона» не сочиняли, но перерабатывали древние предания, бессчетные века передававшиеся изустно от отца к сыну. Камбрийские поэты более раннего времени часто упоминают птиц Рианнон, о них говорится и в валлийских «Триадах».

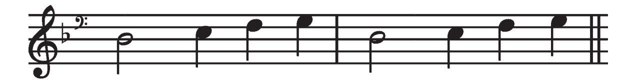
Рассказ «Мабиногиона» таков. Всего семеро воинов остались в живых после битвы с ирландцами; умирающий от ран вождь попросил, чтобы ему, после того как он умрет, отрубили голову, отвезли ее в Лондон и похоронили лицом к Франции. Исполняя наказ вождя, воины отправились в Лондон и по пути испытали немало приключений. В Харлехе они остановились на отдых и сели поесть и напиться. «И прилетели три птицы и запели, и из всех песен, слышанных ими, ни одна не могла сравниться с этой. И птицы были далеко в море, но как будто рядом, и все время пели. И так для них прошли семь лет».

Валлийские фейри обычно играют на арфе, что нетипично для фольклора других стран. Иногда в валлийских преданиях упоминается скрипка, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что на ней играет плененный смертный, а Тилвит Тег предпочитают арфу. В особо важных случаях звучит рожок, один или два раза слышны звуки волынки, но, несомненно, играющий на ней фейри забрел в Уэльс из Шотландии или из других дальних земель. На вершине Краг-и-Динас тысячи белых фейри танцуют под музыку множества арф. В лощине Кум-Пергум Тилвит Тег играют на арфах за струями водопада, а когда они идут горами, звук их арф слышен все слабее.

Люди, утверждавшие, что слышали музыку Тилвит Тег, описывали ее по-разному, но, как правило, довольно неопределенно: как сладостную неуловимую гармонию. Как говорит шекспировский Калибан,

> ... этот остров полон шумов
> И звуков, нежных, радостных, невнятных
> Порой. Сотни громких инструментов
> Доносятся до слуха. То вдруг голос —
> И сам он меня от сна пробудит,
> Опять навеет сон; во сне же снится,
> Что будто облака хотят, раздавшись,
> Меня осыпать золотом. Проснусь
> И вновь о сне прошу[1].

Некий Морган Гвилим, видевший фейри у водопада Силепста и слышавший, как замирает вдали их музыка, сумел припомнить только последние такты, которые, по его словам, звучали так:



Эдмунд Дэниел из Арайла, «человек честный и правдивый», рассказывал Э. Джонсу, что часто видел фейри, которые после заката проходили через Кефн-Бах от Церковной долины к Хафодафелу. Они вприпрыжку шагали по воздуху, словно по невидимой извивающейся тропе.

Многим в той местности доводилось видеть и слышать фейри, причем иногда тех встречали несколько человек одновременно. Они чаще появляются ночью, нежели днем, и

---

[1] «Буря», акт III, сц. 2, перевод М. Кузмина.

чаще утром или вечером, чем к полудню. Многие слышали их музыку и говорили, что она звучит негромко и приятно, но почему-то никто не может запомнить мелодии.

В легенде о Лоло ап Хью, самой распространенной среди валлийских сказок, утверждается, что известная мелодия «Прощай, Нед Паг» создана фейри.

Как-то туманным вечером, в канун Хэллоуина, скрипач Лоло ап Хью решился открыть тайну пещеры. Захватив с собой сколько мог унести хлеба и сыра и семь фунтов свечей, он рискнул войти в пещеру. Обратно он не вернулся, но много-много лет спустя, опять же в канун Хэллоуина, старый пастух, проходя мимо этого — как он выразился — «чертова омута на суше», услышал обрывки мелодии, отдающиеся эхом от скал вокруг пещеры. Он вслушался, и звуки постепенно слились в подобие мотива, какого пастух никогда не слыхал. Таким неровным был ритм, так повторялись нестройные, стонущие аккорды, словно играл злой дух. И тут в устье пещеры появилась хорошо знакомая старому пастуху фигура. Видна она была смутно, но старик сразу узнал Лоло ап Хью. Тот выплясывал безумные коленца под музыку собственной скрипки, а на груди у него болтался фонарик. «Вдруг луна ярко осветила желтое устье пещеры, и пастух на мгновение явственно увидел несчастного. Лицо его было белее мрамора, а глаза смотрели неподвижно, и голова болталась на плечах, словно отделенная от шеи. Руки водили смычком будто сами собой, без малейшего участия воли хозяина». Мгновение скрипач стоял на самой кромке пещеры, а потом, продолжая играть и приплясывать, исчез, словно растворившись в воздухе. Пастух рассказывал, что он не ушел, как ходят живые люди по собственной воле, а «был втянут в пещеру, как дым из трубы или рассветный туман». Проходили годы,

несчастного скрипача не только перестали искать и оплакивать, но и почти забыли, а старый пастух еще жил в приходе довольно далеко от зловещих холмов. Однажды в холодный декабрьский день он с другими селянами отправился в церковь, и вдруг из-за алтаря послышалась музыка. Вся паства пришла в замешательство. Звуки пронеслись через церковь и медленно замерли вдали, слившись с воем ветра, свистевшего между колонн. Пастух сразу узнал мотив, который играл Лоло в устье колдовской пещеры. И по сей день тот, кто подойдет к пещере в Хэллоуин и приблизит ухо к камню, услышит мелодию «Прощай, Нед Паг» («Фаурвел Нед Паг») так же явственно, как слышится шум прибоя в морской раковине.

Говорят, что бывает в високосные годы ночь, когда звезда стоит прямо против устья пещеры, и тогда в ней видны бедняга Лоло и его товарищи по несчастью.

Эта легенда предлагает другой вариант «волшебной флейты». Здесь играют на скрипке, причем и жертва и музыкант — во власти фейри. Приношение хлеба, сыра и свечей — глубоко народная традиция.

FFARWEL NED PUGH

В Северном Уэльсе есть знаменитая пещера, которая, говорят, от входа на склоне холма тянется до самого Морда, к тысяче других потоков, на много лиг под горами, низинами и плоскогорьями, под почти забытыми источниками, питавшими в незапамятные времена Сихарт, крепость Глиндурдуи и замок Чирк. Предание говорит, что того человека, который отойдет хотя бы на пять шагов от устья пещеры, затянет вглубь и он пропадет навеки. Крестьяне, живущие в окрестностях этой пещеры, все еще чтят это предание: что вокруг опасного места «трава растет высоко и густо, как в диких прериях Америки или в предгорьях Альп, еще не тронутых человеком».

И люди, и животные боятся этого места. Однажды лисица, за которой гналась по пятам свора собак, повернула обратно, чтобы не приближаться к пещере, причем «шерсть у нее от ужаса встала дыбом, будто тронутая изморозью», и метнулась прямо в гущу собак, «будто что угодно земное — даже земная смерть — была легче, чем сверхъестественные тайны». Собаки же, гнавшие лисицу, не тронули хищницу, потому что от ее шерсти пахло фосфором и она светилась.

Более того, некий Элиас ап Айвен, который однажды ночью забрел к границе запретного места, был так напуган тем, что увидел и услышал там, что вернулся домой совершенно трезвым «единственный раз за двадцать лет, когда его видели трезвым, утром, днем или ночью». По его собственным словам, «тень его шла перед ним, тень, которая той ночью кружилась вокруг него, как охотничий пес».

КРУГИ ФЕЙРИ

Круги на зеленой траве, которые обычно называют «ведьминскими кольцами» или «кругами фейри», часто встреча-

ются в Уэльсе, и до наших дней от них предпочитают держаться подальше. Крестьяне больше не верят, что в этих кругах можно увидеть танцующих фейри или что на каждого, кто ступит в такой круг, упадет шапка-невидимка, однако все еще убеждены, что круги эти вытоптаны нечистой силой и что с тем, кто вторгнется в заветные пределы, случится несчастье.

Один старик из Петерсон-Эли говорил, что хорошо запомнил, как мать наказывала ему держаться подальше от кругов фейри. Этот совет произвел на него такое впечатление, что он за всю жизнь ни разу не ступил в такой круг. Кроме того, он признавался, что никогда не проходил под лестницей, потому что пройти под лестницей — не к добру. Подобных суеверий великое множество, и они распространены по всему миру. Кажется, поверье о кругах фейри относится к тому же разряду, поскольку речь идет о ныне существующих в Уэльсе поверьях.

Выше неоднократно встречались ссылки на Э. Джонса, он же «пророк Джонс». Без него невозможно представить валлийскую фольклористику, поэтому стоит поподробнее рассказать о нем, прежде чем обратиться к его свидетельствам относительно кругов фейри.

Эдмунд Джонс — протестантский священник, прославившийся в Монмутшире в начале девятнадцатого столетия ревностным благочестием и одновременно — твердой верой в фейри и всех прочих гоблинов. Он много лет служил пастором протестантской общины Эбензера близ Понтипула и жил по соседству с этой церковью в местечке Транч. Он написал и опубликовал две книги — «Описание прихода Аберструт» и «О явлениях духов в графстве Монмут и в княжестве Уэльс». Большинство авторов, занимавшихся

валлийскими поверьями, однако цитировали, как правило, «из вторых рук», поскольку обе книги давно стали библиографической редкостью. Т. Кейтли, приводя цитату из «Явлений», ошибочно называет автора «Эдвард Джонс из Тиарха» и относит издание ко второй половине восемнадцатого века, ссылаясь при этом на Т. Крокера, который сам никогда не видел этой книги, а лишь слышал о ней от своего приятеля. В библиотеке Британского музея книг Джонса нет, зато они есть в библиотеке Суонси.

Автора этих любопытных трудов прозвали пророком за его пророческий дар. По словам одного валлийца из Монмутшира, в приходе все знали, что Джонс способен предсказывать. Например, когда к нему обращались с просьбой произнести проповедь в тот или иной день, он, бывало, отвечал: «В этот день не могу. Будет проливной дождь, и никто не придет». Он отдавал последний грош бедняку и говорил жене: «Завтра в девять часов Бог пошлет вестника с едой и одеждой» — и это сбывалось. Он всей душой верил в реальность валлийских фейри и с презрительным негодованием относился к тем, кто осмеливался усомниться в их существовании. Для него эти духи были неотъемлемой частью христианской веры, а неверующих он клеймил как отступников и саддукеев.

По мнению Джонса, о кругах фейри говорится в Библии. («Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит» — Мф 12:43.) Фейри танцуют в кругах на сухой траве, а в Писании сказано, что духи зла ходят в пустыне.

Фейри предпочитают дубы, в особенности плодоносящие, отчасти потому, что они раскидистее, отчасти же пото-

му, что во времена друидов с этими деревьями были связаны особые суеверия. Прежде срубить плодоносящий дуб на лужайке фейри было опасным делом. «Говорят, что многие, решившись на это, умирали от мучительной боли, которую ничем нельзя было облегчить, и так умер один из моих предков, но теперь люди стали просвещеннее, и вера их глубже, и эта опасность им не грозит».

Некий Уильям Дженкинс долго был учителем при церкви Трефетин в Монмутшире. Он обычно поздно возвращался домой и часто видел фейри, танцующих под дубом за два или три луга от церкви. Чаще всего он видел их вечером пятницы. Однажды он подошел и осмотрел землю под тем дубом. Он увидел вытоптанный фейри красноватый круг, «какие часто бывают под плодоносными дубами и которые зовутся “Бренин-брен”».

Чаще всего фейри появляются перед нечетным количеством людей, например перед одним человеком, или тремя, или пятью, и т. д., и чаще перед мужчинами, чем перед женщинами. Томас Уильям Эдмунд из Хафодафела, «честный и богобоязненный человек, который часто видел их», утверждал, что обычно перед компанией фейри идет самый высокий из них. Кроме того, они часто шумят и болтают на ходу, но слов не разобрать.

Лошадь играет важную роль в валлийских преданиях о фейри. Не только потому, что верхом на лошадиных скелетах, как считается, ездят ведьмы, но и потому, что лошадиный дух подвижен и летуч. Валлийские фейри, кажется, очень любят ездить верхом. Старуха из долины Нит рассказывала, как передает Т. Кейтли, что видела сотни фейри, ехавших по четыре в ряд на маленьких белых лошадках, не более собаки ростом. Это случилось в сумерках, и конница

фейри прошла совсем рядом, не дальше четверти мили. Другая старушка уверяла, что ее отец часто видел фейри, скакавших по воздуху на маленьких белых лошадках, но никогда не видел, чтобы они спускались на землю. Когда они скакали мимо, он слышал в воздухе музыку фейри.

Среди крестьян Гламоргана есть предание о битве фейри на горе между Мертиром и Абердаром. По преданию, маленькие воины бились верхом. Там сошлись два войска, и одно было на молочно-белых конях, кони же под другим были чернее воронова крыла. Они яростно сшиблись, и мечи их блестели в воздухе, как лезвия карманных ножей. Армия на белых конях выиграла битву и заставила черных отступить. Потом все скрылось в легком тумане.

В сельских областях Уэльса фейри обычно приписывают владение почти всеми полезными животными. Валлийский фольклор, как современный, так и средневековый, полон преданий, связанных с домашним скотом: овцами, лошадьми,

Круги фейри на полях. Современная фотография.

козами, домашней птицей и пр. К легендам этого рода относится рассказ о чудесной кобыле Терниона, которая жеребилась каждый год в первый день мая, но всякий раз жеребенок убегал прочь, и никто не знал, куда он девается; равно как история о Ихайн Баног, могучем быке, который изгнал чудовище из заколдованного озера и мычанием раскалывал камни; история о ягнятах святой Меллангел, которые прежде были зайцами, спрятавшимися от испуга под подол прекрасной святой; о волшебном стаде Гураггед Аннон; о чудесных овцах из Сефн Ричдир, которые возникли из-под земли и скрылись в небе; и даже о волшебной свинье, которую косари из Бедвеллти видели летящей по воздуху.

Валлийские горные бараны бегают, как олени, и скачут через расщелины, как дикие козы, что же касается валлийских свиней, кажется, они чаще всех других животных упоминаются в романтических сказаниях Уэльса, поэтому рассказ преподобного Роджера Роджерса из прихода Бедвелти звучит для валлийца не так абсурдно, как для жителей других мест.

Преподобный рассказывает о странном зрелище, представшем пред взорами двух дочерей Льюиса Томаса Дженкинса, о которых говорится, что это добродетельные и достойные молодые женщины, а отец их — состоятельный фригольдер; а свидетелями зрелища были не только они, но и работник и служанка, а также соседи Элизабет Дэвид и Эдмунд Роджер. Эти шестеро свидетелей косили сено на лугу и вдруг увидели компанию фейри, возникших из-под земли в виде стада овец. Это произошло примерно в четверти мили от них, над холмом Сефн Ричдир. Стадо фейри скоро скрылось из виду, растворившись в воздухе. Позднее в тот же день люди снова увидели тех же фейри, но при этом кому-то фейри вновь показались овцами, кому-то гончими, свиньями и

даже голыми младенцами. По этому поводу преподобный Роджерс замечает: «Сыны безрассудства напрасно отказываются верить словам столь многих свидетелей».

Валлийские овцы, как уверяют, — единственные животные, которые едят траву, растущую в кругах фейри; все прочие животные избегают этих мест, но овцы охотно пасутся в них, чем и объясняется превосходство валлийской баранины над бараниной других стран. Пророк Джонс рассказывает об овчарне фейри, которую видел своими глазами — обстоятельство, заслуживающее внимания, поскольку не в обычае мистера Джонса было встречаться с гоблинами лично. Он верит в них всей душой, но видят их, как правило, друзья или знакомые. Следовательно, данный случай совершенно исключителен. Вот его рассказ: «Если кто-либо думает, что я слишком легковерен на сей счет и говорю о том, чего не видел сам, то я должен заверить таковых, что они ошибаются. Я был еще ребенком, когда, рано утром, после восхода, направляясь из Хафодафела в дом моего отца в Пени-Ллвине, на верхнем краю луга Каер-Сефн... я увидел подобие овчарни, обращенной входом на юг... а рядом множество народу. Одни сидели, другие входили и выходили, склоняя голову под притолокой двери... Мне запомнилась красивая женщина в шляпе с высокой тульей, которая была красивее остальных и к которой, как мне показалось, остальные относились с почтением. До сих пор перед моим мысленным взором возникает ее белое лицо и прекрасная фигура... На шее у мужчин были белые платки... Я подивился, что моя тетка, шедшая впереди меня, не смотрит в их сторону, хотя мы проходили совсем близко. Но я не решался заговорить, пока мы не отошли подальше, и только тогда рассказал тете, что видел, а она удивилась и сказала, что мне это привиделось... В том месте не было овчарни. Там, прав-

да, виднелись развалины какого-то небольшого строения, скорее всего, овчарни, но такие древние, что камни вросли в землю и покрылись травой».

Этот рассказ издавна воспринимается верящими в валлийских фейри как доказательство, но далеко не безоговорочное. Признавая, что преподобный Эдмунд Джонс, протестантский священник, был честным джентльменом, стремящимся всегда говорить правду, все же позволим себе предположить, что мальчик мог, как все мальчики, и присочинить: увидев, скажем, группу цыган, он, вполне возможно, сочинил, как это часто делают дети, волшебную сказку. Психологам хорошо известно явление, когда человек, часто рассказывающий выдуманную историю, сам начинает верить в нее.

БЛАГОЧЕСТИЕ КАК ЗАЩИТА ОТ СОБЛАЗНОВ ТИЛВИТ ТЕГ

Возможно, то обстоятельство, что пророк Джонс так редко видел фейри своими глазами и знал о них в основном по рассказам, объясняется его благочестием, проявлявшемся в каждом слове и поступке. Уже упоминалось, что благочестие помогает избавиться от фейри. Более обыденные способы экзорцизма, например вытаскивание при встрече с фейри ножа с черной рукоятью или выворачивание одежды наизнанку, отвергались пророком как простонародные, но исследователю сравнительной фольклористики не следует пренебрегать ими. Последний из упомянутых способов, кстати сказать, распространен среди негров южных штатов Америки. Однако более возвышенные способы экзорцизма не менее интересны. К таковым относится произнесение имени Божьего. Крик петуха упоминается в связи с историей Спасителя. Джонс приводит множество рассказов, аналогичных следующему.

Рис Джон Россер, уроженец Хенди в приходе Ланхидел, весьма религиозный молодой человек, вышел однажды ранним утром покормить быка в стойле. Накормив быка, он прилег отдохнуть на сено и вдруг услышал приближающиеся звуки музыки; вскоре в стойло вошла большая компания фейри. Они были одеты в полосатые одежды, одна ярче другой, и танцевали под музыку. Джон затаился в надежде, что фейри не заметят его, но одна из фейри, женщина, высмотрела его. У нее была подушечка с кисточками по углам, и она подложила ее под голову молодому человеку. Через некоторое время совсем рядом прокричал петух, и фейри явно забеспокоились. Подушечку из-под головы Джона поспешно выдернули, и фейри исчезли.

Духи тьмы не любят пения петуха, потому что оно возвещает приближение дня, а они предпочитают тьму — свету... И не раз замечали, что фейри не выносят имени Божьего.

Другой валлийский проповедник (который решительно расходится с Джонсом во взглядах) замечает: «Петух оказывает немалую службу потомкам Адама; его пронзительный крик на рассвете легко прогоняет всех духов, гоблинов, призраков, эльфов, бук и привидений обратно в страну фантазий, где они обитают, дабы дневной свет не открыл их пу-

Тилвит Тег и олимпийские боги. Из книги У. Сайкса «British Goblins».

стой иллюзорности и не навлек на них позора и упреков». Шекспир вводит это поверье в «Гамлета»:

> Бернардо: Он отозвался б, но запел петух.
> Горацио: И тут он вздрогнул, точно провинился
> И отвечать боится...[1]

Поверье, что духи бегут при крике петуха,— чрезвычайно древнее. О нем упоминает, в частности, христианский поэт Пруденций (IV в.). Что касается изгнания злых духов с помощью имени Божьего, вера в этот способ жива до сих пор во всех странах, где еще верят в духов. Всем, кто интересовался этим предметом, известно, сколько беспокойства причиняют злые духи на спиритических сеансах. Покойный мистер Фитцхью Ладлоу однажды поведал о попытках изгнать дурного духа, завладевшего женщиной-медиумом. Ее пытались заставить произнести имя Христа, однако она запиналась и никак не могла справиться с этой задачей, в конце концов вышла из транса, так и не назвав святого имени,— злой дух бежал. Это было в Нью-Йорке в 1867 г. Наряду со многими другими людьми, отрицающими свою веру в спиритизм, мистер Ладлоу был немало впечатлен этим явлением.

Для изучающего сравнительную фольклористику подобные случаи, независимо от того, связаны ли они с фейри или со спиритизмом, принадлежат к одному классу. Такие имена, как Иегова, Всемогущий, Всевышний и т. п., были первоначально средством избежать произнесения имени ужасного и мстительного Бога иудейской теологии. Легко увидеть связь этого явления со способностью священного имени

[1] «Гамлет», акт I, сц. 1, перевод Б. Пастернака.

изгонять злых духов, к каковым обычно относят фейри. Отсюда же, вероятно, и ужас перед упоминанием имени Божьего всуе у пуритан Англии и Америки. Имя дьявола так же часто заменяется эвфемизмами, причем многие из них, например «Старик», не оскорбительны для слуха называемого. До недавнего времени имя дьявола, произносимое всуе, считалось богохульством.

В народе против вторжения фейри часто используется изгородь из «эйтина», или колючего утесника. Считается, что такая изгородь для фейри непреодолима.

Обычным средством избавиться от фейри считается переезд; волшебный народ не терпит, когда дом переходит в другие руки.

Рассказывают о фермере из Мерионета, которого так замучили проказы бубахов, что он решился на переезд. Но прежде он посоветовался со знахаркой из Доджелли, которая уверяла, что с тем же успехом можно просто притвориться, что переезжаешь. Нужно только убедить всех, что собираешься за границу, в Англию: собрать скотину и добро и отъехать на день пути от дома. Фейри наверняка уйдут из оставленного хозяевами жилища и тем более не останутся на земле урожденного кимвра, который вздумал перебраться в «землю саксов». Но когда они уйдут, домой необходимо возвращаться другой дорогой, чтобы окончательно сбить бубахов с толку. Фермер сделал, как ему посоветовали, и отправился в путь, гоня перед собой стадо; за тележкой с домашним скарбом брели жена и дети. Когда он добрался до брода Рид-и-Фен, навстречу им попался сосед. Он воскликнул: «Привет, Деви, никак уезжаешь насовсем?» Не успел фермер ответить, как из подойника, что лежал на тележке, раздался тонкий голосок: «Да-да, перебираемся в

Англию, там у нас будет новый дом». Это говорил бубах, который переезжал вместе с домашним добром. Надежды фермера расстаться с фейри лопнули. Добрый человек со вздохом поворотил лошадей и той же дорогой поехал к дому.

Знаменитый Пука с фермы Труин в приходе Минидислуин явился туда из своего прежнего дома в Пантигассеге в кувшине с закваской. Один из работников с фермы пошел с кувшином в Пантигассег, и когда ему наливали закваску, все услышали голос Пуки: «Пука уезжает в этом кувшине с закваской. Больше вы его не увидите». С тех пор в Пантигассеге его и след простыл.

В другой истории говорится, что служанка уронила клубок пряжи с холма, у подножия которого были два рыбных пруда, между Хафод-ир-Инис и Понтипулом, а Пука сказал: «Влезу в этот клубок и отправлюсь в Труин, а сюда не вернусь», и клубок тут же выкатился с холма в долину, поднялся на холм на другой стороне и бодро поскакал по гребню к новому дому.

ДЕНЬГИ ФЕЙРИ И ДАРЫ ФЕЙРИ ВООБЩЕ

«А ведь это, малый, волшебное золото — увидишь!» — говорит старый пастух в «Зимней сказке», и мудро добавляет: «Бери его и прячь! Домой, домой, ближайшей дорогой! Нам повезло, только никому ни слова! Дьявол с ними, с овцами. Домой, малый, домой!»[1]

Здесь присутствует «ядро» валлийского поверья. Деньги фейри не хуже настоящих, пока нашедший хранит в тайне их происхождение, но стоит ему проболтаться об источнике

[1] «Зимняя сказка», акт III, сц. 3, перевод В. Левика.

своего богатства — деньги исчезнут. Иногда — в случае если деньги уже потрачены — дурные последствия болтливости ограничиваются тем, что дары прекращаются. То же относится и к другим подаркам от фейри. В брекonширской легенде рассказывается, как Тилвит Тег одаривали крестьянина караваями хлеба, которые на следующее утро превращались в поганки,— чтобы избежать превращения, следовало есть хлеб в молчании в полной темноте. История Гитто Баха, известная в Уэльсе, живописует этот случай.

Гитто Бах, сын фермера из Гламорганшира, часто забирался на вершину горы, присматривая за отцовскими овцами. Возвращаясь, он показывал братьям и сестрам кусочки удивительно белой бумаги, похожие на монету в одну крону, на которых были напечатаны какие-то буквы. Он говорил, что получил их от детей, с которыми играл на горе. Однажды он не вернулся домой, и два года о нем ничего не знали. Между тем другие дети время от времени находили в горах те же бумажки. Однажды утром мать Гитто отворила дверь — и вот он, бродяга, в той же одежде, в какой ушел два года назад. Под мышкой у него был узелок. «Где же ты пропадал все это время, сынок?» — спросила мать. «Да ведь я только вчера ушел, — отвечал Гитто. — Смотри, какой чудесный наряд подарили мне дети в горах за то, что я потанцевал с ними под музыку их арфы». Тут он развязал свой узелок и показал красивое платье, но оно было бумажным, как и те волшебные кроны.

Обычно проболтавшиеся лишаются благосклонности фейри. Есть легенда о человеке, который часто встречал фейри на мосту в Англси и пользовался их щедростью. Каждое утро, выгоняя отцовских коров на пастбище, он видел фейри, а когда они исчезали, находил на камне моста Си-

муннод монету в четыре пенса. У мальчика так часто водились деньги, что отец его заподозрил неладное и как-то в субботний день стал выспрашивать, откуда тот их берет. Разумеется, мальчик признался, что получает деньги от фейри, и конечно, сколько ни ходил потом по мосту, он ни разу не нашел монетки и не видал больше обиженных Тилвит Тег. Открыв тайну, он лишился их благосклонности.

Джонс рассказывает схожую историю о молодой женщине по имени Энн Фрэнсис из прихода Бассалег. Выйдя однажды ночью в рощу неподалеку от дома, она услышала приятную музыку и увидела танцующих в траве фейри. Девушка принесла им ведро воды, решив, что они наверняка захотят пить. На следующую ночь, когда она снова пришла на то же место, ей дали шиллинг, «и так продолжалось несколько ночей, пока у нее не скопился двадцать один шиллинг». Однако ее мать случайно нашла деньги и стала допрашивать, откуда те взялись, подозревая, что девушка их украла. Сперва дочь молчала, но когда мать «обошлась с ней очень строго» (пригрозила побить?), она призналась, что получила деньги от фейри. После этого фейри больше ей ничего не дарили. Пророк Джонс добавляет: «Я слышал, что и в других местах люди получали от фейри деньги, иногда серебряные шестипенсовики, а чаще медные монеты. Сами они делать деньги не могут, стало быть, это монеты, потерянные или спрятанные людьми». Такой эвгемеризм (бытовое объяснение чуда) необычен для Джонса, который любит все чудесное.

Урок щедрости преподается в легенде о Хафод Луиддог, хотя, отметим, о сохранении тайны в ней не говорится ни слова. Речь о пастухе, который жил у Кум-Дили и каждое лето переселялся в хижину у Зеленого озера (Линн-Глас) вместе со своим стадом. Однажды утром он проснулся и

увидел рядом с собой красавицу, которая пеленала младенца. Пеленок у нее не хватало, и он отдал ей свою старую рубаху, чтобы укутать малыша. Женщина поблагодарила его и ушла. С тех пор каждую ночь пастух находил в старом деревянном башмаке серебряную монету. Это счастье продолжалось долгие годы, и пастух Мейриг стал богачом. Он женился на красивой девушке и перебрался жить в Хафод Луиддог. Отсюда пошло его богатство, отсюда и название, потому что Луиддог означает «богатство». И никакой злой дух не мог повредить его семье и потомкам, которым покровительствовали Бендит-и-Мамай.

При знакомстве с подобными легендами естественно возникает мысль, что распространение этих поверий было на руку разбойникам, которые хотели скрыть происхождение нечестно нажитых денег. С другой стороны, те же поверья, несомненно, способствовали воспитанию таких добродетелей, как щедрость и гостеприимство. Если кому-то фейри оказывают такие услуги, напрашивается объяснение, что человек проявил к духам доброту, как правило, не подозревая, с кем имеет дело. Подобным же образом поощрялась чистоплотность в молодых девушках и служанках: поверье, что фейри оставляют монеты только на чисто выметенных каминных полках, явно свидетельствует об этом. Чтобы добиться благосклонности Тилвит Тег, надо было также оставлять на ночь ведра полными воды. Тогда фейри являлись в полночь, веселились до рассвета под хорошо известную песенку «Ториад и Дидд», или «Рассвет», и исчезали, оставив монетку на каминной полке. Обещанная награда, конечно же, появлялась не всегда, но всегда оставалась надежда, что рано или поздно она появится,— чем воспитывалось, кстати, и терпение.

Подобные поверья широко распространены среди арийских народов. Можно вспомнить сказку из «Арабских ночей»

о старом разбойнике, чьи деньги превратились в листья. В шведском фольклоре волшебные деньги, доставшиеся крестьянину, превращаются в камешки или раскаляются и обжигают пальцы, а когда владелец роняет их, уходят в землю.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВАЛЛИЙСКИХ ФЕЙРИ

Относительно происхождения Тилвит Тег существуют две распространенные теории: одна поэтически-религиозного свойства, другая — практического. Обе одинаково далеки от истины — происхождение фейри следует искать в первобытной мифологии; однако не упомянуть о них сколько-нибудь подробно означало бы оставить нерассмотренным весьма важный элемент валлийского фольклора.

К реалистической теории происхождения Тилвит Тег следует отнестись с уважением, поскольку среди ее сторонников люди культурные и разумные. Эта теория подразумевает, что первыми фейри были обычные люди и что позднейшие суеверия — эхо историй, рассказывавшихся о реальных происшествиях. В качестве квазидоказательства этой теории приводится хорошо подтвержденное предание о расе существ, которые в середине шестнадцатого столетия обитали в дебрях Великого темного леса (Коед-и-Дугоед маур) в Мерионетшире. Их называли Рыжими фейри. Они жили в землянках, отличались ярко-рыжими волосами и сильными длинными руками и воровали по ночам овец и другой скот. В некоторых хижинах в приходе Кэммес все еще можно увидеть серпы, которые кладут рядом с дверью, чтобы отгонять этих жутких тварей. Однажды в канун Рождества доблестный рыцарь по имени Оуэн во главе отряда воинов напал на Рыжих фейри и обнаружил, что это существа из плоти и крови. Он повесил сотни пленников, но пощадил

женщин, одна из которых умоляла оставить жизнь ее сыну. Рыцарь не внял ее мольбам, и тогда она обнажила грудь и вскричала: «Эта грудь вскормила и других сыновей, которые еще омоют руки в твоей крови, барон Оуэн!» Вскоре после того барона подстерегли в засаде сыновья той фейри и омыли руки в его крови, исполнив угрозу своей матери. По сей день то место зовется Лидиарт-и-Барун (Баронские ворота) и любой в тех местах готов поведать эту историю.

Конечно, с точки зрения здравого смысла нелепо возводить происхождение фейри к шайке разбойников. Разумеется, им было выгодно поддерживать веру в свои якобы сверхъестественные способности.

Так называемого Пуку из Труина, обитавшего на ферме в приходе Минидислуин, иногда приводят в качестве еще одного примера случая, когда фейри оказывается вполне телесным существом; если это и правда, это, конечно, не доказывает ничего, кроме использования древнего суеверия опальным валлийским дворянином. Существует предание об «ир Арглуид Хоуэлл», или лорде Хоуэлле. Утверждается, что этот лорд, выступив против английского короля, потерпел поражение и вынужден был скрываться и что крестьяне в Пантигассе и на ферме Труин из любви к своему лорду укрыли его и распространяли слухи, что это их домашний фейри, бубах. Рассказывают, что он часто подавал голос из своей комнаты над гостиной, говорил тоненьким голоском в щелку между досками пола. Однажды слуги похвалялись друг перед другом белизной и изяществом своих рук, и тут послышался голосок фейри: «Руки Пуки всех изящней и белей». Слуги попросили бубаха показать руку, и доски потолка тут же раздвинулись и в щель просунулась рука, маленькая и белая, с большим золотым кольцом на мизинце.

В качестве курьеза интересна реалистическая теория происхождения Тилвит Тег, выдвинутая в конце XVIII в. несколькими авторами, в числе которых преподобный Р. Робертс, автор «Collectanea Cambrica». По этой гипотезе, древние фейри были друидами, скрывавшимися от своих преследователей, а если не друидами, то просто людьми, имевшими основания скрываться под землей и осмеливавшимися показываться только ночью. «Аборигены, скрывавшиеся от захватчиков», — догадывается д-р Гатри, в то время как мистер Робертс предполагает, что «поскольку ирландцы часто вторгались в Уэльс с враждебными намерениями, то вполне возможно, что маленькие группы жителей Эрина, отстав от своих и не находя способа вернуться, скрывались, спасаясь от местных жителей, в пещерах, а по ночам высылали своих детей наружу, одев их в фантастические наряды, раздобыть еды и размяться».

Однако против этой идеи выдвигались возражения, и наиболее популярной была именно теория друидов.

Мистер Робертс говорит: «Фейри появлялись и появляются слишком уж обыденно, слишком уж систематично, чтобы объяснять эти факты действиями некоей группы беглецов. Тут видна продуманная политика, долженствующая предотвратить разоблачение и вызвать страх перед неведомой силой и восхищение ее благодеяниями». Соответственно предание отмечает, что попытки разоблачения навлекали на любопытных несчастья. Шекспировский Фальстаф говорит:

Что это? Феи, эльфы, гномы, черти?
Кто видит их, тот не избегнет смерти.
Хоть я и сам сейчас похож на духа...[1]

---

[1] «Виндзорские насмешницы», акт V, сцена 5, перевод С. Маршака.

Нельзя препятствовать их приходу или уходу; на ночь им оставляли кринку молока на очаге, а в ответ они оставляли в подарок немного денег, если дом содержался в чистоте; если же нет — наказывали за небрежность. Поскольку их появление, как считалось, предвещало смерть, люди вынуждены были терпеть злые шутки фейри.

Одевались они обычно в зеленую одежду, помогающую остаться незамеченными. Детям своим, которые могли бы выдать места их обитания, они, по-видимому, позволяли подниматься на поверхность только ночью и танцевать в лунном свете. Эти танцы, напоминающие пляски вокруг «майского шеста», обычно велись под деревом, растущим на возвышенности, главным образом на курганах, под которыми, возможно, скрывались жилища этих людей или входы в них.

Старшие, вероятно, отваживались показываться среди обычных людей и днем, если же их узнавали, безопасность им обеспечивала вера в неизбежную месть за раскрытие тайны.

Если по каким-либо причинам сообщество оскудевало, они, вполне может статься, похищали чужих детей и подменяли хилых младенцев здоровыми. Похищенные дети, успевшие выйти из младенчества, воспитывались в подземных жилищах. Им, по-видимому, давали дурманящие вещества и уносили подальше от родного дома. Так как им позволяли выходить на поверхность только ночью, они могли путать день и ночь, и, вероятно, им не открывали истины, пока это не становилось безопасно.

Распространенность этой системы доказывает, что в стране существовала группа людей, отделившаяся от прочих ее жителей и либо желавшая, либо вынужденная жить и встречаться тайно. Их ритуалы, в особенности танцы вокруг де-

рева, возможно дуба Гекаты, так же как их любовь к правдивости и честности, подтверждают происхождение от друидов. Это предположение выглядит убедительным, поскольку история свидетельствует, что друиды, преследуемые римлянами и христианами, использовали подобные средства, чтобы спасти себя и свои семьи, причем им это удавалось, поскольку в стране было тогда много лесов и мало жителей. Причем, возможно, они скрывались гораздо дольше, чем принято считать.

Можно заметить, что в качестве одного из доказательств этой любопытной системы рассуждений приводится обычай фейри одеваться в зеленое. Внимание на это обстоятельство обращаем не ради донкихотской попытки бороться с выводами теории, но как на интересную особенность вопроса о фейри в целом. Валлийские фейри описываются в подробностях вплоть до цвета костюма, что не слишком обычно для волшебных сказок. В легенде о Сварливом доме о Тилвит Тег говорится как о старых эльфах в голубых нарядах. Напрашивается связь с голубым цветом неба. Указывается также, что сакральные одеяния друидов были голубого цвета. Идея голубых нарядов должна принадлежать северным частям Уэльса. В Кардиганшире, в преданиях о холме Моиддин, где часто показывались фейри, они всегда появляются в зеленых одеждах и исключительно в зеленый месяц май. В Гламорганшире знают гоблина по имени Зеленая дама Каэрфилли, цвет одежды которой ясен из имени. Она обитает в руинах замка Каэрфилли и показывается ночью, в зеленом одеянии, причем умеет обращаться в плющ, смешиваясь с плющом, обвивающим стены замка. Кажется, более изощренного способа прятаться еще не было изобретено.

Фейри в Пемброкшире, напротив, одеваются в варварски-алые одежды и алые же шапочки, перья которых колеблются на ветру во время плясок. Однако встречались и фейри, одетые в белое, причем в современных историях белый, кажется, стал излюбленным цветом фейри, особенно когда Тилвит Тег принаряжаются для праздника. Это разнообразие цветов проистекает, разумеется, из живости фантазии валлийцев и, возможно, относится скорее к современным представлениям о «подходящих цветах нарядов», нежели к древнейшим традициям.

Белый, в представлении валлийцев,— самый подходящий цвет для прекрасного создания, танцующего в лунном свете на бархатистой лужайке. Самым распространенным именем для красивой девушки в Уэльсе в наши дни, как и во многие века до того, остается Гвенни, уменьшительное от Гвеннилиан (или, в английском варианте, Гвендолин) — имени, означающего попросту белое полотно; и белый наряд, излюбленный фейри, несомненно, подразумевает одежду из белого полотна. Эта материя, в наши дни вполне обычная, в прошлом высоко ценилась. В «Мабиногионе» при описании сказочной пышности княжеских замков подробно перечисляются ткани, шелка, бархат, золотое кружева и самоцветы. Йорк в своем отчете о племенах Уэльса упоминает, что полотно было настолько редким в царствование Карла Седьмого Французского, «что ее величество королева может похвастать только двумя полотняными сорочками».

Здесь, очевидно, указывается первая причина, по которой фейри одеваются в белое; и древнее отношение к белизне в Уэльсе сохраняется по сей день. Валлийские крестьяне, сами одетые в грубую и темную одежду, считают белый исключительно праздничным цветом, а другие цвета оставляют простым фейри, вроде бубаха и ему подобных.

Простым деревенским фейри,
Что живут в очаге и в хлеву[1].

Так что бубах обычно одет в коричневое, часто мохнат, а у коблинай лица, как и одежда, темные или цвета меди.

Местная легенда о происхождении фейри смешивает обыденное и духовное таким образом: «Во времена нашего Спасителя жила одна женщина, которой судьба послала едва ли не два десятка ребятишек... и, увидев, что к ее хижине подходит наш святой Господь, она застыдилась своей многодетности и не захотела, чтоб Он увидал всех ее детей, поэтому она попрятала половину детишек по углам, а когда после Его ухода стала их искать, то не нашла. Их никогда больше не видели, и думают, что Господь наказал ее за то, что она спрятала своих детей, и отобрал их у матери, и еще говорят, что от ее потомства и пошел род фейри».

Простые люди Уэльса, однако, предпочитают поэтико-религиозную теорию. А именно: в народе верят, что Тилвит Тег — души умерших, не настолько грешные, чтобы попасть в ад, и недостаточно праведные для рая. Они обречены оставаться на земле и жить в тайных укрытиях до Судного дня, когда для них откроется рай. Между тем им приходится либо без конца трудиться, либо без конца забавляться, но труды их бесплодны, а забавы не приносят радости.

Вариантом этого общего поверья является убеждение, что души эти принадлежат древним друидам: особенно интересно представление, намекающее на длительность «епитимьи» друидов и напоминающее легенду о Вечном Жиде.

---

[1] Б. Джонсон, «Маска Оберона».

Это поверье относится главным образом к коблинай, то есть к обитателям пещер и копей.

Другое предание производит фейри от злых духов еще более древних — тех самых, которых сбросили с небес вместе с сатаной, но они не попали в ад, а упали на землю, где им и дозволено мыкаться до Страшного Суда. Подробности этой теории объясняют, почему фейри в наши дни появляются так редко: они удерживаются от злодейств, чувствуя приближение Судного дня и надеясь на примирение с небесами.

Пророк Джонс объясняет повышенную активность фейри в Уэльсе, прибегая к поэтико-религиозной теории в изысканной форме.

Заметив, что в Монмутшире находятся люди настолько невежественные, что считают фейри счастливыми духами, потому что у тех водятся танцы и музыка, он доказывает в весьма пылких выражениях, что Тилвит Тег на самом деле «бестелесные души людей, живших и умерших, не познав благодати и спасения, как язычники и им подобные, чье наказание потому гораздо менее сурово, чем наказание грешников, знавших средство к спасению.

Почему в Уэльсе фейри являются чаще, чем в других странах? На это можно ответить, что, утеряв свет истинной религии в восьмом и девятом веке от Рождества Христова и приняв вместо нее папство, Уэльс погрузился во тьму, и духи тьмы осмелели до дерзости; люди же, как уже говорилось, в великом невежестве принимают оных духов за стайки детей, пляшущих и поющих на лужайках, и считают их счастливыми... и открывают им свои дома... Валлийцы завели тесное знакомство с фейри в царствование Генриха Четвертого, и зло возросло с суровыми законами этого правителя, запрещавшими, среди прочего, учить детей, отчего страна

погрузились во тьму невежества. А эти жестокие законы были вызваны восстанием Оуэна Гландура и валлийцами, которые поддержали его в безумной надежде избавиться от ига саксов, не покаявшись прежде в своих грехах».

Оставив в стороне эти местные объяснения, можно с уверенностью сказать, что фольклор, относящийся к фейри в Уэльсе, как и в других странах, коренится в древней мифологии: это сверкающие осколки тех чудесных созвездий, которые сияют во мгле первобытных времен, великие и величественные, как само великое Неведомое, питавшее варварскую фантазию. С помощью современной научных исследований «эти века, которые мифы населили героическими тенями», стали к нам ближе, и скромные валлийские Тилвит Тег могут через столетия и эпохи пожать руки олимпийским богам.

Глава 9

СРЕДИННОЕ КОРОЛЕВСТВО: НИЗШАЯ МИФОЛОГИЯ ГЭЛОВ[1]

Историчность преданий. — Сиды, или ши. — Ведьмы. — Эльфы. — Лепрехуны. — Волшебные деревья. — Пука. — Проделки гэльских фейри. — Волшебный ветер. — Тропы фейри. — Бродячие огоньки. — Зачарованные места. — Проклятия фейри. — История Бидди Эрли.

Везде и всегда люди утверждали, что видели или вступали в физический контакт со сверхъестественными существами. Не было еще ни в древности, ни в наши дни общества, высокоцивилизованного или крайне отсталого, которое не хранило бы знаний или веры в сверхъестественные существа. И хотя рассказы о таких существах очень разнятся между собой, от народа к народу, от эпохи к эпохе, различия эти в целом поверхностны, и между такими случаями существует глубокое изначальное единство.

В Ирландии и Шотландии мир ши (сидов), то есть мир эльфов, фей и прочих существ, которые относятся к стихиям, не являются и никогда не были людьми, называют Сре-

[1] По книге Д. Макмануса «The Middle Kingdom». Перевод П. Щербатюк, Г. Соловьевой.

динным королевством; вполне удовлетворительный и выразительный термин. В древние времена и почти до нашего века этот мир — мир фейри сельские жители считали таким же реальным, как и обычный материальный мир, окружавший их. Но сегодня, хотя вера в сверхъестественное все еще живет в народе, старинные знания об устройстве, упорядоченной иерархии классов и каст, что составляют мир духов, почти утрачены. На деле очень часто призраков, которые есть по сути заблудшие человеческие духи, грубо и бестактно валят в одну кучу с самыми разными лепрехунами, клуриканами, пука, тюленьим народом, мерроу (merrow), демонами и остальными, как будто это одно и то же.

Откуда взялись древние рассказы о богах и героях, о людях и духах и о том, какой порядок царит в мире духов? Они передаются из уст в уста. Все традиционные предания — не более чем повторяющиеся пересказы того, что случалось с людьми в далеком прошлом. Те из этих преданий, что дожили до наших дней и наилучшим образом согласуются с материальным миром, который окружает нас, послужили источниками исторических сведений. Другие же истории, те, что труднее встроить в обычный порядок вещей, очень часто отметаются, их считают пустой игрой воображения. Некоторые истории и из первой и из второй категорий вполне могли повествовать о древних героях, чьи великие свершения с течением лет обрастали легендами. Со временем великие боги кельтских мифов безнадежно смешались с некоторыми героями древности, которые таким образом оказались на положении полубогов.

Так же дело обстояло и в гэльских областях: семья всегда была хранилищем устных исторических преданий. Когда, окончив дневные труды, семья — родовая семья, некогда значительно более многочисленная, чем наши сегодняшние

семьи, включая дядьев, тетушек, двоюродных братьев и сестер, — собиралась у огня, и когда голод был утолен, и когда подступали сумерки, кто-нибудь из старших, а может быть, бродячий бард, начинал рассказывать и петь старинные предания. Дети жадно слушали его, буквально впитывая в себя каждое слово, чтобы в свою очередь передать их своим детям, когда придет время.

При той сложной системе, которая существовала у кельтов, рассказы о героях и их подвигах мгновенно входили в репертуар профессиональных бардов, и те художественно их приукрашивали, согласно строгим канонам зачастую растягивая их до невероятных размеров. И именно в процессе подобной художественной переработки обычно в этих рассказах появлялись всяческие преувеличения.

Но барды специализировались на героических сагах, повествованиях о богах и героях, потому что именно такие легенды больше всего интересовали самых разных людей и вызывали неизменное внимание слушателей. Рассказы о домашней жизни и о встречах с духами были для бардов бесполезны, потому что не являлись чем-то необычным; такие встречи случались ежедневно и с самыми обычными людьми. За некоторым исключением эти прозаические истории оставались на долю стариков, которым не было необходимости заглядывать глубоко в прошлое и которые рассказывали только то, что знали они сами, либо то, что было известно их родителям.

Уильям Батлер Йейтс писал в 1893 году в предисловии к своим «Ирландским народным сказкам»: «Предание передавали из поколения в поколение с такой точностью, что длинная история о Дейрдре, которая была записана в начале этого века, буквально слово в слово совпадала с древним манускриптом, хранящемся в Дублинском королевском об-

ществе. И только в одном месте они не совпадали, но здесь ошибся, скорее, манускрипт — переписчик пропустил один абзац. Но такая точность свойственна скорее народным сказаниям и историям бардов, чем волшебным легендам — у последних как раз существует множество вариантов».

По тому же самому поводу профессор Джексон сказал: «Рассказ о Дейрдре, записанный в Барра Кармайклом, и история о жизни Кухулина, которую он же записал в Саут-Уист, местами до невероятности совпадают с ирландскими манускриптами, которые можно датировать девятым веком, хотя никто не знает, сколько эти предания до этого существовали в устной форме». Профессор Делардни еще рассказывает о Керри-шанахи (shanachie), или рассказчике, который когда-то в молодости услышал большой кусок печатного варианта истории о Диармайде и Грайне; пятьдесят лет спустя профессор записал эту историю с его слов, и она совпадала с услышанным почти слово в слово.

Теперь что касается тех рассказов, которые явно повествуют о реальных исторических событиях, пусть в них для большего эффекта и добавили чудес и магии. И мы можем в наше время наблюдать, как они возникают и начинают увеличиваться в объеме. Их представляют в каждом городе, в каждой деревне нашей страны, на каждой деревенской вечеринке с танцами, начиная с того беспокойного времени, которое теперь эвфемистически называют «горестные годы». В таких песнях превозносятся деяния местных и общенациональных героев и описание их доблести с каждым пересказом только набирает блеск. Но с течением времени, когда между теми далекими временами и настоящим моментом появляется все больше других событий, такие истории вызывают все меньше интереса. Певцы и рассказчики прошлого уже умерли, а те, кто сегодня хранит и рассказывает

эти захватывающие повествования, ничего не знают о тех славных и бурных временах, так что они просто механически пересказывают то, что заучили наизусть.

И даже когда в последнее время к этим историям что-то добавляют, происходит это в рамках разумного. И чрезвычайно редко в такие истории попадают какие-либо магические или мистические детали. Но в древности, когда материальный мир и мир духов были так тесно переплетены в умах людей, дело обстояло совсем по-другому. Если казалось, что подвигам древних героев не хватает чудес, добавить их ничего не стоило. А когда чудес уже было достаточно, следующий шаг был еще проще: герои поднимались до положения полубогов и получали постоянные места в языческом пантеоне. Когда такая трансформация имела место, их человеческие поступки тоже превращались в потрясающие магические свершения или невероятные чудеса, и такие истории позднее, должно быть, рассматривались как в высшей степени апокрифические, хотя за ними всегда стояли правдивые реальные события. Распутать этот клубок правды и вымысла — увлекательная задача и даже долг историка. То, что люди постепенно занимали важные места в мире богов, — явление древнее и повсеместное. Языческие римляне обожествляли своих императоров.

Тот факт, что в разных странах можно найти одни и те же сюжеты, совсем не обязательно значит, что все они — просто полные гипербол пересказы одного и того же события. Например, одни и те же сюжеты можно встретить в Древней Греции, в Индии и в других странах, но все они, независимо друг от друга, основываются на местных событиях и удовлетворяют неким извечным потребностям человека.

Конечно, нужно признать, что некоторые из подобных историй все-таки восходят изначально к какой-нибудь од-

Поклонение божествам. Резьба на ларце. Ок. 650 г.

ной древней легенде, переделанной таким образом, чтобы она лучше подходила к местным событиям, и то же самое относится к откровенным аллегориям.

А кроме этих исторических рассказов есть еще и совершенно особенные кельтские религиозные предания, в древнейших из них говорится о великих языческих богах и богинях и о том, как они поступали со смертными и друг с другом. Позже эти рассказы почти полностью слились с рассказами о ранних христианских святых, их деяниях и чудесах, которые они свершали. Этих языческих богов, великих кельтских ши, следует классифицировать с осторожностью, потому что каждый из них олицетворяет собой какой-нибудь идеал или аспект бесконечного бытия.

К отдельному классу следует отнести рассказы об обычных людях и их взаимоотношениях, об извечной борьбе между умными и глупцами, добрыми и злыми, старыми и молодыми; все это проливает свет на обычаи и порядки прошлых веков; на такие истории можно в большей степени положиться как на верное свидетельство об ушедших

временах. Слушая их, понимаешь, как неизменна по сути своей природа человека, как мало она зависит от времени, места, народа, к которому принадлежит человек, или климата, в котором он рос.

И наконец мы добрались до рассказов о встречах людей с незначительными духами, Маленьким народцем из Ольстера, или с Юга, с кельтскими ши-ог, и самыми разными мелкими духами стихий, которые относятся примерно к тому же уровню в иерархии мира духов. Этих духов можно назвать плебеями Срединного королевства. Существуют и более низкие слои этого величественного и интересного общества. И среди них, в свою очередь, тоже можно усмотреть определенную градацию.

Перед тем как двинуться дальше, нам стоило бы последовать мудрому совету Сократа и подобрать точные определения, особенно к тому, что мы называем фейри. Этимологический словарь Скита рассказывает нам, что в древние времена это слово значило совсем не существо, а «заклятие, наложенное феей», а само слово «фея» [fay] восходит к латинскому имени богини судьбы. Но так или иначе в течение многих веков слово «фейри» означало некоего духа. Но сейчас нам предстоит определить, какого именно духа. Трудности возникают по той причине, что термин «волшебный народ» используется повсеместно и несколько небрежно, по отношению к любым потусторонним существам и ко всем без исключения мелким духам. Но такое использование слова «фейри» (fairy) в качестве родового термина хоть и очень удобно, однако неточно и неоправданно.

Самый лучший способ проверить, имеем ли мы дело с феями или нет, основывается на поверье, принятом по всей Европе с античных времен до наших дней, что люди и феи могут заключать смешанные браки и рождать детей и что

феи могут успешно существовать в мире людей, а люди — в мире фей. Существует бесчисленное множество кельтских рассказов о женщине-фее, которая выходила замуж за человека, рождала ему детей и растила их, а также о людях, которые проводили жизнь среди «обитателей холмов». Аласдейр Макгрегор в своей книге о шотландском фольклоре «Торфяной огонь» приводит немало рассказов о тюленьих женщинах, которые сбрасывали свои платья с рыбьими хвостами и выходили на берег, чтобы выйти замуж за человека, рожали детей, но через много лет, исполненных ностальгической тоски, в конце концов море притягивало их обратно, обычно в тот момент, когда они случайно находили свое старое платье с рыбьим хвостом. Подобные истории распространены по всем Гебридам и по северному и западному побережью Ирландии. Истории о похищении человеческих детей и о подменышах, которых оставляют взамен, тоже встречаются повсеместно.

В целом, я считаю, в разряд фей следует включить тюлений народ, лепрехунов, клуриканов, бэнши, и хотя английские и шотландские пикси, брауни, глейстиг, гномы, гоблины и пука тоже могут претендовать, но для удобства моей классификации я предлагаю их исключить, даже рискуя задеть их чувства.

О феях и эльфах чаще всего упоминают в Средние века, и до восемнадцатого века по всей Европе люди рассказывали о тех, что живут в холмах, где у них, по слухам, есть прекрасные дворцы и самые разнообразные и удивительные вещи, и были эти жители холмов хрупкого телосложения. Все это неплохо соотносится с ирландскими ши, потому что их гэльское название на самом деле означает «народ, живущий в холмах». Чтобы выразиться точнее — это были Слуа ши, хозяева, или жители, холмов, потому что ши, похоже,

является просто родительным падежом от (Siogh) — холм или небольшая гора. Надо отметить, что в Англии их тоже называют «народом холмов». Немаловажно также, что в некоторых районах Доунгола их называют «Слуа Беата» — «хозяева жизни», что, на мой взгляд, точно указывает на то, что их считают не умершими, не призраками захороненных в могильниках и курганах в древности, но живым народом, более того, народом, обладающим вечной жизнью. Только позже эти холмы стали ассоциироваться с могильными холмами и курганами, и многие пришли к выводу, что ши — это призраки или просто воспоминания о тех, кто давным-давно хоронил в этих холмах своих умерших. Несмотря на важность, которую многие фольклористы придают этой интерпретации, она может быть не более чем предположением, причем, вполне возможно,— ошибочным, потому что единственное свидетельство в этой области наталкивает на совершенно иные выводы. На это свидетельство, несомненно, можно положиться: на каждом суде над ведьмами, в котором были упомянуты феи, живущие под землей, они неизменно жили в естественном холме, а не в могильнике. И те, кто знал фейри, не считали их ни призраками из курганов, ни древними людскими народами.

Несмотря на происхождение слова «ши», великие боги ирландского языческого пантеона жили на высоте — на вершинах гор или просто в воздухе. Они не были привязаны к земле в отличие от меньших духов, которых мы теперь зовем феями и которые определенно к земле привязаны и существуют в единстве с другими духами земли.

Сегодня слово «фея» полностью рассталось со своим средневековым значением — могучий дух с внешностью человека, к которому следует относиться с уважением, а может быть, и с опаской, и сегодня относится к изящному хруп-

кому человечку с крылышками, словно бабочка порхающему с цветка на цветок или выделывающему балетные па с волшебной палочкой со звездой на конце. Традиционные феи бывают иногда красивыми, но очень редко — маленькими и хрупкими; значительно чаще в рассказах о встречах с такими существами они похожи на карликов.

Согласно рассказам, духи земли бывают очень разными, от внушающих ужас отвратительных чудовищ, омерзительных на вид и злобных по сути, до проказливых и дерзких хулиганов, очаровательных, веселых, милых, грустных и задумчивых; и высшие из них в большинстве своем относятся к феям. Самые маленькие создания, ростом всего в несколько дюймов, похожи на эльфов или на чертей и обычно дружелюбны, хотя и проказливы. Эти существа поражают своим разнообразием, а их проделки тесно связаны с их природой и непрестанно вторгаются в обычную жизнь людей. Они умудряются досаждать людям даже тогда, когда сами на глаза не показываются. Из рассказов очевидцев становится ясно, что подобных существ можно классифицировать еще и по их поступкам.

В отличие от представлений прошлых веков сегодня, в тех редких случаях, когда сельский житель задумывается над этим, его отношение к феям и эльфам имеет прочную христианскую основу. Теперь уже почти никто не спорит с мнением, что феи, эльфы и прочие подобные существа — это ангелы, упавшие с небес, но очень немногие из них отдалились от неба настолько, чтобы полностью предаться злу, а те, что пали окончательно, обязаны являться людям внешне такими исчадиями ада, какими они по сути и являются, и именно поэтому нашим глазам представляются иногда такие ужасающие картины. Все эти существа оказались между адом и раем и теперь обречены жить на земле, среди людей,

которые ее населяют. Лучшие из них, Волшебный народ, развлекаются и предаются веселью, просто чтобы не скучать, и копируют поступки и жизнь людей как можно точнее, потому что завидуют им. Но все их забавы, веселье и шутки пронизаны неизбывной тоской, потому что они навсегда утратили небо, а мы еще можем его обрести. Христианами открыта дорога веры, а феи и эльфы не видят для себя пути назад.

Джеймс Стивенс в своем «Золотом горшке» классифицирует многих из этих существ с достойной восхищения ясностью и в соответствии с древними языческими канонами. Он перечисляет их всех, как высших, так и низших, как будто они все — члены неделимой семьи, но он при этом пропускает самых злых и враждебных. Конечно, хотя разница между Великими ши и маленькими, любящими землю клуриканами и лепрехунами просто огромна, совершенно невозможно провести между ними четкую границу, потому что разные типы духов слишком плавно переходят один в другой.

Самая подробная информация об эльфах и феях, в отличие от остальных духов, и довольно много сведений о мире демонов приходят к нам из шестнадцатого и семнадцатого столетий, потому что то было время большой охоты на ведьм. Фей и эльфов, так же как и демонов, тесно связывали с ведьмами, особенно в Шотландии, Франции и Швеции. Большая часть этих сведений юридического происхождения отличается интересными подробностями и снабжена многочисленными примечаниями. Во всех случаях фейри описывают как могущественных существ, которые живут в хорошо организованных сообществах, под управлением короля и королевы. Обычно они ростом с человека или немного выше, приятной внешности, мужчины красивы, женщины миловидны. И все держатся с утонченным достоинством.

В первом из своих знаменитых признаний 13 апреля 1662 года хорошенькая рыжая шотландская ведьмочка Изобель Гоуди, образованная женщина из хорошей семьи, свидетельствовала: «Я была в холмах Доуни-Хиллз, и мне там дали еды больше, чем я могла съесть. И Королева Фей одета красиво в белое льняное белье и в белое с коричневым платье; а Король Фей тоже нарядно одет, он красивый и широколицый. И там, внизу, ревели и визжали волшебные быки, они напугали меня».

В суде над Жанной Д'Арк фей тоже описывают как человекоподобных существ. Ведущий биограф Жанны писал: «Что касается фей, жители Дореми выставляют им много даров, потому что они имеют власть над судьбами людей».

В 1597 году в Абердине дочь Изобель Стратакуин на суде над ней за ведовство говорила, что «...все свои способности она унаследовала от матери, а ее мать научилась им от эльфа, который возлежал с ней».

В том же году Эндрю Мэн на суде по тому же обвинению говорил о Королеве Эльфов. Несколько лет спустя на Оркнейских островах Джанет Девиер была уверена, что отдала ребенка феям из соседнего холма, которых она называла «добрыми соседями» и с которыми она, по ее собственному признанию, не раз вела задушевные разговоры вот уже более двадцати лет. И еще: в 1664 году Джанет Моррисон была обвинена том, что лечила травами дочь некоего Макферсона, которую околдовали феи, наслав на нее очень неестественную болезнь.

Все мелкие духи, о которых упоминали в те времена, были совсем другими и зачастую служили ведьмам. В слуги к ведьмам попадали обычно злые духи, принимавшие вид животных или даже насекомых; они поселялись с ведьмой, чтобы помогать ей в ее кознях против соседей.

Ясно, что многие из таких «духов» были не более чем любимыми домашними животными бедных одиноких старых женщин, которым некого было любить среди людей и которые потому изливали свои чувства на животных. Конечно, старушка, которая назовет своего черного кота Сатаной, сама напрашивается на неприятности, но такие милые и привычные имена, как Жадюга, Гризель, Робин, Тайфин, Титти и Пайджин, — совершенно безвредны и напоминают о старых добрых временах. И тем не менее есть и другие мелкие духи, которые тоже замечательно вписываются в принятую традицию, ведь маленькие домашние духи-помощники были известны и в те давние времена, когда лары и пенаты римлян еще жили и здравствовали. И какая разница между ними и шотландскими брауни или сегодняшними ирландскими клуриканами? Но в суровые христианские времена шестнадцатого и семнадцатого веков всех этих бесенят и священник, и пастор называли демонами, посланными из ада на погибель нам.

Феи и эльфы, которых можно увидеть в Ирландии и Шотландии сегодня, придерживаются традиции и бывают ростом и с шести-семилетнего ребенка, и с очень высокого мужчину или женщину. Похоже, существует еще множество дружелюбных духов, больших и маленьких, которые в силах не только позабавить нас, но даже злить и преследовать.

Уильям Батлер Йейтс в своих увлекательных «Кельтских сумерках» рассказывает про «Пэдди Флинна, невысокого старичка с ясным взглядом, который жил в однокомнатной хибарке с дырявой крышей в деревне Баллисодейр, которая, по его собственным словам, самое чудное (это он имел в виду волшебное) место во всем графстве Слиго». Однажды Йейтс спросил старика, случалось ли тому видеть фей. И получил немедленный ответ:

— Вы хотите сказать, не докучают ли они мне?

А позже он упоминает еще одну пожилую женщину, которая не верила ни в ад, ни в привидений, но добавляла с убежденностью:

— Но существуют феи, и маленькие лепрехуны, и водяные лошади, и падшие ангелы.

Йейтс делает вывод, что «человек может сомневаться в чем угодно, но он никогда не станет сомневаться в существовании фей», потому что, как кто-то ему сказал, «они не боятся доводов рассудка».

Так давайте посмотрим, что это за феи и эльфы, чем они занимаются сейчас и по-прежнему ли они «докучают» нам, как метко выразился Пэдди Флинн, а если докучают, то каким именно образом. И самое главное — давайте почитаем об их проделках без предубеждения.

ВОЛШЕБНЫЙ НАРОДЕЦ

Ирландия — это страна, где тихая реальность существования фей и эльфов до сих пор принимается как неотъемлемая часть повседневной жизни.

Пока крестьянин обрабатывает поля и болота тихим летним вечером и мирно шагает потом в сумерках домой, пока он в кромешной тьме выходит из дома в пристройки присмотреть, чтобы всем его скотинкам было тепло и уютно, когда зимние вьюги воют в ветвях деревьев над головой и пока девушки доят коров, умелыми руками сцеживая из вымени все до капли, и присматривают за торфяным огнем в открытых очагах, мы все еще будем близки к тем силам, что живут и пульсируют в природе; и в нашей стране олицетворением этих сил являются прежде всего ши, или, как их называют в Англии, феи.

Для начала нашего путешествия по стране эльфов и фей давайте послушаем рассказы о них самих, о «колдовском народе» или «благородном народе», как часто называли их Йейтс и его друзья, потому что так принято в Слайго, и не только там. Нам часто случается слышать о волшебных деревьях и крепостях, населенных феями, и здесь, в ирландской глубинке, они буквально на каждом шагу, но как же сами фейри, таинственный народ, давший им свое имя? Это действительно благородный народ, если с ними не ссориться, но берегитесь, если вы чем-нибудь их сильно оскорбите! По сути своей они — сельские существа, очень любят дикую природу, тонко чувствуют красоту и духовную ценность любого божьего творения. Они любят и сельских жителей, когда те живут в истинной гармонии с природой, с них они часто собирают необременительную и дружественную дань — молоко, масло, мед, хлеб или еще что-то, что дает земля, но они огорчаются, когда человек несет с собой разрушение, и гневаются, если человек не уважает святыни предков, что, увы, случается все чаще и чаще. Они предаются танцам и пению, пирам и любви, и во многом их радости схожи с человеческими, но во всем их веселье глубокой таинственной нотой присутствует неизбывная печаль. О некоторых вещах они знают больше, чем любой из людей, но не обо всем, даже больше того: некоторые из младших духов — но это не относится к настоящим феям и эльфам, к благородному народу, — бывают порой глупы и низменны. Однако не стоит что-либо утверждать наверняка, ведь мы так мало знаем об этом народе.

Главным источником нашего знания являются, как это и должно быть, деревенские предания; да и в конце концов, что такое предания, как не собрание личного опыта людей,

который передавался из уст в уста у семейного очага, от отца к сыну и от матери к дочери, из поколения в поколение? Вот некоторые из этих историй.

ЭЛЬФ ИЗ ТОРНХИЛА

Полковник Джордан родился в одной из старейших семей в Коннахте и живет в доме, издавна принадлежавшем его семье. В то время, когда это произошло, младшей дочери полковника было лет шесть или семь, а старшей — около десяти лет. Его жена, англичанка, не очень хорошо себя чувствовала, и поэтому ее племянница, очаровательная девушка восемнадцати лет по имени Нора, приехала, чтобы помочь тете с детьми. Она жила с ними уже довольно долго, и вот однажды, когда она одевалась к ужину, а малышка, которая спала с ней в одной комнате, с интересом наблюдала из своей колыбели за этим процессом, случилось первое из происшествий.

Нора поставила лампу на туалетный столик перед закрытым ставнями окном и смотрела в зеркало, доводя до совершенства свою прическу, как вдруг девочка неожиданно позвала ее:

— Нора, Нора, в комнате кто-то есть. Что он здесь делает?

Услышав это, Нора быстро обернулась и оказалась лицом к лицу с человечком около четырех футов ростом. Он стоял у детской кроватки, в девяти или десяти футах от Норы, и был такой же живой и настоящий, как любой другой. Она ошеломленно смотрела на него во все глаза, а он смотрел на нее в ответ со спокойным и равнодушным интересом. Но уже в следующее мгновение человечек пропал и в комнате все стало по-прежнему.

Это не могло быть игрой ее воображения, потому что малышка в кроватке села и заявила, что человечек куда-то ушел, как будто в этом не было ничего необычного. Казалось, она ни в малейшей степени не встревожена увиденным и не считает его достойным какого-то особенного внимания, да и сама Нора к собственному удивлению не почувствовала ни беспокойства, ни волнения. Можно было бы ожидать, что это событие своей сверхъестественностью напугало бы ее, но тихий человечек был просто воплощением безобидности.

Нора успела хорошо его рассмотреть за то непродолжительное время, пока они стояли друг напротив друга, и позже могла очень подробно его описать. Он был хотя и очень маленький, но сложен пропорционально и одет так, как одевались в нашей стране лет сто назад. На нем была зеленая шляпа без полей, из тех, что называют цветочным горшком, облегающий зеленый фрак, желтоватый жилет и галстук, и все это чистое, аккуратное, в хорошем состоянии. Он был чисто выбрит, глаза голубые, волосы темно-русые.

Нора закончила одеваться, уложила девочку спать и спустилась вниз с намерением при первой возможности попросить у полковника объяснений. После обеда ей удалось отвести его в сторонку, и он с глубоким интересом выслушал ее рассказ, потому что для него все это было внове. Так как его жена была слаба здоровьем и не особенно сочувствовала всему ирландскому, он заставил Нору пообещать, что она ничего никому не скажет об этом случае, но будет держать ухо востро и сообщит ему, если увидит еще что-нибудь.

А полковник решил пока сам навести некоторые справки, но, несмотря на все его усилия, ничего нового он не узнал, и только три недели спустя случилось еще одно происшествие. Нора как раз собиралась возвращаться в Англию.

Они обедали немного раньше обычного, чтобы девушка еще, не торопясь, успела на поезд, и вся семья собралась в столовой. Полковник сидел во главе стола, Нора — справа от него, жена — напротив, по сторонам — дети, а две служанки приносили и уносили тарелки.

Вдруг Нора повернулась к полковнику и тихо ему сказала:

— Он здесь. Он стоит прямо за вами.

Полковник помедлили немного, чтобы не привлекать внимание, а потом быстро обернулся и как раз успел заметить, как маленький человечек исчезал. Он стоял как раз за стулом полковника, но его никто не видел, а служанки, проходя, несколько раз чуть его не задели. Больше ничего особенного не случилось, и через полчаса Нора уехала, чтобы никогда не возвращаться. А полковник продолжил свои исследования, у него никак не выходило из головы это сверхъестественное явление, но ни малейших результатов он не получил.

Несколько месяцев спустя ему понадобилось посетить удаленную часть своего поместья, которая называлась Туромин, и он отправился туда в своей двуколке сразу после полудня. И, будучи там, он вспомнил про одного старика, которому уже почти стукнуло девяносто и который проработал в Большом доме всю жизнь, у его отца, а до этого — у его деда. Закончив с делами, полковник отправился к домику старика, сел напротив него у очага и рассказал свою таинственную историю. Старый Майкл помолчал несколько минут, его мысли блуждали далеко в прошлом и перед глазами оживали картинки из тех лет, что уже не вернутся, а потом медленно вынул трубку изо рта.

— Странная история, мастер Генри, нечего сказать, очень странная, только я, может быть, вам и постраннее расскажу,— и неспешно, часто отвлекаясь на случайные воспоминания, он рассказал, как еще совсем мальчишкой, лет в

восемнадцать, его привели в Большой дом на сезонную работу, а ночи он тогда проводил на сеновале.

Однажды погожим летним вечером закончив дневные труды, он стоял, прислонившись к воротам, которые вели на поле перед домом, курил трубку и уже совсем собирался пойти на кухню и поужинать картошкой с пахтой, как вдруг заметил на поле, в десяти шагах от себя, маленького человечка. И хотя тот появился из ниоткуда, он был такой настоящий, такой реальный, что Майкл никогда ни на минуту не сомневался в том, что это действительно человек.

Затем старик по памяти живо описал человечка, и он оказался в точности таким, какого описывала Нора и какого видел сам полковник.

Все еще стоя у ворот, Майкл вынул трубку изо рта и по-ирландски пожелал человечку доброго вечера. Однако человечек не ответил. Тогда Майкл повторил это громче, потом почти крикнул, а не получив ответа, попробовал по-английски. Когда и это не сработало, Майкл разозлился и развесисто обругал человечка по-ирландски, и только тогда тот обернулся, посмотрел ему прямо в лицо и пропал с глаз долой.

Потеряв от удивления дар речи, Майкл несколько минут глядел в пустоту, а потом скоренько направился на кухню. Там за едой он рассказал о своем приключении, но оно не вызвало особого интереса у остальных, за примечательным исключением — одна из девушек, служанка, покачав головой, вышла из комнаты, но на пороге оглянулась и бросила через плечо:

— Маленький такой человечек? Ну да, я его частенько вижу.

А несколько дней спустя Майкл вернулся в Туромин и никогда больше об этих делах не слышал.

ЭЛЬФ С МАУНТ-ЛЕЙНСТЕР

Следующая история произошла в графстве Карлоу, где находится большая гора Маунт-Лейнстер, она возвышается в месте, которое на всю округу слывет волшебным, говорят, эльфы и феи там так и кишат. Согласно древним преданиям, они всегда водились на склонах горы, на холмах у ее подножия и в каменистых, поросших кустарником полях, которые простираются вокруг нее, и обладали в этих местах особым могуществом.

Одна умная женщина — сейчас она работает в Дублине сиделкой — родилась и выросла в этом романтичном месте. Ее родня владеет довольно крупной фермой у небольшой деревушки Кранах, что находится в трех милях от ближайшего городка, Борриса. Когда ей было около девяти лет, ей довелось увидеть эльфа при очень интересных обстоятельствах, и этот случай она не забыла за все эти годы и сегодня

Мальчик-с-пальчик. Иллюстрация из книги XVIII в.

помнит его так же четко, как и в тот вечер, когда он произошел, а было это тридцать пять лет назад.

Это случилось в ноябре, она как раз отправилась в поле, чтобы пригнать домой отцовских коров. Эта забота часто выпадала на ее долю, когда братья были чем-то заняты. Ей нужно было пройти достаточно далеко по узким и извилистым тропинкам, где местами лежала непроходимая грязь, на поле у подножия горы, поросшее редкой жесткой травой, где паслись их коровы. Тропинка заканчивалась у поля, которое окружал высокий поросший травой вал, а за ним — широкая и глубокая канава. Было четыре или пять часов вечера, когда она добралась до ворот, и слегка моросило. Синие осенние сумерки уже начинали собираться в ямах и низинах этой холмистой местности. Но было еще достаточно светло, до темноты было еще далеко и можно было ясно видеть предметы в пятидесяти ярдах от себя и больше.

Придя на поле, она открыла ворота, отступила и пропустила коров. Обычно к этому времени они уже толпились у ворот, желая поскорее покинуть холод, сырость и скудную осеннюю траву и вернуться в тепло и уют коровника. Но сейчас у ворот стояли только четыре коровы, остальные сгрудились в двадцати ярдах от них. Пропустив первых, она вошла на поле, чтобы выгнать остальных трех; они тут же направились к ней, и она отступила к канаве, чтобы их пропустить. Первой шла серая телка, ее любимица, она была уже в шагах четырех от девочки, как вдруг в дальнем конце поля появился эльф. Он выглядел юным и бодрым и шел быстро, будто спешил куда-то, хотя и не со всех ног. Он прошел перед коровами, очень близко, и корова тряхнула головой, попытавшись боднуть его. На это он обернулся, посмотрел на нее дружелюбно и по-хозяйски и легко похлопал ее по носу ивовым или вербным прутиком, который нес в правой руке.

Потом быстро, но внимательно посмотрел на девочку, почти задел ее, проходя мимо, а потом взобрался по краю канавы и исчез, скользнув прямо в земляной вал. Он ушел сквозь землю, казалось, с такой же легкостью, с какой человек проходит сквозь дым от костра.

И хотя было немного туманно и моросил дождь, девочка хорошо рассмотрела незнакомца. Ростом он был около четырех с половиной футов, на голове — черная шапка, впереди поля загнуты наверх, вроде зюйдвестки, но аккуратнее, из более тонкого материала и плотнее сидевшая на голове, ярко-красная куртка, застегнутая на все пуговицы, и желтые клетчатые штаны, которые были ему, кажется, маловаты. Прутик он, скорее всего, сорвал недавно, потому что на конце оставалось еще несколько свежих зеленых листьев.

Естественно, девочка была удивлена и взволнована, и не только его видом, но и тем, как он исчез. Коровы уже вышли на тропинку, и она осталась на поле одна, так что ей оставалось только закрыть ворота и гнать стадо домой. Дома за чаем она рассказала о своем приключении, но особого сочувствия у родителей не встретила, а братья над ней посмеялись. Несмотря на все насмешки, она никогда ни на минуту не сомневалась в реальности увиденного.

ЛЕПРЕХУН

Очень похожий случай выпал на долю доктора родом из Фоксфорда, небольшого городка на берегу реки Мой в графстве Майо; в этой реке ловятся лучшие в нашей стране лососи. В летнюю жару городские мальчишки купались в большой заводи на реке, недалеко от живописных порогов. Но так как некоторые из старших мальчиков слишком увлекались шумными играми и нередко толкали мальчиков

помладше в середину заводи, где они не доставали ногами до дна, мой знакомый, ему тогда было девять лет, и еще один мальчик, может быть, на год старше, избегали их и ходили купаться в небольшую заводь, которую они обнаружили на реке, стекавшей с гор Окс к востоку от города. У подножия холмов на холмистом лугу, где было полно валунов, кустов утесника и искривленных ветром терновых деревьев, находился пруд, где в самом глубоком месте мальчикам было по плечи. Его почти закрывали заросли колючей сливы, так что мальчикам он подходил идеально.

Однажды ближе к вечеру мальчики вволю накупались, а потом гонялись друг за другом по берегу, пока не высохли. Они оделись и зашагали к дому, наслаждаясь хорошей погодой.

Не успели они пересечь луг, как мой знакомый заметил, что кто-то маленький юркнул за валун слева. Он сказал об этом спутнику, который предположил, что это воронье пугало крутится на ветру. Но мой друг бы уверен, что это было живое существо, и, поддавшись собственному любопытству, он пошел к этому валуну, чтобы все выяснить. И каково же было удивление мальчиков, когда, обогнув валун, они увидели маленького человечка ростом около четырех футов. Волос его из-под шляпы не было видно, на нем была черная куртка без воротника из какой-то хорошей блестящей ткани. Лицо у него было широкое, чисто выбритое, если не считать кудрявых темных бакенбард с проседью, которые соединялись на подбородке в аккуратную бороду.

Человечек стоял прямо перед ними и чрезвычайно дружелюбно улыбался. Улыбка у него была добродушная, обезоруживающая, он мальчикам понравился, но все же они испугались, потому что им было ясно, что он из волшебного народца, лепрехун, житель другого мира, незнакомец, от

которого надо бежать как от огня. Так что, оправившись от первого изумления, которое на несколько минут приковало их к месту, мальчики со всех ног бросились прочь, будто за ними гнался сам дьявол. Они бежали, пока совсем не выбились из сил, пока холмы не остались далеко позади и пока они сами не оказались в безопасности, в городе, среди людей.

ШИ С КЛОНМИЛЛАН-ХИЛЛ

Далее рассказ пойдет о совсем другом существе. Его можно было бы назвать скорее призраком, чем духом стихий, но, принимая во внимание все обстоятельства, все-таки осмелимся утверждать, что они никогда не были людьми, но полностью принадлежат миру эльфов и фей. На сей раз рассказчик — мистер Гоурэн, сегодня он — процветающий дублинский лавочник, но родом из Оффали. Этот случай произошел в 1901 году, когда ему было десять лет.

Семья мистера Гоурэна жила тогда в маленьком провинциальном городке Эденберри. Однажды в мае, когда цвели примулы и все в природе говорило о приближающемся лете, он и его школьный приятель, восьмилетний Джек Гули, отправились на прогулу около четырех часов пополудни. С ними пошли две девочки девяти лет — старшая сестра Джека Мэри и ее подружка Мэгги Грэхан, все вместе они гуляли по дороге, ведущей на север, в Маллингар. Дети прошли примерно милю, девочки отстали и свернули направо на тропинку, которая довольно круто поднималась вверх к холму Клонмиллан-Хилл. Там была ферма, где жили тетя и дядя Мэри и где девочкам обязательно дали бы поесть и передохнуть. Им велели принести оттуда домой пахты, нужно было печь хлеб.

Про Клонмиллан-Хилл давно говорили, что там водятся духи, и не только малые ши-ог, но и Великие ши. Несколько лет назад кто-то распахал небольшое Кольцо фей (когда грибы растут кольцом), а может быть, форт, отчего в округе пошли толки, большинство осудили эту выходку как бессмысленный и опасный вандализм. Несколько лет спустя этот человек неожиданно умер. Ферма находилась на склоне холма, на полдороге к вершине, но на дальнем склоне, и дорога к ней сначала шла все прямо и прямо, а потом поворачивала налево, к дому.

Девочки и половины пути не прошли, когда мальчики, которые не успели еще далеко уйти по Маллингарской дороге, услышали их крики. Парнишки оглянулись и увидели, что девочки остановились и завороженно смотрят в поле справа от себя. А через мгновение девочки развернулись и со всех ног припустили обратно. Добежав до дороги, девочки подошли к воротам того же поля уже с другой стороны и опять стали смотреть за ограду. А затем принялись взволнованно размахивать руками и звать мальчиков. Те были уже в тридцати или сорока ярдах, но быстро пробежали отделявшее их расстояние, и не подозревая, какое поразительное зрелище их ожидает.

Когда они присоединились к девочкам у ворот и заглянули на поле, то к своему величайшему удивлению увидели примерно в сорока ярдах несколько темных силуэтов в рост человека, которые стояли, образуя круг диаметром около десяти ярдов. Черные плащи или покрывала укрывали их с головой и ниспадали до самой земли, а может быть, и уходили под землю, потому что там, где они касались травы, не было видно ни складки, ни промежутка. Фигуры стояли так плотно, что касались друг друга плечами, и невозможно было разглядеть, что находится в центре круга. Они были непод-

вижны, даже складки их одежд не колыхались на ветру. Головы они держали прямо. Мистер Гоурэн настаивает, что плащи у них были не из шерсти, а из какой-то более тонкой материи. Причем даже не из шелка, потому что не поблескивали на солнце.

Еще одна удивительная деталь — центр круга, который образовывали неизвестные, был закрыт черной тканью примерно на уровне их плеч, а на этом постаменте возвышался ящик, или, хотя в тот момент детям это и не пришло в голову, гроб — и он тоже был покрыт этой загадочной черной тканью, она плотно облегала ящик, позволяя хорошо разглядеть его очертания. Крышка ящика возвышалась примерно на фут над головами незнакомцев. А на крышке этого ящика лежала старая ирландская волынка. Мистер Гоурэн до сих пор отчетливо помнит эту картину и может даже описать, как именно эта волынка лежала. У нее было три басовых трубки, каждая около трех футов в длину, и одна из этих трубок лежала как раз в его сторону. Мех и мундштук свисали с другой стороны ящика. Трубки были необычной формы и толщиной в руку взрослого мужчины.

Несколько минут дети неотрывно смотрели на это любопытное зрелище, а потом заметили Дэна Джексона, владельца поля, и его восемнадцатилетнего сына, которые шли с дальнего поля, отделенного от этого неширокой канавой. Казалось, они направляются к этим странным фигурам, но потом стало ясно, что они не замечают ничего необычного, и, пройдя в шести футах от загадочной группы, взрослые как ни в чем не бывало подошли к воротам.

Испугавшись, что им станут задавать неприятные вопросы, и встревоженные увиденным, дети припустили в сторону города, как только мужчины приблизились к воротам. Но мальчики, которые были все же смелее девочек, через

несколько шагов опять взглянули за ограду. Они шли уже вдоль соседнего поля, так что им пришлось смотреть сквозь две ограды, но они нашли просвет между досками и разглядели, что непонятные фигуры все еще неподвижно стоят, но сам круг отодвинулся ярдов на десять дальше и был теперь ближе к канаве между двумя полями, как раз там, где недавно прошел хозяин поля со своим сыном.

Кто были эти жутковатые неподвижные фигуры и что означала эта волынка на задрапированном сундуке? Девочки в первый раз увидели их выше на холме и вскрикнули. Они в страхе бросились к дороге — и застали там ту же картину, перед ними оказались определенно те же самые фигуры, только на другом поле.

Другие люди в округе тоже видели нечто подобное, но такое случалось раз в несколько лет. И рассказы об этом все еще ходят по соседству. Но только много лет спустя, уже юношей, мистер Гоурэн услышал от своего дяди, что тот тоже видел эти странные фигуры, за несколько лет до того, как они явились детям. Местные жители считают их не привидениями, а духами, обитателями холмов, и, кажется, они правы. Полагали даже, что они принадлежат к эльфийскому войску, может быть, даже слуги Бэла, великого кельтского божества, в честь которого жгут костры в мае (правильнее называть его Белтейн), и что они оплакивают смерть какого-нибудь необычного кельтского волынщика, который знал эльфийские напевы и играл для волшебного народа. Как бы там ни было, их разумнее счесть фейри, чем привидениями.

КИЛЛИДЕНСКИЕ ФИГУРЫ

Известен похожий случай, он произошел с одним моим знакомым лет двадцать назад, недалеко от моего дома. Знакомого этого зовут Майкл Шихи, и в то время он учился

торговле и бухгалтерии, потому что собирался занять пост менеджера в одном магазине. Январь выдался морозным, и Шихи с одним другом работали допоздна над годовыми отчетами в небольшом городке под названием Килтимах. Наконец, ближе к полуночи, они закрыли свои бухгалтерские книги и отправились домой, куда надо было пройти четыре мили пешком; до самых ворот Киллидена им было по пути. Молодые люди бодро шагали вдвоем светлой и холодной ночью и вскоре пересекли мост, за которым начинались земли Киллидена. Как раз там, где начинаются земли арендаторов, сразу за демоническим деревом (описанным в следующей главе), от дороги ответвляется дорога поменьше, широкой петлей обегает вокруг поместья и в конце концов приводит к воротам, от которых тянется аллея. Но, приблизившись к этой точке, мужчины застыли как вкопанные, исполненные недоумения и ужаса, потому что как раз на перекрестке заметили три странные неподвижные фигуры.

Эти трое выглядели действительно необычно, они были высокого роста и одеты во все черное. Незнакомцы стояли близко друг от друга, небольшим кругом или треугольником, лицом друг к другу, опустив руки по сторонам туловища и склонив головы, будто в сильном горе или глубокой задумчивости.

Помешкав немного, молодые люди собрали в кулак всю свою смелость и прошли мимо этих мрачных фигур, но постарались держаться от них как можно дальше, по самой обочине дороги. А затем они поспешили дальше и расстались у ворот в поместье. Потом друг пошел прямо, а Шихи — его семья на протяжении нескольких поколений была одними из самых уважаемых арендаторов нашего поместья — пошел как можно быстрее по алее мимо конюшен, затем по задней аллее и вышел на дорогу, которая вела к его дому.

Подойдя к воротам на эту дорогу, он в страхе замер, потому что за ними на дороге стояли те же самые загадочные фигуры, которые он только что видел. Они не поспели бы туда с места их прошлой встречи даже бегом, но все же они стояли перед ним в тех же странных позах. Это была единственная дорога домой, и потому Шихи опять, стараясь держаться от них как можно дальше, пробежал мимо и понесся к дому со всех ног.

ШИ ИЗ ЛИС АРДЕН

По-моему, самое потрясающее в этом рассказе как раз то, что раньше никто этих фигур не видел, насколько мне известно. Ближе всего к этому событию одна история, которую рассказал старый Мартин Бреннан, вот уже много лет как покойный, когда я был еще ребенком. В те благоприятные дни он был главным садовником Большого дома и я всегда был его любимцем. Он рассказал мне, как однажды летним вечером, когда он работал снаружи — на одном из полей недалеко от Лис Арден, известной эльфийской крепости, — он поднял глаза вверх и увидел на земляном валу десятка два или больше эльфов, все ростом с человека. Их женщины были по большей части молоды и красивы. У каждой на голове было покрывало. Мужчины были в красных и коричневых камзолах, некоторые без шляпы, с взъерошенными волосами, другие в небрежно сдвинутых колпаках. Но у всех у них, и у мужчин и у женщин, взгляды были такие пронзительные, что, казалось, даже оттуда, на расстоянии шестидесяти ярдов, они видят Мартина насквозь. В общем, он предпочел оставить в покое кусты, которые косил, и отправиться на ближайшую ферму в поисках людского общества.

ХЕЙТОРСКИЙ ПИКСИ

Одна из самых очаровательных историй подобного рода произошла в Англии, с миссис С. Вудс и ее сыном в июне 1952 года.

Они с сыном приехали тогда в Нью-Эббот. Ей в первый раз довелось провести отпуск в Девоншире; стояла прекрасная теплая погода. Болота завораживали ее, и хотя она знала, что многие считают их мрачными, холодными и пустынными, ей они казались живыми, и она проводила на болотах много времени. В тот день, о котором идет речь, миссис Вудс было на редкость жарко; они с сыном взошли на вершину Хейтора, но ей почему-то захотелось спуститься и вновь подняться на него одной. Сын прилег под большой валун на вершине и предостерег ее не сходить с тропинки, чтобы не угодить в трясину. Миссис Вудс пообещала быть осторожной и отправилась в путь. Спуститься вниз не составило особого труда, хотя руки у нее обгорели на солнце, но дорога обратно на вершину отняла у нее некоторое время. И каждый раз, как ей попадался большой камень, она присаживалась отдохнуть. Дорожка была с двух сторон выложена крупными булыжниками через равные промежутки вверх по крутому склону, а на вершине виднелись два очень больших камня.

Миссис Вудс оставалось пройти только четверть пути обратно на вершину, как вдруг она увидела невысокого человечка. Он стоял, прислонившись к одному из этих валунов. Человечек сделал шаг вперед и, казалось, наблюдал за ней, прикрыв глаза от солнца рукой. Он был всего в пяти или шести ярдах от первого из тех валунов, каких множество на Хейторе. Миссис Вудс внимательно вглядывалась в

него в некотором замешательстве. Она немного испугалась, потому что по дороге как раз размышляла, правда ли, что некогда в этих болотах жили люди и действительно ли они устанавливали гробы своих любимых на крупных валунах, а если так, то не в обиде ли этот человечек на нее за то, что она отдыхала на этих священных камнях.

Миссис Вудс всмотрелась в даль в поисках сына и задумалась, стоит ли ей продолжать путь. Наконец она все-таки решилась и была уже ярдах в сорока от человечка, когда он неожиданно развернулся, нырнул под булыжник и пропал с глаз. И тем не менее женщина подальше обошла это место, чтобы он вдруг не вздумал на нее прыгнуть, и благополучно добралась до вершины, к своему сыну. Он, конечно же, только рассмеялся, когда она рассказала ему эту историю. Но миссис Вудс все-таки уговорила сына спуститься с ней вместе и посмотреть, не встретится ли им опять тот же человечек. И они направились туда, где она его встретила. За валуном не было ни норы, ни трещины,

ни кустов, только низенькая травка, так что спрятаться человечку было негде.

— Это не было кратким видением,— рассказывает миссис Вудс,— я довольно долго смотрела, как он там стоял, и никак не могла понять, что это. Сначала я не разглядела, что это человечек, мне показалось, что это какой-то зверек, и только когда подошла ближе, а потом остановилась, я сказала себе: «Это никакой не зверек, это человек в коричневом костюме». Я не сомневалась в этом ни тогда, ни сейчас.

Она описывала человечка очень подробно. Он был одет в свободную коричневую рубаху, подпоясанную веревкой или чем-то вроде этого. Рубаха доходила ему почти до колен, и ноги его тоже были покрыты какой-то коричневой тканью. На голове у него была простая коричневая шапка, а может быть, у него просто были коричневые волосы. Он был, похоже, около четырех футов ростом и скорее пожилой, чем молодой.

ЭЛЬФ ИЗ УИКЛОУ

А еще одна недавняя «встреча» с эльфами произошла с одной очаровательной и умной девушкой, которая живет в графстве Уиклоу. В июне 1951 года они с сестрой, еще подростками, шли по тихой сельской дороге, как вдруг прямо перед ними откуда ни возьмись появился маленький человечек. Он стоял в нескольких футов от старого тернового дерева, которое росло на невысоком валу вдоль дороги. Человечек спокойно, но очень внимательно смотрел на них; девочки остановились в крайнем изумлении и только хлопали глазами в ответ. Он был двух или трех футов ростом, одет весь в черное, с черной шляпой на голове и был скорее молод, чем стар. Одна девочка сказала другой:

— Боже, сохрани, это же эльф.

А другая ответила:

— Боже, спаси нас, так оно и есть.

Они перепугались, дрожащими руками открыли ворота, около которых как раз стояли, и побежали в поле. Как хорошо воспитанные деревенские девочки, они машинально закрыли за собой ворота, а человечек все это время внимательно за ними наблюдал. Затем они помчались со всех ног прочь, но через некоторое время оглянулись посмотреть, видно ли еще этого человечка. Его видно не было, но вместо этого они разглядели нечто любопытное, по форме и размеру больше всего похожее на обычные жестяные кухонные часы, которые кто-то пристроил на перекладине ворот. Девочки продолжили путь, стремясь скорее попасть под защиту родного дома.

Интересно отметить, что сначала сестры не испугались, а только очень удивились, и только несколько мгновений спустя, когда они осознали, что столкнулись со сверхъестественным существом, любопытство сменилось страхом. И еще этот занятный предмет на воротах. Он не мог не иметь какой-то связи с эльфом, но я ума не приложу, что это и каким образом он относится ко всему происшествию. И хотя в тот момент уже было почти десять часов вечера, но было еще достаточно светло и девочки все отлично видели в начинающихся сумерках.

Еще раньше моя знакомая видела эльфа в лесу недалеко от дома, но тот был одет в ярко-красный камзол. И в том же лесу ей как-то случилось услышать музыку эльфов, кто-то красиво играл на флейте какую-то веселую мелодию. Прямо сейчас, когда я пишу эти строчки, передо мной лежит письменный рассказ об этом происшествии, подписанный ею лично.

ДУХ В КАМИНЕ

Народные поверья полностью поддерживают некоторые современные исследования, согласно которым кроме лесных духов существуют еще и домашние, и, если обратить внимание на то, что они носят древние имена, становится понятно, что существуют они испокон веков. Так, например, в Ирландии есть клуриканы, маленькие домашние духи, которые сидят в камине около крюка для котелка и присматривают за кухней, а иногда даже прибираются там по ночам.

Вот случай, который, несомненно, относится к ним. Это произошло, как ни странно, в Вондсворте, районе на окраине Лондона. Девочка, которую мы назовем Викки, даже в том юном возрасте была страстно увлечена танцами. Она уже начала учиться танцевать и теперь повторяла выученные движения и придумывала новые танцы каждую свободную минуту. А в то время у них гостил друг семьи, доктор Хамильтон. Малыши звали его Хамперум, потому что правильно выговорить его имя они не могли. Доктор Хамильтон был хороший пианист и очень любил детей. Однажды вечером зайдя в гостиную, он нашел там Викки, она старательно разучивала танцевальные па. Чтобы ее поддержать, он сел к пианино и сыграл музыку, под которую ей легко было бы танцевать известные ей танцы или просто импровизировать от души. На девочке было коротенькое белое платьице, и доктор Хамильтон был очарован тем, как передвигаются по ковру ее маленькие ножки, с какой естественной и скромной грацией она движется, как ритмично кружит по комнате ее худенькая фигурка. Но через некоторое время ему все же пришлось уйти по своим делам, и он оставил малышку одну.

Но Вики совсем не огорчилась и продолжила старательно заниматься в одиночестве. Потом она устала, остановилась и, стоя у пианино, оглядела комнату. Было начало лета, и, хотя горничные положили в камин уголь, огонь еще не разжигали и разожгут только к вечеру, когда станет прохладно. А может, и вообще обойдутся без огня. Но когда девочка взглянула в камин, который находился в дальнем конце комнаты, она преисполнилась восхищения и слегка испугалась, увидев, что на круглых кусках каменного угля, сложив ноги по-портновски, сидит маленький человечек с довольным лицом. Он прекрасно помещался в камине и, казалось, был раза в два ниже обычного ребенка.

Викки сразу подумала: «О, Хамперлум принес мне куколку, как мило! Я такой еще никогда не видела».

Она медленно на цыпочках пересекла комнату. Но когда малышка подошла уже к самой каминной решетке и протянула ручки, чтобы взять чудесный подарок с поблескивающих угольев, она внезапно замерла, как околдованная. Человечек, одетый в зеленый костюмчик и с зеленой шапкой на голове, улыбнулся ей и несколько раз кивнул головой — она в жизни не видала такой дружелюбной и приятной улыбки. Но, сделав этот дружественный жест, он вдруг совершенно неожиданно исчез.

Сначала бедная Викки чуть не расплакалась от обиды и разочарования, а потом немного успокоилась, потому что у нее возникло чувство, что человечек все еще где-то рядом и настроен все так же дружелюбно. Девочка сразу же полюбила его всем сердцем. Она так никому о нем и не рассказала, держала в тайне ото всех и считала своим любимым секретом. И только повзрослев, Викки рассказала об этом случае нескольким близким друзьям. Думаю, в заключение лучше всего будет процитировать слова самой Викки, кото-

рыми она закончила свое письмо: «У меня и сейчас перед глазами как живой стоит этот человечек. Я точно знаю, что это был маленький пикси, причем это был хороший пикси, потому что он меня порадовал».

Вот несколько примеров из первых рук о том, как с духами и эльфами сталкивались люди разумные, на которых можно положиться, и за единственным исключением все эти люди живы до сих пор и готовы в любой момент подтвердить правдивость своих слов. Эльфы и феи — это романтические и дружелюбные существа, которые просто делают нашу жизнь интереснее. Некоторые из древних отцов церкви учили, что все эти существа — падшие ангелы, но пали они в разной степени, некоторые непоправимо погрузились в пучину зла, некоторые — совсем немного отдалились от неба. Очевидно, этот милый и безобидный народец — из тех ангелов, что будто и не покидали неба.

ВОЛШЕБНЫЕ ДЕРЕВЬЯ

За исключением рэтов, данов и лиссов (raths, duns and lisses) — легендарных крепостей эльфов и фей, — ничто в Ирландии не ассоциируется так с диковинным народцем, как определенные виды деревьев. Стоит только отправиться подальше от большого города, как сразу же наткнешься на какой-нибудь одинокий терновый куст посреди поля. И вам сразу же скажут, что этот терновый куст находится под защитой фей; однако с этим деревом связано слишком много широко распространенных недоразумений и неточных обобщений, которые проникли в рассказы и местный фольклор, если в дело вмешиваются люди, недостаточно

близкие к земле и ее жителям, чтобы отличить правду от вымысла.

Так, например, считается, что только боярышник является священным деревом эльфов и фей и что любой куст боярышника, что растет сам по себе посреди поля, уже будет «волшебным деревом». Более того, многие люди включают в эту категорию все боярышники, даже те, что растут в живой изгороди, если только они достаточно крепкие и древние на вид; но боярышник, хоть и очень популярен у волшебного народа, никоим образом не обладает монополией на волшебное покровительство и делит эту честь с некоторыми другими породами деревьев. В Ирландии его соперниками являются, в порядке убывания, орешник, терн, бузина, ива, ольха, ясень, падуб, береза, дуб (особенно кривые и изогнутые горные дубы), ракита и сосна, а также, по известным мне как минимум двум случаям, — рябина или горный ясень, несмотря на то что вообще-то о них обычно упоминают в связи с белой магией. А кроме всего перечисленного, нужно уделить важное место и амброзии пыльнолистой, с ее золотистыми цветами, хотя это и не дерево, а скорее куст. А в Шотландии почитают еще можжевельник и плющ, но в Ирландии я о них не слышал.

Орешник, один из самых важных деревьев, почитается с древних времен. И истоки этого почтения следует искать в древней ирландской мифологии. В те времена лесной орех символизировал собой знание, как сейчас — райское яблоко. Так что неудивительно, что считается, будто древние ирландские боги и духи до сих пор уважают его и заботятся о нем. Что касается остальных деревьев, то феи и эльфы балуют терн, потому что это одно из самых очаровательных деревьев ирландской провинции, особенно ранней весной, когда облака ярких белых цветов так резко

Волшебный холм. Средневековый рисунок.

контрастируют с его черными ветвями, на которых еще не распустились листья; а крепость его ветвей вошла в поговорку.

Бузина, которую зачастую считают просто сорной травой, тоже обладает массой полезных качеств и достойна всяческого уважения. И вправду сказать, ее листья, ягоды и так далее больше используются в народной медицине, чем любое другое растение или дерево. А еще из бузинных ягод получается славное вино, и зимой они просто манна небесная для небесных созданий, которых так любят эльфы и феи, — для птиц. Ива тоже издавна служит человеку — она дает нам корзины и короба и помогает укрывать крыши тростником и соломой, да и сами эльфы и феи — мастера плести из ивовых прутьев. Ольха — одно из тех деревьев, на которых по весне появляются сережки, она лучше всего противостоит воде и гниению, и в старину жители озер очень зависели от нее. В волшебном мире фей и эльфов ее защищают чудесные белые кони, которые выходят из озер и речных заводей.

Теперь — дуб, терновник и ясень. Нужно ли говорить еще что-нибудь, ведь Киплинг очень хорошо знал тот мир, о котором написал в «Паке из Страны Холмов». Но когда они вот так собраны вместе, то связаны скорее с колдовством и ведьмами, чем с феями и эльфами. Береза и ракита сами по себе красивые деревья, и когда они вырастают в подходящем месте, случается, феи берут их под свою защиту. Шотландская сосна, с ее красивыми голубоватыми иглами, что так гармонично сочетаются с ее пурпурной корой, всегда радует глаз, и одиноко стоящее, открытое всем ветрам дерево или несколько деревьев могут послужить феям приютом. Рябина — тоже красивое дерево, и я никак не могу понять, каким образом она приобрела репутацию врага волшебного народа; многие века ее использовали, чтобы защитить себя от ведьм и их заклятий, да и вообще от любых духов. И тем не менее мне известно, что в Норт-Клейр есть одна рябина, которую местные жители считают волшебным деревом. И стоит упомянуть еще несколько рябин, которые растут рядом друг с другом на восточном склоне гор Голти, — существует поверье, что около них обитают очень зловредные демоны.

Феи и эльфы довольно прихотливы в выборе любимых деревьев, и каждый раз очень большое значение имеет, где именно растет то или иное дерево. Упало ли семя в землю естественным путем или было посажено намеренно сверхъестественным путем специально для нужд волшебного народа — никто из смертных сказать не сможет, да и каким бы ни был ответ на этот вопрос, он не имеет особого значения. Но тем не менее существует немало знаков, которые помогут заинтересованному человеку понять, а в некоторых случаях и недвусмысленно укажут, которое из деревьев действительно пользуется благосклонностью эльфов и фей, но

последнее слово все равно остается за местными преданиями. Если любое из вышеперечисленных деревьев вырастет внутри или, более того, на валу, окружающем рэт или дан (rath or dun), можно с большой долей уверенности сказать, что оно находится под защитой волшебного народа.

Если дерево растет внутри волшебного круга (fairy ring), можно также смело поручиться, что оно имеет для фейри определенную важность, и то же самое относится к терну или боярышнику, орешнику, бузине, падубу или раките, которые растут очень близко к такому кольцу или на каменистом лугу с жесткой травой, у большого валуна или источника — это даже еще более верный знак. Одинокий терновник, растущий на заброшенном каменистом лугу или на крутом склоне, скорее окажется под защитой, чем, скажем, тот же терновник, но на гладком и ухоженном поле. Конечно, одно то, что юное растение преодолело опасности, которыми грозит ему пасущийся скот, жара и мороз, засуха и наводнение, плуг и лопата, тоже может говорит о некоей волшебной помощи — но совсем не обязательно, и маленький народец интересуется далеко не всеми одинокими деревьями на земляных валах и в заброшенных полях.

ВОЛШЕБНЫЙ ТЕРНОВНИК КИЛЛИДЕНА

Существует семь эльфийских крепостей недалеко друг от друга. Одна из них — Лис Арден — представляет собой идеальный круг, расположенный на вершине крутого холма, где растет густая березовая рощица, которую видно издалека, и молва об этой крепости разошлась повсюду. Рафтери, слепой ирландский поэт, пел о ней и еще об одной крепости, недалеко от которой он жил, — о крепости Ард Рай. На северной стороне земляного вала, окружавшего крепость,

росло терновое дерево, и сама природа придала ему причудливую форму: ветви начинались в четырех футах от земли и росли горизонтально, аккуратно, ровным кругом, так что дерево со стороны напоминало точильный камень в четыре фута высотой и более фута толщиной. Эльфы и феи, несомненно, проявляли к нему большой интерес.

Один из жителей решил что это маленькое дерево прекрасно украсит парадный вход в его дом. Но когда он попробовал его пересадить, то натолкнулся на непредвиденные препятствия — ни один из местных не соглашался прикасаться к дереву. Не обращая внимания на все дурные предсказания, он мужественно взялся за дело и самостоятельно пересадил терновник.

Это случилось в 1854 году, и с самого начала деревце успешно прижилось на новом месте и до сих пор прекрасно себя чувствует. Уж не знаю, можно ли назвать это случайным совпадением или нет, но следующие несколько лет дела у этого человека пошли не очень хорошо, и в результате череды ничем больше не объяснимых неудач он потерял много скота и денег. Были и другие события, которые народ приписывал истории с деревом. И сейчас в округе бытует стойкое мнение, что терновник следует пересадить обратно на исконное место. Но сомнительно, чтобы такое мероприятие прошло удачно, принимая во внимание почтенный возраст дерева.

За последние несколько лет на ветвях этого дерева поселились крапивники и малиновки — а обе эти птицы считаются любимцами волшебного народа, — они растят там своих птенцов с жизнерадостным нахальством. А пару лет назад малиновки окончательно вытеснили крапивников, и последние имели дерзость свить гнездо в кустах жасмина, что тянутся по козырьку в нескольких дюймах выше вход-

ной двери. И теперь если кто-нибудь вздумает задержаться на пороге, а тем более закурить там, родители-крапивники начнут порхать вокруг эльфийского дерева и невысокой садовой стены по другую сторону двери, возмущенно щебеча и чирикая, пока у человека недостанет такта отойти в сторону.

На склонах Лис Ардена растут еще три почтенных дерева, которые достоверно принадлежат феям и эльфам; а под старым развесистым дубом у подножия холма, по слухам, несколько раз в год в определенные дни собираются и танцуют эльфы и феи.

ДЕРЕВО ДЕМОНОВ

Не только феям и эльфам принадлежат наши деревья, бывает, что их присваивают себе более зловредные и опасные существа — духи стихий и демоны, которые несут страх и боль тем, кто навлекает на себя их неудовольствие, либо тем, кто по глупости приближается к ним слишком близко.

Есть дерево, которое растет в особенно зловещем месте. На самом деле там три дерева — два терновника и бузина, но они выглядят единым целым, потому что их прямые стволы растут на расстоянии не более двух дюймов друг от друга, почти соприкасаясь, а ветви плотно переплелись в одну общую крону. Вокруг этих стволов растут несколько кустов шиповника, которые пронизывают крону деревьев и добавляют свои мелкие и острые, как зубы, шипы к и без того колючим ветвям, так что проникнуть в глубину этих зарослей могут только мыши да маленькие птички. Это дерево растет в ложбине на неплодородном поле, футах в тридцати от узкой сельской дороги, так что, проходя мимо, обязательно бросаешь на него взгляд.

Его оберегают три злобных демона, которые после наступления темноты бродят по этому отрезку дороги. Ходят зловещие рассказы о запоздалых путниках, которых так сильно хватали здесь за руки, что отметины держались еще несколько дней, или же им слышался нечеловеческий смех, от которого кровь стыла в жилах, или злобное шипение, будто рядом притаилась огромная кошка, а иногда им даже являлись в темноте смутные фигуры самого чудовищного вида.

ПРИДОРОЖНЫЕ ВОЛШЕБНЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Вот два рассказа о том, как злые демоны селились на терновых деревьях, растущих неподалеку от оживленной дороги. К югу от дороги, которая идет от Килтимаха на запад, мимо кладбища, в сторону Балла, растут два терновых дерева, и об этих деревьях идет дурная слава. Первое из них растет на земляном валу, чуть более чем в двухстах ярдов от города, а второе — значительно дальше, в поле, сразу за валом.

Около пятидесяти лет назад нашим приходом управлял, причем довольно своевольно, некий человек с твердым характером и выдающимися способностями. Его звали отец Дэнис О'Хара, он искренне любил бедных и сделал им немало добра, но из-за своих резких и несколько насильственных методов ему не раз случалось наносить обиды и трепать людям нервы. В 1908 году мистер Бартон, деловой человек, живший недалеко от города вот уже несколько лет, по разным поводам несколько раз столкнулся с отцом О'Хара и в целом уже чувствовал к нему довольно сильную неприязнь. Мистер Бартон умел говорить прямо и резко, если задеть его за живое.

Однажды вечером мистер Бартон долго и обстоятельно обсуждал в городе свои беды, причем говорил пылко и с жаром, а потом, выпив еще стаканчик «на посошок» направился домой. Ему нужно было пройти около мили, потому что дом, где он жил, находился за кладбищем на дороге в Балла, но очень скоро он встретил знакомого и остановился поболтать. Стоял погожий летний вечер, погода была безветренная, и ни один лист не шевелился на деревьях, пока они стояли и разговаривали под первым из деревьев, о котором я говорил. Очень скоро разговор зашел о личных огорчениях мистера Бартона и тот очень прямо высказал все, что он думал о достойном священнике. Но, не добившись от своего знакомого сочувствия, которого, по мнению мистера Бартона, он заслуживал, он наконец пришел в негодование и в конце концов воскликнул:

— Да хоть бы сам дьявол пришел и унес его к себе в ад!

И в тот же миг ветви терновника над их головами зашелестели, как от внезапного порыва ветра, мужчины обернулись и увидели, что дерево клонится почти до земли и страшно раскачивается под напором урагана, который с ревом трепал его ветви, и тем не менее они сами не почувствовали даже малейшего ветерка, и воздух был все так же тих и неподвижен. Как только мужчины поняли, как непостижимо то, чему они только что стали свидетелями, они тут же поспешили распрощаться, и мистер Бартон направился домой, а его друг — в город.

В другой раз он отправился с другом на прогулку и через какое-то время они остановились поговорить. И вдруг мистер Бартон почувствовал сильную, всепоглощающую враждебность, которая, казалось, обволакивала его со всех сторон. Он резко обернулся в ту сторону, откуда, по его

ощущениям, исходила эта злоба, и понял, что она истекает из огромного терновника, который навис над ними.

Враждебность, ощущение страшного, опасного зла, как он это описывает, охватило его так неумолимо, что он был не в силах заговорить, не в силах даже пошевелиться. Несколько минут он пребывал в беспомощном ужасе, а потом его друг, который тоже был несколько молчалив, вдруг схватил его за руку и, пробормотав: «пойдем», вытащил его на середину дороги и быстро зашагал в сторону города. Некоторое время они шли молча, а потом его друг наконец выпалил:

— Не знаю, может, я и чепуху несу, но на меня повеяло чем-то жутким от того дерева, у которого мы стояли. Я просто не мог этого терпеть, поэтому увел тебя оттуда так неожиданно.

ТЕРНОВОЕ ДЕРЕВО НА ВАЛУ

Эльфы и феи защищают свои деревья и зачастую грозят страшными бедами тем, кто таким деревьям вредит или просто слишком близко к ним приближается. И говорят еще, что если несколько терновых деревьев, особенно если их три, растут близко друг от друга, то с ними опасно связываться, если не показать так или иначе, что признаешь их собственностью фей. И тем более если эти несколько деревьев растут так, что образуют угол, вроде латинских букв L или V.

Вот один из случаев, когда человек получил подобное предупреждение. Небольшая дорога бежит мимо дома Джона Солона от дороги к полям его фермы на земле Киллиден, с двух сторон вдоль нее тянется поросший травой земляной вал. Однажды сорок лет назад Джон решил расширить дорогу около своего дома и начал срывать часть земляного

вала. Почти ровно напротив дома на валу росло — и растет до сих пор — небольшое терновое дерево. Все шло хорошо, и Джон отвозил в сторону полные тележки земли, пока не дошел до этого дерева. И тут он вдруг почувствовал себя очень больным и ему пришлось бросить работу, но в тот момент он не задумался, что это может быть как-то связано с деревом. Через пару дней он полностью выздоровел и снова принялся за работу, начав с другой стороны участка, который хотел расширить. Через некоторое время он опять добрался до дерева, уже с другой стороны. И снова почувствовал себя плохо и вынужден был бросить работу. И так случалось еще два или три раза, пока он не сообразил, что всему причиной было то, что он собирался побеспокоить терновое деревце. Как только он это понял, Джон тут же оставил дерево в покое и никому другому не позволял его трогать. Дерево, которое к тому времени было уже старым, но еще не очень большим, начало расти и с тех пор стало значительно больше.

СЕЛЬСКАЯ БОЛЬНИЦА

Уничтожение дерева, действительно принадлежащего феям, рассматривается как смертельно опасный проступок, и люди рассказывают немало историй о том, как кого-то за такое настигало скорое возмездие, хотя бывали случаи, что от «святотатства» до неизбежной расплаты проходило несколько лет. Интересно, являются ли подобные случаи просто совпадениями, или между ними действительно есть причинно-следственная связь.

Дело было все в том же городе Килтимахе, и случилось это в 1920 году, примерно в то время, когда выдающийся священник отец Дэнис О’Хара как раз руководил паствой в

своем приходе в искреннем стремлении к ее духовному и материальному благополучию. Ему уже давно казалось, что необходимо больше делать для больных, и в конце концов он решил, что надо построить на благо живущим по соседству больницу. Он обратился к правительству и получил значительную субсидию, а потом смог без труда собрать недостающие деньги среди склонных к благотворительности членов своей паствы.

С характерной для него энергией он принялся за работу с намерением без промедления привести свой проект к удачному завершению. И вот уже был уже принят и одобрен архитектурный проект, выбрано место будущей больницы — к востоку от города, где на собранные деньги было куплено поле.

До этого момента все шло легко и гладко, без единой значительной задержки, но вот теперь все изменилось, потому что так случилось, что на купленном поле росли два одиноких терновых дерева, которые принадлежали местным феям, и как бы архитектор со священником ни старались, невозможно было уместить маленькую больницу на этом поле, не срубив одного из этих деревьев. Ни священник, ни архитектор не собирались потворствовать «этим глупым сказкам», и потому больницу разместили в наиболее удобной части луга, таким образом, что одно из деревьев предстояло срубить. Но, к собственному отвращению, отцу Дэнису, несмотря на все уважение, авторитет и любовь, которыми он пользовался в округе, никак не удавалось найти кого-нибудь, кто срубил бы дерево. Все, к кому он обращался, либо отделывались отговорками, либо прямо отказывались. Наконец он уговорил человека, который жил неподалеку от города, недалеко от будущей больницы. Это был приличный, порядочный человек. Он брался за любую случайную работу и всегда рад был помочь.

Однажды вечером, выпив несколько порций, чтобы придать себе смелости, он срубил дерево и направился по главной улице города к дому священника, чтобы сказать, что работу он выполнил. Городские парни прокричали ему вслед, смеясь, чтобы он поостерегся. Спокойно и уверенно он сказал им в ответ:

— Я вернусь, не бойтесь, и к черту ваших эльфов и фей!

Но увы, в ту же ночь с ним случился удар, от которого он так и не оправился. Около года он ходил, ковыляя, опираясь на костыли, по своему домику, без всякой надежды на выздоровление, а потом умер. Так что он действительно вернулся в город в конце концов — в гробу, по дороге к кладбищу, которое находилось по ту сторону города.

Работы же продолжались, и больница была в конце концов построена. Но так и не открылась. Самые разные препятствия возникали буквально ниоткуда, и, несмотря на все усилия, саму мысль об этой больнице пришлось оставить. Дом этот с тех пор служил казармами для гражданской полиции. А второе дерево так и осталось расти на этом поле.

Так проходит слава земная.

ПУКА

Трудно точно определить, что такое Пука, или даже просто дать этому духу подходящее название; самые разные эксперты используют разные варианты его имени, описывают его внешность и поведение по-разному. Но очень похоже, что этот дух характерен именно для Ирландии, но появляется он в самых разных обличьях, в зависимости от места, времени и даже от того, кому именно он является, — так что нам остается только удивляться. Предания о нем

распространены довольно широко, и он возникает в старинных рассказах в самых разных видах: в обличье пони, осла, собаки, лошади, быка, козла или даже орла. Но какую форму он ни принимает, он обязательно будет непроглядно черный и с огненными глазами, хотя последнее не всегда заметно с первого взгляда. Но, кем бы он ни являлся, Пука всегда принимает вид животного. Нам ни разу не приходилось слышать, чтобы он прикинулся человеком. Утверждают также, что существует родство между Пукой и английским Паком. В ирландском языке это имя определенно происходит от слова «puc», что значит «козел».

Пука известен по всей Ирландии; хотя он и добрый английский Пак носят схожие имена, в самом их характере наблюдается некоторые кардинальные отличия — ирландский Пука значительно жестче и грубее дружелюбного английского Пака, второй в худшем случае устраивает уморительные проделки, в то время как первый может, если захочет, напугать и даже причинить серьезный вред, и его поведение совсем не так забавно, как веселые проказы Пака. В «Словаре фразеологии и мифологии» Брюэра Пука описан как злой и зачастую смертоносный дух, но это — клевета на бедного ирландского духа. Конечно, Пука может быть достаточно жесток и своенравен, но, согласно рассказам, если с ним обращаться дружелюбно и уважительно, он и сам будет достаточно дружелюбен и может даже помочь в трудную минуту.

Многочисленные рассказы о Пуке, которые собрали и опубликовали Дуглас Хайд и Уильям Йейтс, больше похожи на детские сказки, основанные, возможно, на очень и очень давних событиях, которые с тех пор обросли до неузнаваемости выдуманными подробностями, чтобы детям, собравшимся вечерком у очага, было интересно эту историю

слушать. Рассказы вроде «Пука и волынщик», переведенные с ирландского Хайдом, явно относятся именно к этой категории. В этой истории Пука предстает в виде осла, тесно связан с феями и разговаривает, как человек. Еще в этой истории золотые монеты, которые получает волынщик, утром превращаются в сухие листья. Такое превращение характерно, скорее, для рассказов про ведьм, которые были распространены по всей Европе в Средние века и относятся, по всей вероятности, к глубокой древности.

В рассказе о Пуке из Килдара в «Ирландских народных сказках» под редакцией Йейтса Пука опять появляется в виде осла, но на этот раз осла очень удобного — он по ночам делает всю работу на кухне. Это больше похоже на дружелюбного клурикана или на шотландского брауни или глейстига, и ни капли не похоже на настоящего Пуку, так что это тоже не более чем детская сказка.

Иногда он появлялся в виде крепкого черного пони с косматой гривой и, что очень важно в тех случаях, когда его морду вообще удается разглядеть, с горящими глазами. Именно таким он обычно является в Ольстере, и хотя в историях, которые рассказывают по всей Ирландии, он тоже появляется именно в этом виде, мне никогда не попадалось подобного рассказа из первых рук. За пределами Ольстера все, кто утверждал, что своими глазами видели Пуку, описывали его как черного пса с очень странным хвостом — толстым у основания и быстро сходящим на нет к концу.

В виде пони Пука любит подстеречь запоздалого путника и предложить подвезти его до дома. А потом диким и устрашающим галопом по горам и по долам занести неведомо куда и сбросить в конце концов в канаву далеко от места назначения. В собачьем обличье он обычно более миролюбив, хотя может и напугать.

Пука — это ирландский дух, хорошо известный в Англии под именем Пака. В Ирландии в его характере причудливым образом перемешиваются веселье и зловредность, а его похождения дают сюжеты бесчисленным рассказам и легендам. Он часто является в виде черного пса или иногда осла. Он, судя по всему, нередко появляется в рэтах и лиссах (rath, liss), так как в стране множество старых фортов, которые называются Лиссафука или Рэт Фука. Самым известным из них является Пулафука, что в горах Уиклоу, где река Лиффи преодолевает пороги и прелестным водопадом падает в большую заводь.

А еще Пука любит дохнуть на ягоды черники в Ноябрьский вечер, как называют Хэллоуин, и потому в это время людям нельзя их есть.

Вот несколько рассказов из первых рук о том, как людям приходилось встречаться со свирепым черным псом.

МРАЧНЫЙ ПУКА

Мистеру Мартину, который успешно работал чиновником на Востоке, пока не вышел на пенсию после войны, довелось пережить на редкость удивительную встречу с Пука. Его отец, отставной полковник регулярной армии, жил в старом доме в графстве Дерри, а он сам в то время готовился получить степень в дублинском колледже Святой Троицы. Было это в 1928 году, он учился в колледже последний год и готовился в июне сдавать выпускные экзамены. На Пасху он приехал на несколько дней домой. Весна в том году выдалась сухая и теплая, и вода в реке неподалеку от его дома стояла очень низко.

Однажды солнечным днем мистер Мартин отправился к реке поудить форель. Он стоял на сухом песчаном берегу

и закидывал удочку в неглубокую заводь. И вдруг ему непреодолимо захотелось посмотреть направо вдоль реки. Обзор ему открывался небольшой, потому что ярдов через сто река резко поворачивала и там к самой воде спускалась ограда соседнего поля. И тут на реке показалось большое животное, которое плыло в его сторону. Сначала он никак не мог разглядеть, кто это — собака, пантера или что-нибудь еще, но даже издалека почувствовал угрозу, исходящую от этого животного, и, не теряя времени, отшвырнул удочку и бросился к ближайшему дереву — это был молодой ясень, и взобрался на него так высоко, что дерево опасно согнулось под его весом.

А неведомый зверь все плыл и плыл, разбрызгивая воду лапами, и, проплывая мимо, поднял голову и посмотрел на мистера Мартина глазами, в которых светился почти человеческий ум, и оскалил зубы, то ли с угрозой, то ли с насмешкой. У мистера Мартина мурашки побежали по спине, когда он смотрел в эти ужасающие красные глаза, они казались горящими углями, вставленными в глазницы этой чудовищной морды. И тем не менее он все еще думал, что это какое-то дикое и кровожадное животное, сбежавшее, вероятно, из бродячего цирка.

Зверь вскоре скрылся за поворотом реки, и, решив, что он уже далеко, мистер Мартин спустился со своего ненадежного убежища, подобрал удочку и помчался к дому. Отца не было дома, но мистер Мартин схватил дробовик, зарядил его самыми крупными патронами и отправился на поиски зверя, сочтя, что пока тот на свободе, опасность угрожает всем, живущим по соседству. Но он потерпел неудачу. Все, кого он расспрашивал, даже те, кто должен был попасться зверю по пути, утверждали, что не видели ничего такого.

Наконец мистер Мартин вернулся домой и рассказал отцу о своем приключении. Оба они долго ломали голову над тем, что бы это могло быть. На следующее утро он вернулся в колледж Святой Троицы и забыл обо всем. Вскоре после возвращения однажды вечером он открыл новую пачку сигарет, выбросил карточку, которая была вложена в пачку, а потом достал себе сигарету. Но в этот момент что-то показалось ему знакомым и он быстро поднял карточку с земли. И вот на этой карточке он и увидел очень живой портрет того самого зверя. Это была одна из тех карточек с ирландскими географическими названиями, на ней был изображен Пулафука и знаменитый водопад на заднем плане. А на первом плане был нарисован сам Пука — огромный черный пес.

До того как мистер Мартин увидел эту карточку, он и не подозревал, что это что-то потустороннее, но теперь он начал подробнее расспрашивать соседей и вскоре добыл немало интересных сведений. Зверь этот, как оказалось, по соседству неплохо известен, и ходило немало историй о том, как его видели в разное время. Обычно он стоял у реки у моста, но чаще всего в сумерках. А еще ему рассказали, что прошло уже больше пятидесяти лет с тех пор, как кто бы то ни было утверждал, что видел Пука при дневном свете. Больше мистер Мартин почти ничего не узнал, потому что вскоре ему предложили пост за границей и он уехал на восток.

ПУКА ИЗ БАЛЛАХАДЕРИНА

Эот случилось с девушкой, чьи родители фермерствовали в трех милях от Баллахадерина в графстве Роскоммон, жарким летним днем, в шесть часов, лет шесть назад, ей тогда было шестнадцать. Она стояла на лугу за домом и вдруг

заметила огромного черного пса ростом ей по плечо, который шел мимо примерно в трех или четырех ярдах от нее. Проходя, он обернулся к ней, скорее с интересом, чем враждебно, но ей показалось, что в его глазах светился почти человеческий разум. Ей и в голову не пришло, что это что-то сверхъестественное, даже не испугалась, пока пес не дошел до железных ворот, которые вели на соседнее поле примерно в двадцати ярдах от него. И тут к своему ужасу она увидела, как он спокойно и даже не замешкавшись прошел прямо сквозь закрытые ворота, как будто это было не железо, а туман.

Какое-то время она была не в силах двинуться с места, и волосы у нее на затылке просто встали дыбом. Затем она взяла себя в руки, повернулась и с криком побежала домой к матери. Но там ее встретили без особого сочувствия, потому что когда мать наконец разобрала, что она там лопочет, запыхавшись от быстрого бега, она резко велела девушке не вести себя как дурочка. А так как дочь настаивала, что говорит чистую правду, мать тут же и отстегала ее хорошенько. Это научило девушку впредь держать свои мысли при себе и вести себя сдержаннее, и только самые близкие друзья, которым она доверяет, слышали эту историю.

ПУКА ИЗ ГОЛУЭЯ

Один школьный учитель свидетельствует, что тоже видел Пуку, но с тех пор прошло уже немало лет. Тогда он был еще молод. Он жил в то время на севере Голуэя в городке под названием Баллипак, и было это в 1913 году. Однажды он отправился далеко за город, возвращался обратно на велосипеде уже в сумерках и вдруг заметил, что за ним следом идет огромный черный пес. Собака прыжками бежала за

велосипедом и смотрела на него так, что он почувствовал себя неуютно, хотя даже сейчас не в силах объяснить, почему именно. Он продолжал ехать и нервничал все сильнее и сильнее, нервы у него были на пределе, и наконец, к невероятному его облегчению, пес остановился и оставил его в покое. И хотя мой учитель был очень напуган, он все-таки не счел это событие чем-то сверхъестественным; но когда он добрался до дома и рассказал человеку, у которого гостил, о своей встрече с «большой черной собакой», ему помогли увидеть все в несколько ином свете, и новое объяснение показалось ему даже более убедительным.

Эту «собаку» в округе хорошо знали, потому что она часто являлась именно здесь, и люди старались не ходить в тех местах в темноте в одиночку. Немало мужчин и женщин видели этого пса, и некоторым он являлся только на мгновение, а потом скрывался с глаз, как и не было его вовсе. Но до сих пор он еще никому не причинил вреда.

ПУКА С ПОНТОНА

А этот Пука часто появляется на поросших падубом и чахлыми дубами западных берегах озера Лох-Конн, а особенно — на красивой извилистой дороге, что идет от Лох-Конн к Лох-Куллен, на юг. Эти дикие и очень красивые места — просто идеальные декорации для появления таких романтических существ, как Пука, лепрехуны, клуриканы и другие ши-ог, всяческого малого народца, чьи жизни тесно связаны с жизнью самой земли. Не считая одиноко и голо стоящего Нефина, который возвышается мистически и величественно более чем на две тысячи футов над окружающей его равниной, эти края, пусть и прекрасные и свободные, не обладают ни великолепием, ни внушающей ужас

величественностью, необходимой для великих кланов настоящих Сидов (ши) или для их богов и богинь природы, которые правят землей из своих таинственных пределов.

Некий старик — сегодня ему должно быть далеко за семьдесят, — который родился и вырос между двумя озерами, рассказал, что хорошо помнит, как во времена его молодости никто в одиночку после полуночи не решался ходить через Понтонный мост, разделявший эти два озера, из-за большого черного пса, который появлялся на этом мосту, на дороге и в местности к западу от него. Его можно было увидеть в самое разное время после двенадцати часов ночи, он выскакивал из кустов и злобно смотрел на припозднившегося путника, но старик, после того как шестьдесят лет назад переселился в город в нескольких милях от этого места и будучи человеком нелюбопытным, больше ничего о нем с тех пор не слышал.

ПУКА ИЗ «ПОНТОННОГО МОСТА»

Около двадцати пяти лет назад этого Пуку видели чуть западнее отеля «Понтонный мост». Дело было так: высокообразованная, известная и очень уважаемая повсюду в той части Майо леди прогуливалась по дороге не очень поздно вечером в компании своего сеттера и вдруг заметила на дороге какой-то черный предмет, он лежал прямо посередине дороги ярдах в двадцати впереди. Сначала она подумала, что это осел, но потом разглядела, что это очень большой черный пес. Пес посмотрел на нее, медленно подошел к краю дороги, сошел с нее на короткую траву пополам с вереском и тут неожиданно исчез. Можно, конечно, сказать, что она просто потеряла его из виду, но куда он мог деться? Ему совершенно некуда было спрятаться. И особо стоит отметить

также поведение ее собственной собаки. Это был не особенно агрессивный пес, но достаточно смелый, чтобы постоять за себя, столкнувшись с чужой собакой. Он бегал широкими кругами вокруг моей знакомой, и в тот момент, когда она увидела Пука на дороге, сеттер был от нее примерно на таком же расстоянии, но слева; он что-то вынюхивал в траве. Он заметил Пука, когда тот встал на лапы, но вместо того, чтобы проявить интерес, какой обычно одна собака проявляет к другой, сеттер тут же бросился к хозяйке, явно напуганный. Поджав хвост и дрожа, прижался он к ее ногам и так стоял, пока Пука не исчез у края дороги. Как только это случилось, сеттер тут же успокоился и опять начал что-то вынюхивать, будто ничего и не случилось. Леди не сомневается, что это местный Пука попался ей навстречу, и поведение ее собаки только подтверждает такое предположение.

ПУКА ИЗ УИКЛОУ

В 1952 году Марго Райан, очаровательная и умная девушка, встретила Пуку при обстоятельствах, которые можно назвать типичными. Это случилось за один или два дня до летнего солнцестояния, и хотя была почти полночь — по летнему времени, конечно, астрономически — 10:30, но было вполне светло.

Она несла домой большой бидон пахты с соседней фермы и шла по спокойной сельской дороге уже недалеко от собственного дома, который находится в графстве Уиклоу недалеко от Редкросс. Шла она шла в тишине сельской ночи, тишине, какую городские люди и люди, живущие в странах, где повсюду полно всякой техники, и представить себе не могут. И вдруг услышала за спиной мягкие шаги, и тут иссиня-черный пес появился у нее из-за спины и спокойно

побежал рядом с ней. Через некоторое время, так как он показался ей мирным и дружелюбным, девушка протянула руку и погладила его, не глядя. Но ничего не почувствовала, ее рука упала в пустоту, как будто она просто промахнулась. Марго попробовала еще раз и опять не смогла до него дотронуться.

Это озадачило Марго, и она оглянулась на пса. Он шел рядом с ней, живой и настоящий, только теперь чуть левее, подальше от нее, так, что она не могла до него дотянуться. Через минуту он опять подошел к ней поближе, и девушка снова попыталась его погладить, и у нее опять ничего не получилось. Это ее немного напугало, и она обернулась к нему лицом к лицу, но тогда он пробежал немного вперед и двигался теперь в нескольких футах впереди нее по самой середине дороги еще около пятидесяти ярдов, потом остановился, повернул голову налево и буквально растворился в воздухе прямо на ее глазах. Он не убежал, а просто исчез с того места, где стоял посреди дороги. А кроме того, в том месте вдоль дороги по обеим сторонам шла канава и земляной вал, без единого просвета, куда могла бы шмыгнуть собака.

И тогда Марго ясно осознала, что пес был довольно высокий, так что она просто не могла не достать его рукой, когда пыталась погладить, ее рука действительно прошла сквозь него, как сквозь туман.

И тогда ее волнение переросло в настоящий страх, и она поспешила домой, стараясь только не расплескать пахту. Семья встретила ее рассказ сочувственно и с интересом, потому что они хорошо знали, что все это вполне реально.

Этот Пука был, судя по всему, вполне дружелюбный, потому что он не пытался ее потревожить, а просто хотел ненадолго составить ей компанию. Он вел себя точно так

же, как те, что описаны выше, из Баллигара и из «Понтонного моста».

Эти несколько рассказов из первых рук о встрече с Пука представляют интерес по нескольким соображениям. Например, из них можно заключить, что он может появляться в самой разной местности, он свободно себя чувствует и у текучей воды рек, и у спокойной воды озер, и в лесу, и на лугу, на оживленной дороге, и появление новомодных автомобилей никаких изменений не принесло. А кроме того, он является как в ночной тьме, так и при ярком дневном свете, и в сумерках, как молодым, так и старым.

В английской и шотландской мифологии, а также на континенте черный пес, хотя обычно не очень больших размеров, часто появляется как спутник ведьмы или слуга местного черта. Но эти зловредные духи не имеют никакого отношения к псу-Пуке, так же как и добрый английский Пак никак не связан с черной магией. Нет, Пука — существо самостоятельное и самодостаточное, с определенной долей патриотизма. Мы в Ирландии предпочитаем думать, что это — добрый кельтский зверь. И нам кажется, что его связи или родственные отношения с духами других земель — очень отдаленные, если вообще существуют.

ОЗОРНЫЕ ПРОДЕЛКИ

Нам всем случалось называть озорного ребенка бесенком, но давайте посмотрим, что на самом деле могут натворить те, чьим именем мы пользуемся, — настоящие бесы и духи. Здесь только несколько примеров, хотя отдельные случаи, описанные в других главах, такие, как рассказы о чудесном охотнике и блуждающей земле, могли бы вполне оказаться в этой главе. О нижеследующих примерах можно

сказать только, что в двух случаях причиной озорства послужило то, что люди без спроса проникали на территорию, которую феи считали своей, а остальные — просто веселые шутки.

МАСЛО

Серьезным деревенским жителям, которые прекрасно знают, как должен вести себя хороший сосед, прекрасно известно, что, если живешь в местности, населенной духами, или даже просто останавливаешься там переночевать в пути, нужно обязательно принести небольшой дар невидимому миру, окружающему тебя, перед тем как ложиться спать. А потому мудрая хозяйка оставит глоток молока, или мисочку каши, или кусочек печенья у очага или даже снаружи, у дверей, перед тем как идти в кровать.

Происшествие, которое мы собираемся вам описать, произошло в 1938 году. У почтенной четы Коулманов был фургончик, и каждый раз, как выдавалась такая возможность, они отправлялись колесить по стране и с беззаботностью, свойственной туристам, останавливались на ночь где придется. В тот раз они возвращались с западного побережья в Дублин и проезжали графство Лейтрим. Стоял август, вечер был погожий, и они ехали не торопясь по проселочной дороге, высматривая местечко, где можно было бы остановиться на ночь, и в конце концов затормозили у поросшей травой обочины у ворот, за которыми виднелось довольно болотистое поле, оно полого спускалось к ручью, где путники собирались набрать воды.

У них был очень удобный фургончик, в задней части которого они устроили конуру для двух черных коккер-спаниелей. Обычно Коулманы оставляли дверь конуры открытой,

чтобы собаки могли предупредить их о любом нежданном посетителе, приблизившемся к фургончику в ночи. Собаки очень любили этот пост и обычно спали бок о бок, положив головы на порог конуры и свесив передние лапы. И оттуда их глаза, уши и носы мгновенно заметили бы что-то подозрительное в округе.

Как только они как следует поставили машину, мистер Коулман взял ведро и отправился на поле в поисках воды, пока его жена хлопотала на кухне и готовила постели. Было почти десять вечера, но все еще довольно светло, а воздух так тих и недвижен, что эту неподвижность, казалось, невозможно было потревожить. Мистер Коулман еще не вернулся с поля, когда его жена увидела невдалеке пожилую женщину, на голове у нее был платок, как его обычно носят жители западной Ирландии. Женщина прошла мимо мистера Коулмана, потом открыла ворота. Приблизившись к миссис Коулман, она обернулась и сказала очень спокойно и вежливо:

— Добрый вечер.

— Добрый вечер,— ответила миссис Коулман.

— Вы собираетесь здесь ночевать? — спросила женщина и, получив утвердительный ответ, добавила: — Тогда нужно оставить что-нибудь местным духам.

И с этими словами она тихо удалилась.

Если бы незнакомка сказала это все со смехом или настаивала бы, миссис Коулман решила бы, что это какая-то местная шутка или деревенский розыгрыш, но ничего подобного. В тоне незнакомки была такая спокойная, естественная уверенность, и именно потому ее слова произвели такое сильное впечатление. Но миссис Коулман ждали более приземленные и насущные дела, поэтому она выбросила из головы предостережение и занялась приготовлением

ужина. Позже, перед тем как совсем ложиться, она решила найти место похолоднее и поставить туда масло, так как погода была жаркая. Миссис Коулман в тот день купила большой кусок масла и теперь развернула его и положила в миску. Там было два или три фунта, и миска оказалась полной до краев, моя знакомая хорошо помнит, как разгладила масло ножом вровень с краями миски. Потом она поставила миску на дорогу под ту часть машины, где уже улеглись на ночь собаки. Миссис Коулман накрыла миску перевернутой тарелкой, а сверху положила тяжелый камень, чтобы ни ветер, ни дождь, ни какая-нибудь мелкая зверюшка до масла не добрались.

На следующее утро, собирая к завтраку, она вышла из машины за маслом и обнаружила миску и тарелку нетронутыми, точь-в-точь, как она оставила их вечером. Она выбросила камень в канаву и уверенно отнесла миску в кухоньку и только тогда сняла тарелку. Как только она это сделала, то с удивлением обнаружила, что две трети масла исчезли, причем самым поразительным образом: одна половина миски была совершенно пуста, причем казалось, что кто-то разделил масло пополам ножом, а со второй половины сняли верхушку, причем ее явно выгребали чем-то тупым и мягким — будто слизали огромным языком или зачерпнули маленькой рукой.

Кто и как мог взять масло? Эта тайна до сих пор остается покрытой мраком. Как мог человек или крупное животное добраться до миски, не потревожив собак? И если бы человек, взрослый или ребенок, добрался бы до масла, он бы забрал всю миску. Между краем миски и дном фургона оставалось слишком мало места, чтобы можно было вынуть масло на месте, а если бы и было, то все равно это отняло бы много времени и в темноте невозможно было бы проделать

это бесшумно, не разбудив собак. Нет. Человек определенно взял бы всю миску. Либо забрал бы ее себе, либо выбросил бы потом пустую миску подальше. Если ему нужно было только масло, почему он не взял все масло, а оставил часть на дне? И вообще, зачем предпринимать нелепый и бессмысленный риск, ставить миску на место, накрывать ее тарелкой, а не выбросить ее в канаву?

Немыслимо, чтобы ее забрал человек; а животное не смогло бы водворить на место тарелку и камень. Путем элементарного исключения мы опять приходим к феям, потому что, со слов прохожей незнакомки, эта местность принадлежала им, да и выглядела она соответственно. А кроме того, именно такими шутками они и промышляют.

КАРТОШКА

Это случилось с Мери Солон из Киллидена, и произошло это шестьдесят лет назад, когда ей было всего восемь лет. Ее родители являли собой редкий пример старого доброго характера и добродетели, какие встретишь теперь только на страницах викторианского романа. Они были почтенными арендаторами в поместье Киллиден, и их уважали и почитали все местные жители.

Джона Солона нельзя было не запомнить. Был он высокий, крепкого телосложения, держался прямо, у него была густая золотистая борода и бакенбарды и мудрые, строгие, но очень добрые глаза. В его семье царила настоящая дисциплина, которая иногда насаждалась довольно сурово, о чем напоминал хлыст, висевший на гвозде у камина. Но все делалось по справедливости, с любовью и пониманием, так что все члены этой замечательной семьи могли служить примером не только хороших манер, но и кристальной честности

и правдивости и взаимной привязанности; все это и сейчас встречается среди старшего поколения.

В поместье было три Джона Солона, и у каждого — большая семья, но никакой путаницы не возникало, потому что к именам добавляли удачные прозвища. Во-первых, был чернобородый и добродушный Джон Солон. Он был бейлифом, поэтому его звали либо Джон Бейлиф, либо Черный Джон, а его жену и детей — Пэдди Бейлиф, Мери Бейлиф и так далее, или Пэдди Черного Джона, Мери Черного Джона и тому подобное. Дальше, вниз по извилистой дороге, которая соединяла эти небольшие дома, жил другой Солон. Этот Джон Солон, и почти вся его семья отличалась чудесными золотистыми волосами, которые в некоторых случаях бывали слегка рыжеватыми. Их звали Бой Солонами, и это «бой» (boy) происходило от гэльского (buidh), которое звучит как «буи» (bwee) и означает «желтый». А через два или три поля жили Рыжие Солоны, которые, как вы, должно быть, уже догадались, отличались огненными волосами и неизменно синими глазами. Все эти три семьи состояли в родстве и жили в мире и согласии.

Однажды вечером в конце ноября, когда Анна-Мария Бейлиф, старшая дочь Черного Джона, которой тогда было лет восемнадцать или девятнадцать, была в гостях у Бой Солонов — она принесла какую-то весть от родителей и осталась на дружескую беседу. Обнаружилось, что у Боев почти не осталось молока, и Анна-Мария вызвалась сходить к Рыжему Джону Солону с кувшином и принести от него молока; его корова недавно отелилась, так что молока у них было вдосталь. Она взяла с собой малышку Мери, просто так, чтобы составить компанию, и малышка с радостью согласилась, потому что ей не часто удавалось оказаться на улице так поздно. Было уже около восьми часов, но все еще

довольно светло, потому что луна только взошла, и до полнолуния оставались считанные дни, а легкие облака, спешившие по небу, скорее подчеркивали свет, чем затемняли его.

Стояла прекрасная погода и было так светло, что на обратном пути они свернули с тропинки и пошли напрямик через два небольших поля, принадлежавших их соседу по имени Лэван. Эти места были им хорошо знакомы, они всю жизнь играли здесь и знали каждый камень в округе. Идти было недалеко, дома разделяли не больше трехсот ярдов, если идти по дорожке, а через поля, наверное, не больше двухсот пятидесяти.

Наполнив кувшин молоком, они чинно направились домой, Анна-Мария в правой руке несла кувшин, а левой держала за руку Мери. Они без приключений пересекли первое поле и перебрались через разваливающуюся каменную ограду там, где она была пониже, на второе поле. Но когда они шли по второму полю, Мери с большим трудом поспевала за своей взрослой спутницей, потому что поле было картофельное, с грядками в три фута шириной, которые разделяли борозды в фут глубиной. Ботва была в самом соку, толстые зеленые стебли плотно переплетались друг с другом и доставали девочке почти до колена. Ей только позже пришло в голову, что это очень странно — почему это вдруг ботва все еще зеленая, если уже конец ноября и по всем законам природы она еще три месяца назад должна была пожухнуть.

Анна-Мария легко шагала вперед, а бедняжке Мери все труднее и труднее было от нее не отставать и даже просто держаться на ногах, она спотыкалась и прыгала с грядки на грядку. И вскоре, к ее великому огорчению, ее спутница, вместо того чтобы помочь ей преодолеть наиболее трудные участки пути, стала ругать ее за то, что она скачет, а не идет

нормально. Но маленькая девочка продолжала прыгать, и терпение ее кузины лопнуло.

— Если ты сейчас же не прекратишь и не будешь идти спокойно, когда я тебя прошу, я расскажу твоему отцу, когда мы вернемся, а ты знаешь, он не любит, когда маленькие девочки шалят. Я уже расплескала много молока из-за того, что ты меня дергаешь.

— Но я ничего не могу поделать,— совершенно искренне отвечала Мери,— мне приходится прыгать, чтобы взбираться на грядки, и у меня ноги все время застревают в картофельной ботве.

— Мери, ты уже во второй раз говоришь эту глупость. Нехорошо притворяться, что здесь растет картошка, когда ты прекрасно знаешь, что никакой картошки здесь нет.

— Но, Анна-Мария, здесь есть картошка. Разве ты не видишь? Смотри, вот же она, у меня под ногами.

— Мери, честное слово, я и не знала, что ты такая непослушная и рассказываешь такие небылицы не стесняясь. Я точно скажу твоему отцу, когда вернемся.

И она тряхнула девочку и в сердцах зашагала домой, а Мери продолжала спотыкаться и прыгать. А что ей оставалось делать? Но через несколько минут они уже добрались до края поля, перелезли через земляной вал, вышли на дорогу и молча направились домой, потому что Анна-Мария все еще сердилась на девочку за то, что так намеренно, как ей казалось, плохо себя вела.

Итак, Джону Солону сообщили об упрямстве его дочери, но, несмотря ни на что, она настаивала, что на том поле, через которое они шли, действительно росла картошка, а потому она просто вынуждена была прыгать через борозды. Вот тут ее отец сразу понял, что что-то есть загадочное в этих противоречивых рассказах. А кроме того, он знал, что на том

поле никогда не росло никакой картошки. Он поставил Мери перед собой, положил руки ей на плечи и велел смотреть ему прямо в глаза и сказать ему снова, что она рассказывала правду. Он смотрел в ее искренние и честные глаза и без колебаний поверил, что она говорит от чистого сердца.

Он отправил ее спать, поцеловав на сон грядущий и сказав добрые слова, а потом обернулся к Анне-Марии и рассказал, какое решение пришло ему в голову. На следующее утро поле завтрака он опять заговорил об этой истории, и опять Мери слово в слово повторила то, что рассказывала накануне. Тогда Джон взял ее за руку и отвел на поле, о котором шла речь. Он перенес малышку через ограду и обошел с ней все поле, внимательно рассматривая его при свете дня. Вот оно, у нее под ногами, самый обычный пастуший луг, на котором уже много лет ничего не сеяли и не сажали. Девочка этому удивилась и одновременно не удивилась, потому что теперь она осознала, что, сколько она себя помнила, на этом поле никогда не росло картошки. Но накануне вечером картошка там точно была, и Мери все еще не сомневалась в этом и не сомневается до сих пор, потому что, несмотря на то что с того дня прошло столько лет, память о том удивительном случае все так же жива в ее памяти, и переплетенные картофельные стебли, грядки и борозды до сих пор стоят у нее перед глазами.

Что же все это значит? Да ничего особенного. Просто шутка, которую озорные духи сыграли с маленькой девочкой, чье сердце и глаза были открыты тайному. Это была довольно злая шутка, но все-таки безобидная и дружелюбная, достойная скорее беззаботного смеха, чем злости, а злиться в любом случае бесполезно, когда сталкиваешься с «малым народцем».

КРЕСТЬЯНИН И ЭЛЬФЫ

Микки О'Махони принадлежит аккуратная ферма и около пятнадцати акров земли, а его милый одноэтажный дом с соломенной крышей стоит на самом берегу большого озера в графстве Майо. Добраться до него можно только или на веслах, или по широкой тропе с высокими земляными валами по обеим сторонам, которая отходит от ближайшей дороги. Тропа эта заканчивается прямо у его двора, который довольно круто спускается от нее, пока через десять футов не утыкается в высокую защитную каменную стену, выстроенную на галечном берегу озера. Во время сильного западного ветра или паводка, когда озеро поднимается после долгих дождей, становится понятно, насколько необходима эта стена.

Микки — убежденный холостяк и живет один, если не считать его собаку и животных на ферме, о которых он постоянно заботится. Но вместе с тем это великолепный образец сельского жителя, таким крестьянином мог бы гордиться любой народ — предельно честный, умный и уверенный в своих силах.

Тропа, перед тем как закончиться у двора Микки, проходит мимо десятка других домов, ближайший из находится за две — три сотни ярдов от его собственного дома. Последние пять или шесть домов берут воду из одного родника, который бьет из земли посередине небольшого луга на соседней с Миком ферме. Это необычный родник, в некотором роде неожиданный. Можно перейти через поле, так и не заметив в земле ямы с крутыми краями, пока она не окажется прямо у вас под ногами, она фута два глубиной и пять футов в поперечнике, со всех сторон нависает глинистый

берег, поросший стриженой травой. Это прозрачное озерцо чистой воды, родник с журчанием бьет из сплошной скалы, которая составляет его дно и края. А потом он веселым ручейком стекает вниз к озеру, таким же прозрачным, как и озерцо, и не больше фута шириной. Перед родником есть широкий камень, на который можно встать, чтобы набрать воды, он всего на три дюйма поднимается над уровнем воды, а ручеек огибает этот камень и падает вниз маленьким водопадом. И конечно, сразу за этим камнем, нависая над ним, растет неизбежное сучковатое древнее терновое дерево, какие так любят эльфы. Вода в том источнике удивительно вкусна.

Однажды вечером, в октябре 1957 года, у Микки телилась корова. Как рачительный хозяин, Микки остался со своей коровой, пока новорожденный не оказался уже вне опасности, присмотрел за матерью и дитем и уложил их аккуратно на чистую подстилку.

Вернувшись домой, он заметил, что был уже третий час пополуночи, Микки очень устал и ему неимоверно хотелось выпить большую чашку крепкого горячего сладкого чаю. Так что, вместо того чтобы ложиться, он отгреб пепел с тлеющих углей, которым предусмотрительно прикрыл их раньше, подбросил в огонь торфа, и вскоре в очаге уже пылал жаркий огонь. Но когда он захотел наполнить чайник и подвесить его над огнем, то обнаружил, что в ведре почти не осталось воды. Это его не особенно огорчило, потому что ночь была тихая, и ему даже приглянулась мысль прогуляться до родника. Итак, он радостно отправился за водой с ведром в одной руке и лампой-молнией в другой, оставив дом в свое отсутствие под присмотром собаки.

Было не слишком темно, и хотя луны не было, небо было усеяно звездами, и ни единое облако не скрывало их света,

так что лампа не была ему необходима, он взял ее скорее для пущего удобства. Он прошел по тропе до грубых каменных ступеней, которые были врыты в высокий земляной вал, окружавший поле, перешел по ним в поле и направился прямиком к роднику. Он встал на плоский камень у воды, поставил фонарь рядом, а потом двумя руками опустил ведро в воду и вынул его почти полным. Потом, взяв ведро в левую руку, нагнулся и правой потянулся за фонарем, но в этот момент фонарь пнули или выбили у него прямо из руки. Но Микки успел протянуть руку и схватить его до того, как стекло коснулось воды.

Однако фонарь успел сильно разогреться и Микки пришлось быстро поставить его на камень. Он поставил ведро и рассмотрел фонарь, чтобы убедиться, что тот не пострадал, и подкрутил фитиль поярче. Все это произошло так быстро, что он даже не задумался, как это случилось.

Когда Микки повернулся за ведром, он обнаружил, что, пока ловил фонарь, расплескал почти всю воду. Тогда он опять поставил фонарь на камень и снова опустил ведро в ручей. Как и в прошлый раз, он вытащил почти полное ведро, переложил его в левую руку и правой потянулся за фонарем. Но не успел он прикоснуться к фонарю, как его опять кто-то сильно пнул, и он улетел прямиком в воду. Теперь Микки не успел его поймать, фонарь погрузился в холодную воду, и раскаленное стекло разлетелось на тысячи осколков, но, что хуже всего, все масло вытекло из лампы в воду, так что теперь ее нельзя было пить.

Микки постоял немного, постепенно осознавая, что не может придумать никакого рационального объяснения этим событиям. И вдруг совсем рядом послышалось тихое озорное хихиканье. Микки огляделся с раздражением.

— Ах это вы, негодяи,— пробормотал он,— уж вы-то мастаки на такие штуки.

С этими словами он снял куртку, закатал правый рукав и, запустив руку в воду, достал пострадавший фонарь. При этом он крепко держал куртку другой рукой, потому что вполне разумно не хотел, чтобы над ним еще раз так пошутили. Затем, поставив фонарь между ступнями и придерживая его, он накинул куртку, несмотря на то что рука у него была мокрая и грязная, взял ведро в левую руку, лампу в правую и направился к дорожке. Не прошел он и половину пути, как сзади снова раздался смешок. Микки развернулся и гневно оглядел пустое пространство вокруг, а затем совсем выйдя из себя, яростно сказал:

— Клянусь небесами, хотел бы я вас поймать, вы розги просите, малявки, и уж я бы вас отхлестал за милую душу.

Немного облегчив свою душу, он направился домой, где выпил кружку крепкого горячего чая с сахаром. Это его почти успокоило, хотя, когда он собрался спать, было уже четыре часа утра. И хотя Микки очень устал, он не мог заснуть, потому что почувствовал укол совести — довольно несправедливо, как мне кажется, но я на своем опыте знаю, что совесть — очень несправедливый собеседник.

Его мучили мысли о несчастных соседях, об их семьях, а у некоторых были еще и маленькие дети — утром они отправятся набрать чистой свежей воды на весь день и обнаружат, что она загрязнена парафиновым маслом, — и они не смогут пить чай, а может быть, и готовить еду. И наконец, совесть, этот настойчивый задира, взяла верх, и в результате через час после рассвета, около семи утра, Микки встал, взял еще одно ведро, тряпку и направился к роднику. Он энергично принялся за дело и досуха вычерпал озерцо. Затем аккуратно собрал все осколки, завернул их в бумагу и

тщательно протер тряпкой каменное дно, пока не убедился, что масла там совсем не осталось. Тогда он встал и долго смотрел, как в озерцо набегает свежая вода. Когда ее было уже больше половины, он попробовал воду на вкус, чтобы убедиться, что все в порядке. Убедившись в этом, он направился домой и попытался возместить утраченный отдых.

Микки мудро подождал несколько месяцев, прежде чем рассказал об этом случае, и то только надежным друзьям. Он ждал, пока пройдет достаточно времени и соседям не почудится в воде привкус лампового масла. Он не держит никакого зла на местный «малый народец», более того, считает их шутку скорее знаком расположения.

ХОЛСТ

В начале июня 1947 года одна художница, мисс И. М., жила тогда в Коннемара и рисовала пейзажи этой обдуваемой всеми ветрами, но красивой местности. И с этой целью она однажды погрузила свой велосипед, свои рисовальные принадлежности и саму себя на автобус из Раундстона в Мэм Кросс. Не доезжая до Мэм Кросс, мисс И. М. покинула автобус в пустынном месте в трех милях к западу от него. Она свернула с шоссе и поехала по узким проселочным дорогам, внимательно оглядывая окрестности.

Она не проехала и пары миль, как вдруг увидела как раз такое место, какое искала. Это был невысокий холм ярдах в пятидесяти от дороги, и девушка была уверена, что с него ей откроется приятный вид на окрестные поля. Перед тем как отправиться в путь, она погрузила на свой велосипед все, что, по ее представлению, могло ей понадобиться, и на взгляд строгого критика она была теперь похожа на Белого Рыцаря из «Алисы в Зазеркалье», потому что к раме у нее был

привязан мольберт, коробка с красками, кисти и тому подобное лежали в корзине на руле, а складной стул, плащ-дождевик и остальное, включая коробку с ленчем, она укрепила на багажнике. Так как в тех местах удобства ценили больше, чем внешнюю привлекательность, большой холст — 24 на 20 дюймов — она прикрепила на спину, как те объявления, которые носит человек-реклама.

Выбрав место, она спешилась, положила велосипед на траву и стала распаковывать вещи, которые ей были нужны. Дорогу отделяла только неглубокая пустая канава, через которую легко было просто перешагнуть. А потом оставалось пройти пару перчей до того самого холма, который ей так понравился. Прихватив холст, моя знакомая направилась в ту сторону и вскоре нашла подходящее место, примерно на полпути к вершине холма. Она положила холст на землю, чтобы отметить место, внимательно следя, чтобы чистая белая лицевая сторона оказалась наверху. Из-за того, что дело происходило на склоне холма, холст лежал под углом градусов в тридцать к дороге.

Девушка отправилась за остальными вещами, но перед тем как перешагнуть через канаву, она оглянулась, чтобы убедиться, что место, где она оставила холст, ей действительно нравится. Холст лежал на том же месте, туго натянутый на своей раме, он буквально искрился, его девственную белизну подчеркивал яркий солнечный свет и короткая жесткая зеленая трава, на которой он лежал. Девушка еще раз одобрила место, продолжила свой путь к дороге, набрала в руки свертков и повернула обратно. Она подняла глаза, чтобы сориентироваться в направлении, но холста не было. Она замерла в крайнем удивлении, но сколько бы она ни искала глазами, не было видно ничего похожего на ее драгоценный холст. Перед ней простирался склон, поросший невысокой травой, и нигде не

было ни щели, ни ямы, куда можно было бы спрятать что бы то ни было. Его не мог унести ветер, потому что ветра не было и в помине, и нигде не видно было ни человека, ни животного, которое могло бы его передвинуть.

Уверенная, что совершила какую-то глупую ошибку, мисс И. М. быстро поднялась на холм и положила вещи туда, где, по ее представлениям, она оставила холст. А потом начала тщательно систематически обыскивать окрестности в поисках холста, осматривая каждую пядь земли. Но тщетно. Ее взору открывался полный обзор на все четыре стороны, и даже самый маленький и неприметный предмет не ускользнул бы от ее внимания, а уж тем более большой и яркий холст. Через некоторое время она поднялась на вершину холма, с тем чтобы в последний раз оглядеться по сторонам, но это было бесполезно, и она была сбита с толку и уже, что вполне понятно, начинала злиться.

Чем дольше она смотрела по сторонам, тем больше приходила в недоумение. Это было совершено бессмысленно, но факт оставался фактом: холста нигде не было. Мисс И. М. — умная и рассудительная девушка, и то, что происходящее не вязалось с логикой и здравым смыслом, раздражало ее даже больше, чем то, что она впустую потратила время и усилия. Но тем не менее делать было нечего, и спустя некоторое время девушка неохотно повернула опять в сторону велосипеда, расстелила на поросшей травой обочине клеенку и устроилась пообедать и выкурила сигарету в приятном безделье. У нее еще оставалось пара часов, перед тем как надо было собираться и отправляться к главной дороге, чтобы успеть на обратный автобус.

Полчаса спустя, лежа на траве и глядя в глубокую синеву летнего неба, мисс И. М. оглянулась на холм. В следующее мгновение она отбросила сигарету в сторону и уселась,

глядя, раскрыв рот от удивления, на свой холст, который все так же ярко сиял на солнце. Он лежал прямо перед ней, как раз там, где она его оставила. В происходящем уже появилось что-то сверхъестественное, а не досадное, поэтому она встала и довольно осторожно направилась к холму.

К этому времени день уже клонился к вечеру и тени стали удлиняться, но было еще совершенно светло и видно все было не хуже, чем тогда, когда она только что приехала. Еще мгновение — и вот она уже стоит на склоне холма, глядя сверху вниз на блудный холст, который лежал точно там, где она его оставила, в шести футах от того места, где она сложила остальные вещи. Несколько несмело она взяла его в руки и осмотрела с обеих сторон, очень внимательно. Но на нем не было никаких отметин, которые наводили бы на мысль, что с ним что-то приключалось или что его вообще передвигали, — ни царапин, ни пятен. Девушка была вынуждена признать, что он такой же чистый, аккуратный и послушный, как и обычно. Но солнце уже стояло низко над горизонтом, и поздно было начинать рисовать, так что ей оставалось только возвращаться на дорогу и собирать вещи. Она взяла холст под мышку и направилась вниз, но резко остановилась, не пройдя и десяти шагов. Ей преподали урок, и одного раза ей было достаточно, а оставив вещи без присмотра она просто напрашивалась на новую, возможно, более неприятную шутку. С усталым вздохом мисс И. М. вернулась, повесила холст через плечо, набрала полные руки свертков, убедилась, что ничего не забыла, и отнесла все на дорогу.

Там она укрепила все на велосипеде, уселась на него сама и поехала обратно к дороге, по которой ходил автобус. У нее еще было время, а потому она поехала по тропинке, пока не наткнулась на уютный белый дом, крытый соломой, и заг-

лянула туда на минутку поболтать и спросить поточнее про свой автобус. Хозяйка приняла ее с той доброжелательностью, с какой западные селянки относятся к прохожим, и когда мисс И. М. рассказала о своем приключении, женщина рассмеялась мягко и с пониманием.

— А... — сказала она,— чего же еще ожидать? Это же эльфов холм.

ВОЛШЕБНЫЙ ВЕТЕР

Волшебный ветер — это любопытный феномен. Он кажется очень похожим на странных «Пыльных дьяволов», которых можно увидеть на Востоке. Там в жаркие периоды в сухих и песчаных районах поднимаются небольшие смерчи, которые поднимают пыль высоко в воздух быстро вращающейся спиралью, передвигаются по земле с разной скоростью и иногда принимают самые фантастические формы. Эти причудливые столбы пыли порой расширяются кверху и становятся похожи на гигантские фигуры, которые угрожающе размахивают руками. С большим облегчением видишь через некоторое время, как они оседают и уходят в землю. И некоторые выглядят вполне устрашающе, и понятно, почему такое зрелище наводит людей на мысли о великанах и джиннах.

Ирландский вариант этого феномена имел место недавно, в 1955 году, когда миссис Фицджеральд из Турлох-Парка, что недалеко от Каслбара, вышла однажды после обеда в большой сад, окруженный каменной стеной. Этот сад находится немного в отдалении от дома, и идти к нему нужно через поле, которое носит романтичное имя Гортнафуллах — или, по-английски, Кровавое Поле. В тот год поле оставили под траву, и его недавно косили. Сено увязали в

стожки, которые мы в Ирландии называем «lapcock», — маленькие неплотные свертки сена, размером примерно с пуф в гостиной. В тот день погода стояла очень жаркая, воздух был неподвижен, и только дальние деревья подрагивали в раскаленном мареве.

Миссис Фицджеральд неторопливо шла по полю и вдруг увидела, к своему великому удивлению, как несколько стожков поднялись в воздух футов на десять и, быстро вращаясь вокруг себя, весело поплыли ярдов пятьдесят, перелетели через забор и скрылись на соседнем поле. Вращаясь, стожки быстро разлетелись на отдельные клочки сена. Но все-таки для подобных поразительных выходок не было никаких причин, потому что воздух был совершенно неподвижен, ни намека на ветерок. Вообще-то такие вихри возникают, только когда в целом нет поперечного движения воздуха, и даже находясь почти вплотную к ним, не чувствуешь никакого ветра.

Такое может вдруг случиться в тихой ирландской сельской местности, но это такая редкость и выглядит так невероятно, что подобное с легкостью отождествляют с эльфами, феями и тому подобным. Да и поразительно было бы, если бы этого не происходило — в Индии, например, «Пыльных дьяволов» приписывают джиннам. Эти два явления, несомненно, родственны и возникают благодаря одним и тем же законам физики. Но, хоть и принимая естественные объяснения, не стоит слепо объяснять все необычные явления одним и тем же способом, потому что некоторые не так легко постичь, если присмотреться к ним повнимательнее. Вот, например, такой случай.

За несколько лет до войны в графстве Лонгфорд шесть или семь человек — мужчина, женщина и несколько подростков — трудолюбиво косили сено на длинном и узком лугу,

один конец которого был значительно выше другого. Это поле оставили под сено в первый раз, и теперь, скосив сено, люди собирали его в довольно большие плотные стога по шесть и больше футов в высоту. В более высокой части поля они нашли большой плоский камень, всего на несколько дюймов выше травы, который послужил замечательной сухой и твердой основой для одного из стогов.

Час или два спустя они работали в нижней части поля, один из детей воскликнул предостерегающе. Они быстро подняли головы и увидели, как стог, который они сложили на камне, поднялся в воздух на несколько футов в воздух, пролетел пару десятков ярдов и аккуратно приземлился на траву в новом месте. Они смотрели в недоумении, потом подошли поближе. И точно, стог спокойно стоял на траве, так же аккуратно перевязанный. На камне не осталось ни травинки. Они мудро оставили его на новом месте, рассудив, что у фей были на этот камень свои планы, а потому его лучше не трогать. Трудно приписать такое обычному вихрю.

ЧУДЕСНАЯ МУЗЫКА И ТАНЦЫ

Примерно в 1904 году юный Брайан С. был занят в саду однажды летним днем. Было около трех часов, он косил крапиву у конюшен, и вдруг до него из-за деревьев донеслись звуки музыки и танцев, оттуда, где на пригорке в дальнем конце сада стоял старый садовый домик. Это его озадачило, потому что к тому времени домик уже почти развалился. В нем было только две комнаты, одна над другой, а дверей и окон уже в помине не было. Лестница тоже пропала, от нее осталось только первые четыре или пять ступенек, но крыша и пол второго этажа были достаточно

крепкими. Услышав музыку, Брайан пришел к заключению, что какие-то парни из деревни веселятся, когда все порядочные люди работают, и, что хуже того, у них хватило нахальства бездельничать под самыми окнами Большого дома. Пока он шел между деревьев, звуки музыки и топот ног танцующих становились все громче, и он слышал веселый смех и обрывки разговоров. Он уже понял, что поймал их, потому что убегать им было некуда. Вот он вошел в дверной проем, взбежал по лестнице, быстро подтянулся на руках и запрыгнул в комнату наверху — и обнаружил, что она совершенно пуста. Там и мыши негде было бы спрятаться и никто не смог бы ускользнуть через маленькие оконца.

Серьезно напуганный, Брайан быстро ретировался, и, спускаясь по лестнице, он увидел в дверной проем Лис Арден, знаменитую крепость, где издавна обитали феи и эльфы, она была меньше чем в четверти мили от того места, и тогда он все понял. А кроме того, не прошел он и двадцати шагов от домика, как музыка, танцы, радостный смех и говор множества голосов возобновились, теперь будто в насмешку, даже громче, чем прежде.

Брайан все еще жив и здоров и очень хорошо помнит этот любопытный случай.

ВЛАДЕНИЯ И ТРОПЫ ФЕЙРИ

В Ирландии на каждом шагу встречаются места, посвященные фейри. Названия мест показывают, с какой древности тянутся эти предания. Излюбленные места их обитания — холмы и пригорки. На тех же пригорках когда-то стояли селения или обнесенные частоколами крепости древних ирландцев, и часто их принимают за жилища волшебного народа. Но фейри вовсе не привязаны ко всем этим ратам,

дунам и лиссам и часто избирают для себя скалистые взгорья, каменистые лощины или безлюдные рощи. Там их и видят, когда они выходят заняться делами своего поселения. Фейри часто путешествуют с места на место по собственным тропам, невидимым для глаз человека, но горе тому, кто затеет постройку на их тропе и помешает им свободно переезжать, куда вздумается.

Все это отлично известно каждому сельскому жителю в Ирландии, и ничуть не кажется им удивительным. В 1932 году восемнадцатилетняя девушка жила в служанках в Большом доме. Как-то под вечер у нее не было работы, и она с другими девушками сидела у пруда неподалеку от главных ворот поместья. Вдруг на дороге послышался звон подков. Девушка вскочила с места, сказав подружкам, что должна бежать в дом, потому что едут «знатные гости» и понадобится ее помощь.

Но она не успела отбежать далеко, когда на дороге показались восемь всадников, мужчин и молодых женщин, в ярких одеждах, с цветными седлами и сбруей. Девушки сидели на дамских седлах, мужчины — на мужских, и все смеялись и весело болтали. Не дальше чем в сорока ярдах от нее они свернули направо на травянистую обочину, пересекли луг и скрылись в склоне небольшого поросшего терном холма фейри. Они проехали сквозь землю прямо на конях, так же непринужденно, как люди въехали бы в ворота конюшни. Тут девушка пожала плечами и вернулась к подружкам. На вопрос, почему вернулась, она ответила: «А никакие не знатные гости. Просто компания фейри явилась в тот холмик».

Путешествуют фейри не только верхом — на волшебных или обычных конях. Если путь недалек, они, разумеется, ходят пешком, но на дальнее расстояние, по общему

мнению, передвигаются посредством «буачаллан буй», или желтого крестовника. Так что, заметив на траве вырванный с корнем и небрежно брошенный стебель крестовника, можно заподозрить, что на нем ездили фейри, особенно если стебель высокий и мощный. Говорят, фейри ездят на крестовнике, как ведьмы на помеле. На счастье наших волшебных друзей, в Ирландии этот красивый сорняк встречается повсюду. Думается, хороший хозяин, который очистит свой участок от сорняков, вызовет их неодобрение.

Если к их тропам относятся без должного уважения, может случиться беда. Вот две истории.

КАК МИККИ ЛАНГАН НЕ СУМЕЛ ПОСТРОИТЬ ДОМ

Микки Лангану так надоели бродившие вокруг дома утки, куры и гуси (и собственные, и соседские), что он решил перебраться жить на окраину деревни, где у него был участок земли под названием Пайрк Руа.

Не сказав никому ни слова, Микки рано утром вышел из дому и, дойдя до Пайрк Руа, быстро выбрал место на пригорке, откуда открывался чудесный вид на гору Нефин и отрог горы Окс. Рядом протекал ручей, а чуть поодаль был древний источник. До ближайшего соседа — не меньше четверти мили. Больше не придется гонять гусей, уток и кур. Микки внимательно осмотрелся, высматривая холмы фейри. Выбранное место не лежало на прямых линиях, соединяющих волшебные жилища, так что новый дом не помешает хозяевам совершать свои ночные экскурсии.

Все, казалось, было в порядке. Микки отметил будущий фундамент камнями, окропил землю святой водой и начал

рыть яму для фундамента. Через несколько часов проходивший по дороге сосед окликнул его: «Байл о диа орт, ае кад. Та ту а денем, а Микель?»

Микки объяснил, что делает, но сосед предостерег его: он слыхал, что место здесь непригодное. Отчего он не спросит совета у мудрой женщины, Майред ни Хайн, что живет у Свинфорда? Но у Микки нрав был не сахар, так что он только фыркнул и вернулся к работе.

— Право,— пробормотал он себе под нос,— у тебя, Том Валш, всегда найдется предлог не работать.

Том, однако, как видно, разболтал новость. Скоро явилась жена Микки Китти, захватив с собой завтрак для мужа как оправдание своему приходу.

— Микки, Микки, агхра, что ты делаешь?

Микки и ей объяснил и снова услышал совет обратиться к Майред ни Хайн. До полудня к нему пришли еще

несколько соседей, все с тем же непрошеным советом. Вернувшись домой к обеду, он застал Кити в окружении нескольких старух. Бедняжка была в слезах. Этого Микки уже не вынес. Он запряг старого мула и отправился в Корра на Колл к Майред. Добрая женщина пообещала вскоре навестить его и сдержала слово. Один взгляд на выбранное место, и Майред вынесла окончательный приговор.

— Не здесь, Микки, не здесь, — сказала она, и заветной мечте Микки пришел конец.

ПЕРЕСТРОЙКА ДОМА ПАДДИ БАЙНА

Падди Байн выстроил дом, не спросив совета ни у кого, ни у мудрых, ни у глупых. Вскоре после того как он с молодой женой Бидди Каллан поселился в этом доме, на том его конце, что выходил на проселочную дорогу, начались неприятные чудеса. Иногда ночью казалось, что дом вот-вот рухнет. Падди посоветовался со своими родителями и с родителями жены. Совместная конференция двух родительских пар привела к тому, что Падди отправился в Корра на Колл к Майред ни Хейн. В назначенный срок та пришла и, осмотрев дом, объявила, что угол, который выходит к дороге, придется снести. Этот угол стоял на пути доброго народа. Падди тут же позвал Падди Китли, местного каменщика, и очень быстро один из углов дома был срезан. Потомки Падди все еще живут в том же доме, и никаких неприятностей с тех пор там не случалось. Но известно, что иногда яростный порыв ветра проносится мимо нового угла даже в самую тихую погоду.

Может быть, существенно то обстоятельство, что дом Падди Байна стоит ближе других к злосчастному участку, выбранному за несколько лет до того Микки Ланганом.

Люди благоразумные не так торопливы, как Микки Ланган и Падди Байн, и обычно, если имеется хоть малейшее сомнение в благосклонности фейри, на выбранном участке выворачивают кусок дерна и оставляют на ночь. Если утром дерновина оказывается уложенной на место, значит, фейри не согласны и надо искать другое место. Если же дерн лежит как лежал, можно начинать работу.

ДОМА С ОКНАМИ НА ЗАПАД

Важно всегда помнить, что дом ни в коем случае не должен смотреть на запад, если только та сторона не огорожена, то есть там нет палисадника или двора. Но повернуть дом к полю или к дороге, проходящей с запада, смертельно опасно. Вот типичный случай.

Около 1935 года доктор О'Келли из Баллибанка столкнулся с примечательной серией заболеваний. Его вызвал Майкл О'Хаган, человек, живший в удобном каменном домике недалеко от города. Заболел его старший сын, однако доктор О'Келли, осмотрев больного, не нашел причины недомогания. Мальчику становилось все хуже и хуже, и через несколько дней он умер. Потом та же таинственная болезнь постигла следующего сына. Доктор О'Келли обратился за советом к коллегам, но безуспешно: и этот ребенок умер. Заболел следующий сын — тот же печальный исход. Вскоре занемог и четвертый ребенок, а все доктора были по-прежнему бессильны. Наконец заболел пятый сын, мальчик лет шести или семи. Ему было очень плохо. Навестив его как-то вечером, врач нашел, что он даже в худшем состоянии, чем были другие, и наверняка умрет ночью.

Доктор О'Келли жил в городе в солидном доме с большим садом перед подъездом. Утром, заканчивая одеваться,

он увидел, как к дому подходит Майкл О'Хаган. Доктор поспешил ему навстречу, зная, что услышит о смерти несчастного ребенка, но, к его изумлению, известие оказалось совершено иным: «Доктор, можете больше не приходить! Мальчик выздоровел, и смертей больше не будет». Это поразительное известие требовало объяснения, и доктор его получил.

Оказывается, накануне вечером, после его ухода, отчаявшийся отец, видя полное бессилие официальной медицины спасти детей, отправился к знахарке, преемнице знаменитой Майред ни Хайн, которая немедленно пришла к нему домой. Причину беды она увидела с первого взгляда. За несколько месяцев до того Майкл О'Хаган пристроил к домику лишнюю комнату, совершив при этом две гибельных ошибки. Прежде всего, пристройка была у западной стены дома и выходила на запад. И хуже того, она смотрела в открытое поле, а не во двор и не в сад. Затем, пристройка оказалась на прямой линии между двумя холмами фейри. Знахарка сказала, что стоит ему снести пристройку, и ребенок поправится, но если он этого не сделает, то мальчик завтра умрет, а за ним неизбежно умрет шестой, последний сын.

Так что Майкл О'Хаган немедленно взялся за дело и трудился всю ночь. Он закончил работу на рассвете и, войдя в дом, с радостью увидел, что сынишка спит крепким здоровым сном и румянец уже возвращается на его щеки. Через несколько часов ребенок проснулся, здоровый и бодрый, хотя был еще слаб и истощен. Счастливый отец бросился к доктору поделиться радостной новостью.

Эта история известна не только по рассказу доктора. О ней знают все соседи: они присутствовали на похоронах, потом видели снесенную пристройку и полностью оправившегося малыша.

БЛУЖДАЮЩИЕ ОГОНЬКИ

Как нам известно, блуждающие огни, обычно величиной с футбольный мяч, перелетают над болотом с кочки на кочку, так что издалека создается впечатление, будто кто-то идет с фонарем. Иногда, особенно сильно ударившись о кочку, шар разбивается на множество меньших огоньков величиной с мячи для гольфа. Они в свою очередь начинают скакать по кочкам, но вскоре распыляются и исчезают.

Однажды некий ирландец шел по длинной тропе через болото. Тропа была ему хорошо известна, и он не опасался потерять ее звездной ночью, хотя фонаря при нем не было. Вдруг он увидел блуждающий огонек, скачущий ему навстречу. Вскоре светящийся шар оказался так близко, что путешественник пнул его ногой и разбил на множество мелких шариков, которые заплясали вокруг, но вскоре, удалившись ярдов на двадцать, исчезли. Однако несколько пузырьков прилипли к его брюкам, и он, опасаясь обжечься, стряхнул их рукой. Свет тут же погас, а рука не ощутила никакого тепла.

В другой раз он шел домой около десяти часов вечера по недавно замощенной дороге от Понтуна к Лазердауну. Ему показалось, что впереди горит одинокая фара припаркованной у обочины машины, однако, подойдя ближе, он увидел, что над дорогой на высоте около восемнадцати дюймов стелется яркое туманное сияние. Оно скрывало только асфальт и не распространялось на травянистые обочины и канавы по сторонам. Свечение не колебалось, и он долго стоял, глядя на него и недоумевая, что делать. В западной части Ирландии на все случаи жизни существует общее правило: «Если что-то не работает — пни его хорошенько», и

путешественник поступил в соответствии с этим правилом. Отдернув ногу, он заметил, что к брючине пристало множество «пузырьков» света, но их легко удалось смахнуть. Попробовал снова — с тем же результатом. Тогда, набравшись храбрости, он быстро прошел сквозь свечение, на другой стороне стряхнул с себя прицепившиеся огоньки и благополучно добрался до дома.

Бродячий огонек.
Рисунок XVI в.

В наших местах можно наблюдать самое разнообразное свечение. Проходя по болоту, путник иногда замечает яркую флуоресценцию на кончиках обувных гвоздей, на обитых железом носках или каблуках сапог. Часто светится по ночам древесина, особенно березовая. Один фермер рассказывал, как вышел ночью за дровами к поленнице и, открыв дверь дровяного сарая, мог различить каждую деталь в свете, исходящем от поленьев.

Многие ирландцы, разумеется, связывают блуждающие огни исключительно с фейри. В ответ на объяснения о болотном газе они указывают, что огоньки иногда проявляют почти человеческий разум.

ХОЛМ РАТМОР

В окрестностях Ратмора, между Трали и Килларни, есть любопытный холм-городище с тремя террасами вместо обычной насыпи и рва. Он стоит на берегу реки Мэйн и образует неполный круг, потому что примерно треть его срезана береговым обрывом. Когда-то круг явно замыкался, но

с течением времени осыпался, и восстановить его прежнюю форму уже невозможно. Следующий откос полностью уцелел, образуя крутую высокую стену, а внутренний круг — примерно десяти футов в поперечнике, с площадкой на вершине и не более двух футов в высоту. Терраса между двумя внутренними откосами около двенадцати футов шириной.

Лет пятьдесят назад, солнечным июльским деньком, владелец земли фермер О'Силливан косил луг вокруг городища. Он, как и в прошлые годы, был раздосадован тем, что не мог заставить двух коней, запряженных в косилку, работать на узкой полоске между двумя откосами. Это было тем более обидно, что трава там росла густая и сочная, а косить ее косой было бы немалой работой: невыкошенный участок по кругу был довольно велик. Поглядывая на маленький пригорок, он размышлял, как просто все было бы, не торчи он здесь. Потом он вспомнил своих сильных, крепких сыновей, парней восемнадцати и двадцати двух лет от роду, и подумал, что им ничего не стоит сровнять горушку. На соседнем поле была большая впадина, откуда, возможно, брали землю для насыпи городища, и ее как раз неплохо было бы засыпать.

Он решился и на следующий день, не откладывая, послал сыновей с лошадью и тележкой скопать пригорок. Они охотно взялись за дело и успели отвезти и высыпать в яму две или три тележки земли, а потом присели передохнуть и выкурить по трубке. Важно помнить, что лошадь и тележка были совсем рядом с ними.

День был теплый и солнечный, но на холме дул ветерок, так что, разжигая трубки, парни повернулись спиной к ветру и нагнулись, сложив ладони чашечкой. Чтобы затянуться и хорошенько раскурить трубки, потребовалось не больше полуминуты. Потом они выпрямились и остолбенели в

ужасе и изумлении. Тележка по-прежнему стояла рядом, но лошадь исчезла, а оглобли упирались в землю. Лошадь же преспокойно щипала траву чуть поодаль. Всем известно, с каким шумом двигается телега, запряженная лошадью, как звенят цепи, скрипят оси, хлопает упряжь, фыркает и топает копытами лошадь. Здесь же все произошло без малейшего звука, который мог бы предупредить братьев о невероятном зрелище, представшем перед ними.

От такого нежданного вмешательства невидимого мира нельзя было отмахнуться, и оба парня нисколько не сомневались, что оно означает. То было ясное, но, к счастью, мягкое и доброжелательное предостережение оставить городище в покое и не нарушать покой несомненно обитавших там фейри. Нечего и говорить, что через несколько минут парни уже мчались к дому вместе с лошадью и телегой. Они рассказали обо всем отцу, и он, видя искренность и отчаяние сыновей, поверил в правдивость их рассказа. Тот пригорок и по сей день стоит нетронутым, и особо любопытные могут на него полюбоваться.

ЗАКОЛДОВАННЫЕ МЕСТА

«Фоидин Серчрайн», «заколдованные места» или, как их иногда называют, «одинокие дерновины», издавна хорошо известны в Ирландии. Такие ловушки для неосторожных (или для каждого, кто забредет в такое место) встречаются и в других странах. В Ирландии они не опасны для жизни, хотя и причиняют немало неприятностей. Фейри иногда накладывают заклятие на определенное место, чаще всего на лужайку или поляну, и тот, кто ступит на нее, тут же собьется с дороги и не сможет уйти с этого места, пока фейри не наскучит забава и они не распахнут невидимые ворота.

Считается также, что можно снять заклятие, вывернув свою одежду и надев ее наизнанку. Если идут вместе двое или несколько человек и им кажется, что предводитель заплутал, словно бы попал на заколдованное место, можно спросить его по-ирландски: «Вил ту серт?» (Ты уверен?) Если он ответит: «Нил йосагам» (Не знаю) и добавит: «Тайм а гол аму» (Кажется, я заблудился), нужно быстро ответить: «Спаси тебя господь» и перекреститься. Утверждается, что говорить надо обязательно по-ирландски, иначе не поможет.

Вот два подлинных происшествия. В обоих случаях жертвы заколдованного места точно знали, где находятся, но часами не могли выбраться оттуда.

ПОЛЕ БЕЗ ВОРОТ

Преподобный мистер Харрис был приходским священником в местечке, которое официально принадлежит к округу Лейтрим, но фактически прихватывает и Слиго, и Роскоммон, поскольку находится у границы всех трех округов. Когда-то на этом месте стояла кузница, которая считалась принадлежащей сообща всем трем графствам. Ко времени этого происшествия мистер Харрис прожил в местечке уже не один год и заслужил общую любовь и уважение. Следует отметить, что мистер Харрис, хотя и был полон человеческой симпатии и понимания, сам был человеком практичным, деловым и очень энергичным, вовсе не склонным к мечтательности и романтике воздушных замков фейри.

В день середины лета 1916 года его пригласили к больному прихожанину, который жил в нескольких милях по дороге. Через холмы шла тропинка, которая была на четыре мили короче. Священник хорошо знал эту живописную тропинку и часто ею пользовался. Дело было чудесным летним

вечером, и он решил, что приятнее прогуляться по полям, чем возиться, запрягая лошадь. Около десяти часов он вышел из дому, сказав жене, что вернется вскоре после полуночи, и уверенно зашагал по знакомой дороге.

Через три четверти мили от дома он вышел на поле в семь акров шириной, посреди которого рос старый могучий терн. В округе верили, что это дерево принадлежит фейри. Тропа проходила через поле, и в изгороди были устроены деревянные ворота из пяти перекладин, такой ширины, чтобы могла свободно проехать телега. На другой стороне через изгородь вел перелаз. Сама изгородь представляла собой плотную непроницаемую стену колючего кустарника, перед которой был прокопан ровик.

Мистер Харрис прошел в ворота и закрыл их за собой, как заведено у сельских жителей, после чего он беззаботно зашагал к перелазу. Но, пройдя через поле, он с изумлением обнаружил, что никакого перелаза там нет, а потом заметил, что и тропа исчезла. Решив, что в задумчивости сбился с тропы, священник пошел вдоль изгороди, отыскивая перелаз. Было довольно светло, и он внимательно осматривал изгородь, но нигде не видел ни перелаза, ни тропы. К этому времени он начал понимать, что происходит нечто сверхъестественное, однако не ощутил ни малейшего страха, а только веселую досаду. Во всем этом не чувствовалось никакой враждебности или злого умысла, и где-то за спиной ему почти мерещилось проказливое хихиканье.

Поняв, что перелаза не найти, мистер Харрис решил вернуться к воротам и пойти другой дорогой, но тут его ожидал еще больший сюрприз — ворота и тропа к ним тоже пропали! Он ошеломленно огляделся. Вокруг него расстилалось поле и темнела в сумраке плотная стена живой изгороди. Посреди поля раскинуло корявые ветки дерево фейри, но

нигде не видать было ни тропы, ни ворот, ни перелаза. Все это казалось совершенной и фантастической нелепицей, но приходилось признать, что он застрял. Однако священник отказался смириться с поражением и принялся систематически обходить изгородь, тщательно осматривая каждый фут в поисках просвета. Через некоторое время он вернулся к исходной точке в полном недоумении. Теперь уже не оставалось сомнений, что выход исчез!

Трудно сказать, сколько времени это продолжалось, но, вероятно, пару часов, и все это время мистер Харрис неутомимо продолжал поиски выхода из тупика. Внезапно чары рассеялись, и мистер Харрис тут же обнаружил и ворота и перелаз там, где им и полагалось быть. Оказалось, что он стоит у самого перелаза. Шутке конец, фейри позабавились, и он мог теперь спокойно продолжать путь. Однако мистер Харрис не забыл, что его ждет больной прихожанин, а между тем на лежащих перед ним холмах могли поджидать другие шутники-фейри. Он решил, что осторожность — лучшая сторона мудрости, и вернулся к домику. Было уже поздно выводить дрожки, так что он взял велосипед и поехал по дороге. Семимильный крюк по дороге показался ему короче, чем прямая тропка через владения фейри.

Это поле, с воротами, перелазом и терновником, можно видеть и по сей день, если кто-нибудь рискнет пройти через него в Иванов день, ночь на Бельтайн или в иной день, когда резвятся фейри.

ЗАКЛЯТИЕ ЛИЗ АРДЕН

В 1935 году одной почтенной женщине, которая жила тогда в нашем доме в Майо, понадобилась вторая помощница по хозяйству. Ей удалось найти очень славную, разумную

и спокойную девятнадцатилетнюю девушку, Б. М., из уважаемой и состоятельной семьи мелких фермеров, живших в деревушке Милих, в трех-четырех милях севернее. Эта девушка никогда еще не покидала дома и теперь, под заботливым присмотром моей тетушки, продолжала вести спокойную и размеренную жизнь. Ее познакомили с несколькими местными фермерами — все бывшие арендаторы и друзья нашей семьи, которые поддерживали нас уже много поколений. Только к ним она и ходила в гости. Среди этих избранных было весьма почтенное семейство домоправительницы тетушки, под непосредственным началом которой и состояла девушка.

Как-то в субботу, прожив в Большом доме уже шесть или семь недель, девушка получила свободный вечер и решила провести его в семье домоправительницы Солон. Был теплый солнечный день, а девушка затосковала по дому и задумала взобраться по дороге на Лиз Арден, знаменитый холм-городище фейри, который стоял всего в четверти мили от дома и почти по дороге к Солонам. С этой возвышенности видна была Милихская Круглая башня. Вернуться ей надо было задолго до темноты, к семи часам, чтобы поспеть к ужину. Но в семь часов она не вернулась, не вернулась и в восемь, и за ней послали на ферму. Посланец скоро вернулся с тревожной вестью, что девушки там не было. Вскоре то же известие пришло от остальных соседей.

Тут уже забеспокоились всерьез. К тому времени совсем стемнело, и несколько поисковых партий с фонарями отправились прочесывать округу. Искали долго и тщательно и только к полуночи стали возвращаться, оставив бесполезные поиски.

Всего через несколько минут после возвращения последней группы сама Б. М. вошла в открытую дверь и, бессиль-

но опустившись на скамеечку, расплакалась. Было ясно, что бедняжка совершенно измучена и перепугана, но тепло кухонного очага и чашка горячего чая скоро излечили молодую и крепкую девушку.

Рассказ ее поразил всех, и соседи разинув рты слушали повесть о ее приключениях. Ее напевный сельский говорок завладел кухней.

Оказывается, по дороге к Солонам она, как и собиралась, свернула налево через поле, к подножию Лиз Арден. Девушка благополучно поднялась по крутому склону, перелезла вал, перебралась через ров и вошла в буковую рощицу, что росла на вершине. Был чудесный солнечный день, и она стояла и любовалась в просвет между стволами на далекую гору Немфин, гордо возвышавшуюся на северо-западе. Потом ее взгляд обратился ближе к дому, и она увидела на севере Круглую башню без крыши, под которой прошло ее детство в Милихе. Собственного дома она разглядеть не сумела, но видневшиеся вдалеке перелески, луга и холмы задевали струны ее сердца. Она постояла еще, глядя на них, потом опустила взгляд к уютным фермам и домикам под холмом, в один из которых и собиралась в гости. Она проследила глазами извилистую темную тропинку, которая выходила на дорогу к ферме.

К этому времени девушка немного продрогла. Было начало лета, но ее тонкое новое платье из красного переливчатого шелка, присланного родственниками из Америки, не защищало от прохладного ветерка, дующего на вершине. Она весело побежала к проходу через вал — и тут случилось нечто невероятное. Девушка едва шагнула в проход и вдруг почувствовала странный толчок, исходивший скорее изнутри ее, от напряжения мышц, нежели извне. Не успела она осознать, что происходит, как уже

быстро шла в противоположном направлении, прямо в рощу.

Она прошла еще несколько шагов, прежде чем сумела заставить себя остановиться и развернуться. Ей пока не приходила мысль ни о чем сверхъестественном. Она просто посмеялась над своей глупой ошибкой и снова направилась в проход. Но, едва она шагнула к нему, повторилось то же самое. На этот раз она поразилась и начала побаиваться.

Девушка постояла несколько секунд, оглядываясь вокруг и отгоняя нарастающий в груди ужас. Но при виде спокойной мирной рощицы, окружавшей ее, и солнечных веселых полей под холмом паника оставила ее, так что она вскинула голову и бодро зашагала вперед, на сей раз направляясь к тому месту, где перелезла через вал, поднимаясь на холм. Она решила вернуться тем же путем, и это казалось очень легко, потому что ров был неглубок, а вал — невысок. Но тут ее ожидал новый удар: она словно наткнулась на невидимую стену. Было ли это только ее воображение или там действительно существовало невидимое препятствие, она не знает и по сей день, но факт оставался фактом: вдоль вала тянулась линия, через которую она не могла ни перейти, ни даже протянуть руку.

Девушка пошла вдоль рва, оставляя его по правую руку, и все громче всхлипывала, снова и снова тщетно пытаясь перейти колдовскую черту. Она пыталась укрепить себя молитвой, но и молитва не помогала. Сколько-то она прошла вдоль рва, спотыкаясь о кочки и корни, потом остановилась и пошла назад, к месту, где поднималась. Она твердо ощущала, что нельзя ни присесть, ни прилечь, ни выказывать слабости перед той невидимой силой, которая удерживала ее. Она должна была все время двигаться и оставаться

настороже, готовая при первой возможности броситься бежать, не то с ней случится беда пострашнее.

Она больше не ощущала вокруг себя спокойного дружелюбия окружающей природы и все сильнее чувствовала враждебность, исходящую из точки в северо-западном краю вала. Эта враждебность и раздражение нарастало, захлестывая ее, как сердитый горный поток. Совершенно не понимая этого чувства, она все же старалась держаться как можно дальше оттуда, на юго-восточной стороне, поближе к месту, где вошла.

Наконец солнце закатилось и спустились сумерки, которые слишком быстро перешли в темноту безлунной ночи: полную, непроницаемую тьму, которая хорошо знакома сельским жителям. Девушка металась вдоль рва, как дикий зверь в клетке, снова и снова пытаясь нащупать проход в колдовской стене. Холод и усталость усугубили ее отчаяние, но наконец она увидела мелькающие вдали огни фонарей. Огни приближались, и вскоре она разглядела фигуры троих или четверых людей. Когда они приблизились, она громко закричала, окликая их в лихорадочной надежде. Они подходили все ближе, и девушка слышала их крики и надеялась, что они отвечают ей. Они поднялись на холм и пошли вдоль вала, размахивая фонарями и то и дело выкрикивая ее имя. В какой-то момент они были всего в двадцати—тридцати шагах от нее. К этому времени девушка стояла на виду у них у самого рва и отчаянно кричала, но они прошли мимо, не видя и не слыша ее сквозь разделявшую их невидимую стену. И вот они ушли, оставив ее позади, по-прежнему беспомощную в своей невидимой тюрьме.

Было уже так темно, что двигаться приходилось ощупью, и когда спасители ушли, ей оставалось только продолжать неустанно обшаривать сухой ров в поисках выхода. Время в

этой тьме тянулось бесконечно, и однообразная тишина только дважды нарушалась далекими криками людей, разыскивавших ее с фонарями.

Наконец появилась еще одна группа, которая проходила у подножия холма, возвращаясь к дому. Люди были слишком далеко, чтобы услышать крик, и девушка с тоской проводила их взглядом и тут вдруг осознала, что невидимая преграда исчезла. Она мигом перебралась через вал и остановилась на темном склоне, исполненная благодарности к небесам. Она наконец была свободна, но еще не чувствовала себя в безопасности, поэтому не теряя времени побежала вслед огням. Спотыкаясь в темноте, девушка не сумела догнать людей. Никто не слышал ее криков, так что она бросила кричать и сосредоточилась на том, чтобы отыскать тропинку у подножия холма. Выбравшись на тропу, она, как легко догадаться, стремглав бросилась к дому.

Ни один разумный человек, слушая ее, не усомнился бы в ее правдивости. Ее подробно расспрашивали, но она ни разу не сбилась даже в мелочах. В тот день она не побывала ни у кого из соседей — эту возможность многократно проверяли. Не было сомнений в ее физическом истощении, неизбежном для того, кто провел много часов на ногах в ужасе и отчаянии. Ее платье оставалось чистым и неизмятым, что еще раз доказывало, что она нигде не спала и не отдыхала.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ МИКА

Еще один забавный случай с заколдованным местом произошел на поле, которое разделяло два домика поместья Килладен. Один дом принадлежал Джону Солону, а в дру-

гом жила Нэнси Каннингхем. Иногда у нее гостил ее племянник, Мик Валш.

Мик, который любил пропустить глоточек при случае, хотя вовсе не был пьяницей, по разным причинам был в округе предметом шуток, хотя относились к нему неплохо, потому что он был добрым и безобидным человеком.

Однажды вечером у Джона случилась веселая вечеринка без капли выпивки. Разошлись рано, около десяти, и Мик, который тоже был в компании, пошел через поле к дому Нэнси. Далеко за полночь семью Джона разбудил громкий стук в дверь. Наконец дверь распахнулась, и в дом ввалился Мик. Он представлял собой жалкое зрелище — вся одежда вывернута наизнанку и насквозь промокла. Бедняга дрожал от холода и усталости и едва мог говорить. Быстро раздули огонь и налили ему горячего питья, а он скорчился на табуретке над пылающим торфом.

Только теперь Мик начал отвечать на настойчивые расспросы. Он рассказал, как шел по пустынному полю и зашел далеко, прежде чем заметил, что место совсем незнакомое. Тут он поспешно снял пальто и вывернул наизнанку. К несчастью, и надетое наизнанку пальто ничуть не помогло, и куда бы он ни пошел, всюду натыкался на незнакомую и непроходимую изгородь.

Наконец он сдался и притулился у откоса, ожидая спасения. Сколько он там пролежал, он сам не знал, но ему казалось, что целую вечность, судя по тому, как он продрог и как затекли у него ноги. Он едва сумел встать, чтобы еще раз попробовать выбраться. На этот раз все пошло хорошо, и он скоро оказался перед тем самым домом, из которого вышел, так что он вернулся просить приюта и помощи. Бедняга нисколько не был пьян, да и выпить было нечего. Можно

только догадываться, что творилось у него с головой, но у Солона он казался вполне вменяемым, хотя был измучен умственно и физически, что кажется вполне объяснимым при таких обстоятельствах.

Однако соседи, вместо того чтобы посочувствовать его горю, только посмеялись над беднягой, и «Мик со своими фейри» надолго вошли в пословицу.

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ БРАКОНЬЕР

Любимой забавой мальчишек в сельской местности была в старину браконьерская ловля форели ночью на реке Гвистион. Для этого кусок торфа обмакивали в парафин и надежно насаживали на вилы или другую палку, какая попадалась под руку. Потом, выбрав на реке подходящее местечко, торф зажигали и держали пылающий факел над водой, а мальчишки бродили по воде в тени, высматривая рыбу. Ослепленную и ошалелую от света рыбину легко удавалось заострожить и выкинуть на берег. Но тайну сохранить не удавалось, потому что горящий факел был виден издали и выдавал браконьеров «плотогонам», как называли речную охрану.

В этой опасности и заключалась главная привлекательность охоты, на которую иначе смотрели бы как на скучную обязанность. Подростки, застигнутые «плотогонами», мгновенно тушили факел в воде и разбегались по темным полям, чтобы снова собраться в условленном месте и за ужином похвастать своими приключениями. Если удавалось поймать форель, ее приносили с собой и честно делили на всех.

Однажды мальчишка, который жил за несколько миль оттуда и гостил у местных родственников, не явился на место встречи. Места он знал хорошо и, должно быть, насту-

пил на «одинокую дерновину», потому что его отыскали только через несколько часов, приткнувшимся у откоса и совершенно не понимающим, где он и как сюда попал. Как только его обнаружили, парень пришел в себя, словно появление людей прогнало опутавшие его чары.

ЛИЗМИРРАН

У самой границы Килладена, на том же берегу реки, есть холм фейри, называемый Лизмирран, под которым приютились школа и несколько домиков. Название означает «холм, на котором теряют дорогу», из чего видно, что поверье о заколдованных местах распространено по всей округе.

Конечно, не приходится обвинять в особом цинизме человека, который заметит, что «заколдованное место» может оказаться посланным самим небом оправданием для запоздавших домой гуляк. Однако на деле пострадавшими чаще оказываются не выпивохи, а достойные, рассудительные, трезвые люди. Как видно, с точки зрения фейри, только с такими шутка и выходит по-настоящему забавной.

ВРАЖДЕБНЫЕ ДУХИ И ВРЕДОНОСНЫЕ ЗАКЛЯТИЯ

Колдовской голод

«Феар гортах», или «голодная трава», — определенно неприятное явление. В одних местах оно широко распространено, в других встречается редко. Полагаю, это зависит от настроя местных фейри, хотя мне случалось слышать мнение, что фейри тут вовсе ни при чем, а просто голодная трава вырастает на месте, где опустили по дороге на кладбище

покойника без гроба. Другие, причем таких большинство, отрицают это утверждение чуть ли не как безбожное и твердо винят исключительно фейри.

Заклятие, безусловно, вредоносно, хотя действие его кратковременно и легко излечивается сытным обедом. Иногда оно прочно связано с определенной местностью. У старого поместья Ормсби в Баллиморе, в нескольких милях к западу от Килтимага, был участок дороги, на котором людей, едущих в город, настолько часто поражал колдовской голод, что женщина, жившая в придорожном домике, всегда держала наготове миску овсянки, и ее добрая забота спасла немало страдальцев. Чаще всего «голодная трава» поражает людей в Майский праздник.

В годы, когда лорд Абердин был лордом-лейтенантом Ирландии и жил в доме вице-правителей в Феникс-парке, их соседка, мисс Эмма Макманус, подружилась с леди Абердин и сотрудничала с ней во многих благотворительных предприятиях. Среди прочего мисс Эмма задумала устроить сельскохозяйственную выставку в Килледене, где мы тогда жили. Это была первая такая выставка в округе Майо, и она вызвала значительный интерес, так что мисс Эмма надеялась, что другие последуют ее примеру. Дело было в 1912 году, и в начале лета она организовала комитет местных торговцев и фермеров, которые помогали ей в проведении выставки.

Мистер Майкл Марфи, самый крупный торговец и наиболее уважаемый гражданин городка Килтимаг, был избран почетным казначеем. Он энергично приступил к исполнению своих обязанностей. Ему было тогда сорок восемь лет, и он находился в расцвете сил. Стояла прекрасная теплая погода, и мисс Макманус часто устраивала заседания комитета в крепком двухкомнатном каменном

садовом домике. Он стоял на пригорке в большом саду, и вокруг росли большие буки, давшие приют множеству лесных голубей, рыжих белок, поползней и другим очаровательным лесным жителям.

В день, о котором пойдет речь, она назначила заседание комитета на восемь часов вечера в садовом домике. Присутствовали не только мисс Макманус и гостившая у нее подруга, но и дамы — инструкторы по птицеводству и агрономии; казначей, мистер Марфи; мистер Макниколас, почетный секретарь и директор местной школы, и еще двое или трое местных жителей в том же роде. Мистер Марфи, после позднего и долгого чаепития с закусками у себя дома, выехал в половине восьмого и не торопясь проехал на велосипеде три мили до Килледена. Заседание, как обычно, шло неспешным порядком и закончилось в десять, после чего тетушка угостила всех чаем со множеством булочек и бутербродов.

Мистер Марфи и мистер Макниколас вышли вместе и расстались у ворот парка, разойдясь в разные стороны. Но не проехал мистер Марфи и тридцати ярдов, как его одолел страшный голод. Голод, казалось, как живое существо, набросился на него из лощины справа от дороги и с каждым ярдом пути становился все сильнее, грызя и терзая его внутренности мучительными судорогами. Добравшись до моста через реку, мистер Марфи так ослаб и измучился, что не мог уже крутить педали. Он остановился и, едва не свалившись с велосипеда, кое-как добрался до перил моста, чтобы, прислонившись к ним, передохнуть немного. Затем он отправился в запомнившийся ему на всю жизнь путь к дому. От моста до города дорога на протяжении двух с половиной миль плавно поднимается в гору, и он шел по ней, опираясь на руль велосипеда и катя его рядом с собой, чтобы не упасть.

Наконец он добрался до главной улицы городка, добрел до двери своего дома и, уронив велосипед, ввалился внутрь, громко требуя еды. Он вошел в столовую и упал ничком на коврик у камина. Встревоженные домочадцы бросились к нему и подали большой каравай свежевыпеченного хлеба и блюдце масла. Несчастный не стал терять времени, разрезая хлеб, и на глазах потрясенных родственников отрывал большие куски и пожирал их всухомятку, даже без масла, пока не съел все до последней крошки.

Только теперь к нему вернулись силы, и он, все еще с трудом держась на ногах, поднялся и занял свое обычное место за столом. Голод еще не отступил, так что он принялся за дело и прикончил миску омлета с картошкой и ветчиной. Наконец он удовлетворил свой таинственный и неодолимый голод и поведал семейству о своем приключении. Теперь он начал задумываться о последствиях. Он никогда не отличался хорошим пищеварением и, проглотив почти не жуя каравай горячего хлеба, наверняка должен был поплатиться ужасной ночью несварением и коликами. Однако его уже одолевал сон, так что мистер Марфи отправился в постель. Как ни странно, он тут же крепко заснул, спокойно проспал всю ночь и проснулся на следующее утро свежим и бодрым как никогда.

Этот колдовской голод— таинственное явление, хорошо известное в Ирландии. Он нападает на человека внезапно, где-нибудь в пустынной местности и настолько мучителен, что ему невозможно сопротивляться. Но он проходит со временем и не оставляет после себя никаких дурных последствий. В данном случае мистеру Марфи пришлось поглотить чудовищное количество пищи, считая домашний чай, щедрое угощение мисс Макманус и все, что он съел, добравшись до дому.

Дух в саду

Этот случай произошел в конце шестидесятых годов прошлого века. Как-то летним вечером несколько молодых людей задумали устроить вечеринку в садовом домике, который стоял в дальнем конце сада. Здесь они могли шуметь и веселиться сколько угодно, не беспокоя домашних.

Был расцвет лета, и молодежь, пригласив друзей-ровесников из соседних домов, трудилась весь день, готовя угощение. Они делали все сами, не отвлекая работников и служанок от обычной работы. В свой срок все было готово, и после ужина началось веселье.

Вскоре после полуночи, когда пришло время расходиться по домам, хозяин дома решил пройтись проведать молодежь, заодно разыграв с ними шутку, колотя в дверь и окна и прикинувшись привидением или духом. Высоко в небе стояла почти полная луна, но ветерок гнал по небу легкие облака, и они то и дело затеняли лунный свет.

Хозяин взял трость и вышел в старый заросший сад, пройдя по дальней аллее мимо конюшен. В полной темноте он прошел под большим каменным дубом и, миновав высокие буки, вышел из-под деревьев на полпути к домику. Слева от него росла густая рощица лавра, а справа лежала небольшая поляна, за которой начинался яблоневый сад. Под раскидистыми ветвями старых яблонь было совершенно темно.

Когда он проходил по полянке, в лаврах послышался шорох сухих листьев и оттуда выскочило большое животное, пробежав направо, к яблоням. Оно напоминало лису с длинным пушистым хвостом, но размерам было ближе к волку, чем к лисе. Когда животное выскочило на поляну,

ирландец хлопнул в ладоши и выкрикнул: «Кыш!» Зверь мгновенно поднялся на задние лапы и повернулся к нему. Существо было ростом с человека или даже выше, но к своему ужасу хозяин дома увидел, что у него нет головы. Между тем он чувствовал, что зверь смотрит на него, излучая ненависть, жестокость и злобу.

Казалось, целую вечность простоял так человек, глядя туда, где должны были бы располагаться глаза этого создания. Он совершенно отчетливо видел сквозь невидимую голову стволы яблонь, но знал, что голова там и что из ее глазниц изливается на него злобная ненависть.

Наконец он собрался с силами и, подняв руку, сотворил крестное знамение, призвав все небесные силы себе на помощь. Тварь тут же снова упала на четыре лапы, метнулась в темноту под яблонями и исчезла там. Человеку этого хватило, и хотя он был далеко не трус, однако решил, что нынче неподходящая ночь, чтобы разыгрывать привидение. Так что он повернулся и пошел домой, выбрав более длинную, но зато более светлую переднюю аллею. Он не счел нужным тревожить веселую компанию, потому что десяток молодых ребят и девушек, возвращающихся домой со смехом и фонарями, распугают любых духов.

Демон на конюшне

Четырнадцатилетний мальчик приехал домой из школы в Англии на рождественские каникулы. Он играл в прятки со старшим братом. Игра шла на площадке, ограниченной зданиям конюшен, в которых располагался коровник, амбары, сеновал и тому подобное. Дело было к вечеру, но еще не стемнело. Мальчик, на цыпочках пробравшись в амбар, услыхал вдруг топот и фырканье из конюшни внизу. В те вре-

мена над яслями в каждом конце конюшни устраивали люки, в которые было легко сбрасывать сено.

Быстро пробежав к люку над конюшней, в которой слышался шум, ребенок рывком откинул крышку, рассчитывая застать там брата. Прежде чем спрыгнуть вниз, он просунул в люк голову. К своему изумлению он увидел двух перепуганных лошадей, которые дрожали и фыркали от страха, пятясь от кормушек, лежавших на дальнем от мальчика конце конюшни и, быть может, к счастью для него, под другим люком. Он удивленно взглянул туда и увидел не далее чем в двенадцати футах от себя нечто наполнившее его ужасом. Он всю жизнь не мог забыть этого зрелища. Там скорчилась злобная фигура с пылающими глазами, которые светились красным, как горячие угли. Существо свернулось в плотный комок и казалось не выше роста мальчика, присевшего на корточки. Ребенок запомнил только этот ужасный взгляд, скорчившееся в дальнем углу яслей тело и руку — человеческую руку, но какую страшную! Она вцепилась в край кормушки и была грязного серовато-коричневого цвета. Пальцы были — кожа и кости, а заканчивались не человеческими ногтями, но кривыми острыми когтями.

Мальчик, задыхаясь, несколько секунд не мог отвести взгляда. Потом он отскочил обратно в амбар, захлопнул люк и помчался в дом, криком предупреждая брата. К счастью, брат вышел на первый же оклик, и они оба убежали.

Полтергейст на кладбище

Несколько лет назад на кладбище на окраине Дублина произошел любопытный случай. Происшествие может показаться незначительным, но оно явно относится к сфере сверхъестественного и настолько хорошо подтверждено

свидетельствами, что его стоит упомянуть. Случилось это зимой 1935 года. Кладбищем заведовала миссис Дин, женщина лет пятидесяти пяти, муж которой был полным инвалидом. Мать ее в то время также слегла с тяжелой болезнью. Она умирала. Сама миссис Дин была довольно чудаковатой женщиной. Она отличалась прямотой и искренностью и была легка на язык, может быть, даже слишком легка. Как-то ясной морозной январской ночью, когда полная луна освещала белую от инея землю, так что было светло как днем, к матери миссис Дин заглянул доктор Селларс. Он привел с собой помощницу — молодую сиделку мисс Шарп.

Пока сиделка в спальне занималась пациенткой, доктор болтал с миссис Дин, которую давно знал. Но когда он из вежливости спросил миссис Дин, как она сама поживает, то услышал в ответ, что у нее в последнее время много хлопот. Она ткнула пальцем в сторону кладбища и добавила: «Многовато их стало. Я поначалу не против была, чтоб они немного побезобразничали, но кое-кто никак не угомонится. Хорошо еще, что Х. У. (она назвала известного, состоятельного и влиятельного горожанина, скончавшегося за десять лет до того) в крепком склепе лежит, а то бы он хуже всех шкодничал».

Доктор не раз слышал от нее странные вещи, но это превзошло все прежние причуды, и он немало развеселился. Тут как раз вышла сиделка и доложила, что пациентка готова. Доктор собрался пройти в спальню, но прежде повторил сиделке слова миссис Дин. Девушка не так хорошо знала эту даму, и на нее эти слова произвели большое впечатление. Однако врачебный долг прежде всего, и они занялись больной. Через несколько минут они сделали все, что нужно, и собирались уходить. Доктор, натягивая пальто, беззлобно

подшучивал над рассказом миссис Дин, но она твердо стояла на своем и не сдавалась. Пожелав ей доброй ночи, доктор повернулся к входной двери. Едва он коснулся ручки, дверь содрогнулась от страшного удара и едва не слетела с петель. Доктор тут же распахнул дверь, но снаружи все было тихо и спокойно. Яркая луна освещала кладбище. Доктор распахнул дверь так быстро, что у стучавшего не было ни малейшей возможности спрятаться или убежать.

Внимательно осмотревшись в поисках стучавшего и никого не обнаружив, доктор занялся дверью. Он ожидал найти на ней глубокую вмятину, но, к своему удивлению, не нашел ни царапины. Он вернулся в дом и увидел потрясенную девушку и торжествующую миссис Дин.

«Что я вам говорила, доктор? Вот так все время и не дают мне покоя». Доктор решил, что такое дело требуется хорошенько обдумать, и ушел домой, не сказав ни слова. Однако он позаботился утром осмотреть дверь при ярком свете и без спешки, причем еще раз убедился, что на ней не осталось ни царапины.

Нечто в саду доктора

Остров Блик Спайк расположен точно посреди бухты Корк и защищает узкий выход в море, поэтому островок всегда считался важной точкой в обороне этого знаменитого морского порта. На нем размещены мощные артиллерийские батареи, несколько укрепленных каменных казарм и вспомогательные здания, необходимые для размещенного здесь гарнизона. Большую часть года этот голый клочок земли продувается холодными ветрами, и, если бы не его важность с военной точки зрения, вряд ли кто-нибудь согласился бы там жить. Однако остров обитаем, и у его обитателей

маловато развлечений. До изобретения радио они, надо полагать, слишком часто были погружены в собственные мысли, а мысли, навеваемые этой мрачной землей, были невеселыми.

Для тех, кто обладает чувствительностью к подобным вещам, этот остров представляется более подходящим пристанищем для беспокойных душ и диких демонов, чем для нормальных, добрых людей. Много трагедий произошло здесь в былые годы: убийства и самоубийства, навеянные отчаянием одиночества или спиртным, а может быть, злыми духами, которые ненавидят людей, нарушивших их уединение.

Эти духи еще живут там, несмотря на двухвековое соседство человеческих существ, что и доказывает история, поведанная миссис Айлин Гэнли, очаровательной и одаренной леди, хорошо известной в общественной жизни Дублина.

Создание, которое она видела, относится, несомненно, к низшему и ужасному разряду стихийных духов, которые полны враждебности к смертным, и встреча с ним могла оказаться несчастной и даже гибельной для чувствительной маленькой девочки, перед которой он предстал во всей своей темной злобе. Если бы глаза их встретились, ее сердце могло остановиться.

Легко представить себе эту сцену. Маленькая девочка весело бежит вприпрыжку, занятая простыми и светлыми детскими мыслями. Она торопится выполнить поручение отца. Светит яркое теплое солнце — и вдруг над ней склоняется холодный ужас. Вот ее собственный рассказ.

Это случилось в 1914 году. Мне было тогда шесть лет. Мы жили на острове Спайк — мой отец, хотя и был ирландцем родом из Типерери, служил в британской армии. Мы

прожили там много лет. Отец, мать, два моих старших брата и я составляли очень счастливую семью. Мы, дети, играли и бродили по всему острову, и всюду нас встречали приветливыми улыбками. Мой отец был очень чувствителен к духовным явлениям, что причиняло ему много неудобств. Он ненавидел свою чувствительность и никогда не развивал свой дар. Он считал, что шутить с ним опасно, и был очень встревожен, когда я, еще совсем маленькой, начала предсказывать будущее.

Никто никогда не учил меня предсказывать будущее. Сперва я делала это, чтобы оживить вечеринку, но скоро обнаружила, что попадаю в точку, даже когда предсказываю своим «жертвам» события их будущего, о которых никак не могла знать. Они совершенно серьезно считали мои пророчества лежащими за пределами возможного и в конечном счете обычно обвиняли в случившемся меня же. Прогнозы сбывались так часто, что я уже не могла относиться к ним как к случайному совпадению.

Я упоминаю об этом, чтобы объяснить, что я отчасти унаследовала дар отца.

Событие, о котором я хочу рассказать, относится, несомненно, к событиям духовной жизни. По сей день я так ясно вижу эту картину, что могла бы нарисовать ее.

Кроме того, готова поклясться, что до того дня я не слышала никаких рассказов о том месте, о котором пойдет речь; следовательно, я не была «настроена», а даже если бы и была, чудесный солнечный полдень должен был отогнать все мрачные фантазии.

Отец всегда сам давал мне уроки и каждый день в полдень посылал меня встретить паром с большой земли, из Коба, чтобы взять для него газеты, а заодно прогуляться на свежем воздухе.

Дом, где мы жили, стоял в полумиле от причала у самого моря. Дорога шла вдоль берега, так что море было у меня справа, а холмы острова — слева.

Мне надо было пройти мимо маленькой часовни, потом миновать белый домик миссис Рейли, которая брала у нас белье в стирку. За ее домиком, но дальше от моря, стояло несколько армейских зданий из красного кирпича, а дальше — дом доктора.

От нас до дома доктора было не больше ста пятидесяти ярдов, и тропинка к причалу проходила между морем и садом с узловатыми старыми деревьями — помнится, я всегда называла их «деревья Артура Рэкхема», потому что они были очень похожи на картинку в моей книжке сказок, где зловещего вида деревья словно смотрели на тебя.

Дом и сад окружала стена ярдов пять высотой — и тропинка шла прямо под ней, так что я могла бы коснуться стены рукой.

Тот день, о котором я говорю, был чудный солнечный денек поздней весны или начала лета — я отлично помню, что поля были покрыты блестящей сурепкой. Я вышла из дома, занятая мыслями о том, что рассказал мне на уроке отец, — что в полдень тень оказывается прямо под тобой, — и первые двадцать—тридцать ярдов от дома я прыгала, пытаясь обойти солнце и перескочить собственную тень. И конечно, убедилась, что отец прав.

Я была поглощена этим занятием и смотрела больше на землю. Случайно подняв взгляд, я увидела, что до угла докторского сада не больше пяти ярдов. Что-то выглядывало из-за стены, уходившей в сторону Коба. Я пробежала еще несколько шагов, прежде чем поняла, что это, и приросла к земле от страха. До него оставалось не больше десяти шагов, и я отчетливо видела его.

Это существо, должно быть, было очень высоким, потому что оно стояло за стеной, и я видела его до пояса — а ведь в стене было пять футов. Оно немного напоминало человека — то есть у него была голова, плечи и руки. Кисти рук скрывались за стеной, и я их не видела.

Если не считать двух черных провалов на месте глаз, оно было сплошь одного цвета — такого лоснящегося желтого. Таким бывает только блеск подтаявшего на солнце масла.

Стена тянулась параллельно дороге, слева от меня, так что это существо смотрело мимо меня — через тропинку, на море и лежавший на том берегу Коб.

Не знаю, долго ли я простояла, застыв в ужасе и глядя на эту тварь, но вдруг она начала медленно поворачивать ко мне голову!

Все еще окаменев, я услышала внутренний голос: «Если оно посмотрит на тебя, Айлин, ты умрешь».

Ноги у меня словно прикованы были к земле тяжелым грузом, но я все же сумела повернуться и бросилась бежать. Я бежала к домику миссис Рейли, до которого было пятнадцать ярдов.

Следующее, что я помню, — моя голова лежит на коленях у миссис Рейли, и она брызжет мне в лицо водой. Я вся дрожала от ужаса. «Ой, миссис Рейли! — вскричала я.— Там, в саду у доктора, что-то ужасное!»

Миссис Рейли погладила меня по голове: «Ты не первая и не последняя видела его, Айлин».

К счастью, я никогда больше не видела его, но позже я узнала, что на острове всем было известно — в саду доктора обитает призрак: не только виденное мной существо, которое, вероятно, было стихийным духом, но и призрак старика, убившего свою молодую жену.

Несколько лет назад я получила разрешение побывать на острове — но, прежде чем продолжать, должна заметить, что, несмотря на тот случай, мои старшие братья, которые оба уже умерли, и я сама всегда считали годы, проведенные на острове, лучшим временем в жизни.

Как я уже сказала, я получила официальное разрешение (оно теперь необходимо) посетить остров. Меня сопровождал очаровательный молодой лейтенант ирландской армии. Мы поднялись к крепости, осмотрели старый ров, в котором мои родители любили играть в теннис, посетили печальное маленькое кладбище, где хоронили осужденных, с его трогательными безымянными зелеными холмиками. Во время прогулки нам пришлось пройти и мимо дома доктора.

«Вы не поверите, лейтенант Фитцджеральд,— заметила я, касаясь стены,— но на этом самом месте я видела призрака».

Я ожидала услышать в ответ добродушную насмешку, однако он отвечал совершенно серьезно: «Меня это не удивляет. У нас в крепости тоже есть призрак. Я сам его видел».

Оказалось, что перед самым моим визитом один из часовых дал выстрел по воротам крепости и получил страшный нагоняй за то, что без причин поднял тревогу. Часовой упорно утверждал, что видел, как из стены кирпичного здания справа от ворот вышел человек в форме британской армии. Но выстрелил он не потому, что увидел британскую форму, его заставило выстрелить чувство ужаса, всепоглощающего ужаса.

Было очевидно, что часовой не в себе, поэтому на следующую ночь лейтенант сам остался на посту вместе с часовым. Повторилось то же самое: показался британский солдат, лейтенант Фитцджеральд выстрелил в него, но фигура продолжала двигаться к ним, хотя любой человек на его месте был бы убит. Призрак растаял в нескольких ярдах перед ними.

На следующую ночь — не знаю, имеет ли это значение — все здание было уничтожено пожаром. Отчего он начался, неизвестно. Призрака с тех пор не видели.

ИСТОРИЯ БИДДИ ЭРЛИ

> «И, получив серебро, ты молила своего Покровителя об исцелении лошади. И кто давал тебе милостыню — погибнет».
>
> *Обвинение Джанет Рэндолл в колдовстве, 1627 год...*

Бидди Эрли, великая «знахарка» девятнадцатого века из графства Клар, — одна из наиболее интересных личностей в западной Ирландии за последнее время. Даже сейчас, спустя семьдесят лет после ее смерти, в провинции Коннакт рассказывают легенды о ней и ее деяниях.

Часто зимними вечерами на западе, когда сосед-другой заглянет выкурить трубочку и поболтать с друзьями, семья собирается у очага и подкидывает побольше торфа, чтобы огонь горел погорячее. И когда яркое пламя изгонит из дома холод шторма, прилетевшего с Атлантики и ревущего в голых вершинах деревьев за окном, а приятный аромат торфа поманит всех поближе к очагу, всем нальют по чашке горячего чая. И пока подвешенный на треножнике котелок с картошкой кипит и весело булькает над огнем, люди откинутся на спинки стульев и пойдут рассказы. Рассказчики сменяют друг друга так же легко, как переходит из рук в руки опустевшая чашка, которую передают хозяйке, чтобы она подлила нового чаю.

И скоро старики — и старухи тоже — заговорят о старине, когда они были детьми или веселыми парнями и девчатами, и припомнят старые истории, которые слыхали тогда.

И тут, если кто-то произнесет имя Бидди Эрли, все примолкнут, кое-кто с беспокойством оглянется на дверь, дети теснее прижмутся к матерям и, быть может, тихий шепот «упаси нас, господи», коснется слуха так же мягко, как опадает в очаге серый пепел сгоревшего торфа.

Но вскоре разговор польется снова, потому что о ней можно порассказать немало, и все замрут в ожидании рассказа. И понемногу начнет разворачиваться предание. Может быть, старик, вынув трубку изо рта, выдует облачко синего дыма в темноту над притолокой и начнет: «Я отлично помню то время. Я сам еще мальчонкой был, когда старый Майкл О'Брайен наезжал к нам с мельницы О'Каллагана, что в графстве Клар, а Бидди Эрли там и жила, по соседству, в Фикле. Он был сапожник и работал у нас месяца по три-четыре. По большей части упряжь чинил. Он-то ее хорошо знал, много о ней слышал и не позволил бы сказать о ней дурного слова. Он был старик властный, вот как. И многое мог о ней рассказать, да и сам видал немало». И тут пойдут рассказы, и каждый будут обсуждать и раскусывать, покуда кто другой не переведет разговор на новый, не менее интересный предмет.

Нелегко вынести справедливое и точное суждение о жизни Бидди Эрли, потому что фигура ее очень противоречива и, как часто бывает в таких случаях, ее могущественные и сплоченные враги сделали все, что могли, чтобы очернить и приуменьшить ее славу. К счастью для правдивого историка, после ее смерти они успокоились и не преследовали ее так ретиво, как на протяжении ее долгой жизни.

Этот рассказ о ней собран из многих источников. Сюда относятся неимоверно старые жители ее деревни, а также ее правнучки — очаровательные и получившие прекрасное образование леди, которые работают сейчас в Дублине.

А также враждебная к ней и весьма противоречивая статья, опубликованная в 1879 году, через шесть лет после ее смерти, и устные предания. Однако наилучшим источником информации оказались старики, которые в молодости слышали рассказы из первых рук от ее современников и друзей. Эти рассказы излучают аромат подлинности каждым словом и удивительно соответствуют друг другу, хотя услышаны в разных местах и даже в разных графствах.

Бидди Эрли родилась в последний год восемнадцатого столетия в крошечной деревушке Фикл в восточной части Клара. Там она прожила всю жизнь, которую никак нельзя назвать лишенной событий, до 1873 года, когда она была призвана к предкам. В молодости Бидди была красивой, здоровой и рослой деревенской девушкой и отлично справлялась с любым делом. Она умела доить и сбивать масло, готовить на уличном очаге, присматривать за домашней птицей и чуять дождь или перемену погоды. С любым делом она справлялась не хуже других деревенских женщин, а часто и лучше. Она обладала сильным и прямым характером, хотя была несколько порывиста, и одарена живым природным умом, усиленным необычайно острой наблюдательностью.

Ее родным языком был ирландский, однако в первом браке она немного выучилась английскому. Позже она могла довольно свободно объясняться на «языке галлов», как тогда называли англичан. С раннего детства в ней были заметны признаки одержимости. Она говорила о встречах и даже играх с духами с той же легкостью, как другие дети рассказывают об игре со щенком или котенком. Когда она подросла и почувствовала настороженность, с какой более ортодоксальные люди относятся к тем, кто слишком близок к невидимому миру фейри, —

хотя сами они не сомневаются в их существовании и порой рассказывают о встречах с ними, — она стала держаться особняком или, по крайней мере, держала при себе свои встречи и приключения с фейри.

Она очень рано узнала дикие травы, их целебные и магические свойства. Земляной народец научил ее использовать травы для колдовства и борьбы с чарами. Поначалу она редко пользовалась этими знаниями, разве что для защиты и при нужде, чтобы лечить родственников и домашних животных. Мало-помалу она начала оказывать услуги друзьям и соседям и лечить их скотину, при условии, что была о них хорошего мнения. Она была очень разборчива и помогала не всякому.

Ее слава целительницы, или «белой» ведьмы, разошлась широко, так что все больше и больше народу приходило к ней за помощью. Сначала соседи, за ними жители ближайших приходов и, наконец, люди со всей западной Ирландии.

Однако задолго до того, как ее известность разнеслась столь широко, началась война между ней и церковью, которая продолжалась всю ее жизнь. Местный приходской священник с возмущением выслушивал рассказы о ее могуществе. Бидди стала для него источником серьезного беспокойства. Она нарушила спокойное течение жизни прихода, где до того он был непререкаемым авторитетом. Священник с раздражением заметил, что его мнение теперь часто пропускали мимо ушей, а его паства обратилась к неграмотной крестьянке с какими-то неясного происхождения оккультными способностями. «Ее сила не от бога», — объявлял он всем и каждому.

Бидди всегда пренебрегала исполнением обрядов, требуемых католической церковью, и смолоду мало считалась с ее авторитетом. Однако она обладала сильной тягой к се-

мейной жизни, три раза выходила замуж, каждый раз венчаясь в церкви. Первый раз она вступила в брак около двадцати пяти лет. Ее муж был простым работником, и от него у Бидди было двое сыновей и дочь. В это время она еще была известна только ближайшим соседям. Она прожила в этом браке лет десять и вскоре после смерти первого мужа снова вышла замуж, но через пять или шесть лет опять овдовела. Впоследствии она в третий, и последний, раз вышла замуж и опять пережила своего мужа. Во втором и третьем браке детей у нее не было.

Ко времени второго замужества она была уже широко известна как знахарка и целительница, но только много лет спустя, после третьего брака, позволила себе превратиться в настоящую ведьму. Она отрицала церковь и ее могущество, отважно и вполне успешно противопоставляя ей собственную силу: силу, исходящую от таинственных — и часто ужасных и злобных — невидимых стихийных сил природы. На ее стороне было очень практичное и действенное оружие, которым она пользовалась, пока не почувствовала приближение смерти.

Этим оружием были успешные исцеления, в которых не приходилось сомневаться, — она умела лечить, и лечила и людей, и скот, и культурные растения, а это было не под силу ни приходскому священнику, ни епископу, ни другим чинам ирландской церковной иерархии. Для них это было нелегкое испытание. Если у кого-то заболевал родственник или домашнее животное и нужна была срочная помощь, люди шли к Бидди, зная, что только она может спасти больного. Что бы ни говорил и ни делал приходской священник, он не мог заставить прихожан отвернуться от нее, хотя бы для виду, потому что церковь ничего не могла предложить взамен.

Интересна история ее целительства, предсказаний и развития ее оккультных способностей. Эту историю можно условно разделить на два периода, первый из которых охватывает ее жизнь до появления пресловутой Голубой бутылки. Второй период продолжался с получения ею бутылки до смерти в 1873 году. Первая часть жизни Бидди в основном повторяет обычную историю знахарок, каких и сейчас много в Ирландии. В это время она пользовалась травами и другими средствами, которые открыл ей земляной народец, а при желании могла исцелять и волшебным прикосновением своих магнетических пальцев. И разумеется, как все крестьянки тех дней, она владела знаниями и умениями, переходившими в семье из поколения в поколение. Сельские традиции знахарства сильно различаются в зависимости от обычаев и семьи, и иногда трудно отличить их от настоящего колдовства, потому что одно неощутимо переходит в другое. Бидди, с ее умом и искусством, очень удачно использовала древние знания, так что ее репутация колдуньи только укреплялась.

Как большинство людей, занимающихся магическим целительством, Бидди Эрли не брала платы. Это правило в отношении магического целительства существовало почти во все времена и во всех странах. Если лекарю платить, его искусство скоро становится профессией и низводится до уровня многочисленных шарлатанов и мошенников. Целитель скоро теряет силу, и ему ничего не остается, как самому обратиться к мошенничеству.

Бидди строго соблюдала это правило и потому всю жизнь оставалась небогата. Однако она охотно принимала подарки и никогда не стеснялась открыто и ясно дать понять, какого именно подарка ожидает. Она питала слабость к спиртному, и, если не по прямому требованию, то явно с ее одоб-

рения, подарки, кроме съестных припасов, часто представляли собой дешевое виски или местный самогон — потин.

Но она, бесспорно, приносила много пользы своими травами и тратила немало времени и сил на их заготовку. Бидди сама собирала травы, и никто в точности не знал, как она ими пользуется. Она знала, где искать то или иное дикорастущее растение, и направлялась прямо к тому месту у канавы, в роще или на склоне холма, где можно было сорвать нужный ей лист или цветок. Действительно ли она собирала травы в определенный час дня или ночи, в соответствии с временем года и фазой луны? Этого никто не знает, но сама она иногда намекала, что дело обстоит именно так. Как бы то ни было, в должный срок настой или отвар бывал готов, и она вручала его клиенту с подробными указаниями к применению.

Ее жизнь и скромные приключения текли по этому накатанному руслу, пока не явилась Голубая бутылка, поднявшая ее деяния до высот, где их уже невозможно было не заметить или отделаться недоверчивыми насмешками.

Ее старший сын, которому в ту пору было лет девятнадцать, был хорошо знаком с земляным народцем, хотя и не обладал сверхъестественными способностями своей матери. Это был нормальный, здоровый и крепкий парень, разделявший простую жизнь и интерес к спорту обычных деревенских ребят. В ирландский хоккей на траве он играл едва ли не лучше всех в округе и этим искусством прославился среди молодежи.

Летним вечером парень возвращался из деревни, лежавшей в шести или семи милях от дома, и решил пройти напрямик через поля. До дому оставалась еще пара миль, когда он заметил у тропинки, шедшей вдоль откоса над низинным лугом, где прежде было болото, компанию фейри с

клюшками в руках. Они тоже заметили парня и радостно окликнули его. Как видно, они не могли начать игру, потому что в одной команде не хватало игрока, и позвали его сыграть с ними. Парень торопился домой и сперва отговаривался, но фейри так упрашивали, что наконец он согласился и ловко спрыгнул с тропинки на поле.

Игра была долгой и упорной, однако молодой Эрли играл как никогда в жизни и в конце концов принес победу своей команде. Он снова выбрался на тропу, торопясь поспеть домой, но его задержали, и через минуту несколько фейри подошли и вручили ему большую пустую бутыль голубого стекла, без пробки. Сквозь бутылку было хорошо видно насквозь. «Это тебе от нас в благодарность,—сказали они.— Отнеси ее домой и отдай матери».

«Но что она будет с ней делать? — удивленно спросил парень.— Что ей сказать?»

«Ничего не говори. Просто отдай ей. Она сама знает», — с этими словами они нырнули в крутой откос и скрылись под землей, как в обычае у земляного народа.

Обескураженный парень отправился домой и молча вручил матери бутылку. Она приняла ее с безмолвным удивлением и повертела в руках, рассматривая с явным любопытством. Потом она громко вскрикнула — отнюдь не взывая к господу, — потому что увидела, что бутыль постепенно заполняется каким-то туманом. Через несколько секунд она различила в молочной глубине туманных вихрей фигуры, знаки и предвестья, отлично ей знакомые.

Эта бутылка стала ее талисманом. В сомнении Бидди всегда обращалась к ней. Если бутыль оставалась обычной прозрачной бутылкой голубого стекла, она отсылала просителя и не соглашалась помочь ему. Если же бутылка заполнялась туманом, Бидди знала, что вправе попытаться

сделать для него, что сумеет. И когда, пытаясь оказать помощь, она понимала, что ее сил недостаточно, она пристально вглядывалась в туманную глубину бутылки и находила там указания, что делать.

И с помощью бутылки, и без нее Бидди обладала редкостной способностью предсказывать будущее. Многие посетители бывали обескуражены, когда она, не дожидаясь вопроса, до мельчайших подробностей описывала, что случится с ними в последующие недели или месяцы. Ее предсказания неизменно сбывались.

Жила она в маленькой хижине на голом и продуваемом ветром холме примерно в двухстах ярдах к северу от дороги от Туллы к Фикле. Маленькое озерцо Лох Килгаррон лежало примерно в четверти мили к северо-востоку, а еще милей восточнее стояла деревня Фикл. Холм круто поднимался над дорогой, но становился пологим перед домом Бидди, который, таким образом, с дороги виден не был. Дорожка, ведшая от дороги, наискосок прорезала склон, затем круто поворачивала наверху и шла прямо к дверям. Развалины домика сохранились, и к нему часто совершают паломничество любопытствующие туристы.

В отличие от большинства других провидцев Бидди иногда соглашалась предсказывать результаты скачек, если была в настроении и клиент приходился ей по душе. По слухам, ее предсказания оказывались удивительно точным.

Рассказывают, что однажды должна была состояться большая неофициальная гонка, или «флаппер», по другую сторону холма не более чем в трех милях по прямой от дома Бидди. Приезжий из соседнего округа собирался выставить на эти скачки двух лошадей. Он много слышал о Бидди и ее умении предсказывать будущее и узнавать победителя скачек, но только смеялся, считая это чепухой.

Проезжая с друзьями по дороге мимо ее дома, он вдруг решил испытать ее так называемые «пророческие способности» и поймать ее на шарлатанстве. Не долго думая он перешел к делу и, чтобы не давать ей подсказки, спешился и в сопровождении двух приятелей пешком поднялся по дорожке. Они постучались и услышали позволение войти. Трое мужчин вошли в комнатушку с земляным полом. Бидди, сидевшая у очага в самодельном деревянном кресле, вопросительно взглянула на них.

«Бог в дом», — сказал приезжий, произнося обычное ирландское приветствие в незнакомом доме.

Не потрудившись ответить как полагалось, Бидди перебила его и с обычной для нее резкостью перешла прямо к делу.

«Так ты хочешь знать, которая лошадь победит, — сказала она, упомянув скачку, в которой должны были участвовать обе лошади. — Ты думаешь, что победит гнедая,— продолжала она,— но ты ошибаешься. Победит рыжая, и много выиграет».

Это было поразительно, потому что, не считая обычного приветствия, никто из них еще не сказал ни слова. Однако Бидди знала, зачем они пришли, ответила на незаданный вопрос, причем ответила прямо, не пытаясь выведать у него что-нибудь встречными вопросами.

Она не видела, да и не могла видеть лошадей: они остались внизу, на дороге; тем более не могла она знать, какой лошади предстоит бежать в какой скачке. В общем, это была поразительная демонстрация ее способностей. Однако приезжий остался довольно равнодушен, поскольку хорошо знал — или, как выяснилось, думал, что знает, — что ее предсказание далеко от истины. Он решил, что скоро выставит ее лживой пророчицей, потому что гнедая лошадь была явно сильнее рыжей.

Вечером он возвращался домой поумневшим, но дорого заплатив за науку. Он много поставил на гнедую, но она бежала лениво, и рыжая легко выиграла скачку, на радость местным жителям, которые ставили на нее, и в посрамление хозяину.

Несколько лет спустя приходской священник решил лично заняться этим делом и раз и навсегда положить конец колдовским штучкам Бидди. Он сделал все что мог, порицая ее на проповедях и внушая прихожанам даже близко к ней не подходить, и привлек даже епископа, который тоже разоблачал ее. Однако все было впустую. Бидди преспокойно продолжала свое.

По большей части она делала добрые дела, помогая ближним и дальним, попавшим в беду. Однако надо признать, что ей случалось наносить врагам искусные и внушительные колдовские удары, хотя удары эти, кажется, никогда не бывали смертельными. Особенно доставалось тем, кто приходил к ней за помощью, а потом предательски обращался против нее, чтобы заслужить благоволение ее могущественных противников. Да и язычок у нее был не сахар; она ругалась и проклинала с необычайным искусством, особенно когда была «немножко выпивши».

И вот как-то ясным вечером приходской священник оседлал лошадку и подъехал к ее хижине, разрываясь от кипевшего в его груди праведного гнева. Он спешился, привязал лошадь к подходящему столбику и сердито зашагал по дорожке к домику. Едва постучав, он ворвался в дом и застал Бидди на обычном месте, в кресле у очага. Она казалась ничуть не удивленной и не встревоженной его появлением. Она приветствовала его по-ирландски с безукоризненной вежливостью, но это только разожгло гнев достойного отца.

«Ты будешь не так рада видеть меня, Бидди Эрли, к тому времени, как выслушаешь все, что я собираюсь тебе сказать!» — огрызнулся он. Затем он уселся и напрямик высказал ей все, что думал о ней самой, о ее поведении и о тех духах, в общении с которыми она признавалась. Под конец он живо описал, что ожидает ее в этой и в будущей жизни, если она в скором времени не исправится.

Бидди слушала его сперва совершенно спокойно и даже с юмором, но понемногу стала перебивать священника и даже возражать ему так же горячо. Наконец он вынужден был замолчать, потому что выбился из сил, и, пустив в нее последнюю угрозу, затопал обратно к своей лошади. В его ушах еще звенели прощальные слова Бидди. Она имела наглость посоветовать ему быть поосторожнее на обратном пути. Священник скоро обнаружил, что это были не пустые слова. Его смирная кобылка оказалась в игривом настроении, и он не без труда взобрался в седло. Но, как выяснилось, это было только начало его бед. Теперь лошадь отказывалась двинуться с места. Дурное настроение доброго отца, испорченное беседой с Бидди, выплеснулось теперь на заупрямившуюся ни с того ни с сего любимицу. Он задал ей хорошую трепку, но чем сильнее он хлестал лошадь, тем упрямее она отказывалась сделать хоть шаг. Можно было подумать, что перед лошадью вдруг выросла невидимая стена.

Наконец, не выдержав ударов, кобыла встала на дыбы, сбросив всадника на дорогу. Весь в синяках, он встал на ноги и поплелся к лошадке, которая стояла теперь совершенно смирно, хотя была вся в мыле и дрожала от пережитого. Священник подхватил поводья и стал трепать и оглаживать кобылку, чтобы немного успокоить. Затем он попытался повести ее под уздцы — и снова потерпел поражение: лошадь стояла как вкопанная. Наконец ему пришлось оставить без-

надежную борьбу и, вернувшись к Бидди, просить ее освободить лошадь.

Бидди, увидев его растрепанным и перепачканным в пыли, искренне обеспокоилась. Она призналась, что удерживала лошадь, но заверила его, что и не думала, что та сбросит наездника или причинит ему какой-либо телесный ущерб. Горячо извинившись, она сказала, что чары уже сняты и что он может спокойно ехать домой. В самом деле, вернувшись к лошади, священник убедился, что Бидди сдержала слово, и поехал домой, притихший и задумавшийся.

Есть другой, сильно приукрашенный вариант этого рассказа, который еще ходит в Майо. Думаю, красочные детали добавлялись, по мере того как история переходила из прихода в приход. В этом варианте к Бидди во всем величии, с каретой и свитой, является епископ, дабы обрушить грозу на ее голову. Однако он оказывается в пыли перед непобедимой леди, а его лошадь пятится от нее назад, пока карета не оказывается в канаве. Разумеется, эта театральная сцена совершенно невероятна: почтенный ирландский епископ не разъезжает по стране, чтобы вступать в единоборство с мелкими грешниками.

Любопытно, что поединок между Бидди и приходским священником посеял зерно взаимного уважения, которое дало всходы несколько лет спустя, когда Бидди почувствовала приближение смерти. Она сразу поняла, что эта болезнь станет для нее последней, и послала за своим старым врагом, приходским священником, который с готовностью откликнулся на ее зов. Несколько дней спустя она мирно отошла, снова принятая в лоно церкви, против которой так долго бунтовала.

Однако перед смертью, еще прежде чем послать за священником, Бидди приказала домашним взять прославленную

к тому времени Голубую бутылку и забросить ее в Лох Килгаррон, пригрозив страшной местью духов, если это не будет исполнено. Это было сделано, однако она не сказала, что нельзя вытащить бутыль после ее смерти, так что место, куда упала бутылка, хорошенько отметили. Бидди еще не схоронили, а уже нашлись отчаянные головы, которые принялись нырять за бутылкой. Но найти ее не удалось. До сих пор иногда повторяются попытки разыскать ее, но все они остаются безуспешными. Около года назад разнесся слух, что бутыль найдена, но он оказался ложным. Так что знаменитая Голубая бутылка все еще спокойно лежит на дне озерца.

Глава 10

ХЭЛЛОУИН: МЕЖДУ МИРОВ, МЕЖДУ ВРЕМЕН[1]

Самайн. — Христианизация языческих праздников. — День Иного Мира. — Ведьмы. — Костры друидов. — «Сжигание ведьмы». — Ряжение. — Игрища и развлечения. — Ворожба и гадание. — Рецепты.

Посреди стола — тыква: верхушка аккуратно срезана, мякоть вычищена, в кожуре прорезаны отверстия — глаза и рот, искривленный ухмылкой; в тыкву вставлена зажженная свеча, пламя дрожит и мерцает, из-за чего кажется, будто глаза светятся... Нет, здесь нужно более точное слово, более мощное: сверкают, пламенеют, пышут огнем. Вокруг — люди в диковинных, пугающих, где-то даже омерзительных масках; кривые носы, оскаленные пасти, окровавленные клыки... Однако никому почему-то не страшно, кто-то если и взвизгнет порой, то не от ужаса, а так, ради удовольствия. Это — Хэллоуин.

Этот праздник в его современном варианте пришел к нам из Америки. И посему неудивительно, что пришел он, если

[1] По книге М. Макнейл «Hallow`een: Its Origin, Festivals and Rituals». Перевод Н. Омельянович.

можно так выразиться, выхолощенным. Руководствуясь соображениями пресловутой политкорректности, американцы «оскопили» Хэллоуин, превратили его в некое подобие рождественских Святок. Между тем Хэллоуин — один из древнейших языческих праздников, отмечался он повсюду, где обитали кельтские племена, и носил название Самайн (точнее, Савайн).

В календаре друидов было четыре важнейших праздника — Имболк (1 февраля), Белтайн (1 мая), Лугназад (1 августа) и Самайн (1 ноября). В Самайн кельты праздновали наступление Нового года и приход зимы, а еще поминали умерших и приносили жертвы им и владыке загробного мира (у ирландцев это Дагда, у галлов Суцелл). Празднество длилось три дня подряд, с 31 октября по 2 ноября; считалось, что в эти дни духи всех умерших в минувшем году возвращаются в мир живых, чтобы найти себе новые тела. Кроме того, в эти дни исчезала граница между мирами, повседневный и потусторонний миры на недолгий срок сливались в единое целое, нарушая все законы времени и пространства, и обитатели обоих миров оказывались в непосредственной близости друг от друга, что называется, сталкивались нос к носу. Чтобы обезопасить себя от встреч с фейри (обитателями потустороннего мира), люди разводили костры из дуба и принимали иные меры предосторожности: носили амулеты, переодевались в мужское (женщины) и женское (мужчины) платье, мазали лица сажей, дабы остаться неузнанными, и так далее. Впрочем, некоторые пытались умилостивить фейри и духов умерших и приносили им жертвы разнообразной снедью.

С Самайном связаны все наиболее значительные события кельтской мифологии. Согласно ирландской саге «Битва при Маг Туиред», в Самайн произошло свидание бога

Дагды и богини Морриган, обещавшей Племенам богини Дану помощь против фоморов: «Глен Этин, что на севере, было жилище Дагда. Условился он встретить там женщину через год в пору Самайна перед битвой. К югу от тех мест текла река Униус, что в Коннахте, и заметил Дагда на той реке у Коранд моющуюся женщину, что стояла одной ногой у Аллод Эхе на южном берегу, а другой ногой у Лоскуйн на северном. Девять распущенных прядей волос спадали с ее головы. Заговорил с ней Дагда, и они соединились. Супружеским Ложем стало зваться то место отныне, а имя женщины, о которой мы поведали, было Морриган. И объявила она Дагда, что ступят на землю фоморы у Маг Скене и что пусть по зову Дагда все искусные люди Ирландии встретят ее у брода Униус. Сама же она отправится к Скетне и сокрушит Индеха, сына Де Домнан, иссушив кровь в его сердце и отняв почки доблести».

В Самайн, по той же саге, Туата Де Дананн строят планы, как им победить фоморов, да и сами события саги разворачиваются в течение годичного цикла, от одного Самайна до другого.

Кстати сказать, противопоставление Самайна и Белтана как двух «полюсов» года было столь характерно для кельтской традиции, что даже в христианском тексте «Teanga bithnua» («Вечный язык») протяженность времени характеризуется именно этими «метками»: «В море есть остров с золотым песком, и есть другое море, которое поднимается от Белтана до Самайна и опускается от Самайна до Белтана, то есть половину года прибывает и половину года убывает. Животные этого моря и киты кричат, пока оно поднимается, и молчат, пока оно опускается».

С распространением христианства языческие праздники и обряды были объявлены бесовскими игрищами, однако,

несмотря на все старания священников новой веры, проповедовавших словом, огнем и мечом, некоторые празднества упорно не желали «потесниться». И тогда церковь приняла мудрое решение: эти дни стали считаться христианскими праздниками. Так произошло и с Самайном: Папа Римский распорядился считать этот день Днем Всех Святых (англ. Halloween — от «Hallow», что означает «святой»). Надо сказать, что Самайн-Хэллоуин в отличие от многих других языческих праздников оказался «на редкость живучим» и сохранился до наших дней, пусть и в «упрощенной форме». Первоначальная дата праздника в христианском календаре — 21 февраля (начало римских Фералий), а в 835 году папа Григорий перенес его на 1 ноября. В праздник Всех Святых поминают канонизированных блаженных, а 2 ноября молятся за упокоение душ правоверных усопших. В европейских странах верили (и верят до сих пор), что души покойных посещают в эти дни родной дом.

Итак, праздник длился три дня: на день перед Самайном приходился последний день старого года, следующий день после Самайна был первым днем года нового. Вот почему это празднество иначе называлось «днем меж двух годов» и как таковое считалось магическим временем, тем паче что на него обычно выпадала «темная луна» (та фаза, когда луна на небе не видна). Мифы гласят, что именно в Самайн Туата Де Дананн, или Племена Богини Дану (ирландские боги), победили своих заклятых врагов фоморов, что в этот день валлийский бог мертвых Пуйл одолел в поединке похитителя своей супруги и на землю пала зима.

Любопытно, что в Англии отмечают не столько Хэллоуин, сколько День Гая Фокса (5 ноября). Это имя носил гла-

ва так называемого «Порохового заговора» 1605 года — человек, пытавшийся взорвать английский парламент. Фокс был схвачен и казнен, и с тех пор каждый год его чучело сжигают на костре и устраивают фейерверки. Ночь с 4 на 5 ноября зовется Ночью Озорства: в эту ночь детям разрешается проказничать сколько и над кем им вздумается — достается и соседям, и знакомым, а больше всего родителям. Впрочем, Хэллоуин в Англии тоже празднуют, и нередко случается так, что праздник растягивается на целую неделю — с конца октября по 5 ноября.

На Хэллоуин приходят не только души покойных. Начинает давать о себе знать «тот свет» (мир, недоступный нашему восприятию). Его обитатели выходят наружу из своих подземных обиталищ (сидов или бругов). Горе человеку, встретившемуся на их пути: ему грозит быть унесенным в загробный мир злобными слуа — летучими фейри, ноги которых никогда не касаются земли. Стихи Вальтера Скотта помогают нам ощутить волшебство Хэллоуина:

В день Всех Святых, клонясь ко сну,
Благослови свою постель
И осени ее крестом
И Богоматерь призови.
В день Всех Святых среди людей
Шныряют ведьмы тут и там
С бесовской свитою своей,
Подстерегающей в ночи.
Лишь тот, кто сядет в этот день
На Суизинов камень, —
Сумеет ведьму одолеть.

Шотландские матери до сих пор предупреждают своих малышей:

Придет Хэллоуин, придет;
Колдовство принесет;
Фейри злые прилетят.
Не ходите, детки, на дорогу!

Существует поверье, будто люди, унесенные в Волшебную страну, могут через год и один день вернуться домой, но магическое заклинание действует только в ночь Хэллоуина. Баллада «Тэмлейн» рассказывает о Дженет, вернувшей таким путем похищенного возлюбленного.

Назавтра, знай, День Всех Святых,
И только в эту ночь,
Дженет, коль пожелаешь ты,
Ты можешь мне помочь
Суров и мрачен темный лес,
И жутко все кругом.
На перекресток трех дорог
Дженет бежит бегом.

Вдруг слышит звон стальных удил
И перестук копыт,
И сердце у нее в груди
От радости стучит.
Дала дорогу вороным,
Дала пройти гнедым,
Вдруг видит: снежно-белый конь
С Тэмлейном молодым.

На землю всадника она
Стащила в тот же миг.

Плаща зеленого волна
Укрыла их двоих
И счастьем грудь ее полна:
Спасен ее жених![1]

Сэр Вальтер Скотт рассказывает в «Письмах о колдовстве и демонологии» о фермере, жену которого забрали в Волшебную страну. Она явилась мужу и сказала, какое заклинание поможет ее вернуть. Фермер запомнил ее слова и в ночь Хэллоуина встал возле утесника, дожидаясь предводителя эльфов. Но, увы, звон волшебных колокольчиков сбил его с толку, и не успел он опомниться и сказать заклинание, как эльфы пролетели мимо, а фермер навсегда потерял жену.

В ночь Хэллоуина совершается великий «шабаш» или тайное собрание ведьм. Рассказывают, что по наступлению темноты можно увидеть мчащихся к месту сборища ведьм и колдунов. Летят вихрем — кто на помеле, кто в решете, а вон и эльфы в яичных скорлупках. Превратив на эту ночь кошек в лошадей, галопом несутся всадники на черных как уголь скакунах.

А вот фрагмент обрядовой песни, которую поют в Гэллоуэе:

Когда серый сыч трижды ухнет,
Когда грязный кот трижды мяукнет,
Когда лягушка на ветер три раза квакнет,

За тучей спрячется красная луна,
И звезды укроются,
Чтобы колдуны их не похитили.
Седлайте лошадей!
Скачите, скачите к озеру, колокол сзывает мертвых!

---

[1] Перевод М. Ковалевой.

Любимым местом ведьминских сборищ, кроме потаенного болота или берега моря, было церковное кладбище, рядом с участком, где в древности хоронили язычников. Приходит на память рассказ о фермере Дугласе Тэме О'Шентере, отчаянном пьянице, больше всего боявшемся своей сварливой жены. Чтобы оправдаться в ее глазах, он сочинил рассказ о чертях и ведьмах. Тэм якобы оседлал старую кобылу Мэгги, и вот что он увидел на старом кладбище:

И невдали за перелеском,
Озарена туманным блеском,
Меж глухо стонущих ветвей
Открылась церковь Аллоуэй.
Неслись оттуда стоны, крики,
И свист, и визг, и хохот дикий.

Толпясь, как продавцы на рынке,
Под трубы, дудки и волынки
Водили адский хоровод
Колдуньи, ведьмы всех пород.

На этом празднике полночном
На подоконнике восточном
Сидел с волынкой старый Ник[1]
И выдувал бесовский джиг[2].

Из поэмы видно, насколько сильно во времена Бернса верили в чертовщину шотландские крестьяне.

---

[1] Дьявол; прежде, вероятно, Цернунн — рогатый бог кельтской мифологии.— *Прим. автора.*

[2] Перевод С. Маршака.

В древности праздник Самайн сопровождали оргии. И в более поздние времена последователи культа ведьм не отставали от своих предшественников — устраивали «шабаши». Из письменных свидетельств видно, что сохранение этих традиций, пусть и в смягченной форме, вызывало у пресвитерианской церкви большую тревогу.

Друиды поклонялись солнцу как главному божеству, поклонялись и огню, рожденному небесным светилом. В праздник Белтайн разжигали на рассвете большие костры на горных вершинах. То же самое совершали с наступлением темноты в Самайн. Костры на Самайн должны были отпугивать темные силы. Дни становились короче, солнечная сила иссякала, поэтому оживала всякая нечисть. В Средние века зло стали связывать с «ведьмами». В Абердине и в наше время, прежде чем зажечь костер, произносят магическое заклинание: «Подбрось-ка торфу, чтобы ведьма сгорела!» (Огонь добывали трением, с помощью двух деревянных дощечек. Костер считали верным средством против колдовства, так как верили, что летающих по воздуху ведьм пожирает очищающее пламя.) Когда огонь разгорался, парни постарше следили, чтобы он не угас, в то время как младшие плясали вокруг костра или бежали сквозь дым с криками: «Огня! Огня! Сожгите ведьм!» Высоко и далеко летели горящие головешки, сжигая нечистую силу и очищая поля. Как только угасала последняя искра, раздавался крик: «Спасайся, кто может!», и все пускались врассыпную.

Старинная традиция «Сжигание ведьмы» была заведена при королеве Виктории. Как явствует из письменных источников, «возле замка Балморал, напротив главного входа, разжигали огромный костер. Собирались члены клана,

одетые в традиционную одежду. По сигналу, с оркестром во главе, они шли к дворцу. Костер при их приближении должен был разгореться в полную силу. Наибольший интерес вызывала при этом тележка с чучелом в виде безобразной старухи или ведьмы, которую называли Шэнди Дэнн[1]. За тележкой, пригнувшись, следовал человек, поддерживая чучело, чтобы оно не упало. Играли волынки. Процессия, завидев замок, ускоряла шаг и пускалась бегом, а потом, в десяти ярдах от костра, внезапно останавливалась. В полной тишине оглашался приговор, согласно которому ведьму надлежало сжечь на костре, защитников у нее не было, ну а дьявол не в счет. Под громкие крики, свист и гудение волынок тележку с чучелом переворачивали вверх колесами и бросали в огонь. Предосторожность не мешала — вдруг ведьма улизнет в последний момент. Раздавались радостные возгласы, звучал издевательский смех. Одежда Шэнди Дэнн потрескивала в огне.

Обитатели замка наслаждались увлекательным зрелищем, а больше всех радовалась обряду сама императрица».

«Сжигание ведьмы» — обряд, сохранившийся с античных времен. Говорят, его практиковали в древнем Вавилоне[2].

Обряд этот, поначалу торжественный, превратился в любимое развлечение. Каждая община старалась превзой-

---

[1] Этимологически имя это связано не с ведьмой, а с тележкой, на которой она сидела. “Shan-dre-dan” — любая шаткая конструкция. — Scots Dialect Dictionary.

[2] Гай Фокс, очевидно, прямой потомок ведьмы времен античности. В Англии заурядное политическое событие ассоциируется с увядающими воспоминаниями о древних кострах. 5 ноября — очень популярный праздник у тех, кто живет к югу от Пограничья, а вот Шотландии обряды и церемонии достались в наследство от друидов, и Гай Фокс тут ни при чем. — Ф.М.МакКей.

ти соседей. Задолго до праздника начинали собирать обломанные бревна, бочки из-под смолы, торфяные брикеты, вереск, утесник, сухой папоротник, словом, все, что может гореть. Приносили и складывали все в одно место. Высота сложенного горючего не уступала стогу сена. В более поздние времена огонь добывали кремнем, а потом и современными спичками.

Много столетий назад зажглись костры Хэллоуина, и цепочка эта не прервалась до наших дней. В шестидесятых годах девятнадцатого столетия эдинбургский шериф по пути из Данкелда в Эберфельди насчитал на горных вершинах тридцать костров. Вокруг них танцевали люди. Из одной точки Бьюкена можно было увидеть одновременно от шестидесяти до восьмидесяти костров. Вот и в двадцатом столетии мы все еще видим их в отдаленных районах Шотландии.

«За несколько лет до войны (1914—1918), — пишет корреспондент шотландской газеты, — прохладным осенним вечером, в глухом горном районе, старый учитель поведал мне, что история Шотландии гораздо древнее, чем это записано в школьных учебниках. 31 октября мы сидели с ним возле здания школы и смотрели на долину. Восходящая луна осветила силуэты горных вершин. Яркие точки расцветили уходящие в бесконечность темные горы. То были костры, прямые наследники костров, которые древние друиды зажигали каждый год».

Шли годы, и костры постепенно спустились с горных вершин. Их стали устраивать в деревне, рядом с колоколами.

Обычай ходить вокруг ферм и полей с зажженными от костра Хэллоуина факелами соблюдался в стране вплоть до восемнадцатого столетия, а в отдаленных местах и того дольше. Зародился ритуал с целью повышения плодородия скота. Сейчас о нем напоминают фейерверки.

И в Хэллоуэй, и в Хогманей[1] на улицах появляются ряженые. Правда, по воплощению своему они значительно отличаются друг от друга. Ряженые Хогманея, или Святочные мальчики, изображают двенадцать апостолов (с течением времени появились и другие персонажи) и разыгрывают представление «The Goloshan». Представление это, хотя и санкционированное христианской церковью, произошло от языческих ludus, то есть игрищ. И все же в ряженых Хэллоуина нет ничего, даже условно, христианского.

Предполагают, что обряд этот пришел от друидов. В тот день они надевали маски и изображали духов, причем цель была сугубо практическая: хотели, чтобы духи мертвых не узнали их и не причинили бы им вреда. В наше время страшные маски и фантастическое одеяние ряженых олицетворяют темные силы, которые, как когда-то верили их предки, выходили в ночь Хэллоуина. Духи и привидения; ведьмы и колдуньи; уриски, брауни, гномы и тролли, короче, нечисть потустороннего мира.

Некоторые ряженые, вместо того чтобы надевать маску, просто чернят лицо. Так делали когда-то и друиды: в целях самозащиты мазали лицо углями праздничного костра.

В старину ряженые ходили по всей стране, начиная с Холируда[2] (где в 1585 году было зарегистрировано их появление) и заканчивая отдаленными островами.

Хотя в некоторых областях Шотландии юноши и девушки все еще переодеваются ряжеными, обряд этот перешел детям. Радуются мелкие торговцы из глухих переулков: в эти дни у них раскупают памфлеты и «страшные личины» (маски). С наступлением сумерек одетые в диковинную

---

[1] Хогманей — канун Нового года.

[2] Холируд — старинный дворец в г. Эдинбурге; официальная резиденция английских королей в Шотландии.

одежду маленькие фигурки в страшных масках выходят из дома с зажженными фонарями-тыквами или факелами, сделанными из капустных кочерыжек. Собираются в небольшие группы и идут по деревенской улице, распевая традиционные песенки:

Хэллоуин! Ночь огня!
Свечка в кочерыжке!

или

Да здравствует Хэллоуин,
Мы видим ведьм
Черных и зеленых,
Да здравствует Хэллоуин!

Самые озорные стучат капустной кочерыжкой в ставню и убегают.

Хэллоуин сейчас, а День Всех Святых завтра.
Если хочешь настоящей любви, уходи подобру-поздорову!
Стук-стук по ставенке,
Стук-стук по зеленой,
Стук-стук по окошку,
Ночь Хэллоуина!

Расхрабрившись оттого, что их не узнать, перебегают они от двери к двери и кричат: «Помогите, пожалуйста, ряженым!» — и их оделяют яблоками, орехами и медными монетами[1]. Завершив обход домов, ряженые танцуют вокруг костров, перепрыгивают через пламя, чернят лицо углями,

---

[1] На этот обычай не смотрят как на попрошайничество. Это особый случай, когда принято давать подарки. Раньше давали серебряные монеты, а теперь медные.— *Прим. автора.*

«чтобы отпугнуть ведьм». Затем все идут домой на праздничный ужин, и праздник переносится в большую теплую кухню.

В разных местах обряды отличаются какими-то деталями. В некоторых городах школьники приходят в лучшие магазины за яблоками, орехами и другими вкусными продуктами.

В Хэллоуин, надев маски, малыши и подростки ходят по домам, разыгрывая взрослых, в подражание злым духам, которых когда-то очень боялись их предки.

А знаменитая тыква, кстати сказать, значительно более позднее, американское изобретение. Древние кельты отпугивали злых духов «головами», вырезанными из репы. Но переселенцы, очутившись в Америке, быстро выяснили, что тыква гораздо удобнее: вычищать ее легче, да и выглядит она внушительнее; посему о репе уже давно никто не вспоминает. Тыква должна быть большой — чем больше, тем лучше. Следует срезать ее верхнюю часть (приблизительно одну четвертую диаметра) и аккуратно извлечь мякоть, оставив лишь немного на «дне», чтобы было куда вставить свечу. Затем в кожуре тыквы прорезаются глаза и рот, после чего внутрь ставится свеча. «Тыквенную голову» кладут на стол или подвешивают к потолку.

Любимое занятие — стучать в двери и пускать в дом дым. В Морее эту проказу называют «сжигание Рики Мера».

Нужно взять кочан или капустную кочерыжку, выдолбить полость и сунуть внутрь бечевку. (Это так называемый «Мер». Слово «Рики» означает «дымный».) Подойти к месту действия, поджечь с одного конца бечевку, просунуть этот конец в замочную скважину, сильно дунуть с другой стороны, и в дом повалит струя дыма.

Когда это занятие наскучит, можно вскарабкаться на крышу и заткнуть трубу торфом, дым вернется к хозяевам. Желательно иметь наготове веревку, чтобы вовремя спуститься.

СТУК ПО ОКОШКУ

Взять две веревки: длинную и короткую. Воткнуть булавку в кончик длинной веревки и приблизительно в дюйме от булавки привязать короткую веревку. Затем другим концом короткой веревки обвязать маленький камень или пуговицу. Вколоть булавку в наличник окна, взять свободный конец длинной веревки и занять удобную позицию на некотором расстоянии от окна. Тихонько потянуть к себе веревку и немедленно ее ослабить. С каждым разом камень или пуговица будут стучать по окну. Если хозяева захотят выяснить причину стука и выйдут на улицу, нужно сильно дернуть веревку, и булавка соскочит. Как только хозяева уйдут в дом, можно повторить все с начала.

ФАЛЬШИВОЕ БИТЬЕ ОКОН

Два мальчика подкрадываются к окну. Один стучит в окно рукой, а другой разбивает о стену дома бутылку. Хозяева бросаются к окну, полагая, что им разбили стекло.

По части предзнаменований и тайных знаков Хэллоуин превзошел Белтайн, и немудрено: ведь в канун Нового года так хочется заглянуть в будущее. В оккультную ночь «пелена, скрывающая от нас судьбу», истончается почти до прозрачности, и тайны, спрятанные в утробе времени, могут открыться, особенно тем из нас, кто обладает «даром предвидения». В старину верили, что ребенок, рожденный в ночь

Хэллоуина, наделен таким даром: он «видит» вещи, недоступные простым смертным.

К гаданию не так еще давно подходили со всей серьезностью и даже страхом. В качестве подсобного материала использовали зерно, овощи, фрукты и сельскохозяйственные орудия, а это указывает на тесную связь Хэллоуина с праздником урожая. Большое значение придавали яблокам и лесным орехам. Городские запасы таким ритуалам явно не соответствовали. Много лет назад восьмидесятилетний моряк рассказывал автору этой книги о том, что в Глазго во времена его детства груженная яблоками маленькая флотилия шлюпов — их было около десятка — с Нормандских островов ходила до конца октября вверх по течению реки Клайд. Дети из бедных городских районов собирались на пристани, пока шла разгрузка, и дрались из-за подпорченных яблок, которые бросали им моряки.

Сбор орехов тоже считался развлечением. Автор книги вспоминает, как много лет назад ей привелось побывать в орешнике возле источника, где загадывают желания. Было это на острове Скай, и дети в этом месте собирали орехи в канун Хэллоуина. Старая местная жительница вспоминала, как она, будучи школьницей, каждый год принимала участие в сборе орехов. Дети приходили с корзинами, мешками и даже передники загибали наверх и прострачивали: получались большие карманы. До вершины горы, поросшей орешником, надо было пройти милю. Природные леса покрывали крутые склоны большой лощины.

«Карабкаясь вверх, — пишет она, — нельзя было не остановиться и не залюбоваться красотой октябрьского леса. Даже падающие орехи и хлопотливые белки не могли отвлечь от волшебного зрелища. Вокруг, внизу и далеко впереди, там, где дымка заволакивала ущелье, по обеим сто-

ронам лощины переливались осенними красками леса. Бледно-желтые тополя, золотые березы, оранжевые каштаны, красновато-коричневые буки и дубы, пламенеющие рябины, словно малиновые облака, на фоне более спокойных оттенков, словно радостное цветное восклицание. Общее впечатление дополнял неумолчный шум большого водопада».

Под ясным голубым небом поднимались они на вершину горы и, углубившись в густой лес, пригибали ветви, с которых свисали самые крупные и зрелые орехи.

«Надо ли говорить, — продолжает она, — что за весь год не было лучше дня, чем тот, что мы проводили в орешнике».

Для древних кельтов лесной орех — «магическое дерево, которое любят волшебники». Он являлся для них источником и символом мудрости, а яблоня — талисманом, с помощью которого избранные смертные могли увидеть потусторонний мир и предсказать будущее. Серебряная ветвь (яблоня) в кельтской мифологии — это, по сути, эквивалент Золотой ветви (омелы) классической мифологии.

Сохранились два главных яблочных обряда: обряд воды и обряд огня.

Первый обряд, по всей видимости, достался нам от друидов и символизировал прохождение через воду до острова Авалон, Яблочной страны, земли бессмертных. В балладе Пограничья Томас Рифмач[1] встречает королеву фей неподалеку от Эрсилдона, возле дерева Эйлдон, и, поднявшись на ее волшебную гору, они «путешествуют вместе на шум воды» к Земле фей.

---

[1] Прославленный шотландский поэт, живший в конце XIII века.— *Прим. переводчика.*

Они неслись во весь опор.
Казалось, конь летит стрелой.
Пред ними был пустой простор,
А за плечами — край жилой.

Через потоки в темноте
Несется конь то вплавь, то вброд,
Ни звезд, ни солнца в высоте,
И только слышен рокот вод...

Но вот пред ними сад встает,
И фея, ветку наклонив,
Сказала: «Съешь румяный плод —
И будешь ты всегда правдив![1]

То есть королева фей наделила его даром предсказания.

Многие предсказания, приписываемые Томасу Рифмачу, сбылись. Одно из них:

The Burn o' Breid
Sall rin fu' reid

Там, у ручья, что имя носит хлеба,
Саксонцы станут луки здесь готовить,
Но стрелы будут их без острия —

произошло во время битвы при Баннокберне[2]. (Breid = хлеб = баннок — лепешка из пресного теста)

---

[1] Перевод С. Маршака.

[2] Битва при Баннокберне (1314 г.); разгром английской армии короля Эдуарда II шотландскими войсками под командованием короля Шотландии Роберта Брюса в войне за независимость Шотландии.

Но, пожалуй, самое известное предсказание касается семьи Хейга:

> Что бы ни случилось, сколько бы времени ни прошло,
> Останутся навсегда Хейги из Бемерсайда.

Слывшие отличными воинами, Хейги более семи столетий жили в Бемерсайде (приграничная часть Шотландии). Вместе с Уолласом и Брюсом воевали на полях Оттерберна и Флоддена. Представитель славного семейства Хейгов в Первую мировую войну вел армию к победе. В 1921 году в результате сбора пожертвований поместье было выкуплено и передано в дар фельдмаршалу графу Хейгу и перешло к сыну после его смерти.

Обряд воды превратился в популярную ныне забаву «Достань яблочко». Лучше всего проводить его в кухне с кафельным полом. Посреди комнаты устанавливают большую деревянную лохань с водой и бросают в нее красивые краснобокие яблоки. Организатор игры берет в руку палку и гоняет ею яблоки так, чтобы они постоянно находились в движении. Все по очереди встают на колени возле лохани (если требуется, повязывают на шею полотенце, чтобы защитить одежду) и пытаются без помощи рук схватить яблоко зубами. Сделать это весьма непросто: яблоко весело проплывает мимо. Если после трех попыток это не удается, очередь переходит к следующему игроку, пока все не попытают счастья.

Если же вы поймаете яблоко, то, разумеется, можете его съесть, правда, чаще всего его оставляют, чтобы воспользоваться им во время гадания.

Существует и альтернативный способ добычи яблока. Это специально для тех, кто бережет платье или прическу.

Ставят стул спинкой к лохани. Игрок с вилкой в зубах опирается на сиденье коленями. Когда яблоки проплывают мимо, он улучает момент и втыкает вилку в намеченную цель, если, конечно, это ему удается.

В лохань иногда бросают серебряную монету. Она, разумеется, немедленно тонет. Тот, кому удается поднять ее губами (зубами цеплять нельзя), будет счастлив в деньгах. Монета ему и достается.

ОБРЯД ОГНЯ НАЗЫВАЕТСЯ «ЯБЛОКО И СВЕЧКА»

Нужно подвесить к потолку на шнурке маленький деревянный стержень и закрепить на одном его конце зажженную свечу (обычно для этого используют елочную свечку), а на другом конце — яблоко. Затем раскрутить стержень. Все по очереди подпрыгивают, стараясь откусить яблоко и не поджечь при этом волосы. Руками трогать ничего нельзя.

В наше время зажженную свечу не используют, просто подвешивают на шнуре яблоко к стропилу или крюку в потолке, и оно качается из стороны в сторону.

Иногда вместо яблока подвешивают лепешку, обмазанную патокой. Маленьким мальчикам это очень нравится.

ПОЕДАНИЕ ЯБЛОКА ВОЗЛЕ ЗЕРКАЛА

С приближением полуночи следует взять яблоко и пойти одному в комнату. Разрезать яблоко на девять частей. Встать спиной к зеркалу, съесть восемь кусков. Девятый кусок бросить через левое плечо и через это же плечо быстро посмотреть назад. В зеркале должно проявиться лицо будущей жены (или мужа).

КАЛЕНИЕ ОРЕХОВ

Взять два лесных ореха и положить их с краю горящей топки или на раскаленные угли. Назвать один орех своим именем, а другой — именем любимой или любимого. Можно произнести имена вслух, а можно и мысленно. Если вы не подходите друг другу, орехи начнут подскакивать и дымиться, и один, «неверный», орех отскочит в сторону. А если вы подходящая пара, орехи будут спокойно лежать рядом.

ТРИ ПЛОШКИ

Поставить на стол друг за другом три блюдца или плошки (маленькие миски с ручками). В одну плошку налить чистую воду, в другую — грязную (обычно в воду добавляют немного сажи), третью оставить пустой. Человеку, которому гадают, завязывают глаза и подводят к столу. Он должен опустить левую руку в одну из трех плошек. Если это будет плошка с чистой водой, он женится на девице, а если опустит руку в грязную воду, женится на вдове или на нецеломудренной женщине. Пустая плошка означает, что он останется холостяком. Процедура повторятся трижды, при этом плошки каждый раз ставятся в другом порядке.

СПРЯТАННЫЕ ТАЛИСМАНЫ

Талисманы прячут в каком-то блюде. Блюдо это проносят по комнате, и каждый берет себе из него полную ложку. В горной Шотландии — это овсяная каша со сливками. В низменной части страны подают сдобренные маслом, подвергнутые ферментации отходы овсяных зерен. В наши дни

подают обычно горшок с «чемпит тэттиз» — картофельным пюре, а иногда «клаути дамплинг» (крем-суфле) — его предпочитают дети. На светских вечеринках талисманы кладут в начинку пирога. Тот, кому достанется кольцо, первый женится или выйдет замуж. Монета предвещает богатство, пуговица — холостую жизнь, наперсток — девушка не выйдет замуж, вилочка[1] — осуществление заветной мечты, игрушечная подкова — удачу и т. д.

Гадание на яйцах требует от гадалки некоторой сноровки. Для этого нужно яйцо, только что снесенное молодой курицей, большой хрустальный фужер с родниковой водой, налитой на четверть объема. Гадалка с обоих концов яйца делает два больших отверстия либо осторожно стучит яйцом по кромке бокала и выпускает в воду белок. Молодой человек или девушка, желающие узнать свою судьбу, закрывают ладонью бокал и не отпускают руку в течение минуты. За это время тяжелые фракции белка осядут на дно, а легкие поднимутся на поверхность воды и образуют пятно причудливой формы. Умение «прочесть бокал» состоит в способности гадалки найти сходство между образовавшимся рисунком и рукотворными предметами. Это своего рода иероглифы, предвещающие судьбу человека. Церковный шпиль, к примеру, означает, что человек станет священником; корабль на якоре — что он будет моряком; плуг или вспаханное поле — значит, фермер; иголка и нитка — портной и т. д. Для девочки такие пятна предвещают род занятий будущего мужа. Пейзаж — жизнь в сельской местности, шпили высоких зданий — городская жизнь. Кольцо, само собой, замужество, а саван — смерть.

Вариант гадания: капнуть в бокал с водой немного белка, зачерпнуть ложкой, взять в рот (глотать нельзя) и пойти

---

[1] Грудная кость птицы.— *Прим. переводчика.*

на улицу. Первое имя, которое услышишь, — имя твоего суженого.

ВЫТАСКИВАНИЕ КАПУСТНЫХ РОСТКОВ

Рука об руку, зажмурившись или завязав глаза, девушки идут в темноте в огород и выдергивают капустные ростки, которые попадутся под руки. На Оркнейских островах девушки идут в огород и вытаскивают первый росток, на который наступят ногой. В Файфе капустные ростки приносят домой. Смотрят на размер — большой или маленький, крепкий или тонкий — и на его форму — прямой или кривой, — все это указывает на внешность будущего супруга. Пробуют на вкус — сладкий или горький, — от этого зависит характер суженого. Если к корню прилипло много земли, это сулит хорошее приданое. Узлы под землей означают, что в браке не будет детей. После осмотра ростки кладут возле входной двери, и христианское имя первого мужчины или женщины, вошедших в дом, предсказывает имя будущего мужа или жены.

День Всех Святых — ноябрь — придет,
А с ним в деревне посиделки,
Любовных взглядов и острот
И сочных шуток перестрелки.
И забывает всяк в селе,
Что есть забота на селе.

Многие школы и колледжи празднуют этот праздник в своих стенах. Автор книги с ностальгией вспоминает о студенческих годах, проведенных в колледже Королевы Маргариты. Гости, желающие сохранить анонимность, приходили в масках и хранили молчание, чтобы их не узнали по

голосу. Мы очень завидовали студентам из театрального колледжа, ведь у них был доступ к великолепному гардеробу. Когда все было готово, входили в большую полутемную комнату, освобожденную от лишней мебели (пианино, разумеется, оставалось на месте), и три раза обходили помещение по часовой стрелке. Друиды считали, что ради удачи надо передвигаться по ходу движения солнца. (Против часовой стрелки ходят ведьмы, и такое передвижение приводит к беде.) Походя старались выяснить, кто скрывается под той или иной личиной. По сигналу маски снимались, и все радостно смеялись, узнавая друг друга. Прежде всего «ловили яблочко», затем следовали страшные истории, сопровождаемые мрачной музыкой. После ужина танцы: рил, стратспей, джига. Доминировали шотландские народные танцы. Домой шли при свете луны или при ее рукотворном эквиваленте.

В Глазго нашлись энтузиасты, сумевшие возродить атмосферу старинного праздника. Встречаются они в доме пастора шотландской церкви. Это красивое здание построено в шестнадцатом столетии. Стены, сложенные из необработанного камня, стропила, на которых время запечатлело свои следы, — все это создает идеальную обстановку. В очаге пылает огонь. Комнату освещают свечи да фонари-тыквы, свисающие со стропил. Глаза искусно вырезанных масок смотрят на присутствующих. Церемония, как всегда, начинается с вылавливания яблок и каления орехов. Затем в комнату входят ряженые. Они забавляют компанию рассказами, песнями и танцами. Среди них и талантливый актер, изображающий Старого Ника. Он сидит в темном углу и играет на волынке или дудке.

Много лет назад мне довелось побывать на празднике в Инвернессе. Запомнился он тем, что церемониями там руководил «друид». В полутемную комнату вошла высокая

белая фигура. Один конец пледа переброшен через плечо, другой — охватил бедра. Длинная белая борода, на седой голове венок из дубовых листьев. В левой руке фонарь из тыквы, светившийся, как луна, а в правой — белый жезл друида (прут орешника, очищенный от коры). В центре комнаты стояла большая деревянная лохань, наполовину заполненная водой. В нее бросали яблоки. (В некоторых районах Шотландии существует обычай: каждый присутствующий берет яблоко, обходит за друидом по часовой стрелке лохань, а потом бросает яблоко в воду.) Яблочный обряд совершают в первую очередь: ведь если вам удалось выловить яблоко, в эту ночь вы сможете заглянуть в свое будущее.

Своим волшебным прутом друид гонял в лохани яблоки. Потом, вслед за волынщиком, в комнату вошли две старые женщины в передниках и шалях. Вдвоем они несли за ручки маленькую маслобойку, наполненную свежими густыми сливками. Совершив обход комнаты (по часовой стрелке), поставили маслобойку на стол и, напевая веселую песенку на гэльском языке, стали ритмичными движениями взбивать сливки, пока не добились нужной консистенции. Пользовались они при этом мешалками, в основании которых — маленький деревянный крест с надетым на него кольцом из коровьей шерсти. Закончив взбивание, бросили в сливки несколько горстей чуть подсушенной овсяной муки. (Это придает сливкам приятный ореховый привкус.) Затем в полученную массу положили талисманы. Гости по очереди подходили попытать счастье с ложкой и блюдцем.

Все эти забавы — слабые отголоски мрачных ритуалов прошедшей эпохи, когда предки наши, празднуя наступление нового года, приносили жертвоприношение и проходили очищение огнем. Они совершали обряды, способствовавшие плодовитости скота, и поминали умерших родственников.

Существуют письменные свидетельства о том, что в царствование Иакова VI ведьмы на суде в Норт-Берике признались: «Танцевали на церковном кладбище. Джелли Дункан играл на трубе, Джон Файан в маске вел хоровод; за ним шла Агнес Сэмпсон с дочерьми... всего семь человек». Танцуя, они пели. До нас дошли лишь две строчки, которые цитирует в своих «Криминальных процессах» Т. Питкерн:

А ну, сплетницы, марш вперед, выходите, сплетницы;
Не пойдете, так пойду сама!

ГАДАНИЯ НА ХЭЛЛОУИН

Если девушка выстирает свою ночную сорочку и, никому не сказав ни слова, повесит ее сушиться на стул, то ночью она, если не заснет, увидит своего будущего супруга, который придет забрать сорочку.

Если юноша проползет под ветвями черной смородины, он увидит тень девушки, на которой ему предстоит жениться.

Если выйти на перекресток и прислушаться к ветру, узнаешь о важнейших событиях в ближайшие двенадцать месяцев.

У каждого праздника свои блюда. Хэллоуин немыслим без сдобренной маслом и подслащенной медом овсяной каши. И в Самайн, и в Хэллоуин на столе пресные лепешки. При этом используют муку нового урожая, а выпекают их на священных дровах. Затем обмазывают заварным кремом, приготовленным из яиц, сливок и меда, после чего слегка поджаривают на освященных углях.

Овсянку, которую Бернс поминает в своем «Хэллоуине», сменило картофельное пюре. В нем-то и прячут талисманы.

В Хайленде той же цели служат взбитые сливки. Детям нравится, когда талисманы спрятаны в пироге или в сливочном суфле.

Без яблочного пирога вы Хэллоуин не отметите. Популярны и имбирные пряники, особенно на больших ярмарках в Эдинбурге.

ЯБЛОЧНЫЙ ПИРОГ

Вымойте хорошие яблоки, снимите кожуру, выньте сердцевину. Нарежьте яблоки ломтиками. Затем кожуру и сердцевину положите в кастрюлю, залейте водой и поставьте варить на медленный огонь, примерно на полчаса. Процедите и охладите.

Смешайте сахарный песок с небольшим количеством натертой лимонной цедры, щепоткой мускатного ореха, корицей (или гвоздикой) и щепоткой соли.

В круглую форму для выпечки уложите яблоки слоями. Каждый слой покройте сахарной смесью. Полейте все сверху холодным яблочным отваром. Приготовьте легкое тесто, раскатайте пласт толщиною до 0, 4 дюйма и накройте им яблоки, оставив в середине отверстие. Вылепите из теста фигурки в виде яблочных листьев и выложите их по периметру пирога. Намажьте поверхность взбитым яйцом или молоком.

Поставьте в горячую духовку. Когда верх пирога зарумянится, снизьте температуру. На выпечку понадобится около часа. Подайте к пирогу сливки или сливочный крем.

ЧЭМПИТ ТЭТТИЗ (КАРТОФЕЛЬНОЕ ПЮРЕ)

Сварите в мундире отборную картошку, откиньте. Хорошенько высушите, быстро снимите шкурку и протрите через

сито. Масса должна быть очень легкая и сухая. Положите картофель в кастрюлю и добавьте масло или маргарин из расчета: 1 унция масла на фунт картофеля и четверть пинты очень горячего (но не кипящего) молока.

Прибавьте перец и соль (по желанию) и столовую ложку сливок. Постоянно мешайте и взбивайте массу, пока картофель не станет пышным, легким и маслянистым.

В обществе, стоящем на более высокой социальной ступени, талисманы обычно прячут в пирог.

Подготовьте белый сдобный пирог, ароматизированный соком лимона или апельсина. Прежде чем поставить его в духовку, вложите внутрь завернутые в промасленную бумагу предметы, предсказывающие будущее. После того как пирог испечется и остынет, покройте его апельсиновой глазурью и шоколадным кремом, нарисуйте силуэты сов, летучих мышей, ведьм на метлах, котов с выгнутыми спинами. (Оранжевый и черный — основные цвета Хэллоуина.) Более изысканными пирогами торгуют в высококлассных кондитерских.

ЯБЛОКО В ТОФФИ

Просейте через волосяное сито полфунта сахара и на умеренном огне при постоянном помешивании растопите в тяжелой низкой сковороде, пока жидкость не приобретет цвет кофе.

Подготовьте яблоки: аккуратно отделите от одного конца цветочную почку, а от другого — черенок. Старайтесь не повредить кожицу, вставьте на место черенка маленькую деревянную палочку примерно в 2—3 дюйма длиной. Опускайте яблоки по одному в горячую карамель и

тут же выкладывайте на смазанное маслом блюдо: пусть затвердеют.

Во время еды удобно держать такое карамельное яблоко за палочку.

ТОРТ С ЛЕСНЫМИ ОРЕХАМИ

6 унций просеянной муки

6 унций масла

8 унций сахарного песку

4 яйца

1 чайная ложка ванильного сахара или $^{1}/_{2}$ чайной ложки миндальной эссенции

Растопите масло на водяной бане и поставьте остыть. Сполосните кастрюльку очень горячей водой и оберните основание отжатым полотенцем, вынутым из очень горячей воды. Разбейте в кастрюлю яйца и положите сахарный песок. Взбивайте миксером в течение 5 минут. Смесь должна дважды увеличиться в объеме. Муку и масло добавляйте постепенно, осторожно перемешивая, чтобы в массу по возможности попало меньше воздуха. Всыпьте ванильный сахар и вылейте смесь в круглую форму диаметром 9 дюймов. Духовка должна быть предварительно нагрета до 350°F. Готовность определяйте спицей: когда пирог будет готов, спица выйдет сухая. Снимите разъемную форму и дайте пирогу остыть.

Пока ваш торт в духовке, положите в чугунную сковороду 8 унций сахара и 6 унций очищенных, но с кожицей лесных орехов. Поджарьте их на умеренном огне, постоянно помешивая, пока сахар не приобретет золотистый цвет.

Вылейте смесь на мраморную доску или на стол с эмалированной поверхностью, предварительно смазанный небольшим количеством салатного масла. Возьмите 4 столовые ложки смеси и пропустите через кофемолку. Остальные орехи небрежно нарубите. Сделайте масляную глазурь (чтобы хватило на два коржа), добавьте ванилин и смолотые орехи. Остывший пирог разрежьте по горизонтали на три коржа. Намажьте два слоя глазурью и соедините. Проследите, чтобы края у торта были ровными. Обмажьте верх и края торта горячим абрикосовым джемом и посыпьте толстым слоем нарубленных орехов.

ОРЕХОВОЕ ПЕЧЕНЬЕ

8 унций просеянной муки
8 унций смолотых лесных орехов
12 унций сахарной пудры
3 унции масла
1 яйцо
1 яичный желток
1 чайная ложка воды

Растопите масло на водяной бане. Поставьте остыть. Снимите с орехов скорлупу, а кожицу оставьте. Расколите орехи пополам и смелите в кофемолке или кухонном комбайне. Добавьте яйцо и песок и хорошенько размешайте. Положите муку, а под конец — охлажденное масло. Замесите тесто и раскатайте пласт толщиной 3/4 дюйма. Вырежьте круглое или овальное печенье. На каждом печенье сделайте крошечное отверстие, смажьте поверхность разведенным водой яичным желтком. Выпекайте от 12 до 15 минут при температуре 300°F.

У вас должно получиться от 18 до 24 штук печенья.

КЛАУТИ ДАМПЛИНГ (ПИРОГ В РУБАШКЕ)

12 унций муки (или половина муки и половина хлебных крошек)
6 унций разрезанного околопочечного говяжьего жира
6 унций влажного сахара
4 унции смородины, коринки, сабзы
4 унции кишмиша
2 чайные ложки порошка корицы
1 яйцо (не обязательно)
Жирное молоко или густая простокваша

Смешайте в миске сухие ингредиенты. Влейте жирное молоко, замесите тесто. Оно должно получиться довольно густым. В кипящую воду опустите салфетку, отожмите и вложите в припудренную мукой большую кастрюлю. Затем перенесите тесто в салфетку ложкой. (Кастрюля придаст ему круглую форму.) Поднимите концы салфетки, чтобы складки ровно распределились, и крепко перевяжите их бечевкой, оставив внутри место для расстойки (примерно четверть от общего объема). Поставьте на дно большой кастрюли старую толстостенную тарелку. Перенесите на нее салфетку с тестом и налейте кипящую воду, чтобы покрыло. Кастрюлю плотно закройте крышкой, добавляя по мере необходимости воду. Тесто должно кипеть примерно три часа.

Развяжите и осторожно выложите тесто на нагретую тарелку. Снимайте салфетку осторожно: не повредите «кожицу». Посыпьте сверху сахарной пудрой. Подавать с горячим заварным кремом.

Специи можете варьировать в зависимости от предпочтений. Овсяную муку можно заменить хлебными крошками. Вместо молока неплохо использовать эль, в тесто добавить яйцо, а специи не употреблять вовсе.

КРИМ КРАУДИ (КРЕМ-СУФЛЕ)

В Хайленде у фермеров, имеющих корову, блюдо это пользуется большой популярностью. На праздник Хэллоуина его подают вместо картофельного пюре. Взбейте жидкие сливки, подсластите, постепенно добавьте ром или ванилин (можно обойтись и без него), всыпьте слегка поджаренную овсянку. Она придаст блюду ореховый аромат. Смесь не должна быть очень густой.

«РУЛЕТ ИЗ МЕРТВЕЧИНЫ»

Приготовить мясной рулет, придать ему форму трупа — ноги вместе, руки сложены на груди — и запекать до готовности. Перед тем как подавать на стол, капнуть на грудь «мертвеца» немного кетчупа. Эмоции гостей гарантированы.

«ВЕДЬМИНЫ ПАЛЬЧИКИ»

4 куриных грудинки
1 чашка муки
панировочные сухари
оливки
салат-латук

Разрезать куриные грудки так, чтобы получилось пять «пальцев» (оставшееся мясо будет изображать ладонь), обвалять их в муке, залить взбитым яйцом, посыпать панировочными сухарями и запекать до готовности, после чего сделать из разделенных пополам оливок «ногти». Подавать к столу на листьях салата.

Заключение

Вопреки распространенному мнению, миф — отнюдь не рассказ о чудесах эпохи «детства человечества». Миф — универсальная категория человеческой психики и человеческой культуры, и, как любая универсалия, он находится вне времени, а потому сопровождает человека на всем протяжении эволюции Homo Sapiens. С течением веков и тысячелетий меняется лишь «ощущение мифа»: в одни периоды времени миф, оттесняемый рациональной действительностью, словно пребывает в латентном состоянии, в другие же актуализируется, «возникает из небытия» и возвращает себе статус «идеологии мироздания».

Европа в целом достаточно быстро — с исторической точки зрения, разумеется, — отказалась от «жизни в мифе», исцелилась, если воспользоваться образом Макса Мюллера, от «болезни языка», под которой основоположник сравнительного религиоведения понимал мифологию. Во Франции, Германии, Италии уже в Средневековье воцарился рационализм, влияние которого только усиливалось с течением времени. Архаическая традиция сохранилась лишь на «окраинах Ойкумены» — на славянском востоке, на германо-скандинавском севере и в синтетической культуре Британских островов.

Для обитателей Британских островов — вероятно, в силу островной обособленности от континентального рационализма — привычно жить в мифе. Британский миф лишь единожды, и то ненадолго, переходил в латентное состояние — в эпоху Просвещения с его культом Рацио, породившим образ Джона Буля. Когда же краткое господство этого культа сменилось торжеством романтизма, произошел возврат традиции и миф актуализировался вновь и надежно «закрепился» в британском социуме. И несмотря на буйство постмодернизма и всевозможные культурные деконструкции, осуществленные XX столетием, этот миф продолжает бытовать и сегодня.

Возможно, именно в «проявленном бытовании» британского мифа и заключается причина непреходящей популярности на английской почве художественных повествований, основанных на мифопоэтической традиции. Это и многочисленные произведения, посвященные королю Артуру и рыцарям Круглого стола, и «фольклорные» романы о Робин Гуде, Томасе Рифмаче, Тэме О'Шэнтере, и, безусловно, культовое сочинение XX века — эпопея Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец». Как писал английский историк Т.Б. Маколей, «сама земля напоена здесь мифологией, и, сколько бы ни старались, исчерпать последнюю невозможно».

Певец британского духа Редьярд Киплинг отчеканил «проявленный миф» Британии в хрестоматийных строчках:

Мы пили за королеву,
За отчий священный дом,
За наших английских братьев
(Друг друга мы не поймем).
Мы пили за мирозданье
(Звезды утром зайдут),
Так выпьем — по праву и долгу!
За тех, кто родился тут!

Над нами чужие светила,
Но в сердце свои бережем,
Мы называем домом
Англию, где не живем.
Про жаворонков английских
Мы слышали от матерей,
Но пели нам пестрые лори
В просторе пыльных полей.

Отцы несли на чужбину
Веру свою, свой труд;
Им подчинялись — но дети
По праву рожденья тут!
Тут, где палатки стояли,
Ветер качал колыбель.
Вручим любовь и надежду
Единственной из земель![1]

---

[1] Перевод Н. Голя.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Глоссарий

А

АВАНК (AFANK)

В валлийском фольклоре свирепое водяное существо, похожее, по одним источникам, на громадного крокодила, по другим — на исполинских размеров бобра.

Существует легенда об аванке, который время от времени появлялся в заводи Ллин-ир-Аванк. Он утаскивал под воду коров, лошадей, овец и даже людей. Избавиться от него удалось только хитростью. Девушка, которую он любил, убаюкала аванка своими песнями, и тот заснул. Сонного, его заковали в цепи, и два быка поволокли кровожадное существо прочь от воды. Аванк начал вырываться, но не смог пересилить быков и горестно воскликнул:

«Эх, когда бы не быки,
Только б вы меня видали!»

Еще бытует предание о том, что один из рыцарей короля Артура отправился на бой с Адданком — то бишь с аванком. Возлюбленная дала ему с собой камень, благодаря которому он мог видеть аванка, сам оставаясь невидимым. Рыцарь проник в пещеру аванка, «взял в левую руку камень, что дала ему дама, а в правую — меч. И когда он вошел, то увидел

Адданка и тут же срубил ему голову мечом».

АГИСКИ (AUGHISKY)

В ирландском фольклоре водяные лошадки, которых можно обнаружить едва ли не в каждом морском заливе. Чаще всего они выбираются на берег в ноябре; если поймать агиски и оседлать, из него выйдет замечательный конь. Но тот, кто захочет держать у себя агиски, должен помнить: его ни в коем случае нельзя подпускать к воде (и даже допускать, чтобы он учуял запах моря), иначе агиски утащит своего седока на дно и там разорвет на кусочки. Рассказывают также, что дикие агиски порой нападают на домашний скот. Обычно они принимают обличье жеребят с пышной гривой.

АДСКИЕ ПСЫ (WISH-HOUNDS)

В английском фольклоре свора жутких безголовых псов. Они охотятся и за людьми, и за демонами. Рассказывают, что псы служат дьяволу; однако в одном предании говорится, что они как-то появились в Плимуте следом за призраком великого мореплавателя и пирата сэра Фрэнсиса Дрейка, которого признавали своим повелителем.

АНКУ (ANKOU)

В фольклоре жителей полуострова Бретань предвестник смерти. Обычно анку становится человек, умерший в том или ином поселении последним в году. Является анку в облике высокого человека с длинными белыми волосами; этот человек везет похоронную повозку. Иногда анку принимает

облик скелета.

АРТУР (ARTHUR)

В кельтской мифологии, западноевропейском фольклоре и средневековой литературной традиции величайший из рыцарей, правитель страны под названием Логр или Логрис. По территории она приблизительно совпадала с нынешней Британией и частично вдавалась в Волшебную Страну (см. ФЕЙРИ). Легенды «артуровского цикла» тесно переплетаются с преданиями о рыцарях Круглого Стола. Этот стол стоял в Камелоте, замке короля Артура. Его когда-то соорудил чародей Мерлин для отца Артура, короля Утера. За этим столом все были в равном положении и никто не испытывал обиды от того, что кто-то сидит на более почетном месте. Рыцари короля Артура и он сам отважно бились с людоедами и чудовищами, которыми кишел Логрис, освобождали узников, спасали прекрасных дам. Племянник Артура, сэр Мордред, смертельно ранил своего дядю, но на самом деле Артур не умер: его забрали на остров вечной юности Авалон, где он покоится в ожидании того часа, когда снова понадобится Британии. Тогда он поднимется вместе со своими рыцарями и сокрушит врагов отчизны.

Томас Мэлори в «Смерти Артура» рассказывает, что в одной из церквей против главного алтаря появился вдруг камень — «о четырех углах, подобный мраморному надгробью, посредине на нем — будто стальная наковальня, а под ней — чудный меч обнаженный и вкруг него золотые письмена: «Кто вытащит меч сей из-под наковальни, тот и есть по праву рождения король над всей землей английской». Сколько рыцарей ни пыталось извлечь этот меч, ни у кого

не получалось. А однажды «случилось так, что приехал на турнир сэр Эктор, а с ним его сын сэр Кэй и юный Артур, приходившийся тому молочным братом. Когда направлялись они на турнирное поле, хватился сэр Кэй своего меча — он оставил его в отчем доме, — и просил он юного Артура съездить за его мечом.

— Хорошо, я поеду с превеликой охотою, — сказал Артур и во весь опор поскакал за мечом.

Когда же прискакал он домой, оказалось, что госпожа со всей челядью отправилась смотреть турнир. Разгневался тогда Артур и сказал себе: «Поскачу на церковный двор и возьму меч, что застрял между камнем и наковальней, не допущу, чтобы брат мой сэр Кэй был без меча в такой день».

Артур легко вытащил меч, потом проделал это еще раз по просьбе сэра Эктора, и все опустились перед ними на колени и признали Артура королем Британии.

АСРАИ (ASRAI)

В шотландском фольклоре водяные фейри. Робкие, застенчивые, они обитают на дне моря и в глубоких озерах. На поверхность асраи поднимаются раз в сто лет, чтобы полюбоваться лунным светом. На солнце они испаряются, от них остается лишь крохотная лужица. Главный враг асраи — человек; эти маленькие существа в женском облике настолько прекрасны, что люди не могут удержаться от искушения схватить их.

Несмотря на весьма почтенный возраст, роста асраи небольшого, от двух до четырех футов. У них длинные зеленые волосы, а между пальцами ног — перепонки. Одежды они не носят.

Существует такая легенда. Один человек рыбачил в полнолуние на озере и вдруг почувствовал, как затрепыхалась сеть. Вытащив сеть, рыбак увидел девушку несказанной красоты. То была асраи. Она настолько полюбилась рыбаку, что тот ни в какую не желал ее отпустить: усадил на дно лодки, укрыл камышом. Девушка была холодной как лед, и рыбак даже обжег об нее руку.

Не обращая внимания на плач девушки, он повел лодку к дальнему берегу. Встало солнце. В тот же миг асраи вскрикнула. Рыбак обернулся и увидел, что в лодке никого нет. О ночной гостье напоминала лишь лужица воды на дне лодки да обожженная рука.

Б

БААВАН ШИ (BAOBHAN SITH)

В шотландском фольклоре злобные, кровожадные фейри. Если к человеку подлетел ворон и вдруг превратился в златовласую красавицу в длинном зеленом платье — значит, перед ним бааван ши. Длинные платья они носят недаром, скрывая под ними оленьи копыта, которые у бааван ши вместо ступней. Эти фейри завлекают к себе в жилища мужчин и выпивают их кровь.

Существует легенда о том, как однажды четверо молодых людей отправились на охоту, задержались до наступления темноты и решили заночевать в пустой пастушеской хижине. Чтобы развлечься, один начал играть на дудке, а остальные стали танцевать, сожалея вслух, что у них нет партнерш. Внезапно появились четыре женщины. Трое сразу пошли в пляс, а четвертая встала рядом с музыкантом. Тот еще некоторое время дул в свою дудку, и вдруг ему бросилось в глаза, что его друзья, словно израненные в жестокой сече, истекают кровью. Он бросился вон из хижины, спрятался за спинами лошадей, и бааван ши его не нашли, ибо железо конских подков защищает от фейри. На рассвете женщины исчезли. Музыкант вернулся в хижину и увидел там бездыханные тела своих друзей, в которых не осталось ни капли крови.

БАГ (BUG)

В английском фольклоре разновидность боуги. Это один из так называемых «детских боуги», которыми пугают непослушных детей. У многих багов есть собственные имена — Кожа-да-Кости, Том Погляди-в-Щелку, Лентяй Лоренс (он охраняет фруктовые сады), Дженни Зеленые Зубы и так далее. Косматые чудовища, похожие на медведей, баги проникают в детские комнаты через печную трубу. Впрочем, внешность обманчива: на деле они почти безвредны, поскольку у них нет ни когтей, ни зубов, и всего-то и могут, что корчить рожи.

БАГАБУ (BUG-A-BOO)

См. ***БАГ.***

БАГГЕЙН (BUGGANE)

В фольклоре жителей острова Мэн злокозненный оборотень. Людей он ненавидит и всячески изводит. Баггейн способен вырастать до исполинских размеров и принимать какое угодно обличье. Он может притвориться человеком, но, если присмотреться повнимательнее, можно заметить заостренные кверху уши и лошадиные копыта, которые все равно выдадут баггейна.

Существует предание, что один баггейн жил неподалеку от водопада. Обычно он являлся в облике крупного черного теленка, перебегал дорогу путникам и прыгал в воду, причем раздавался такой звук, словно кто-то бряцает цепями. Однажды, приняв облик, более или менее схожий с

человеческим, он явился в деревню, похитил девушку и потащил ее к себе в логово. Но девушка оказалась не промах: у самого логова она исхитрилась достать из кармана ножик, разрезала фартук, за который тащил ее баггейн, вырвалась и убежала.

БАННЫЕ ФЕЙРИ (BATHING FAIRIES)

В английском фольклоре опекуны бань и купален. Они следят за порядком, за тем, чтобы банщики не обманывали посетителей, и охотно купаются сами.

Существует история о том, как некий банщик решил заглянуть в свое заведение в выходной. Несколько раз он пытался открыть дверь, а та чуть подавалась — и тут же захлопывалась перед его носом. Наконец банщик рассердился и поднажал так, что дверь распахнулась. И тут оторопевший банщик увидел крохотных человечков в зеленых одеждах, которые, похоже, банились, не снимая нарядов. Он окликнул их; человечки переполошились, принялись, точно белки, скакать по стенам и кричать. А потом все неожиданно стихло, человечки словно растворились в воздухе. Впоследствии банщик не раз и не два пытался вновь застать фейри врасплох, но у него так ничего и не вышло.

БАРГЕСТ (BARGUEST)

В английском фольклоре рогатое существо с острыми клыками и не менее острыми когтями, состоящее в дальнем родстве с боуги и хобгоблинами. Баргест может по желанию менять обличье, чаще всего принимает вид косматого черного пса с глазами-плошками, которые пышут пламенем.

Встреча с баргестом обычно предвещает несчастье и даже смерть. Чаще всего баргесты пугают капризных детей; ребенок, который не балуется, их не интересует. Ночами они носятся по улицам городов и деревень, своими истошными воплями мешая спать добрым людям.

Существует предание о том, что баргест однажды увязался за матросом, поздно вечером возвращавшимся из бара домой. По дороге он долго пытался напугать матроса лязганьем цепей, но у него ничего не вышло. Тогда он побежал вперед и стал поджидать матроса на крыльце его дома. Поднявшись на крыльцо, матрос увидел перед собой огромного черного барана, глаза которого светились попеременно красным, голубым и белым. Матрос попытался прогнать животное, но то не слушалось. Вдруг дверь распахнулась, и на пороге появилась жена матроса, известная всей округе своим крутым норовом. Баргест так испугался женщины, что мгновенно исчез и больше не показывался.

БЕЛЬТАЙН (BELTANE)

Бельтайн или Белтан — один из древнейших праздников, отмечаемый 1 мая. На Бельтайн среди людей появляются фейри: они пируют со смертными и похищают красивых девушек, на которых впоследствии женятся. Чтобы уберечься от проказ фейри, люди в этот день носят с собой и развешивают в домах веточки рябины. Главное же событие Бельтайна — большой костер, который разжигают на вершине холма. Пламя костра уничтожает все злые чары и отпугивает фейри. Что любопытно, Бельтайн по времени совпадает со знаменитой Вальпургиевой ночью. В ночь с 30 апреля на 1 мая проходит ежегодный шабаш ведьм, которые слетаются на

гору Брокен в Германии вместе с другой нечистью. В эту ночь люди во многих местностях устраивают изгнание нечистой силы (заодно с которой достается и фейри).

БЕН ВАРРА (BEN BHEARRA)

В фольклоре жителей острова Мэн русалки, схожие своими повадками с германскими ундинами и европейскими морскими девами. Считается, что Бен Варра дружелюбнее других русалок и часто помогают людям.

БЕНДИТ-И-МАМАЙ (BENDITH Y MAMAU)

В фольклоре жителей острова Мэн фейри. Они похищают детей, катаются на лошадях, которых также воруют у смертных, случается, навещают дома людей, чтобы получить угощение — чашку молока. Свой род бендит-и-мамай ведут от Слей Бегги, исконных обитателей острова Мэн. Поскольку они обладают чрезвычайно острым слухом и слышат все, о чем говорят люди, в разговорах следует соблюдать осторожность и ни в коем случае не говорить о фейри плохо: не случайно их прозвание переводится как «матушкино благословение» — чем лучше о них отзываться, тем меньше они будут досаждать.

Есть легенда, что в один год фейри похитили много детей. У женщины-вдовы был единственный ребенок, писаный красавец; соседи уверяли, что фейри давно положили на него глаз. Однажды женщина услышала испуганное мычание коровы, и отправилась в хлев — посмотреть, в чем дело, а когда вернулась, то увидела, что детская кроватка пуста. Она обшарила весь дом и наконец наткнулась на се-

довласого коротышку, который назвал ее «мамой». Год спустя некий мудрый человек научил ее, как испытать малыша. Женщина взяла сырое яйцо, наполовину очистила от скорлупы, взболтала содержимое, а когда малыш спросил, что она делает, ответила, что варит суп. Ребенок воскликнул: «Я слыхивал от отца — а он от деда, — что желудь появился раньше дуба, но никогда не видел, чтобы суп варили в скорлупе».

Так выяснилось, что это — подменыш. Теперь надо было вернуть ребенка, похищенного фейри. Женщина пошла к перекрестку дорог через четыре дня после полнолуния и стала ждать полуночи. В полночь показалась кавалькада бендит-и-мамай; женщина хранила молчание, хотя увидела среди фейри собственного сына. На следующий день она вновь обратилась к мудрецу. Тот посоветовал взять черную курицу, свернуть ей шею и поджарить на костре, не ощипывая. Женщина так и поступила: подменыш тут же исчез, а с улицы донесся голос ее сына. Мальчик, худой и изможденный, ничего не помнил, лишь твердил, что заснул под звуки чудесной музыки.

БЕННИ (BEAN NIGHE)

В фольклоре жителей горной Шотландии близкая родственница бэнши. Иначе ее называют «маленькой прачкой у ручья». Прозвище объясняется тем, что бенни можно встретить у лесных речушек, в которых она стирает окровавленные одежды тех, кому суждено умереть. Одета она обычно в зеленое платье, ноги у нее красные и с перепонками, как у гусей или уток. Если человек заметит бенни до того, как она увидит его, и встанет между нею и водой, она выполнит три

желания. Бенни ответит на три вопроса, но и сама задаст столько же, причем лукавить с ней ни в коем случае не следует. Того, кто наберется храбрости и припадет ртом к ее отвислым грудям, она может признать своим пасынком и будет ему помогать. Впрочем, если рассердить бенни, она принимается хлестать человека бельем, и у несчастного начинают отваливаться руки и ноги.

По некоторым источникам, бенни — духи смертных женщин, которые умерли при родах, а покой обретут, лишь когда подойдет срок покинуть сей мир (то есть в тот день, в который они бы почили от старости).

БИСТ ВИЛАХ (BIASD BHEULACH)

В фольклоре жителей горной Шотландии страшное чудовище. Порой оно принимает облик одноногого калеки, порой является в обличье собаки, издавая жуткие вопли, заслышав которые люди в ужасе прячутся по домам. Появляется бист вилах только по ночам. Нападая на людей, он высасывает из них кровь.

БЛАГИЙ ДВОР (SEELIE COURT)

В шотландском фольклоре фейри делятся на два рода — Благий Двор и Неблагий Двор. Фейри Благого Двора весьма дружелюбны к людям. Они дарят беднякам хлеб и зерно, помогают тем, кто оказывает им какие-либо услуги. Впрочем, безнаказанно себя оскорблять они не позволяют. Смертных, которые выбрасывают мусор на волшебные холмы, поначалу предупреждают, а если они не внимают, наказывают, уничтожая их дома. Правда, без причины Благий Двор никого не карает.

БОГГАРТ (BOGGART)

В английском фольклоре проказливые фейри. К тем людям, в доме которых живут, относятся, как правило, довольно дружелюбно, однако способны на злые проделки и тогда ведут себя точь-в-точь как стуканцы. Боггарты предпочитают бродяжить в одиночку, поскольку между собой не очень-то ладят. Косматые, с длинными желтыми зубами, не слишком далекие, боггарты не пользуются популярностью даже среди фейри. Их любимая проделка такова: прокрасться ночью в спальню, провести холодной, мокрой лапой по лицу человека и сдернуть на пол одеяло.

По преданию, боггарт донимал некоего фермера. Особенно от него доставалось детям. Он крал у них хлеб с маслом, прятал тарелки с кашей, и его никак не могли поймать. Но однажды младший сын фермера наткнулся на дырку в глубине шкафа и сунул туда старую подкову. Та вылетела обратно и стукнула мальчика по лбу. С того дня уже дети начали изводить боггарта, засовывая в дырку всякий мусор. Вскоре между ними разгорелась настоящая война, и фермер решил переехать, от греха подальше. В день переезда сосед спросил:

— Уезжаете?

— Да уж. Этот чертов боггарт надоел хуже горькой редьки. Знаешь, он чуть было не прикончил мою хозяйку.

И тут из груды вещей донесся утробный голос:

— Да уж, да уж!

— Боггарт! — воскликнул фермер. — И как он туда забрался? Придется оставаться, на новом месте он нас будет изводить ничуть не меньше.

Они остались в старом доме, и боггарт мучил их до тех пор, пока ему самому не надоело.

БОГЛ (BOGLE)

В английском фольклоре близкие родичи гоблинов. Это существа злокозненные и проказливые, но иногда способны и на добрые поступки. От них достается прежде всего преступникам, тем, кто обманывает вдов и сирот, и прочим негодяям. Прогнать богла можно, показав ему Библию.

Есть легенда, что у одной вдовы сосед украл подсвечники. Вскоре после этого он увидел ночью в своем саду черную фигуру и выстрелил в нее из ружья. На следующую ночь фигура появилась вновь и сказала: «Во мне нет ни плоти, ни крови, твоя пуля меня не убьет. Отдай подсвечники». Забрав требуемое, богл вырвал у мужчины ресничку и исчез. С той поры у человека до конца его дней подергивался глаз.

БОДАХ (BODACH)

В шотландском фольклоре призрак, появление которого предвещает близкую смерть тому, кто его увидит. Поэт Уильям Хендерсон в своих «Народных суевериях Северных графств» упоминает о том, что бодах (Бодах Глас, т. е. Темный Человек) явился некоему лорду Э., когда тот играл в гольф. В ту же ночь лорд скончался. О бодахе рассказывает и Вальтер Скотт в романе «Уэверли».

БОУГИ (BOGEY)

В английском фольклоре проказливые, весьма зловредные хобгоблины. Обычно боуги селятся поодиночке, однако порой собираются в компании. Все они обладают способностью к оборотничеству, у многих холодные и мокрые пальцы

и желтые глаза, которые светятся в темноте. Иногда боуги принимают облик громадных черных псов и бегают по дорогам. Чаще всего от них достается убийцам, ворам и обманщикам, поскольку боуги не терпят несправедливости. У них есть любимая проказа: они прыгают на человека сзади и зажимают ему руками глаза. Воров они освобождают от добычи. У славян есть сказка про вершки и корешки — как крестьянин обманул медведя. В Англии ту же самую сказку рассказывают про крестьянина и боуги.

Пожалуй, самый знаменитый боуги — хедлийский оборотень. Рассказывают, что хедлийский оборотень по прозванию Коровчик был настоящей чумой для служанок: он то подражал голосам ухажеров, заставляя девушек среди ночи вскакивать с постелей и выглядывать в окна, то опрокидывал ведра со сливками, распускал вязанье и путал пряжу. Или принимал облик лучшей в стаде коровы и носился по лугу, а когда его наконец ловили, он с громким мычанием выскальзывал из привязи и сбрасывал хвост. Однажды некая пожилая женщина возвращалась по проселочной дороге домой и вдруг заметила в канаве большой черный горшок. Заглянув внутрь, она увидела, что горшок полон золота. Нести его в руках женщине было не под силу. Тогда она привязала к нему один конец своего платка и поволокла за собой, как тележку. Какое-то время спустя женщина решила передохнуть, обернулась и увидела, что тащит не горшок с золотом, а серебряный слиток. Этот слиток затем превратился в кусок железа, а тот, в свою очередь, — в камень. У самого дома женщина отвязала платок, и тут камень подпрыгнул, в мгновение ока стал размером со стог сена, у него появились четыре ноги и длинные уши; взмахнув невесть откуда взявшимся хвостом, он помчался прочь, хохоча точно озорной мальчишка. Это, разумеется, был Коровчик.

БОУГИ-ЗВЕРЬ (BOGEY-BEAST)

В английском фольклоре близкий родич боуги. Этот проказливый хобгоблин досаждает капризным детям и одновременно спасает их от неприятностей — не подпускает к омутам, в которых они могут утонуть, не дает залезать в чужие сады и топтать клумбы. На острове Уайт боуги-зверь в обличье огромной волосатой гусеницы стережет кусты крыжовника. Он способен причинить вред, лишь когда на него обращают внимание. Поэтому чтобы обезопасить себя от боуги-зверя, нужно думать не о нем, а о чем-то постороннем.

БОХАН (BAUCHAN)

В фольклоре жителей горной Шотландии проказливый хобгоблин. Иногда он выкидывает достаточно жестокие шутки, но порой и помогает людям.

Есть история о том, что в доме одного шотландца поселился бохан. Он сильно досаждал хозяину, однако никогда не отказывался помочь в работе по дому. Они даже частенько дрались — например, когда бохан похитил у фермера лучший носовой платок. Фермер пошел разыскивать бохана. Тот сидел у дороги и тер платок камнем. «Здорово, хозяин. Хорошо, что ты пришел. Если бы я протер дырку в платке, ты бы помер. Но так просто ты его не получишь. Придется драться». В драке фермер отобрал платок. Потом в доме кончились дрова, а снегу выпало столько, что до леса не дойти. Вдруг раздался глухой удар, и к порогу дома рухнула срубленная бохáном береза.

Со временем шотландец решил переселиться в Америку. Когда он вошел в свой новый дом, его встретил бохан. «Привет! — сказал он. — А я уже тут!»

БРАВНИ (BROWNEY)

В фольклоре жителей полуострова Корнуолл фейри — покровители пчел. Когда пчелы начинают роиться, нужно позвать бравни, и те поспешат на помощь — оставаясь невидимыми, они соберут рой. Некоторые утверждают, что бравни — это сами пчелы.

БРАУНИ (BROWNIE)

В фольклоре народов Британских островов существа, живущие в людских домах и во многом сходные со славянскими домовыми. Ростом с ребенка, они одеты в лохмотья коричневого цвета. Облик брауни своеобычен: у многих нет носа, точнее, переносицы — только две ноздри, у некоторых отсутствуют пальцы рук и ног, у других пальцы есть, но сращенные между собой, отставлен лишь большой. Брауни появляются по ночам и выполняют ту работу по дому, которую недоделала прислуга, рассчитывая на награду — миску сливок и коврижку с медом. В горной Шотландии брауни помогают крестьянам варить пиво. Есть даже камень, называемый камнем брауни; он ускоряет процесс варки. Они не прочь поозорничать, а если их рассердить, могут погубить хозяев дома. Стоит предложить брауни новую одежду или какое-либо угощение кроме сливок, как он тут же покидает дом и уже не возвращается, ибо считает, что его пытаются подкупить. Разгневанный брауни превращается в боггарта.

Брауни очень легко обидеть. Достаточно покритиковать работу, которую он сделал. Если же обращаться с ним доброжелательно, он готов на все — может даже сбегать за врачом, если у хозяйки начались роды.

БРОДЯЧИЙ ОГОНЕК (IGNIS FATUUS)

В фольклоре различных народов название болотных огней. В буквальном переводе с латыни выражение «ignis fatuus», которым обозначают бродячие огоньки западноевропейцы, означает «огонек глупцов». У бродячего огонька множество прозвищ: Уилл-Струйка Дыма, Хобби-Фонарик, Джил-Паленый Хвост, Дженни с фонариком, Кийт со свечкой. По одним источникам, бродячий огонек — разновидность боггарта; по другим, это — неприкаянная, не знающая покоя душа. Чаще всего бродячий огонек является запоздалым путникам, которых сбивает с дороги и заводит в болото или к обрыву.

Также считается, будто бродячие огоньки указывают границу Волшебной Страны. А носят их фейри, которых не пускают домой. Эти фейри настолько тревожатся о своем будущем, что постоянно пристают с расспросами о нем ко всем подряд и, увлекаясь, сбивают с дороги людей.

На море бродячие огоньки называют огнями святого Эльма: они появляются на мачтах кораблей перед штормом. Северное сияние — тоже проказы бродячих огоньков или, как их называют в Шотландии, Ловких Ребят и Веселых Плясунов.

Есть история о том, как некий пастух взял себе в подпаски молодого парня. А парень, считая своего наставника старым олухом, и слушать не хотел, что тот ему говорил. У па-

стуха же был хороший приятель — Джеки-Огонек. Как-то, когда парень в очередной раз не послушался старшего, Джеки решил его проучить: сбил с дороги и завел в реку. Парень вымок до нитки, а Джеки злобно расхохотался и исчез. Домой подпасок вернулся присмиревшим. Джеки же сидел на крыше пастушеской хижины, посмеивался и уплетал овсянку, которую положил ему в тарелку старый пастух.

БРОЛЛАХАН (BROLLACHAN)

В фольклоре жителей горной Шотландии так называют всех фейри, лишенных постоянного облика. Броллаханы злобны и жестоки. Правда, по некоторым источникам, броллахан — это шотландский брауни, с темными волосами, длинными руками до колен и бесформенным волосатым телом. Говорит он крайне редко, а когда пугается, блеет по-козлиному (правда, напугать броллахана не так-то просто; скорее это он напугает кого угодно). Иногда у него видны козлиные копыта.

БРЭГ (BRAG)

В английском фольклоре проказливый и довольно жестокий оборотень. Чаще всего он является людям в лошадином обличье, а также способен перекидываться в теленка с повязанным на шее белым платком, в ослика, в безголового обнаженного юношу и так далее. Людей он недолюбливает и нередко устраивает им всякие пакости.

Существует предание о человеке, у которого был белый костюм, приносивший владельцу одни неприятности. Когда он надел его в первый раз, то встретился с брэгом; вторая

встреча состоялась, когда он в этом костюме возвращался из церкви. Брэг у него на глазах превратился в лошадь, человек не испугался и вскочил на коня. Тот встал на дыбы, затем помчался вскачь и наконец сбросил седока в пруд, после чего ускакал, довольно посмеиваясь.

БУБАХ (BWBACH)

В валлийском фольклоре дружелюбные и трудолюбивые фейри, которые помогают людям по хозяйству. Чтобы заручиться благосклонностью бубахов, следует вымести кухню, развести на ночь в камине огонь и поставить на каминную полку блюдце со сливками. Если наутро окажется, что сливки исчезли, значит, бубахи приняли подарок и обязательно его отработают.

Подобно эллилам, бубахи терпеть не могут ханжей и трезвенников. И тем и другим от бубахов изрядно достается.

Есть история о том, как бубах изводил нападками одного священника, который отличался большой набожностью и кружке доброго эля предпочитал молитву. Как-то вечером бубах выдернул из-под него стул, и добрый священник повалился на пол; на следующий вечер загремел каминными щипцами, потом устроил так, что во время молитвы завыли собаки... Под конец он настолько обнаглел, что осмелился напасть на священника. Тот описывал свое состояние так: «Шел я через поле, читая молитвенник, и вдруг меня охватил страх, и ноги буквально подкосились. Со спины наползла тень. Я обернулся и увидел самого себя — в такой же сутане, с тем же молитвенником — и потерял сознание». После этого священник решил уехать. Соседский мальчишка утверждал, что видел, как за спи-

ной священника на лошадь вскочил бубах. Глаза у лошади сделались точно огненные шары, и она понеслась вскачь, а бубах ухмылялся во весь рот.

БУБРИ (BOOBRIE)

В фольклоре жителей горной Шотландии гигантская водяная птица. Она питается домашним скотом, который ворует у людей. Те, кто видел бубри, утверждают, что шея у нее длиной около трех футов, а клюв — около семнадцати дюймов и крючковатый, как у орла. Голос у птицы громкий и хриплый, похожий на рев быка; лапы — короткие, с перепонками и длинными когтями. Ее следы можно увидеть на берегах многих шотландских озер.

БУКА (BWCA)

В валлийском фольклоре фейри, местная разновидность брауни. Если к буке относиться уважительно и каждый вечер выставлять ему блюдце со сливками, он не откажется помочь. Но если над ним потешаться или, того паче, оскорбить, он рассердится. За оскорбление бука мстит весьма сурово: переставляет мебель, подбрасывает людей в воздух, щиплет спящих, рвет в клочья одежду, рассказывает во всеуслышание семейные тайны и даже бьет своих обидчиков. В таких случаях необходимо заставить его покинуть дом, ибо прежним добродушным букой он уже не станет. В качестве защиты от буки рекомендуют железо, святую воду или крест из рябинового дерева. Если самим справиться с разошедшимся букой не удается, следует вызывать чародея — или священника.

Есть история о том, как один бука подружился со служанкой. Он помогал ей прибираться в доме, а она каждый вечер оставляла ему блюдце молока. Но однажды девушка, на свою беду, решила подшутить над букой и вместо молока налила в блюдце мочу (такое вот у нее было извращенное чувство юмора).

Бука страшно рассердился. Он выволок девушку из кровати и принялся гонять бедняжку по дому. Тут проснулись остальные слуги, бука испугался и сбежал.

Впрочем, убежал он недалеко — поселился по соседству. Он прекрасно ладил с новым хозяином. Но того забрали в армию, буке стало скучно, и он принялся развлекаться — пугал людей громкими завываниями, бил посуду, мучил домашних животных. Его выходки обозлили фермеров, и те вызвали чародея, который схватил буку за нос и швырнул его в Красное море.

БУККА (BUCCA)

В фольклоре жителей полуострова Корнуолл злой дух. Ему приносят разнообразные жертвы: рыбаки оставляют на песке рыбу, фермеры во время жатвы бросают через левое плечо ломоть хлеба и выливают на землю кружку пива. По всей видимости, бука состоит в дальнем родстве с гоблинами. Им пугают непослушных детей: мол, если не перестанешь капризничать и плакать, придет букка и заберет тебя к себе (ср. с русским букой).

БЭНШИ (BANSHEE)

В ирландском фольклоре и у жителей горной Шотландии особая разновидность фейри. У бэнши длинные распущен-

ные волосы, серые плащи поверх зеленых платьев, красные от слез глаза. Бэнши опекают старинные человеческие роды, издают душераздирающие вопли, оплакивая смерть кого-либо из членов семьи. Когда несколько бэнши собираются вместе, это предвещает смерть кого-либо из великих людей. Увидеть бэнши — к скорой смерти. Плачет бэнши на языке, которого никто не понимает; в ее воплях будто сливаются воедино крики диких гусей, рыдания брошенного ребенка и волчий вой.

Порой бэнши принимает облик уродливой старухи со спутанными черными волосами, одной-единственной ноздрей и выпирающими передними зубами. Порой становится бледнокожей красавицей в сером плаще или в саване. А иногда является в образе рано умершей невинной девы из числа членов рода. Она то крадется среди деревьев, то летает вокруг дома, оглашая воздух пронзительными воплями.

Есть история о том, как некая женщина увидела в своем окне бэнши. Та сидела снаружи, на каменном выступе; у нее были рыжие волосы, которые казались охваченными пламенем на фоне белого платья и мертвенно-бледной кожи. Она что-то монотонно напевала, а потом вдруг исчезла, словно растаяла в воздухе. Наутро выяснилось, что у женщины в эту ночь умер брат.

Есть также история о том, как некий фермер встретился с бэнши у моста. Он увидел сидящую на перилах старуху, поздоровался и только тогда заметил, что у старухи очень длинные волосы, рыжие с багровым отливом. Старуха сидела понурившись, словно чем-то опечаленная. Когда она повернулась к фермеру лицом, у того внутри все замерло: кожа бледная, как у трупа, лицо в пятнах, как индюшиное яйцо... Старуха выпрямилась в

полный рост, и оказалось, что она втрое выше самого высокого человека. Фермер мысленно попрощался с жизнью, но тут старуха шагнула с моста прямо в воду и исчезла. Наутро фермер узнал, что ночью умер старик-сосед, последний в древнем роду.

В

ВЕДЬМИНЫ КОЛЬЦА (FAIRY RINGS)

Ведьмиными или волшебными кольцами называются круги вытоптанной травы на лугах. Эти кольца — следы хороводов, которые водят фейри. Похожие кольца остаются на лугах и после того, как пикси целую ночь гоняют по кругу жеребят. Современная теория гласит, что ведьмины кольца — следы посадки инопланетных звездолетов. Вокруг ведьминых колец растут поганки, которые называют ведьмиными или эльфийскими грибами.

ВОДЯНЫЕ ЛОШАДКИ (WATER HORSES)

В фольклоре жителей Британских островов чудесные животные, которые обитают в воде, а выходя на берег, принимают обличье лошади, — келпи и ракушники, кабилл-ушти и эх-ушки, аванки и брэги... Нрав у каждой лошадки свой, но объединяет их одно — привычка заманивать людей и прыгать вместе с седоками в воду. Заканчиваются эти прыжки для людей по-разному: кто отделывается купанием, а кого и съедают.

ВОЛШЕБНЫЕ ДЕРЕВЬЯ И РАСТЕНИЯ (FAIRY TREES & PLANTS)

Во всех без исключения мифологических системах, равно как и в фольклоре любого народа, присутствуют чудесные

деревья и растения, а также травы. Эти деревья и растения можно условно разделить на две категории — на те, на которых обитают сверхъестественные существа и которые сами являются средоточием магических сил, и на те, которые служат защитой от этих существ.

К первой категории прежде всего относится мировое древо во всех своих «ипостасях», будь то скандинавский ясень Иггдрасиль, шумерское дерево Хулуппу или библейское древо познания (кстати сказать, древо познания и древо жизни, а также небесное древо, шаманское древо и т. д. являются особыми «разновидностями» мирового древа). В ветвях дерева Хулуппу сидит птица Анзуд, в корнях обитает змея, а в стволе — Лилит. Ясень Иггдрасиль связывает между собой девять миров, на его вершине сидит мудрый орел, корни дерева гложут змеи и дракон Нидхегг. Три корня Иггдрасиля уходят в подземный мир; под ними расположены источники, и среди них тот, у которого живут норны. В «Младшей Эдде» сказано, что он «больше и прекраснее всех деревьев. Сучья его простерты над миром и поднимаются выше неба. Три корня поддерживают дерево, и далеко расходятся эти корни. Один корень — у асов, другой — у инеистых великанов, там, где прежде была Мировая Бездна. Третий же тянется к Нифльхейму...». А «Старшая Эдда» описывает Иггдрасиль так:

Тремя корнями
тот ясень-древо
на три страны пророс:
Хель — под первым,
Хримтурсам — второй,
под третьим род человеков.

Белка по имени
мысь Вострозубка
снует по Иггдрасиль-древу,
сверху она
слово орла
вниз темному Нидхеггу носит.

Две пары оленей
вершину древа
гложут, вытянув выи:
Туротрор, Умерший,
Мешкий и Чуткий.

И змей немало
под Иггдрасиль-древом —
больше, чем думают дурни иные:
Пустожил и Подземельник —
волкодлачьи чада,
тоже Серый и Скрытень,
Снотворец и Витень;
мне же ведомо: ветви
Древа им вечно грызть.

Иггдрасиль-ясень
терпит страсти,
коих не знают люди:
олень объедает,
ствол подгнивает,
Нидхегг терзает снизу[1].

---

[1] Перевод В. Тихомирова (мысь — древнерусское название белки. — *К. К.*).

Из «обычных» деревьев магическими свойствами отличаются в первую очередь терновник, тис и дуб. Терновник считается любимым деревом фейри, в особенности это относится к тем деревьям, которые растут вблизи эльфийских холмов или к купам из трех-четырех деревьев, растущих под острым углом к земле. Особую опасность таят в себе группы из двух терновников и куста бузины. Принести в дом цветущую ветку терновника означает навлечь смерть на кого-либо из родственников. Ясень тоже считается чудесным деревом. Прежде чем срубить его, нужно попросить разрешения: «Старушка, старушка, дай мне твое дерево, а я поделюсь с тобой своим, когда оно у меня будет». Кроме того, считается, что ясени — это преображенные тела ведьм и колдуний, и если подступить к такому дереву с топором, из ствола потечет кровь. В дубах обитают злобные дубовики. Они предлагают прохожим яства, которые ни в коем случае нельзя пробовать, ибо те яства отравлены. А ночами дубовики выходят на охоту, поэтому нельзя ни в коем случае проходить ночью мимо срубленного дуба — или случится беда.

Бузину также не следует рубить без спроса (необходимо произнести ту же фразу, с какой обращаются к ясеню). Младенцев нельзя класть в колыбели из бузины, потому что иначе их могут до смерти защипать. Жечь бузину в камине — значит накликать на дом несчастье. Англичане верят, что в березе живет фейри по прозвищу Белая Рука: если он коснется этой рукой чьей-либо головы, на лице человека останется белая метка, а сам несчастный обезумеет. Если же Белая Рука коснется сердца, человек умрет.

Особыми магическими свойствами отличаются яблоня и орех. Когда поспевают орехи, в лесу начинают бесчинствовать разные духи. Форель или лосось, проглотившие орех, приобретают великую мудрость; если кто-либо поймает рыбу, которая проглотила орех, и съест ее, эта мудрость перейдет к нему. Яблоневый сад охраняет «яблочник» — фейри, живущий в самой старой и корявой яблоне. От него зависит урожай; чтобы яблоки уродились и на следующий год, последний плод из урожая нынешнего следует оставить яблочнику.

Валлийский фольклор сохранил легенду, согласно которой однажды деревья сошлись на битву с войсками Аннона (так называется преисподняя в валлийском фольклоре):

На битву первыми шли деревья, старшие в роде,
А юные ива с рябиной процессию замыкали;
От запаха крови пьян, шагал терновник колючий;
Ольха устремлялась в бой, подняв могучие ветви;
И розы свои шипы к врагу простирали в гневе;
Кусты малины пришли, покинув лесную чащу;
И жимолость ради битвы презрела свою ограду,
И плющ вместе с ней, и вишня, что шла на битву со смехом;
Последней береза шла, мудрейшая из деревьев,
Отстав не трусости ради, а гордость свою сберегая;
Их строй по бокам ограждал золотарник цветущий,
Ель шла впереди, полководцем средь них величаясь;
А королем был тис, что первым в Британии правил;
Мохом обросший вяз не в силах был сдвинуть корни
И плелся в хвосте, пугая врагов кряхтеньем и скрипом;
Орешник оружье острил в преддверии грозной битвы,
И бирючина, как бык, стремилась за стройной елью.

Падуб зеленый пришел, не отставая от прочих;
За ним и боярышник дивный, чей сок исцеляет раны;
Лоза, извиваясь, ползла на бой за деревьями следом.
Нерадостно трусам пришлось: был папоротник загублен,
Ракитник пришлось срубить и выкорчевать утесник.
Но храбр, хоть и ростом мал, оказался медовый вереск,
Что в первых войска рядах врагу наносил удары.
О поступи мощного дуба дрожали земля и небо,
Он втаптывал в землю врагов, разя их без счета,
А рядом с ним царственный тис отражал атаки
Врагов, что шли на него, как волны на берег моря;
И груша сражалась там же, обильно кровь проливая;
Каштан состязался с елью в свершенье подвигов ратных[1].

Древнекитайская мифология знает чудесное дерево цзяньму. Юань Кэ говорит: «Дерево цзяньму росло посередине сада, находившегося... в центре неба и земли. В полдень, когда солнце освещало его вершину, от дерева не было никакой тени. Если около этого дерева громко кричали, то звуки терялись в пустоте и эхо не повторяло их. Дерево цзяньму было очень странным на вид: его тонкий длинный ствол врезался прямо в облака, на нем не было ветвей и только на верхушке имелось несколько изогнутых и кривых веток наподобие каркаса зонта; корни дерева были тоже изогнутыми и переплетались между собой. Это дерево обладало еще одной особенностью: его эластичная и прочная кора отделялась, как женский пояс или кожа желтой змеи». Кроме того, китайцам были известны деревья саньсан — высокое и начисто лишенное ветвей; жому — на вершине которого де-

---

[1] Перевод В. Эрлихмана.

сять солнц, освещающих землю; суйму — закрывавшее собой солнце; цюнсан — плодоносившее раз в десять тысяч лет и дававшее плоды, которые продляли человеческую жизнь, и многие другие.

Среди растений и цветов выделяется незабудка. Фейри частенько используют чашечки незабудок как перчатки. Другое название этого цветка — «наперсток гоблина». Считается, что гоблины пьют из незабудок их сок, который веселит не хуже спиртного. Примулы позволяют увидеть «соседушек»: для этого достаточно съесть хотя бы один цветок. Если прикоснуться к склону эльфийского холма букетом примул (цветов должно быть строго определенное количество), откроется путь внутрь. Но тот, кто ошибется с количеством цветков, заболеет и даже может умереть. На крестовнике и райграсе фейри летают.

Если сварить и съесть похлебку из вершков дикого тимьяна, собранного у эльфийского холма, и травы со склона этого холма, можно увидеть фейри. Но варить похлебку нужно на свежем воздухе, ибо дикий тимьян в доме приносит несчастье. Первоцвет — один из любимых цветков фейри. Они тщательно его стерегут, ибо он позволяет находить клады. Еще можно упомянуть колокольчики, услышать перезвон которых означает узнать о своей близкой смерти. Лес, в котором растут колокольчики, таит в себе угрозу для человека, ибо он полон чар и наваждений.

Что касается грибов, недаром многие из них носят такие названия — «шапка эльфа», «колпачок пикси», «дубинка фейри». Самые известные из волшебных грибов — мухоморы. В Скандинавии считают, что мухоморы возникли из пены, летевшей из пасти восьминогого коня

Слейпнира, на котором скакал бог Один. Викинги нарочно ели мухоморы перед битвой и превращались в берсерков — свирепых воинов, которых не брало никакое оружие.

Что касается чудесных трав, в английском фольклоре под названием «иоаннова трава» известны сразу два растения — зверобой (это одно из действенных средств защиты от фейри) и папоротник. В Иоаннову ночь папоротник расцветает, но всего лишь на миг. Чтобы отправиться за ним, нужно обладать немалым мужеством, ибо фейри зорко стерегут цветущие папоротники. Тот, кому удастся найти и сорвать цветок, станет невидимым и может ночь напролет наблюдать за развлечениями фейри. Еще есть весенняя трава — это растение, наделенное необыкновенными свойствами. Чтобы добыть ее, следует найти дупло, в котором живет дятел и заткнуть отверстие; обнаружив, что домой не попасть, дятел улетит и вскоре вернется с весенней травой, которая, в частности, отпирает закрытые двери.

ВУЛВЕР (WULVER)

В фольклоре жителей Шетландских островов чудовище. Несмотря на свой устрашающий вид, оно совершенно безобидно и к людям относится вполне дружелюбно. Выглядит вулвер как человек с волчьей головой и весь покрыт короткой бурой шерстью. Живет это существо в пещере. Если ему не докучать, само оно никого не тронет. Больше всего на свете вулвер любит рыбачить. На островах даже есть заводь, которая так и называется — Заводь Вулвера. Время от времени вулвер оставляет свой улов на крыльце или на подоконнике какого-нибудь бедняка.

ВУХ ФРЕХ (VOUGH FREACH)

В валлийском фольклоре чудесная корова, которая является людям, впавшим в глубочайшую нужду, наполняет своим молоком самое большое ведро в доме, а затем исчезает. По легенде, эту корову посылают на выручку людям фейри — и они же отзывают животное, когда дело сделано.

Г

ГАНКОНЕР (GANCONER)

В английском фольклоре фейри, которого еще называют «ласковый любовник». Ганконер обычно принимает облик весьма представительного, симпатичного мужчины с короткой трубкой в зубах. Он бродит по укромным лощинам и наигрывает на своей флейте разные мелодии. Девушки, которые слышат его флейту, не могут устоять перед музыкой. Ганконер их обольщает — и бесследно потом исчезает. Девушка, встретившая ганконера, будет тосковать по нему до самой смерти, исхудает и зачахнет от тоски. Чтобы избежать подобной участи, не следует в одиночку ходить по лощинам, где растут колокольчики или анютины глазки. Опаснее всего заросли терновника.

ГВИЛЛИОНЫ (GWYLLION)

В валлийском фольклоре горные фейри. Это весьма кровожадные, зловещие существа. Они появляются лишь с заходом солнца, а их любимое занятие — прятаться в тенях у горной тропы. Идущих по тропе путников они намеренно сбивают с дороги, нагромождая перед ними каменные завалы. В дождливую погоду гвиллионы нередко заглядывают в гости к людям, и хозяева из страха перед ними стараются в

таких случаях проявить все свое радушие. Чтобы отогнать гвиллионов, следует показать им раскрытую Библию или нож либо другой режущий инструмент.

Есть история о том, что один человек возвращался поздно вечером домой по горному проходу и вдруг увидел впереди гвиллионов. До него донесся звук охотничьего рога, по небу словно промчались невидимые всадники. Он испугался, но, по счастью, вспомнил, что гвиллионов можно отогнать с помощью ножа. Человек обнажил свой кинжал, и фейри мгновенно исчезли.

Также существует предание о некоем фермере, который ночью вышел в дорогу, чтобы к утру добраться до цели. Вскоре он услышал позади себя чей-то крик. Потом крик повторился, но уже ближе. Фермера охватил страх, ибо он заподозрил, что кричит вовсе не человек. Затем крик раздался впереди, и тут фермер понял, что его сбивает с пути самая вредная из гвиллионов — Горная Старуха: у нее диковинная четырехугольная шляпа, одежда пепельных тонов, фартук переброшен через плечо, а в руках то ли горшок, то ли деревянный чан. Не помня себя от страха, фермер бросился бежать, свернул с тропы и спрятался в зарослях вереска. К его великому облегчению, до рассвета оставалось всего ничего; с первыми лучами солнца Горная Старуха исчезла.

ГИЛЛИ ДУ (GHILLIE DHU)

В шотландском фольклоре добродушные и робкие лесные фейри. У них черные волосы, одежда скроена изо мха и палой листвы. Они заботятся о детях и помогают заплутавшим вернуться домой, а голодным показывают съедобные ягоды и орехи.

Рассказывают, что маленькая девочка как-то поздно вечером заблудилась в лесу. Гилли ду всю ночь не давал ей испугаться, а утром вывел к дому. Несколько лет спустя, когда девочка выросла, она вышла замуж за одного из местных лордов. И однажды лорду в компании с приятелями вздумалось поохотиться на гилли ду. Девушка не сумела отговорить его от этой затеи, но как же она обрадовалась, когда вернувшийся с охоты муж признался, что гилли ду они так и не нашли.

ГЛАШАНЫ (GLASHANS)

В фольклоре жителей острова Мэн фейри, дальние родственники гремлинов. Их любимое занятие намагничивать камни на обочинах дорог. Машины, которые проезжают мимо таких камней, съезжают на обочины, несмотря на все усилия водителей. Довольные глашаны разражаются смехом и убегают.

ГЛЕЙСТИГ (GLAISTIG)

В шотландском фольклоре фейри, наполовину женщины, наполовину козы. Глейстиги бывают как добрыми, так и злыми. Добрые глейстиги заботятся о детях и стариках, присматривают за домашними животными; чтобы отблагодарить глейстига, достаточно вечером выставить на порог блюдце с молоком. Злые глейстиги кровожадны и смертельно опасны для людей. У них женские головы и туловища, а вместо ног — козлиные копыта, скрытые длинными зелеными платьями. Эти платья расшиты золотыми нитями, а сами женщины настолько красивы, что редкий смертный сумеет ус-

тоять и не поддаться, когда его пригласят потанцевать. Тот, кто принимает приглашение от глейстига, уже не жилец на этом свете: из него выпьют всю кровь.

Все глейстиги, и добрые, и злые, умеют летать и способны передвигаться по воде как по суше.

ГЛЭСТИН (GLASTYN)

В фольклоре жителей острова Мэн фейри. Чаще всего глэстин является в обличье привлекательного, хорошо одетого молодого человека с пышными кудрями; его нетрудно узнать по остроконечным, как у лошади, ушам. В любой момент он способен превратиться в коня и утащить свою ничего не подозревающую жертву в море. Добрые глэстины, подобно брауни, помогают людям в домашней работе. Но если глэстина обидеть, он становится невыносим — бьет и крушит все подряд, вытаптывает поля, может даже насиловать женщин. Поэтому перед тем как затевать какое-либо дело, следует попросить у глэстина разрешения.

Существует предание о том, как некая девушка осталась дома одна: ее отец-рыбак отправился на рынок продавать улов. Дочери он велел запереться и не открывать, пока в дверь не постучат три раза. Вечером разразился шторм, а отец все не возвращался, и девушка забеспокоилась. Наконец в дверь трижды постучали. Она открыла, и в дом вошел насквозь промокший незнакомец. Он говорил на диковинном языке, но девушка поняла, что он просит позволения обогреться у огня. Когда незнакомец заснул, девушка пригляделась к нему повнимательнее и заметила заостренные кверху уши. То был злобный глэстин, в любое мгновение способный обернуться лошадью, утащить ее на дно моря и

там разорвать на куски. Оставалось лишь надеяться, что он не проснется до рассвета. Девушка сидела неподвижно. Вдруг в очаге стрельнул уголек, и незнакомец проснулся. Он вытащил жемчужное ожерелье и помахал им перед девушкой. Та оттолкнула глэстина, но он схватил ее за рукав. Девушка закричала, ее крик разбудил петуха, который закукарекал. Незнакомец мгновенно исчез — только простучали по двору копыта, а с первыми лучами солнца вернулся домой и отец девушки.

ГОБЛИНЫ (GOBLINS)

В фольклоре жителей Британских островов злокозненные существа крохотного роста, темнокожие, сгорбленные, с громадными ручищами. Они селятся в людских домах или в дуплах деревьев. Ходят гоблины в надвинутых на глаза колпаках. На Хэллоуин они, как правило, принимают обличье уродливых животных и пугают людей.

Хэллоуин — древний языческий праздник у кельтов, отмечаемый 31 октября. В этот день, по народным поверьям, фейри устраивают грандиозное переселение, переезжают из одних холмов в другие под звон бубенцов и охотничьих рогов. По некоторым источникам, смертных, похищенных фейри, можно освободить ровно через год и один день после похищения, но заклинание подействует лишь в том случае, если этот срок придется на Хэллоуин. В этот день все обитатели Волшебной Страны, даже самые добродушные, становятся жестокими и кровожадными, и горе тому человеку, который с ними столкнется! Вальтер Скотт советовал в ночь на Хэллоуин перекрестить постель, прежде чем ложиться, и произнести молитву, ибо в эту ночь нет иного способа спастись от Дикой Охоты.

ГРАМП (GRAMPUS)

В английском фольклоре чудовище. Оно обитает в озерах и время от времени, плескаясь в теплой воде, выбрасывает из себя целые фонтаны. Голова у грампа как у дельфина, а рыло тупое, как у свиньи.

ГРАНТ (GRANT)

В английском фольклоре оборотень, который чаще всего является смертным под видом лошади. При этом ходит он на задних ногах, а его глаза пышут пламенем. Грант — городской фейри, его часто можно увидеть на улице, в полдень или ближе к закату. Встреча с грантом предвещает несчастье — пожар или что-нибудь еще в том же роде.

ГРЕМЛИНЫ (GREMLINS)

В современном европейском фольклоре (впрочем, по некоторым источникам, сведения о гремлинах можно найти еще в средневековых хрониках) зловредные существа, ненавистники техники. С Первой мировой войны все неполадки в технике, начиная от велосипедов и кончая космическими кораблями, приписывают гремлинам. Гремлины ненавидят технику и всячески вредят людям, которые ею пользуются.

Внешне они сильнее всего напоминают помесь кролика с бультерьером; ростом около 20 дюймов, одеты обычно в зеленые брюки и красные куртки. У них перепончатые лапы, которыми они ступают очень тихо, почти неслышно. К людям гремлины относятся достаточно

дружелюбно, устраивают пакости скорее из озорства, чем из желания досадить.

ГРЕНДЕЛЬ (GRENDEL)

В англосаксонском героическом эпосе «Беовульф» чудовище. Грендель повадился ночами проникать в княжеский дворец Хеорот и похищать дружинников. С ним никак не могли справиться, потому что он был заговорен от железных мечей и копий. Это продолжалось несколько лет, пока витязь Беовульф не заманил Гренделя в ловушку и не оторвал ему руку:

Враг нечестивый,
противный Богу,
предавший смерти
несметное множество
землерожденных,
теперь и сам он
изведал смертную
немощь плоти,
изнемогавший
в руках благостойкого
дружинника Хигелакова;
непримиримы
они под небом.
Неисцелимая
в плече нечистого
кровоточащая
зияла язва —
сустав разъялся,
лопнули жилы;

стяжал в сражении
победу Беовульф,
а Грендель бегством
в нору болотную
упасся, гибнущий,
в берлогу смрадную
бежал, предчуя
смерть близкую;
земная жизнь его
уже закончилась[1].

Мать Гренделя, которую эпос называет «женочудищем», вознамерилась отомстить за гибель сына, но Беовульф спустился в ее логово на морском дне и ударом меча отсек ей голову.

ГРИМ (GRIM)

В фольклоре народов Западной Европы существа, которые чаще всего селятся на церковных кладбищах, поэтому их еще называют церковными гримами. Обычно грим принимает обличье черного пса (а в Швеции рассказывают, что он предпочитает перекидываться в теленка), пугает людей, воет под окнами больных, предвещая тем скорый конец. Грима можно увидеть в дождливую погоду. Иногда он звонит среди ночи в колокола, а во время похорон смотрит с колокольни, и по его виду можно узнать, куда отправится душа умершего — в ад или в рай. Как сказано в средневековом трактате «Жизнь Робина Доброго Малого», грим «пугает молодежь, которая собирается

---

[1] Перевод В. Тихомирова.

вместе, чтобы повеселиться, а когда юноши и девушки разбегаются, доедает то, что они бросили. Но мудрый грима не испугается, потому что знает — причинить человеку вред грим не способен».

ГРОГАН (GROGAN)

В фольклоре жителей Ирландии и горной Шотландии широкоплечий и косматый фейри. Говорят, что в теле грогана нет костей, однако он наделен огромной силой. Он присматривает за скотом, ходит обычно голышом, а если ему дарят одежду, тут же с плачем покидает дома, в которых жил.

Существует предание о том, что у некоего фермера было в обычае оставлять в амбаре несколько снопов — для грогана, чтобы тот за ночь обмолотил зерно. Как-то раз фермер забыл отложить снопы, и гроган решил, что ему нужно обмолотить все, что есть в амбаре. Бедняга так старался, что к утру умер от изнеможения. Фермер устроил грогану пышные похороны, и о нем на этой ферме помнили долгие годы.

ГРУАГАХ (GRUAGACH)

В фольклоре жителей горной Шотландии и Ирландии фейри, которых условно можно разделить на три рода. Первый — женщины с длинными золотистыми волосами, порой красивые, а порой уродливые, облаченные в зеленые платья, которые расшиты золотом и серебром. Эти груагахи бродят от деревни к деревне, стерегут домашний скот и следят за порядком в людских домах. Нередко они заходят в дома к людям и просят разрешения погреться у огня.

Второй род — мужчины, молодые и красивые; они иногда носят зеленые с красным наряды, но чаще ходят нагишом. Эти груагахи тоже помогают людям по хозяйству. К третьему роду относятся ирландские груагахи — злобные великаны.

ГУАРАГГЕД АННОН (GWRAGGED ANNWN)

В валлийском фольклоре озерные девы, обитающие в роскошных дворцах на дне горных озер. Это писаные красавицы: высокие, стройные, с роскошными золотистыми волосами до талии и чудесной молочно-белой кожей. Вместе с ними живут их родственники по мужской линии — седовласые, с длинными бородами, крепкие и сильные, несмотря на возраст. Дворцы озерных дев окружены волшебными садами; гостя там накормят изысканнейшими яствами под аккомпанемент непередаваемо прекрасной музыки. Но если сорвать в таком саду одну-единственную былинку, все исчезнет, гость окажется на берегу и больше в подводный дворец не попадет.

На сушу озерные девы выходят, чтобы порезвиться, потанцевать или поохотиться. В полнолуние они появляются из воды за минуту до полуночи и танцуют на лугах до первого крика петуха. Как правило, озерные девы расположены к людям и часто выходят замуж за смертных, приводя с собой в дом мужа волшебных животных. Обычно озерная дева ставит мужу условие — не нарушать того или иного запрета, а когда муж трижды нарушает это условие, возвращается к себе в озеро и уводит за собой волшебный скот.

Отличить гуараггед аннон от обыкновенных женщин очень просто: ни одна женщина не сравнится с ними красотой; вдобавок считать они умеют лишь до пяти.

Валлийская сказка гласит, что простой смертный, молодой парень, полюбил озерную деву. Она ответила ему взаимностью. Сыграли свадьбу. В приданое за озерной девой ее отец дал стадо гуартег-и-ллин — коров и быков, овец, лошадей и свиней. Девушка поставила одно условие: если муж трижды поднимет на нее руку, она вернется к отцу. Парень поклялся, что никогда не тронет ее даже пальцем. Все шло хорошо, у них родились дети. Но однажды муж, забывшись, ударил жену — за то, что она посмела закапризничать. Во второй раз озерная дева заплакала на чьей-то свадьбе («Я плачу, ибо этим двоим суждены сплошные мучения — они не подходят друг другу», — так она объяснила), и мужу это не понравилось, а в третий — засмеялась на похоронах («мертвые счастливее живых — им не о чем беспокоиться»). Муж ее просто толкнул, но этого было достаточно. Женщина вернулась в озеро вместе со скотом, оставив мужу троих сыновей. Сыновьям она помогла стать знаменитыми целителями, а с мужем больше не встречалась.

ГУАРТЕГ-И-ЛЛИН (GWARTHEG Y LLYN)

В валлийском фольклоре волшебные домашние животные. Обычно все они молочно-белые, хотя иногда среди них встречаются пестрые и черные. Как правило, часть стада гуартег-и-ллин отходит в качестве приданого озерным девам — гуараггед аннон, — когда те выходят замуж. Волшебные быки нередко покрывают обычных коров, после чего фермеры не могут нарадоваться на своих животных, — порода улучшается буквально на глазах.

Сказка гласит, что к стаду одного фермера прибилась бродячая корова. Родившиеся от нее телята были на загля-

денье крепкими, а с молоком, которое она давала, не шло в сравнение никакое другое. Фермер быстро разбогател. Но с годами он стал забывать, кому обязан своим достатком. Однажды ему показалось, что корова уже не та и пора ее откормить на мясо. Он так и сделал, а осенью отвел на бойню, что стояла на берегу озера. Но едва мясник занес над коровой нож, как у него отнялась рука. Нож выпал, раздался душераздирающий крик, и из озера вдруг возникла женщина, которая позвала корову к себе. Животное устремилось к озеру, следом помчалось все потомство коровы. Остановить их фермеру не удалось, и вскоре от его богатства не осталось и следа.

ГУННА (GUNNA)

В шотландском фольклоре фейри, главное занятие которых — не давать домашнему скоту поедать всходы на полях. Гунна обычно кутаются в лисьи шкуры, другой одежды у них нет, но если им подарить новые наряды, они, как и брауни, которым приходятся родственниками, обижаются и тут уже исчезают в неизвестном направлении. Как сказано в балладе:

Смотри, смотри, он весь продрог!
Впусти его скорей,
Не то бедняга дуба даст
У самых у дверей.

Лишь шкурка — весь его наряд.
Он ходит так всегда.
Еще бы не заледенеть
В такие холода!

ГУРАХ-И-РИБИН (GWRACH Y RHIBYN)

В валлийском фольклоре дальняя родственница бэнши. Она незримо сопровождает того человека, которого хочет предостеречь, до перекрестка дорог или до реки, а затем кричит: «Муж мой! Муж мой» — если это мужчина — и «Жена моя! Жена моя!» — если это женщина. Или «Дитя мое!» — если хочет предупредить о близкой смерти ребенка. Если же крика гурах-и-рибин не разобрать, значит, умрет не тот, кого она сопровождает, а тот, кому довелось оказаться поблизости. Выглядит она ужасно: у нее спутанные волосы и костлявые руки до колен, а изо рта торчат длинные черные клыки.

Д

ДАНДО И ЕГО ПСЫ (DANDO & HIS DOGS)

В корнуоллском фольклоре Дикая Охота, о которой рассказывают такое предание.

Жил когда-то в Корнуолле священник по имени Дандо, который, несмотря на сан, посвятил жизнь погоне за мирскими удовольствиями. Однажды он со своими собаками, громадными черными мастифами, отправился на охоту. Забава растянулась до вечера; Дандо захотелось пить, и тут он обнаружил, что его фляжка пуста. У спутников воды тоже не оказалось. Тогда священник воскликнул: «Что же мне теперь, в преисподнюю бежать за водой?» Откуда ни возьмись появился незнакомец, протянувший Дандо полную фляжку. Пока священник пил, незнакомец собирал подстреленную дичь. Дандо потребовал, чтобы тот не зарился на чужое; незнакомец ответил: «Я беру то, что принадлежит мне». Священник бросился на него с кулаками. Тогда незнакомец схватил Дандо за шкирку, усадил перед собой на своего коня и вонзил животному шпоры в бока. Конь прыгнул в реку, спутников Дандо ослепила вспышка пламени. Когда к ним вернулась способность видеть, они обнаружили, что незнакомец и Дандо исчезли, а вместе с ними пропали и собаки священника.

С тех пор время от времени над лесами и лугами разносится лай собак: это Дандо, отпущенный на короткий срок

из преисподней, продолжает свою охоту. Иногда его псов путают со сворой Дикого Охотника.

ДАННИ (DUNNIE)

В английском фольклоре проказливый оборотень. Чаще всего он принимает обличье лошади, но порой перекидывается и в осла. Еще данни может притвориться человеком. Ему доставляет громадное удовольствие подшучивать над путниками, которые принимают его за обыкновенную лошадь: тот, кто сел на данни, рискует оказаться в луже или в навозной куче. Впрочем, данни довольно добродушен и может помочь — он отводит домой заблудившихся малышей и заботится о больных или попавших в капканы животных.

По некоторым источникам, данни — дух деревенского воришки, застигнутого и убитого на месте преступления. До того воришка изрядно поживился в других местах и припрятал награбленное, но поведать о том, где схоронил свое богатство, не успел, поэтому и не может никак обрести покой.

Есть история о фермере, который запряг лошадь в плуг, не подозревая о том, что это — данни. Едва он провел первую борозду, как лошадь выскользнула из упряжи и с хохотом помчалась прочь, а потом с разбега нырнула в реку.

Сказка гласит, что у жены одного фермера начались схватки. Надо было ехать за повитухой, а лошадь, как назло, захромала. Тут со двора донеслось ржание. Выбежав из дома, фермер увидел крепкую лошадку, которая призывно била копытом. Он вскочил на нее и поскакал за повитухой. Все

обошлось: фермер привез повитуху, его жена благополучно разрешилась от бремени. Но когда повитуха поехала на той самой крепкой лошадке к себе домой, животное с громким ржанием выскользнуло из-под женщины, и та плюхнулась в лужу. А данни — это, естественно, был он — расхохотался и скрылся в ночной темноте.

ДАНТЕРЫ (DUNTERS)

В английском фольклоре фейри, обитающие в древних развалинах. Они производят такой шум, словно отбивают лен. Если шум становится громче, следует ждать беды. Считается, что дантеры — духи тех людей, которых предки нынешних людей приносили в жертву, когда строили свои сооружения, а также духи животных, чьей кровью окроплен фундамент.

ДЕРРИКИ (DERRICKS)

В английском фольклоре крохотные фейри, облаченные в зеленые наряды. Встречаются деррики добрые и злые — одни выводят к дому сбившихся с дороги путников, другие, наоборот, заставляют людей плутать до изнеможения.

ДЕТСКИЕ БОУГИ (NURSERY BOGIES)

В английском фольклоре фейри, которых смело можно назвать лучшими друзьями родителей, ибо они отваживают непослушных детей от запретных мест, да и вообще не позволяют слишком сильно баловаться. Самые известные из детских боуги — баги.

ДЖЕННИ ЗЕЛЕНЫЕ ЗУБЫ (JENNY GREENTEETH)

В английском фольклоре зловредные водяные фейри. Ими пугают непослушных детей. У них распущенные волосы, длинные зеленые клыки и острые когти, которыми они хватают детей, стоящих у самой воды. О том, что Дженни близко, можно догадаться по зеленой пене на поверхности реки или пруда. Особенно часто они утаскивают тех, кто ходит босиком.

Самая знаменитая из Дженни — Пег Паулер, обитающая в реке Тиз. Она ворует детей, играющих на берегу, несмотря на запреты родителей, и особенно опасна по воскресеньям.

ДИКАЯ ОХОТА (WILD HUNT)

В фольклоре народов Западной Европы процессия мертвецов, которая мчится по небу. Когда с неба доносится чудовищный рев, в лесу начинают гнуться и падать наземь деревья, с домов срывает крыши — значит, началась Дикая Охота. По небу мчится кавалькада призрачных существ со сворой собак; возглавляет кавалькаду Дикий Охотник — его нередко отождествляют со скандинавским богом Одином. Дикий Охотник известен также под именем Черного Всадника и под многими другими именами. А.Н. Афанасьев говорит: «Часто бывает... что в светлую, тихую ночь внезапно раздается страшный гул, свет месяца померкает, вихри подымают свист, деревья ломаются и падают с треском, и в разрушительной буре несется по воздуху Дикий Охотник — один или в сопровождении большого поезда духов... На статном, белом как молоко коне, извергающем из ноздрей и рта пламя, скачет древний бог во главе огромной свиты; голова

его покрыта шляпою с широкими полями; плащ, накинутый на плечи, далеко развевается по ветру... Иногда дикий охотник выезжает не верхом, а в огненной колеснице на выдыхающих пламя лошадях; колесницей управляет возничий, он громко хлопает бичом и после каждого удара сыплются молниеносные искры». Встреча с Дикой Охотой предвещает несчастье и даже смерть.

Рассказывают, что многие жители английского городка Питерборо видели, как по небу пронеслась толпа охотников на черных лошадях; следом мчались черные псы с горящими глазами. Всю ночь с неба доносилось конское ржание, лай собак, крики и звуки рога. Охотников было не меньше двадцати. Лишь к утру они покинули небеса над охваченным ужасом городком.

ДИНИ ШИ (DAOINE SIDHE)

В ирландском фольклоре существа, которые, по преданиям, когда-то были богами, потом стали витязями, которые ни в одной битве не потерпели поражения, а под конец превратились в фейри. Дини ши — типичные героические фейри: они ведут образ жизни средневековых рыцарей, проводят время в пирах и сражениях. Эти фейри могут по желанию менять облик — порой становятся ростом с взрослого человека и даже выше, а порой словно превращаются в детей. Обитают они под землей или под водой. Между прочим, по свидетельству К. Бриггс, подводные дини ши считаются падшими ангелами, которые слишком хороши для ада: «Некоторые пали на сушу и остались на ней, задолго до появления человека, как первые земные боги, а другие рухнули в море».

Сказка гласит, что один юноша вышел как-то в море на лодке и тут увидел дини ши, летевших над водой так низко,

что вода под ними расступалась, обнажая дно. Они подлетели к лодке и принялись кружить над ней, явно получая удовольствие от происходящего. Юноша слышал их серебристый смех. Между тем лодка опасно раскачивалась, кренилась все сильнее. Наконец фейри надоело мучить рыбака: огромным облаком они взмыли в небеса. Юноша лишь успел заметить, что облако состоит из громадного количества ухмыляющихся, ежесекундно меняющих свой цвет лиц.

ДОБИ (DOBIE)

В английском и шотландском фольклоре глуповатые фейри, состоящие в родстве с брауни. Их тупость вошла в поговорки и присловья. По преданиям, в старину существовал обычай зарывать сокровища в землю и доверять их охрану брауни. Если брауни поблизости не оказывалось, приходилось полагаться на доби: те никогда не отказывались, но им ничего не стоило зазеваться и упустить воришек. А то, по доброте душевной, они могли отдать сокровища первому встречному.

Еще доби берутся за любую домашнюю работу, но портят все, что только можно: бьют яйца, проливают молоко и так далее. По некоторым источникам, доби — не столько фейри, сколько духи отвергнутых женщин, которые бродят по людским домам, стараясь доказать, что еще на что-то годятся.

ДОБРЯЧКИ (HYTER SPRITES)

В английском фольклоре болотные фейри. Они невысокого роста, у них светло-коричневая кожа и зеленые глаза. Чаще всего добрячки являются людям под видом песчаных лас-

точек. На добро отвечают добром, но терпеть не могут невеж и грубиянов. Подобно гилли ду, добрячки приводят домой заблудившихся детей.

Сказка гласит, что бродячий торговец по имени Добрый Джон подобрал как-то выпавшего из норы птенца песчаной ласточки и посадил обратно. Тем он завоевал расположение добрячков. А когда его сосед, Хитрюга Борли, бросил другого птенца в реку, Добрый Джон, проходивший мимо, спас малыша, и за это добрячки его сполна вознаградили.

Случилось так, что Джона по дороге ограбили — украли бочонки с ромом и кошель с деньгами, которые он вез местному лорду. Джон честно признался во всем лорду и пообещал, что отработает потерянные деньги. Он сдержал свое слово, а на следующую ночь после того, как была выплачена последняя монетка из долга, Джон услышал птичий щебет, который вдруг сложился в слова:

Добрый Джон, Добрый Джон,
Загляни в нору.
Будешь, как король, богат
Поутру.

Джон послушался и обнаружил в птичьей норе свои пропавшие бочонки. И тут появился Хитрюга Борли, который пришел перепрятывать краденое — это он, оказывается, стащил кошелек и бочонки. «Деньги все равно мои!» — закричал он, размахивая кошельком. Неожиданно на него налетела стая ласточек; он не устоял на ногах и плюхнулся в лужу. Стоило ему выбраться, как Джон снова окунул его в воду и забрал свои деньги. А Хитрюгу Борли, который, весь в грязи, поковылял домой, провожали насмешками крохотные человечки с зелеными глазами.

ДРАКИ (DRACAE)

В английском фольклоре водяные фейри, которые завлекают смертных женщин, представляясь им в образе плывущих по воде деревянных блюд. Стоит какой-либо женщине ухватиться за такое блюдо, как драк немедленно обретает свое истинное, безобразное обличье и утаскивает несчастную на дно, чтобы она там ухаживала за его детьми.

То же прозвание носят и славянские домашние духи — еще их называют кратами, — которые передвигаются по воздуху в виде огненных лент, доставляя своим хозяевам молоко, зерно и яйца. Чаще всего драк становится другом хозяина дома, иногда их союз скрепляется кровью. Драку вменяется в обязанность заботиться о домашнем скоте и следить за тем, чтобы в доме было всего вдоволь. А человек должен кормить драка и относиться к нему с уважением. Всякий, кто обидит драка, подвергает опасности дом, в котором тот обитает.

Если по небу летят огненные ленты с огромными головами или громадные огненные шары — это драки. В долю секунды они способны покрывать немыслимые расстояния. Сказки советуют тем, кто и впрямь увидел драка, бежать во все лопатки. Дело в том, что за ним тянется запах серы, настолько сильный, что буквально валит человека с ног. Тот, кто вовремя спохватится, может разжиться у драка товаром: нужно лишь крикнуть: «Пополам!» — или кинуть в драка нож. А если его заметят двое, да еще с повозки, им следует молча снять с повозки четвертое колесо, сесть на землю и скрестить ноги. Если все будет проделано правильно, драк поделится с людьми своей добычей.

ДРАКОН (DRAGON)

В мифах и фольклоре различных народов гигантский крылатый змей. Обычно у дракона голова (или несколько голов) и туловище пресмыкающегося и крылья птицы или летучей мыши. Изрядное количество драконов, особенно кельтской мифологии, относится к разряду ползучих — они без крыльев, тело у них по-змеиному длинное (недаром таких драконов нередко именуют змеями):

> Клад незарытый стал достоянием
> старого змея, гада голого,
> гладкочешуйного...[1],

дыхание же не огненное, а ядовитое. Впрочем, у крылатых и ползучих драконов много общего: те и другие покрыты чешуей, живут в пещерах или водоемах, похищают девушек, в особенности принцесс, и стерегут несметные сокровища. Как правило, убить дракона чрезвычайно сложно: необходимо отыскать на его теле — обыкновенно на брюхе — одно-единственное уязвимое местечко и попасть точно в цель. Считается, что первые драконы появились на востоке, в Китае и в Японии, а уже потом переселились в Европу.

В китайской мифологии дракон — символ величия и власти, тогда как в европейской традиции (а впоследствии в геральдике) он считался порождением зла. По замечанию В.В. Похлебкина, «в русской эмблематике дракон полностью отождествлялся со змеем как эмблемой сил, противостоящих Руси... Такая теологическая трактовка

[1] Перевод В. Тихомирова.

оказала глубокое влияние на применение эмблемы дракона как в средневековом, так и в современном европейском искусстве... и даже в современных представлениях людей».

Европейских драконов принято разделять на огнедышащих (англ. firedrake), вивернов (змееподобных и крылатых, с колючкой на хвосте) и линдвурмов (это бескрылые виверны). Следует также отметить, что вивернами называют и геральдических драконов, то есть тех, которых изображали на щитах и гербах. Виверны символизируют зависть, злобу и воинственность, а линдвурмы — войну и разрушение.

Рассказывают, что жил-был дракон по прозвищу Хватала. Он воровал у смертных лошадей и коров, которыми кормился, не брезговал и людьми — сядет у берега и слизывает прохожих, как лягушка комаров. Один паренек решил победить дракона. Он попросил кузнеца выковать громадный котел, дровосекам велел развести на площади большой костер, потом взял у мельника муки и испек громадный пудинг — сверху румяный, а внутри сырой. Потом он сел в лодку и поплыл к дракону, который разлегся посреди реки. Хватала учуял пудинг и спросил, чем это пахнет. Паренек предложил ему попробовать. Дракон не заставил себя упрашивать — проглотил пудинг вместе с лодкой. А парнишка тем временем убежал домой. Ночью у дракона начались колики. Он так мучился, что решил для облегчения страданий проглотить и паренька, но тот не растерялся — когда дракон сунул голову в его окно, он выхватил топор и одним ударом перерубил ему шею..

ДУБОВИКИ (OAKMEN)

В английском фольклоре фейри, живущие в дубах. Они маленькие, коренастые, носят красные шапки из поганок; уз-

нать дубовиков можно по этим шапкам и по лиловым носам. Всем проходящим мимо они предлагают отведать яства из грибов. Тот, кто поддастся на уговоры, заболеет и может умереть.

ДУНИ (DOONIE)

В шотландском фольклоре оборотень, который чаще всего принимает обличье пони, но не прочь перекинуться и в человека. Он гораздо более добродушен, нежели его родич данни.

Сказка гласит, что один мальчик, забравшись на скалу за птичьими яйцами, не удержался и сорвался вниз. По счастью, ему удалось уцепиться за росший над обрывом куст, но под тяжестью тела корни стали выдираться из земли. У подножия скалы текла река — мальчику предстояло либо утонуть, либо разбиться о камни. Вдруг он увидел под собой старуху; та растянула свой фартук и махнула рукой: дескать, прыгай. Он прыгнул; фартук порвался, и мальчик полетел в воду. Когда он вынырнул, старуха схватила его за шкирку и вытащила на берег. Потом велела отправляться домой и больше не лазить за яйцами. «А то дуни рассердится», — прибавила она и исчезла.

ДУЭРГАР (DUERGAR)

В английском фольклоре наиболее злобные и жестокие изо всех одиноких фейри. Они живут в холмах, славятся своей силой, познаниями в магии и искусством обращения с металлами. Подобно цвергам, которым они приходятся родичами, дуэргары возникли из личинок, пожиравших плоть

великана Имира; когда появился дневной свет, они спрятались под землю.

Есть история о том, что одного заплутавшего путника дуэргар пригласил к себе — отдохнуть и обогреться у огня. Когда огонь догорел, дуэргар сунул в очаг новое поленце, лежавшее справа, а когда и то сгорело, попросил гостя принести следующее, лежавшее слева. Почуяв неладное, путник отказался, в ту же секунду дуэргар исчез вместе с очагом. Путник увидел, что сидит на краю обрыва; если бы он послушался дуэргара, то сорвался бы вниз и разбился насмерть.

ДЬЯВОЛЬСКИЕ ПСЫ (DEVIL'S DANDY DOGS)

В фольклоре жителей полуострова Корнуолл самые грозные среди всех волшебных свор, будь то Дикая Охота, Дандо и его псы или кон аннон. Дьявольских псов обычно двое, из пастей у них вырывается пламя, они готовы разорвать в клочья любого человека, который им встретится. Впрочем, если успеть помолиться, псы не тронут. Как правило, охотятся они в основном за ведьмами.

Сказка гласит, что некий фермер поздно ночью возвращался домой по болотам и вдруг услышал вдалеке собачий лай и трубные звуки рога. До дома оставалось мили три-четыре, он заторопился, насколько позволяла зыбкая почва под ногами. Однако лай собак и звуки рога неумолимо приближались. Оглянувшись, фермер увидел охотника и псов. Охотник выглядел просто ужасно: черный, с рогами и хвостом и с длинным копьем в руке. Собак было несколько — все черные как сама ночь, с глазами-плошками, из пастей у них вырывалось пламя. Укрыться было негде, оставалось лишь отдаться на милость своры. Внезапно фермера как осе-

нило: он упал на колени и принялся молиться. Собаки мгновенно попятились и тоскливо завыли, а охотник крикнул: «Проклятие! « В следующий миг все исчезло, и фермер без помех добрался до дома.

ДЭНХЕМСКИЕ СПИСКИ (DENHAM TRACTS)

Средневековый манускрипт за авторством некоего Майкла Дэнхема. В рукописи перечисляется множество фейри. «На Рождество... избранные могут увидеть духов, которыми кишит земля! Они узрят призраков, боглов, демонов, бродячих огоньков, брауни, багберов, черных псов, ведьм и колдунов, баргестов, паков, хобгоблинов, боуги, доби, фетчей, келпи, урчинов, сатиров, панов, фавнов, сирен, тритонов, кентавров, нимф, бесов, инкубов, дубовиков, драков, ларов, стуканцов, эльфов, пикси, великанов, карликов, спанки, турсов, подменышей, красных шапок, боггартов, космачей, багов, брэгов, фей, троллей, шелковинок, гоблинов, никси, сильфов, двойников, портунов, данни, манникинов, фоллети, корред, клураканов, кобольдов, лепрехунов, мар, корриган, сильванов, суккубов, бэнши, ланнан ши, трау, гномов и прочих... В каждом доме, замке или поместье есть свой богл, призрак или стуканец. Фейри обитают в церквях, на кладбищах и на перекрестках дорог. Они бдят ночью на придорожных камнях, водят хороводы на полях и по-всякому пугают смертных».

Ж

ЖИРНИ (BUTTERY SPIRITS)

В английском фольклоре фейри, падкие до человеческой пищи. Считается, что фейри могут употреблять в пищу любую человеческую еду, если она не помечена крестом. Но есть и такие фейри, которые поедают то, что люди получили неправедным путем — воровством, вымогательством и тому подобным. Такие фейри зовутся жирнями. В близком родстве с ними состоят церковные шмыгуны, которые обитают в тех монастырях, где монахи забыли о своих обязанностях и предались чревоугодию.

Предание гласит, что некий священник решил как-то навестить своего племянника, который владел таверной. За столом священник спросил у племянника, как обстоят дела. Тот принялся жаловаться: мол, у него все идет шиворот-навыворот, прибыли никакой, хотя он старается изо всех сил — в пирожки запекает собачье мясо, а эль разбавляет водой. Священник укорил его и попросил разрешения заглянуть в погреб. На дне погреба лежал толстый парень, пожиравший все подряд. Хозяин таверны возмутился и стал требовать у парня ответа, как он забрался в погреб. Священник объяснил, что это жирень и что если племянник хочет от него избавиться, ему следует забыть о вредных привычках. С этими словами он ушел.

Несколько лет спустя священник вновь навестил племянника. Тот разбогател и пользовался таким уважением в

городе, что его вот-вот должны были избрать бургомистром. В погребе таверны по-прежнему сидел жирень — тощий, кожа да кости. Он с тоской поглядывал на съестные припасы вокруг, но прикоснуться к ним не мог, потому что хозяин таверны больше никого не обманывал.

Что любопытно, в славянском фольклоре имеются схожие персонажи — а именно жировики, или лизуны. Они обычно живут за печкой и воруют только что приготовленные блины, а также вылизывают по ночам посуду.

ЖИТЕЛИ ХОЛМОВ (HILLMEN)

В фольклоре обитателей острова Мэн злобные фейри, едва ли не самые зловещие изо всех. Жители холмов — иначе их называют холмовиками или хогменами — живут в пещерах или внутри холмов; основное занятие холмовиков — пасти домашних животных, которые у них все голубого цвета. Хогмены — великолепные кузнецы и непревзойденные толкователи рунических письмен. Они не выносят солнечного света и показываются лишь с наступлением ночи. Холмовики похищают женщин и детей, поджигают амбары и выкидывают прочие пакости. Правда, если относиться к ним уважительно, они станут вести себя прилично: если у соседа-смертного родился ребенок, хогмен обязательно подарит малышу кошель с золотыми монетами. Впрочем, считается, что в ночь на Холлан-тайд (11 ноября) из дома лучше не выходить, какими бы ни были отношения с хогменами. В эту ночь хогмены переселяются из одной пещеры в другую, из холма в холм, и любого, кого они заметят, ожидают серьезные неприятности.

З

ЗВЕРЬ РЫКАЮЩИЙ (QUESTING BEAST)

В легендах артуровского цикла чудесный зверь, облик которого у Т. Мэлори описан так: «... с виду был головой — как змея, телом — как леопард, лядвеями — как лев и голенями — как олень. А из чрева у него исходил рев, точно сорок псов гончих заключены были в нем, и этот рев исходил от него, где бы зверь ни очутился».

ЗЕЛЕНУШКИ (GREENIES)

В английском фольклоре фейри, которые получили свое прозвище оттого, что носят зеленые наряды, красные у них только шапки. Эти крохотные фейри живут в лесу и на полях, а время проводят в пирушках за столами из грибных шляпок.

ЗЕЛЕНЫЕ ДАМЫ (GREEN LADIES)

В английском фольклоре древесные фейри; чаще всего они селятся в дубах, вязах, ивах и тисе, иногда также выбирают сосны, ясени, остролист и яблоню. Нрав у зеленых дам довольно суровый, они ни за что не упустят возможности напугать припозднившихся путников. Обижать зеленых дам ни в коем случае не следует. Считается, что, прежде чем отломить ветку с дерева, в котором обитает зе-

леная дама (а что она там живет, обязательно скажут, если вы этого сами не знаете), нужно попросить у нее разрешения. Некоторые даже сажают у подножия таких деревьев примулы, чтобы заручиться благоволением зеленых дам.

Сказка гласит, что на одном холме росли три дерева, и в этих деревьях обитали зеленые дамы, танцевавшие в ночи полной луны. Недалеко от холма стоял дом, в котором жил старик с тремя сыновьями. Когда старик умер, хозяйство поделили на три части: старший сын взял самый большой кусок земли, средний — надел поменьше, а младшему досталась узкая полоска у подножия холма. Он выполнял наказ отца: каждую весну клал к подножию деревьев на холме венки из жимолости, поэтому у него всего было в достатке. Братья отчаянно завидовали младшему. Наконец старший решил срубить деревья на холме и тем самым отобрать у меньшого удачу. Для своего черного дела он выбрал день летнего солнцеворота. Едва он занес топор, дерево вскрикнуло. Но старший брат не отступался и продолжал рубить. И вдруг дерево упало ему прямо на голову. Средний брат прибрал к рукам земли старшего и тоже вознамерился срубить деревья. От первого оставался только пенек; второе он срубил без помех, но последнее из деревьев ударило его по голове своей веткой и убило на месте. После этого наделы обоих братьев перешли к младшему, который по-прежнему носил на холм венки из жимолости, и дела его шли все лучше и лучше.

К

КАБИЛЛ-УШТИ (CABYLL-USHTEY)

В фольклоре жителей острова Мэн водяная лошадка. Шкура у кабилл-ушти пегая. Это существо весьма злонравное и прожорливое.

Сказка гласит, что кабилл-ушти однажды похитила теленка с выпаса на берегу реки. На следующий день фермер увидел, как на реке поднялась громадная волна, схватила другого теленка и разорвала в клочья. Испугавшись, что так у него скоро не останется ни одной коровы, не говоря уж о телятах, он стал пасти скот подальше от реки. Несколько дней спустя пропала единственная дочь. Ее долго искали, но все было тщетно. А кабилл-ушти неожиданно успокоилась и больше фермеру не докучала.

КАЙТ ШИ (CAIT SITH)

В шотландском фольклоре громадный черный кот ростом с овчарку; на груди у него белое пятно, спина выгнута дугой, а усы стоят торчком. Многие верят, что кайт ши — это вовсе не фейри, а сменившие обличье ведьмы. Самый крупный из кайт ши появляется во время тагейрма (taghairm): это зловещее заклинание, которое состоит в том, чтобы на протяжении четырех суток поджаривать заживо кошек, пока не появится главный кот по прозвищу Большие Уши и не вы-

полнит желание мучителя. Считается, что кайт ши лучше не дразнить и тем более не сердить, иначе не избежать неприятностей.

Тагейрм прекрасно описан в романе Г. Майринка «Ангел Западного окна»: «... со мной была тележка с пятьюдесятью черными кошками... Я развел костер и произнес ритуальные проклятия, обращенные к полной луне... Выхватил из клетки первую кошку, насадил ее на вертел и приступил к тагейрму. Медленно вращая вертел, я готовил инфернальное жаркое, а жуткий кошачий визг раздирал мои барабанные перепонки в течение получаса, но мне казалось, что прошли многие месяцы, время превратилось для меня в невыносимую пытку. А ведь этот ужас надо было повторить еще сорок девять раз!.. Предощущая свою судьбу, кошки, сидевшие в клетке, тоже завыли, и их крики слились в такой кошмарный хор, что я почувствовал, как демоны безумия, спящие в укромном уголке мозга каждого человека, пробудились и теперь рвут мою душу в клочья... смысл тагейрма состоит в том, чтобы изгнать этих демонов, ведь они-то и есть скрытые корни страха и боли — и их пятьдесят!.. Две ночи и один день длился тагейрм, я перестал, разучился ощущать ход времени, вокруг, насколько хватало глаз, — выжженная пустошь, даже вереск не выдержал такого кошмара — почернел и поник...»

КЕЛПИ (KELPIE)

В шотландском фольклоре самая известная из водяных лошадок. В отличие от других лошадок келпи селится в реках, избегая озер и морей. Это оборотень, способный превращаться в животных и в человека (как правило, келпи перекидывается в молодого мужчину с всклокоченными волосами).

У него есть привычка пугать путников — он то выскакивает из-за спины, то неожиданно прыгает на плечи. Перед штормом многие слышат, как келпи воет. Гораздо чаще, чем человеческое, келпи принимает обличье лошади; бывает, он смахивает на помесь коня с быком (тогда у него на лбу вырастают два длинных рога). Всем своим видом келпи как бы приглашает прохожего сесть на себя, а когда тот поддается на уловку, — прыгает вместе с седоком в реку. Человек мгновенно вымокает до нитки, а келпи исчезает, причем его исчезновение сопровождается грохотом и ослепительной вспышкой. Но порой, когда келпи чем-то рассержен, он разрывает свою жертву на кусочки и пожирает.

Следы келпи легко узнать, ибо они ставят копыта задом наперед. Келпи способен растягиваться в длину насколько угодно, человек к его телу просто-напросто прилипает. С помощью волшебной уздечки келпи можно на какое-то время приручить, но когда действие чар закончится, он станет еще опаснее.

Еще келпи может являться в обличье прекрасного принца и соблазнять девушек. Узнать его можно по волосам — мокрым и кишмя кишащим ракушками или водорослями.

Предание гласит, что некий человек сумел набросить на келпи волшебную уздечку. Келпи стал служить ему — возил камни на строительство нового замка. Когда замок был достроен, человек снял с келпи уздечку, и тот кинулся к реке, а на берегу остановился и произнес:

> «Тебе не знать ни радости, ни счастья,
> Пока я жив».

И проклятье исполнилось: ни этот человек, ни его потомки не знали счастья и покоя.

КЕРГЕРАЙТ (CYHYRAETH)

В валлийском фольклоре дух-плакальщица. Ее рыдания слышатся накануне эпидемий или катастроф — словом, событий, в которых суждено погибнуть многим. По свидетельству У. Сайкса, ее голос напоминает «стон находящегося при смерти; сперва доносится как бы издалека, потом становится все громче. Затем трижды звучит крик: первый раз громко и отчетливо, второй — слабее, третий — совсем тихо. Это предвестье смерти». На побережье она появляется перед кораблекрушением, причем ее сопровождает бродячий огонек.

КИЛЛМУЛИС (KILLMOULIS)

В английском фольклоре забавный фейри. Он живет на мельнице; считается, что каждая мельница имеет своего киллмулиса. Рта у него нет, зато есть громадный нос, которым он вынюхивает пищу. Киллмулис всячески заботится о благополучии мельника и, подобно бэнши, горько плачет в канун какого-либо несчастья. Впрочем, он не прочь и пошалить: ему ничего не стоит засыпать зерно пеплом. Призвать его к порядку может только мельник, который должен произнести такую фразу: «Киллмулис, старина, где же ты был, когда я зарезал свинью? Теперь ты остался без угощения». Киллмулис тут же появится и попросит прощения за свои проступки. Он настолько привязывается к своему хозяину, что может отправиться за повитухой, если жене мельника пришел срок рожать, а в Хэллоуин помогает гадать. Живет киллмулис обычно в печи или в камине.

В Голландии и Дании живут родственники киллмулисов — каботеры. Они такие же работящие, но немножко

глуповатые. Это не мешает им быть замечательными плотниками: они вырезают из дерева игрушки для детей и трубки и ложки для взрослых.

КИРЕЙН КРОЙН (CYREIN CROIN)

В шотландском фольклоре огромный морской змей, величайший из всех живых существ на Земле. Чтобы утолить голод, ему необходимо съесть не меньше семи китов.

КИСК (CEASG)

В фольклоре жителей острова Мэн дева волн. У нее голова и грудь женщины, а вместо ног — хвост лосося. В воде ее волосы темно-зеленые, а на воздухе они становятся золотистыми. В них вплетены украшения из подводных чертогов киск. От союзов киск со смертными мужчинами рождаются замечательные моряки — лоцманы и рулевые. Если поймать киск, она исполнит три желания, но с ней следует держать ухо востро: она ни за что не упустит случая отомстить тому, кто ее поймал. Если киск голодна, она может проглотить человека целиком. Убить ее можно, только уничтожив душу (которая, как у Кощея Бессмертного, спрятана в недоступном месте).

КЛАБАУТЕРМАННЫ (KLABAUTERMANNS)

В фольклоре народов Западной Европы духи, обитающие в носовых фигурах парусных кораблей. Вообще-то они живут в деревьях, но настолько к ним привязаны, что когда те срубают и вырезают из них носовые фигуры, клабаутерманны забираются внутрь и так попадают на корабли. Моряки

их и любят, и побаиваются. Чаще всего клабаутерманны помогают корабельным плотникам; вообще они обожают шуметь и стучать своими молоточками. Перед людьми они появляются, как правило, в человеческом обличье, иногда также принимают облик собаки, белки или кошки. Клабаутерманны, говоря на человеческом языке, пытаются помыкать экипажем, дразнятся и потешаются над людьми. Им известно все, что происходит на корабле; вдобавок они предвидят будущее и не терпят на борту преступников и бунтовщиков, мстят тем, кто крадет их пищу, и всячески изводят сквернословов и пьяниц. Нрав у клабаутерманнов довольно сварливый, и они постоянно ссорятся между собой.

Обычно клабаутерманны появляются лишь в минуты опасности — перед штормом или кораблекрушением. Некоторые утверждают, что у клабаутерманна есть забавная привычка: едва появившись на корабле, он идет в каюту капитана, и тот наливает ему вина.

Пока клабаутерманн находится на корабле, ни самому кораблю, ни экипажу ничего не грозит: плавание будет недолгим и безопасным. Правда, по некоторым источникам, присутствие клабаутерманна на корабле, наоборот, сулит всяческие неприятности.

Клабаутерманнам приходятся родственниками киллмулисы и каботеры. Точнее сказать, каботеры — потомки клабаутерманнов. Нельзя не признать, что старшее поколение куда крепче молодежи: там, где раньше хватало одного клабаутерманна, нынче требуется трое каботеров. У них вызывает затруднения буквально все, даже процесс курения: пока один каботер держит трубку, второй подносит огонь, а третий затягивается.

Ростом клабаутерманны около трех футов. Они обычно носят красные куртки размера на два меньше, чем следовало

бы, и круглые красные шляпы. Иногда надевают белые или желтые матросские штаны, которые заправляют в сапоги с высокими голенищами.

КЛУРАКАН (CLURICAUNE)

В ирландском фольклоре старички, обитающие в винных погребах; они следят за сохранностью вина и пива и, если хозяин дома — пьяница, не отказывают себе в удовольствии промочить при случае горло. Клураканы также пугают бесчестных слуг, если те повадятся воровать вино. Иногда клуракан становится весьма настырным в своих притязаниях, а если от него решают избавиться, переехав в другой дом, он просто-напросто забирается в какую-нибудь бочку с вином и сопровождает хозяев. Обычно клураканы расхаживают в красных курточках, поскольку принадлежат к одиноким фейри, которые, в отличие от бродячих, предпочитают в одежде именно красный цвет. Если подружиться с клураканом, он может подсказать, где зарыт клад.

Клураканы любят выпить и, когда навеселе, катаются на овцах, подбрасывают в воздух шляпы и вопят от радости.

КОБЛИНАЙ (COBLYNAU)

В валлийском фольклоре фейри, родственники кобольдов и стуканцов. Маленькие и коренастые (впрочем, они могут быть ростом и со взрослого человека, однако все равно будут смахивать на карликов), коблинай одеты как рудокопы, а головы повязывают красно-желтыми носовыми платками. Они дружелюбно относятся к людям и всегда готовы помочь. Встреча с коблинай обещает удачу — скорее всего, неожиданно отыщется богатая жила (также ее можно найти, при-

слушиваясь к стуку их молоточков). Несмотря на свое дружелюбие, коблинай не терпят, когда над ними насмехаются, и начинают швыряться камнями, которые, впрочем, никогда не попадают в цель. Они ходят с молотками и кирками, но сами руду не добывают, предпочитая работе веселье и танцы. Если коблинай открыли человеку, где проходит жила, их обязательно надо поблагодарить, иначе в следующий раз они устроят в шахте обвал.

КОБОЛЬДЫ (KOBOLDS)

В немецком фольклоре дальние родственники английских стуканцов. Они живут в шахтах и штольнях, отличаются гораздо более злобным нравом, чем их родичи. Обожают устраивать камнепады и завалы, перерезают веревки, гасят лампы на шлемах шахтеров. Что любопытно, минерал кобальт получил свое название именно от кобольдов: по слухам, он почему-то напоминал рудокопам о зловредных духах — видимо потому, что попадался часто, а ценности не имел никакой. У кобольдов рыжие волосы и бороды, они малы, как дети, но сильны и крепки, по желанию могут становиться невидимыми, а когда захотят — появляются перед людьми под видом коротышек в красных шапках.

КОН АННОН (CWN ANNWN)

В валлийском фольклоре жуткие псы, «свора Аннона» или «псы из преисподней». Встреча с ними предвещает смерть. Сами они, однако, на людей не нападают. Вой кон аннон издалека кажется невыразимо скорбным, а вблизи напоминает тявканье бигля. Тот, кто услышит этот вой, наверняка умрет.

Предание гласит, что однажды король Пуйл отправился на охоту и увидел свору диковинных собак: «И он выехал на лесную поляну и увидел там не своих собак, а чужих, преследовавших большого оленя. На середине поляны они настигли его и повалили наземь. Тогда Пуйл смог разглядеть этих собак, подобных которым он не видел никогда в жизни. Они были белы как снег, а их уши — красны; и белое и красное сверкало и переливалось». Вскоре показался хозяин своры, и выяснилось, что это Араун, правитель Аннона, а его свора — кон аннон. По приглашению Арауна Пуйл провел в Анноне целый год, и впоследствии его стали называть Государем Аннона. Аннон в валлийском фольклоре — потусторонний мир.

КОРОЛЬ ХЕРЛА И КАРЛИК (KING HERLA & A DWARF)

Эта легенда — одно из преданий «мифической поры» Британских островов.

Рассказывают, что Херла правил древними бриттами. Как-то раз он встретил диковинного карлика ростом по пояс взрослому человеку. Этот карлик прискакал на громадном козле; его красное лицо обрамляла огненно-рыжая борода, а волосатые ноги оканчивались козлиными копытами. Он сказал Херле: «Имя славного короля Херлы известно всем и каждому. Обо мне ты ничего не знаешь, но я повелеваю многими народами и ничуть не уступаю тебе в благородстве происхождения. Посему я решил оказать тебе честь и хочу присутствовать на твоей свадьбе. Ведь король франков выдает за тебя свою дочь. Скоро прибудет посольство с предложением ее руки. Давай договоримся: я приду на твою свадьбу, а ты — на мою, которая состоится ровно через год». Херла согласился, и карлик исчез.

Какое-то время спустя к Херле и вправду прибыли послы франков.

Он согласился взять в жены дочь франкского короля. Едва начался свадебный пир, как появился карлик в сопровождении своих собратьев. Они заняли все свободные места за столами, а те, кому мест не досталось, разбили шатры у стен дворца. Из этих шатров повалили слуги с чудесными кувшинами из драгоценных камней, с мебелью из золота и самоцветов. Мясо подавалось только на золоте, причем королевские припасы остались нетронутыми: карлики все принесли с собой. Их яства были восхитительны на вкус.

Когда пир окончился, король карликов сказал: «Славный Херла, я, как и обещал, пришел на твою свадьбу. Если тебе нужно что-то еще, я с радостью выполню любую просьбу, но с одним условием: ты точно так же выполнишь мое желание, каким бы оно ни было». С этими словами он покинул залу и на рассвете исчез. А через год появился вновь и потребовал от Херлы, чтобы тот почтил своим присутствием его свадьбу. Херла не стал отказываться. Карлик привел короля к пещере на вершине высокой горы. Пещера уводила в глубь горы; пройдя по ней, они очутились в великолепных чертогах.

Сыграли свадьбу. Карлик одарил Херлу лошадьми, собаками, соколами и охотничьими принадлежностями, проводил до выхода из пещеры, на прощание вручил королю гончую собаку и предупредил, что ее следует держать на руках: лишь когда она сама спрыгнет наземь, можно будет спешиться и людям. Королевский отряд покинул пещеру. Херла окликнул встречного пастуха и осведомился у него, как поживает молодая супруга короля. Пастух изумился. «Господин, — проговорил он, — я с трудом понимаю твою речь. Ты, верно, разумеешь жену короля Херлы, который давным-давно поднялся на эту гору, чтобы никогда не вернуться? Старики уверяют, что король сгинул двести лет назад».

Король несказанно удивился: ведь он был уверен, что прошло всего три дня. Некоторые из его спутников спешились, хотя гончая еще не спрыгнула наземь, — и тут же превратились в горстки праха. Потрясенный случившимся, Херла велел всем оставаться в седле.

Собака не спрыгнула на землю до сих пор, и Херла со своей свитой по-прежнему блуждает по земле (однако некоторые утверждают, что он в конце концов утонул в реке Уай).

КОРРЕД (KORRED)

В испанском фольклоре и фольклоре жителей полуостровов Корнуолл и Бретань духи. У них красные, светящиеся в темноте глаза и темная кожа. Они наделены даром пророчества, умеют творить волшбу и знают местонахождение всех кладов в округе. Корред очень любят танцевать, причем предаются этому занятию с таким азартом, что у них под ногами начинает гореть трава. Тем людям, которые мешают им веселиться, корред жестоко мстят: женщины рожают детей, похожих на кого-либо из соседей, а мужчин они заставляют плясать до изнеможения — некоторые, бывает, даже падают замертво.

Впрочем, корред не всегда столь суровы, хотя особым расположением к людям и не отличаются. За небольшую плату они могут одолжить крестьянам своих быков, кухонные приборы и инструменты, а также заточить оставленные на ночь на особой формы камнях ножи и серпы. Случается даже, что корред приглядывают за свиньями — если им пообещают свиного сала.

Ростом корред около трех футов — горбатые, с кошачьими когтями вместо пальцев рук и козлиными копытами вместо ног. Голоса у них хриплые и негромкие, зато смех слы-

шен издалека. Мужчины-корред всегда носят при себе кожаные кошельки, в которых лежат ножницы и остриженные волосы. Живут они в пещерах и норах, причем всегда выбирают такие, которые расположены ниже уровня моря.

Говорят, что именно корред установили в незапамятные времена дольмены — стоящие вертикально камни, которых так много в Бретани и Корнуолле.

Сказка гласит, что некий фермер-горбун однажды положил в карман железный гвоздь и пошел плясать вместе с корред, которые пообещали не причинять ему вреда. Они танцевали под незатейливую мелодию, припевая: «Понедельник, вторник». Фермер прибавил: «И среда». Корред очень понравился новый припев и в знак благодарности они избавили фермера от горба. А в деревне жил еще один горбун, который тоже решил попытать счастья. К сожалению, он запнулся, когда начал подпевать. У него получилось что-то вроде: «И че-че-четверг». Корред рассердились настолько, что привесили ему второй горб — тот самый, от которого избавили его предшественника.

КОРРИГАНЫ (KORRIGANS)

В фольклоре жителей полуострова Бретань хранительницы родников и источников. Они живут под землей. Зачастую рядом с родниками можно обнаружить дольмены. Когда наступает полнолуние, корриганы принимаются расчесывать свои длинные волосы золотыми гребнями, медленно и неторопливо, словно в такт течению воды, которая в такие ночи приобретает целительные свойства. Причесавшись, они купаются и поют. Если смертный мужчина услышит песню корриган, он обречен — либо он женится на корриган в течение трех дней, либо умрет.

Вполне возможно, что корриганы состоят в родстве с корред. Они не выносят даже упоминания о Христе; сутана священника приводит их в ярость, а имя Девы Марии звучит как ругательство. Каждую весну у них бывает праздник, на котором они по очереди пьют из хрустального кубка, приобщаясь к тайнам поэзии и земной мудрости.

Ростом корриганы около двух футов и прекрасно сложены. Они носят развевающиеся белые одежды, могут по желанию менять обличье, становятся то пауками, то угрями или змеями. Ночью корриганы кажутся невыразимо прекрасными, их золотистые волосы светятся собственным светом. Днем же волосы тускнеют, глаза наливаются кровью, а кожа высыхает, словно у древних старух.

В бретонской балладе «Сеньор Нанн и фея» (речь идет именно о корриган. — *К. К.*) рассказывается, что жена некоего рыцаря родила ему двойню. Желая сделать ей подарок, рыцарь отправился на охоту. До самого вечера он преследовал белую лань и наконец остановился попить воды из родника. А родник принадлежал корриган, которая сидела на берегу, расчесывая волосы.

— Ключей моих ты мутишь влагу,
Но проклянешь свою отвагу.
Ты в жены должен взять меня
Иль проживешь всего три дня,
Иль чахнуть будешь до кончины
Семь лет подряд, как от кручины.

Рыцарь ответил:

— Твоих не замутил я вод.
Притом женат я целый год.

Чем брачный свой обет нарушу,
Скорей отдам я богу душу!

Три дня спустя проклятие корриган исполнилось — рыцарь умер. Жене его о том не сказали, но по дороге в церковь она увидела свеженасыпанную могилу:

Подходит к церкви госпожа.
Земля разрыхлена, свежа,
И холм на родовом кладбище
Скрывает новое жилище.
— Кто спит здесь, господи помилуй? —
Она глядит на холм унылый.
— Дитя мое, супруг твой милый
Сегодня ночью взят могилой![1]

Проклятие корриган продолжало действовать, и несколько дней спустя жена рыцаря отошла в мир иной следом за мужем.

КОСМАЧ (SHAG-FOAL)

В английском фольклоре оборотень, состоящий в родстве с боуги. У него множество личин, однако чаще всего он появляется под видом косматого жеребца или осла с горящими глазами. Космач подстерегает у трактира припозднившихся посетителей, везет их домой и по дороге сбрасывает наземь. Еще он любит пугать прохожих, выскакивая ночью из-под моста.

---

[1] Перевод В. Потаповой.

КРАСНЫЕ ШАПКИ (RED CAPS)

В английском фольклоре едва ли не самые злобные из гоблинов. Они живут в развалинах древних башен и крепостей вдоль шотландской границы, на которой бушевали когда-то жестокие битвы. Чем кровопролитнее было сражение, тем сильнее радовались гоблины — ведь они красят свои шапки человеческой кровью. У Красных Шапок длинные, торчащие изо рта клыки, костлявые пальцы, которые заканчиваются когтями, огромные налитые кровью глаза, спутанные грязные волосы, ниспадающие на плечи; они носят железные башмаки, а в руках обычно держат посохи. Силой с Красной Шапкой не совладать, его можно отогнать только крестом или распятием. Если показать ему крест, он издаст жуткий вопль, исполненный разочарования, и исчезнет, оставив на земле один из своих клыков.

КРИОНЫ (CRIONS)

В фольклоре жителей полуострова Бретань духи, состоящие в родстве с корред. Они еще более жестоки, чем их родичи. Когда человек, которого они заманили в свой хоровод, падает от изнеможения и умирает, крионы весело хохочут — настолько им смешно.

КРО МАРА (CRODH MARA)

В шотландском фольклоре волшебный домашний скот, обитающий в море. Быки и коровы кро мара лишены рогов, шкуры у них у всех черные или темно-коричневые (правда, иногда попадаются рыжие и пегие), уши круглые. Быки по-

рой сходятся с обычными коровами, и это ведет к улучшению породы; иногда они уводят смертных коров за собой в море. Морские фейри, случается, дарят животных из стада кро мара людям. В таком случае следует крепче запирать животных на ночь, иначе они убегут и нырнут в ближайшую реку. Если с ними хорошо обращаются, кро мара остаются верны своим новым хозяевам и даже их защищают.

Сказка гласит, что в стаде фермера однажды родился теленок с круглыми ушами. Мудрая женщина, сказала, что из этого теленка вырастет водяной бык и что надо семь лет не подпускать его к другим телятам и поить молоком трех коров. Фермер послушался. И теленок вырос и превратился в статного красавца-быка. Как-то раз дочь фермера отправилась пасти стадо на берег озера, и там к ней подсел незнакомый молодой человек. Он положил ей голову на колени, и девушка с ужасом увидела в его волосах морские водоросли. То был страшный эх-ушка! Девушке удалось убаюкать злобного фейри, и тот заснул. Тогда она осторожно высвободилась и побежала домой. Уже у самого дома она услышала за спиной топот копыт, обернулась и увидела, что эх-ушка нагоняет. И тут на помощь девушке подоспел бык с круглыми ушами. Он схватился с эх-ушкой, и они оба упали в озеро. На следующее утро к берегу прибило изуродованное тело быка, а эх-ушка исчез без следа.

КУТАХ (CUGHTACH)

В фольклоре жителей острова Мэн чудовище, которое живет в пещере и почти не показывается на свет. Кое-кто утверждает, что это великан. Другие заявляют, что он состоит в родстве с баггейном, который также обитает на острове Мэн.

КУ ШИ (CU SITH)

В шотландском фольклоре волшебный пес. Он огромного роста, косматый, с шерстью темно-зеленого цвета. Его лапы оставляют следы размером с человеческие, а хвост ку ши заплетен в косичку и лежит у зверя на спине. Передвигается ку ши бесшумно, однако, настигая жертву, трижды громко лает. Он похищает смертных женщин и уносит их в эльфийский холм, где они становятся няньками малышей-фейри.

Л

ЛАННАН ШИ (LHIANNAN SHEE)

В фольклоре жителей острова Мэн «прекрасная возлюбленная» — кровожадный дух в женском обличье. Обычно она является какому-либо мужчине в образе писаной красавицы, незримой для всех остальных. Если человек поддастся на обольщение, он погиб: ланнан ши выпьет его кровь. Живет она близ родников и источников.

ЛАНОН ШИ (LEANAN SIDHE)

В ирландском фольклоре «чудесная возлюбленная» — фейри, состоящая в дальнем родстве с мэнской ланнан ши. Она жестока и своенравна, и горе тому, кто соблазнится ею. Впрочем, ланон ши ласкова с теми, кому благоволит, ее чудесный голос и музыка, которую она наигрывает, вдохновляют поэтов и певцов. Они жертвуют жизнью, ради того чтобы на краткий миг испытать прилив вдохновения и познать славу.

ЛЕПРЕХУН (LEPRACHAUN)

В ирландском фольклоре маленькие башмачники, которые постоянно тачают один и тот же башмак. Известно, что

лепрехуны не прочь выпить, поэтому их частенько можно встретить в винных погребах. Еще они обожают табак и не выпускают изо рта трубки. Лепрехуны стерегут запрятанные сокровища, местонахождение которых можно выведать, если поймать лепрехуна и подробно обо всем у него выспросить, не спуская с пленника глаз. Но еще никому и никогда не удавалось обмануть лепрехуна: он всегда найдет способ вывернуться и удрать.

Вид у лепрехуна весьма экзотический — светлая кожа, морщинистое личико, ярко-красный нос. Наряд составляют треуголка, зеленые штаны и жилет с громадными блестящими пуговицами, кожаный фартук, длинные голубые чулки и высокие башмаки с серебряными пряжками размером немногим меньше башмаков.

Сказка гласит, что некая женщина увидела в поле лепрехуна. Не растерявшись, она схватила его и потребовала денег. Лепрехун начал отнекиваться, тогда женщина достала из кармана нож и пригрозила отрезать ему нос. Он испугался и обещал показать место, где зарыт клад. Вдруг за спиной женщины что-то зажужжало.

— Вон! — воскликнул лепрехун. — У тебя улетел рой!

Женщина обернулась и ничего не увидела. А лепрехун, только от него отвели взгляд, был таков.

ЛЛАМХИГИН-И-ДУР (LLAMHIGYN Y DWR)

В валлийском фольклоре водяные фейри, прозвище которых означает «прыгуны в воду». Они рвут рыбацкие сети, пожирают овец, которые случайно падают в воду; еще они испускают душераздирающие вопли, пугая рыбаков, которые застывают в оцепенении: тогда прыгуны хватают их и

тащат на дно. Выглядят прыгуны как огромные жабы с крыльями и хвостом.

ЛОБЫ И ХОБЫ (LOBS & HOBS)

В английском фольклоре добродушные фейри. Это довольно высокие, физически крепкие хвостатые существа, всегда готовые помочь по хозяйству — скажем, смолотить зерно или что-нибудь еще в том же духе. Подобно брауни, работать они предпочитают по ночам, а днем посапывают себе в укромных местечках; вознаграждение принимают только одно — блюдце со сливками. Наиболее простоватым из лобов — их называют лабберкины — следует доверять лишь самую простую работу, настолько они неуклюжи и непонятливы. Один из лобов — Лоб-Полежи-у-огня — ухитрился оставить след в большой литературе. Английский поэт-романтик Джон Мильтон упомянул его в своем стихотворении «L'Allegro»:

...Гоблин к ним забрался в дом,
Взял кринку сливок и за это
Так много им зерна до света
Успел намолотить один,
Что впору дюжине мужчин.
Затем косматый гость наелся,
У очага чуть-чуть погрелся,
Шмыгнул за дверь и был таков
Еще до первых петухов[1].

---

[1] Перевод Ю. Корнеева.

ЛУРИДАН (LURIDAN)

В фольклоре жителей Оркнейских островов фейри-помощник, во многом схожий с брауни. Он честно и верно служит людям — подметает комнаты, моет посуду, затапливает утром камин. Считается, что когда-то эти фейри правили Оркнейскими островами, потом им боги поручили управлять Уэльсом, учить валлийских бардов поэзии и мудрости, а затем вновь вернули на острова, где они остаются и по сей день.

ЛУЭ (LOOE)

В корнуоллском фольклоре огромный заяц. Ночами в полнолуние он скачет по вершинам холмов. В некоторых легендах утверждается, что это дух девушки, которая ищет бросившего ее парня, или дух утонувшего рыбака. По другим источникам луэ — сбежавший от ведьмы «дружок» (фамильяр).

М

МАБ (MAB)

В английском фольклоре королева фей, ведущая свой род от ирландской Медб, героини эпического цикла об уладах. У. Шекспир в «Сне в летнюю ночь» описывал Маб так:

Она родоприемница у фей,
А по размерам — с камушек агата
В кольце у мэра. По ночам она
На шестерне пылинок цугом ездит
Вдоль по носам у нас, пока мы спим.
В колесах — спицы из паучьих лапок,
Каретный верх — из крыльев саранчи,
Ремни гужей — из ниток паутины,
И хомуты — из капелек росы.
На кость сверчка накручен хлыст из ленты,
Комар на козлах — ростом с червячка,
Из тех, которые от сонной лени
Заводятся в ногтях у мастериц.
Ее возок — пустой лесной орешек.
Ей смастерили этот экипаж
Каретники волшебниц — жук и белка...
Она в конюшнях гривы заплетает
И волосы сбивает колтуном,
Который расплетать небезопасно...[1]

---

[1] Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Со временем Маб «низложили» и она стала первой фрейлиной при новой королеве — Титании.

МАЛЕКИН (MALEKIN)

Рассказывают, что в одном из рыцарских замков старой доброй Англии обитал фейри по прозвищу Малекин, говоривший тоненьким детским голоском. Малекин утверждал, что он вовсе не фейри, а девочка, похищенная фейри: мать пошла с ней в поле и оставила младенца без присмотра, а фейри оказались тут как тут. Малекин любила поговорить, но на глаза никому не показывалась. Жена хозяина замка и его семья поначалу опасались Малекин, но постепенно привыкли и даже скучали, если она надолго замолкала и не выкидывала никаких штучек. Со слугами Малекин говорила по-английски, со священником общалась на латыни и даже обсуждала с ним Евангелия. Каждый вечер для нее оставляли еду. Одна из служанок, с которой Малекин особенно сдружилась, уговорила ее показаться, пообещав, что не притронется к ней. Малекин появилась в обличье маленькой девочки в белом платьице и сказала, что с того дня, как ее похитили, прошло семь лет и что еще через семь она сможет вернуться домой. Это стало возможным потому, что Малекин ела человеческую пищу: ведь пища фейри превращает смертного в вечного пленника Волшебной Страны.

МАРУЛ (MAROOL)

В фольклоре жителей Шетландских островов злобный и кровожадный зверь марул. Это морское чудовище, обычно оно принимает обличье рыбы. На макушке у него огненный

гребень, а глаза покрывают всю голову. Марул часто поднимается на поверхность в клочьях светящейся пены. Ему нравятся штормы; существует легенда, будто некоторые люди слышали, как чудовище распевало дикие песни, под которые терпели крушение корабли.

МЕРЛИН (MERLIN)

В фольклоре народов Западной Европы великий чародей, долгие годы помогавший королю Артуру. Родился он не от смертного отца. В хронике Гальфрида Монмутского сказано: «И когда их привели перед королевские очи, государь принял мать Мерлина с должной почтительностью, так как знал, что она происходит от знатных родителей. Затем он начал ее расспрашивать, от кого зачала она Мерлина. Та ответила: “У тебя живая душа и живая душа у меня, владыка, мой король, но я, и вправду, не знаю, от кого я его понесла. Мне ведомо только то, что однажды, когда я находилась вместе со своими приближенными в спальном покое, предо мной предстал некто в облике прелестного юноши и, сжимая в цепких объятиях, осыпал меня поцелуями; пробыв со мною совсем недолго, он внезапно изник, точно его вовсе и не было. И он долгое время посещал меня таким образом, как я рассказала, и часто сочетался со мною, словно человек во плоти и крови, и покинул меня с бременем во чреве”».

Еще до рождения Артура Мерлин своим волшебством перенес в Британию громадные камни, известные ныне как Стоунхендж. Он помог Артуру добыть чудесный меч Эскалибур, учредил Круглый Стол и совершил немало других подвигов. Его пророчества стоят в одном ряду с предсказаниями Нострадамуса.

Зачарованный своей подругой и помощницей Вивиан, он спит внутри холма, дожидаясь урочного срока. Когда же Мерлин пробудится, тогда проснется и Артур, и на Земле наступит золотой век.

МЕРРОУ (MERROW)

В ирландском фольклоре водяные фейри. Женщины-мерроу, дальние родственницы морских дев — настоящие красавицы, но с рыбьими хвостами вместо ног и перепонками между пальцев рук. Мерроу боятся, ибо их появление предвещает шторм, однако они куда благосклоннее других фейри относятся к людям и часто влюбляются в смертных. Дети от таких браков рождаются с рыбьей чешуей вместо кожи. Порой мерроу выходят на берег в облике маленьких лошадок, а под водой им позволяют жить красные шапочки с перьями. Если украсть такую шапочку, мерроу уже не сможет вернуться в море.

Мужчины-мерроу — настоящие уроды, у них зеленая кожа, красные орлиные носы и свиные глазки. Впрочем, они не менее дружелюбны, чем женщины.

Сказка гласит, что человек по имени Джек Доггерти с детства хотел повидать мерроу, тем паче что дед Джека был с ними на дружеской ноге. Однажды его желание исполнилось: он шел по берегу и вдруг увидел диковинное существо — чешуйчатое, с рыбьим хвостом, руки зеленые, зубы длинные и тоже зеленые. Существо поздоровалось, назвав Джека по имени, и пригласило к себе в гости, пообещав напоить как следует. Через неделю мерроу дожидался Джека на условленном месте: в руках у него были две красные шапочки. Джек надел шапочку, и они спустились на самое дно, где стоял домик мерроу. За столом было

много съедено и выпито; опьяневший мерроу показал Джеку свои сокровища. Среди прочих там были клетки, в которых томились души утонувших моряков. Джеку захотелось их освободить.

Он пригласил мерроу к себе, напоил его самогоном, стащил шапочку и отправился на дно. Выпустил души, потом выбрался на берег, разбудил мерроу и отправил того восвояси. Как ни странно, мерроу не хватился душ — видимо, от самогона ему отшибло память. Они с Джеком оставались лучшими друзьями. Но в одно прекрасное утро мерроу не появился — то ли погиб, то ли уплыл из тех краев.

МЕСТЕР СТУРВОРМ (MESTER STOORWORM)

В фольклоре жителей Оркнейских островов огромный змей. Дыхание его ядовитое, а крыльев у него нет, поскольку он живет в море. От дыхания змея сохнет трава и опадает с деревьев листва, а люди и животные валятся как подкошенные. Глаз у него один-единственный и пышет огнем. Язык стурворма в сотни миль длиной. Он обрушивает им в море горы и города. Раздвоенным же кончиком языка змей хватает своих жертв. Самый большой и крепкий корабль тут же разваливается, стоит стурворму стиснуть его языком.

МОДЕ ДУ (MODDEY DHOO)

В фольклоре жителей острова черный спаниель. Это предвестник близкой смерти. Он появляется с наступлением темноты, а на рассвете исчезает. В присутствии моде ду ни в коем случае нельзя ругаться. Некий солдат как-то забыл об этом правиле и выругался, когда моде ду пробегал мимо. Бедняга тут же онемел, а на третий день умер.

Рассказывают, что однажды моде ду явился путнику в обличье большого черного лохматого пса с горящими глазами-плошками. Путник испугался, но пес молча дал ему пройти. А вскоре после этой встречи умер отец путника.

МОРАГ (MORAG)

В шотландском фольклоре змей, обитающий в озере Лох-Морар, схожий наружностью со знаменитой Несси. Людей он не трогает, однако его опасаются, ибо у него устрашающий вид. Чего стоит одна голова — огромная, с оскаленной пастью. Вдобавок мораг издает жуткие стоны, от которых бросает в дрожь, поэтому люди стараются близко к озеру не подходить.

МОРГЕНЫ (MORGEN)

В бретонском фольклоре морские жители. Они довольно дружелюбно относятся к людям, однако не прочь пошалить, а еще — частенько крадут капризных и непослушных детей.

МОРСКИЕ ВЕДЬМЫ (SEA HAGS)

В фольклоре жителей Британских островов призрачные существа, обладающие властью над морскими водами и судьбами тех, кто вверяет себя этим водам. По преданию, они бродят вдоль побережья, ожидая случая поднять бурю и потопить оказавшиеся поблизости корабли. Легенда гласит, что знаменитый пират Фрэнсис Дрейк продал душу дьяволу, чтобы стать искусным моряком; дьявол приставил к нему морских ведьм, которые, в частности, своим колдовством потопили в 1588 г. испанскую Непобедимую Армаду.

МОРСКИЕ ДЕВЫ (MERMAIDS)

В фольклоре народов Западной Европы демонические существа, обитающие в соленой воде. Это настоящие красавицы, только вместо ног у них рыбьи хвосты. В сказках и преданиях часто описывается, как они, сидя на берегу, расчесывают свои чудесные волосы золотыми гребнями и поют чарующие песни. Люди, которые слышат эти песни, совершенно утрачивают волю, и морские девы увлекают их на дно, где убивают и пожирают. Поэтому среди людей считается, что увидеть морскую деву — к несчастью.

Как уже было сказано, морские девы живут в соленой воде, но, в отличие, скажем, от накилеви, они не испытывают ни малейшего предубеждения против пресной. Они нередко заплывают в озера и поднимаются вверх по течению рек.

Кожа морских дев почти прозрачная, свои длинные груди они закидывают за плечи, волосы у них меняют цвет от темно-зеленого до ослепительно-золотого. Они обладают способностью к оборотничеству, могут превращаться в кошек, тюленей и рыб.

Если поймать морскую деву, она, чтобы освободиться, поделится древней мудростью или пообещает выполнить какое-либо желание. Свои обещания морские девы выполняют честно и никогда не обманывают. Правда, желания исполняются весьма своеобразно.

Так, предание гласит, что один юноша поймал морскую деву и попросил у нее сделать его замечательным дудочником (то была его заветная мечта). Морская дева спросила:

— Ты хочешь радовать музыкой только себя или всех вокруг?

— Себя, — ответил юноша.

— Будь по-твоему, — сказала она. — Твоя музыка будет радовать лишь тебя.

Так и вышло. Юноша стал волынщиком, но когда он начинал играть, соседи зажимали руками уши, ибо им казалось, что это вопит сотня голодных котов.

Есть еще история о том, что один рыбак встретил как-то на берегу морскую деву. Был отлив, вода отступила, и рыбак поднял деву на руки, чтобы донести до воды. В награду она пообещала исполнить три его желания. Рыбак сказал, что хотел бы делать добро ближним, разрушать колдовские чары и излечивать болезни. Дева принялась рассказывать ему о жизни под водой; он так увлекся, что и не заметил, как зашел в воду по колени. Хорошо, что тут залаял его пес; очнувшись, рыбак пригрозил деве ножом и потребовал, чтобы она его отпустила. Та покорилась, но пообещала вернуться через девять лет. Прошло время, рыбак забыл о встрече. Но когда, девять лет спустя, он в спокойную лунную ночь отправился с приятелями в море ловить рыбу, вода вдруг забурлила, и показалась морская дева. Рыбак бросился в воду, поплыл к ней, и они оба исчезли в волнах. Так продолжается и по сей день: раз в девять лет кто-то из потомков того рыбака пропадает в море.

МОРСКИЕ МУЖИ (MERMEN)

В фольклоре народов Западной Европы обитатели моря, супруги морских дев. Выглядят они куда менее привлекательно и гораздо меньше интересуются делами людей. У них длинные волосы и бороды, острые зеленые клыки, все они — глубокие старцы. Мужья они суровые и даже, если проголодаются, могут проглотить собственных детей. Именно

морские мужи насылают шторма, поднимают бури и разбивают корабли, если кто-то посмел обидеть их жен. Капитаны всех кораблей и судов обладают необходимыми знаниями для того, чтобы умилостивить морских мужей. Им приносят жертвы, их попечению вверяются тела усопших в море. Лишь тот капитан, у кого хорошие отношения с морскими мужами, в целости и сохранности приведет свое судно в порт. Обладая способностью к оборотничеству, морские мужи часто превращаются в быков, рыб, лошадей и даже людей.

МУЛИАРТЕХ (MUILEARTEACH)

В шотландском фольклоре морской змей-оборотень, иногда выходящий на сушу в обличье дряхлой старухи. Он стучится в дома и просит, чтобы его пустили погреться. Но, едва очутившись внутри, мулиартех начинает стремительно увеличиваться в размерах и набрасывается на людей. В людском облике у него черное с синеватым отливом лицо и один-единственный глаз.

МУРИАНЫ (MURIANS)

В корнуоллском фольклоре фейри. Считается, что это бывшие небожители, которые оказались не слишком хороши для рая и недостаточно дурны для ада, посему они остались на земле. Мурианы постепенно уменьшаются в размерах до муравьев, после чего исчезают неведомо куда. Вот почему корнуоллцы полагают, что раздавить муравья — к беде. Существует и другая версия: мурианы — оборотни, способные перекидываться в животных и птиц. Однако они столь часто прибегали к превращениям, что нарушили

некий физический закон, а потому теперь с каждым превращением становятся все меньше.

У мурианов очень красивые наряды — чудесные ярко-зеленые рубашки, небесно-голубые куртки, треуголки на головах мужчин и шапочки на головах женщин, одежды расшиты кружевами и увешаны бубенцами. Мурианы помогают тем людям, к которым благоволят, часто заглядывают в дома бедняков, веселят шутками прикованных к постели. Стоит им появиться, как в воздухе разливается цветочный аромат и слышится чудесная мелодия.

Известна история некоего Уильяма Ноя, зажиточного фермера, проживавшего близ Селенских болот в Корнуолле. Однажды вечером Уильям Ной вышел из трактира, сел на коня, выехал за околицу — и пропал. Соседи искали Ноя три дня; на третий день они услышали лай собак и конское ржание. В густых зарослях вереска была привязана лошадь Ноя, подле которой лежали на траве его собаки. Лошадь привела соседей к полуразрушенному сараю, где они наткнулись на крепко спящего Ноя. И вот что он поведал, когда проснулся. Ему не хотелось объезжать болота, и он решил ехать напрямик, но заплутал; неожиданно вдалеке замелькали огоньки и послышалась музыка. Лошадь ни в какую не желала идти на свет, а собаки жались к ее ногам. Пришлось спешиться. Привязав лошадь к кусту, Ной смело направился в ту сторону, откуда доносилась музыка. Он миновал чудесный сад и увидел дворец, на лужайке перед которым были расставлены столы. За столами пировали сотни крохотных людей в богатых одеждах.

Ной хотел было подсесть к ним, но его остановила девушка, в которой он узнал свою возлюбленную, Грейс Хатчинс, умершую три года тому назад. Она отвела Ноя в укромный уголок и сказала: «Хвала небесам, милый Уильям,

что я успела тебя задержать. Не то ты превратился бы в такого же коротышку. Если хочешь вернуться домой, не прикасайся ко мне, не ешь плодов, что растут на деревьях, и не рви цветов. Соседи верят, будто я умерла; на самом деле вместо меня похоронили подменыша».

Выяснилось, что три года назад Грейс тоже заблудилась на болотах и попала в чудесный сад, где играла музыка. Устав блуждать, девушка сорвала золотистую сливу, которая мгновенно растаяла у нее во рту, и она упала без чувств. А когда пришла в себя, то увидела, что вокруг стоят и смеются крохотные существа. Это были мурианы, которые страшно обрадовались: еще бы, ведь нечасто удается залучить к себе смертную женщину.

Ной решил спасти возлюбленную. Вспомнив дедовский способ, он вывернул наизнанку свои рукавицы и кинул их прямо на стол. В мгновение ока все исчезло: мурианы пропали, но пропала и Грейс, а Ной очутился в полуразрушенном сарае. Потом что-то ударило его по голове, и он рухнул навзничь.

Как и многие другие из тех, кому довелось побывать в Волшебной Стране, Уильям Ной утратил всякий интерес к жизни. Такова цена, которую платит за проникновение в потусторонний мир большинство смертных.

МШАНКИ (MOSS MAIDENS)

В английском фольклоре фейри. Они строго придерживаются старинного уклада и настаивают на том, что люди должны жить по обычаям предков: не сдирать кору с деревьев, не запекать в хлеб зерна тмина и не рассказывать своих снов. Те, кто следует этим правилам, могут рассчитывать на помощь мшанок: если их подкармливать, они принесут удачу.

Мшанки не только помогают по дому, но и делятся тайными знаниями. Им ведомы все целебные травы и растения. В частности, им известно, где растет чудесный цветок «не-боли», который помогает роженицам. Мшанки излечивают даже тех, от кого отступаются врачи. Они превращают листья деревьев в золото и дарят смертным нескончаемые мотки шерсти.

Ростом они от двух до трех футов. Одеты в наряды из мха, благодаря чему их часто можно спутать с деревьями. Лица у них морщинистые, тела волосатые, кожа серая. Правит мшанками «бабушка», седовласая старуха, древняя, как сама земля.

Сказка гласит, что однажды некий плотник шел через лес и увидел мшанку со сломанной тачкой. Он никуда не спешил, а потому устранил поломку. В награду мшанка подарила ему несколько щепок. Плотник изумился, но чтобы не обидеть мшанку, сунул щепки в карман, а едва старушка с тачкой скрылась из вида, бросил их на траву.

На следующее утро, сунув руку в карман, он нащупал щепку, которая за что-то зацепилась, а когда вынул, увидел, что та из чистого золота. Он побежал в лес, но сколько ни рыскал, других щепок так и не нашел.

Н

НАКИЛЕВИ (NUCKELAVEE)

В фольклоре жителей Оркнейских островов злобное морское чудовище, похожее на греческого кентавра: у него человеческий торс и плавники вместо ног. Пасть у накилеви огромная, как у кита, а дыхание ядовитое. Глаз у него один-единственный и пышет пламенем. Голова клонится то на одно плечо, то на другое, словно вот-вот свалится. Кожи у накилеви нет, и отчетливо видны внутренности. Когда накилеви выходит на сушу, ему навстречу лучше не попадаться: он убивает всех встречных, пожирает скот и губит своим ядовитым дыханием посевы. Спастись от него можно только одним способом — перебежать на другой берег реки: пресной, тем более проточной воды накилеви не выносит.

Сказка гласит, что один старик поздно ночью шел по песчаной косе между морем и озером с пресной водой и вдруг увидел, как из моря показался накилеви. Старик оцепенел от ужаса, но тут вспомнил, что накилеви не терпит пресной воды, и сделал шаг к кромке озера. Тем временем чудовище подобралось вплотную и протянуло руки, чтобы схватить человека. Старик отшатнулся, угодил одной ногой в озеро. Пресная вода плеснула на накилеви, тот заржал и отпрыгнул в сторону. Тогда старик кинулся бежать, а накилеви помчался за ним. На пути возник ручей, по которому вода из озера вытекала в море. Тут накилеви вновь чуть было не схватил

человека. Собрав последние силы, старик перепрыгнул через ручей. Накилеви издал жуткий вопль, сжевал шляпу, сорванную с головы старика, и поскакал прочь, а старик в беспамятстве рухнул наземь.

НЕБЛАГИЙ ДВОР (UNSEELIE COURT)

В шотландском фольклоре фейри делятся на Благий и Неблагий Дворы. С фейри, которые принадлежат к Неблагому Двору, договориться невозможно, не стоит и пытаться. Самые жестокие среди них — слуа, мертвецы, которые скитаются по земле, похищая смертных. А похищенных они заставляют портить скот и метить людей эльфийскими метками. Встреча с фейри из Неблагого Двора всегда предвещает смерть.

НЕССИ (NESSIE)

Чудовище, якобы обитающее в шотландском озере Лох-Несс. У него длинное тело и не менее длинная шея, три горба на спине и шершавая шкура. Ведет оно себя довольно дружелюбно и до сих пор ни на кого не нападало. Несси — существо робкое; вдобавок его изрядно напугали любители сенсаций, которыми буквально кишат окрестности озера: еще бы, всем хочется увидеть это существо. Поэтому оно предпочитает не показываться на поверхности. Питается Несси в основном домашним скотом.

Само озеро Лох-Несс пользуется дурной славой. Рассказывают, что на нем раз в двадцать лет появляется корабль-призрак: он скользит ночью по воде с поднятыми парусами. Кроме того, когда-то в доме на берегу озера жил магистр

оккультных наук Алистер Кроули. Говорят, в доме Кроули поселились демоны, которые свели с ума его эконома, пытавшегося убить свою жену и детей.

НИМУЭ (NIMUE)

Дева Озера, королева острова посреди волшебного озера. На этом острове воспитывался сэр Ланселот. Нимуэ подарила королю Артуру чудесный меч Эскалибур. Томас Мэлори рассказывал:

«В пути говорит король Артур:

— У меня нет меча.

— Не беда, — отвечал Мерлин, — тут поблизости есть меч, и, если я захочу, он достанется вам.

Едут они дальше и видят озеро, широкое и чистое. А посреди озера, видит Артур, торчит из воды рука в рукаве богатого белого шелка, и сжимает она в длани своей добрый меч.

— Глядите, — сказал Мерлин, — вон меч, о котором говорил я вам.

Тут видят они вдруг деву, по водам к ним идущую.

— Кто эта дева? — спросил Артур.

— Это Владычица Озера, — отвечал Мерлин. — Есть на озере большая скала, а на скале той стоит прекраснейший из замков, богато убранный. Сейчас дева эта приблизится к вам, и вам надлежит говорить с нею любезно, дабы она отдала вам тот меч.

Вот приблизилась дева к Артуру и приветствовала его, а он ее.

— О дева, — сказал Артур, — что это за меч держит вон та рука над водой? Хотелось бы мне, чтобы он был мой, ибо у меня нет меча.

— Сэр Артур, — отвечала девица, — меч этот мой, и если вы отдадите мне в дар то, что я у вас попрошу, вы его получите.

— Клянусь, — сказал Артур, — что подарю вам, что бы вы ни попросили.

— Хорошо, — согласилась дева, — войдите вон в ту барку и подгребите к мечу, и можете взять его себе вместе с ножнами. А я попрошу у вас обещанный дар, когда придет срок.

Спешились король Артур с Мерлином и привязали коней к дереву; и вошли они в барку. А когда поравнялись они с мечом, что держала рука, вынул Артур из руки рукоять меча и взял его себе. А рука скрылась под водой».

Когда короля Артура смертельно ранили, он велел одному из своих рыцарей, сэру Бедиверу, взять Эскалибур и бросить его в воды озера.

«И отправился сэр Бедивер на берег. А по пути рассмотрел он благородный меч, увидел, что рукоять с перекладиной вся усажена драгоценными камнями. И тогда сказал он себе: “Если я заброшу этот богатый меч в воду, от того никакого не будет добра, но лишь урон и ущерб”. И потому Бедивер спрятал Эскалибур под корнями дерева, а сам поспешил воротиться к королю и сказал, что будто бы дошел до берега и зашвырнул меч в воду.

— Что же ты там видел? — спросил король.

— Сэр, — он отвечал, — я не видел ничего, но лишь волны да ветер.

— Неправду ты говоришь, — сказал король. — А потому отправляйся туда снова и выполни мое повеление. Как мил ты мне и дорог, прошу тебя, не жалей, забрось его в воду.

И пошел сэр Бедивер назад, и вынул меч, и взял его в руку, и снова подумалось ему, что грех и позор бросать такой добрый меч. И тогда он опять спрятал его и воротился

назад и опять сказал королю, будто бы... исполнил его повеление.

— Что же ты там видел? — спросил король.

— Сэр, — он отвечал, — я не видел ничего, но лишь колыханье волн и плеск прибоя.

— А, обманщик и предатель своего короля! — воскликнул король Артур. — Дважды ты меня предал... Смотри же, отправляйся снова, да поспеши, промедление твое грозит мне гибелью... И если ты и на этот раз не сделаешь, как я тебе сказал, я убью тебя моими руками, как только увижу...

И снова ушел сэр Бедивер, пришел туда, где лежал меч, вытащил его поспешно и принес на берег. И там намотал он перевязь на рукоять и зашвырнул меч в воду, как только смог далеко. В тот же миг поднялась из волн рука, поймала меч, сжала пальцами, трижды им потрясла и взмахнула и исчезла вместе с мечом под водою».

Когда Бедивер наконец исполнил повеление короля, к берегу пристала барка, на которой находилось четыре женщины. Правила баркой сестра короля Фея Моргана. Как сказано в старинной книге: «...на корабле, его увезшем, были три королевы: одна была сестра короля Артура королева Фея Моргана, другая королева Северного Уэльса, а третья — королева Опустошенных Земель. (И еще была там дама Нинева, главная Владычица Озера... она немало сделала когдато для короля Артура.) Артура перенесли на эту барку, и под женский плач она отчалилила от берега и двинулась к острову Авалон.

НОГГЛ (NOGGLE)

В фольклоре жителей Шетландских островов водяная лошадка. Как правило, ноггл появляется на суше под видом

чудесной гнедой лошадки, оседланной и взнузданной. Ноггл не такой опасный, как келпи, но никогда не отказывается выкинуть ту или другую из двух своих излюбленных шуток. Если по ночам он видит, что на водяной мельнице кипит работа, то хватается за колесо и останавливает. Отогнать его можно, показав нож или высунув в окно горящую ветку. Еще он любит приставать к путникам. Стоит кому-то сесть на него, как ноггл бросается в воду. Впрочем, кроме купания, седоку ничто не грозит: очутившись в воде, ноггл исчезает со вспышкой синего пламени. Чтобы не перепутать ноггла с лошадью, следует смотреть на хвост: у ноггла хвост загибается на спину.

О

ОБЕРОН И ТИТАНИЯ (OBERON & TITANIA)

В английском фольклоре король и королева фейри. В рыцарском романе «Гюон из Бордо» приводится родословная Оберона — весьма, надо признать, внушительная: королева Тайного Острова Кефалония когда-то влюбилась в Нептанеба, правителя Египта, и вышла за него замуж. У них родился сын, который впоследствии стал Александром Македонским. Семьсот лет спустя в ту же даму влюбился Юлий Цезарь. Она родила ему сына — это и был Оберон. Фрейлины Кефалонии наделили его чудесными дарами — способностью читать мысли людей, перемещаться куда угодно в мгновение ока... А одна злобная дама прокляла Оберона; из-за этого он ростом всего-навсего с трехлетнего младенца. Большой любитель женской красоты, Оберон не упускает случая поухаживать за смертными. Что касается Титании, та гораздо более величественна, нежели ее супруг или королева Маб. Когда супруги ссорятся, это немедленно сказывается на природе и на делах человеческих. У Шекспира Титания упрекает Оберона такими словами:

«Уж с середины лета мы не можем
Сойтись в лугах, в лесу, у шумной речки,
У Камнем обнесенного ключа,
На золотом песке, омытом морем,
Водить круги под свист и песни ветра,
Чтоб криком не мешал ты нашим играм!

И ветры нам напрасно пели песни.
В отместку подняли они из моря
Зловредные туманы. Те дождем
На землю пали. Реки рассердились
И вышли, возгордясь, из берегов.
С тех пор напрасно тянет вол ярмо,
Напрасно пахарь льет свой пот: хлеба
Сгнивают, усиков не отрастив.
Пусты загоны в залитых полях,
От падали вороны разжирели...
Грязь занесла следы веселых игр;
Тропинок нет в зеленых лабиринтах:
Зарос их след, и не найти его!
Уж смертные зимы скорее просят;
Не слышно песен по ночам у них...
И вот луна, властительница вод,
Бледна от гнева, воздух весь омыла
И ревматизм повсюду развела.
Мешаются все времена в смятенье:
И падает седоголовый иней
К пунцовой розе в свежие объятья;
Зато к короне ледяной зимы
Венок душистый из бутонов летних
В насмешку прикреплен. Весна и лето,
Рождающая осень, и зима
Меняются нарядом, и не может
Мир изумленный различить времен!
Все из-за наших ссор и несогласий:
Мы — их причина, мы их создаем»[1].

---

[1] «Сон в летнюю ночь». Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Разозленный очередной ссорой с Титанией Оберон велел своему шуту, Робину Доброму Малому, найти некий цветок и сбрызнуть его соком глаза королевы. Тот, кого она увидит первым, проснувшись, покажется ей милее всех на свете. Робин так и поступает, и Титания влюбляется в деревенского ткача, которого проказник Робин наделил ослиной головой. В конце концов Оберон сжалился над супругой и снял с нее наваждение.

П

ПАК (PUCK)

В английском фольклоре самый известный из хобгоблинов. Как и все прочие хобгоблины, паки обладают способностью к оборотничеству; кроме того, они охотно помогают людям, выполняя ту же работу, что и брауни. Тем не менее паков нередко отождествляли с бесами: так, например, Уильям Лэнгленд, автор «Видения Петра Пахаря», называет преисподнюю «паков загон», разумея, по-видимому, что дьявол сгоняет туда как овец души грешников. Любимая забава паков — сбивать с дороги путников. Характер пака замечательно описан Шекспиром:

То перед сытым жеребцом заржу,
Как кобылица; то еще дурачусь:
Вдруг яблоком печеным в кружку спрячусь,
И лишь сберется кумушка хлебнуть,
Оттуда я к ней в губы — скок! И грудь
Обвислую всю окачу ей пивом.
Иль тетке, что рассказ ведет плаксиво,
Трехногим стулом покажусь в углу:
Вдруг выскользну — трах! — тетка на полу.
Ну кашлять, ну вопить! Пойдет потеха!..[1]

---

[1] «Сон в летнюю ночь». Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Подобно другим хобгоблинам, паки не терпят неверных влюбленных. Как и брауни, пака можно прогнать, предложив ему в дар новую одежду (а сделать такой подарок, что называется, подмывает — ведь паки, как утверждается в сказках, расхаживают обнаженными).

ПЕРИТОН (PERYTON)

В средневековых бестиариях чудесный зверь, у которого орлиные крылья и рога — стоит их сломать, как они отрастают сами собой. Считается, что в перитона переселяется дух недавно умершего, ибо тень, которую отбрасывает перитон, пролетая над землей, — человеческая. Чаще всего это дух человека, умершего далеко от дома; поэтому жены моряков и солдат, завидев перитона, сразу начинают бояться за своих благоверных. Да и путники поглядывают на него искоса, ибо известно, что перитон не прочь подловить неосторожного человека, вознести его высоко в небо и оттуда сбросить наземь.

ПЕХИ (PECHS)

В шотландском фольклоре загадочные существа, которые построили круглые каменные башни (таких башен очень много на равнинах). Пехами — или пиктами — называли крохотных существ с рыжими волосами и длинными руками; ноги у них были такие широкие, что они ступнями закрывались от дождя. Дневного света пехи не выносили, а потому на рассвете всегда скрывались в своих холмах. Башни они строили так: вытягивались цепочкой от каменоломни до места стройки и возводили башню за одну ночь.

Куда пехи подевались, никто не знает, хотя гипотез относительно их происхождения и дальнейшей судьбы выдвигалось очень много.

ПИАСТ (PIAST)

В ирландском фольклоре чудовище, обитающее в озере Лох-Ри. Это водяной змей длиной около десяти футов, у него крупная голова и длинная шея с гривой, из которой торчат морские водоросли. Пиаст очень робок и на сушу выбирается крайне редко. Передвигается он с помощью похожих на весла плавников. По преданиям, рыбаки, чтобы пиаст не перевернул их лодки, время от времени выливают ему в глотку по целому бочонку бренди.

ПИКСИ (PIXY)

В английском фольклоре фейри. Рост у пикси может быть каким угодно — от пяди до нормального человеческого. У типичного пикси рыжие волосы и курносый нос; он ходит в зеленой куртке, а на голове носит громадный островерхий колпак, который закрывает прищуренные, боящиеся солнечного света глаза. Утверждают, что днем пикси перекидываются в ежей и в таком виде бродят среди смертных. Их любимая забава — сбивать с дороги путников: не случайно о заплутавших говорят: «Пикси попутали». Еще они подбрасывают на дороги куски дерна — человек, наступивший на такой кусок, словно попадает в неведомую страну, все вокруг кажется ему незнакомым, хотя бы он находился в двух шагах от своего дома (в ирландском фольклоре для таких кусков существует свое название — заклятый дерн). Кроме того, пикси крадут лошадей, особенно жеребят, и до изне-

можения гоняют их ночами по полям. После этого на полях остаются круги, похожие на ведьмины кольца. Если человек ступит в такой круг, он попадет в Волшебную Страну и останется в ней до конца своих дней. (Впрочем, если ступить в круг одной ногой, ничего страшного не случится: человек увидит танцующих фейри, но повредить ему или залучить его к себе они не смогут.)

Самый надежный способ прогнать пикси — это вывернуть наизнанку куртку или показать железный крест.

Впрочем, пикси довольно дружелюбны. Они ухаживают за заброшенными могилами, оставляют на них цветы, помогают по дому, выполняя ту же работу, что и брауни. Правда, домашняя работа им быстро надоедает и они бросают ее при первом же удобном случае. Если пикси подарить новую одежду, он тут же ее натянет и заявит, что больше работать не будет.

По некоторым источникам, пикси — духи детей, умерших до крещения; по другим — это духи друидов или язычников, отошедших в мир иной до пришествия Христа, а потому не попавших ни в рай, ни в ад (рая они не заслуживают, потому как язычники, а чтобы отправиться в ад, недостаточно много грешили).

Сказка гласит, что один пьяница изводил свою жену и детей. Он вел себя настолько безобразно, что пикси решили вмешаться и наказать его. Однажды пьяница возвращался домой из трактира на своем пони и вдруг увидел в тумане огонек. Он направил пони на свет. Животное заупрямилось — оно-то ясно видело, что огонек держит пикси и что впереди мрачная трясина. Но пьяница все понукал его. А когда понял, что пони с места не сойдет — спешился и сам побрел на свет. Не сделал он и двух шагов, как провалился в болото и ушел под воду с головой. А пони поскакал домой.

Соседи увидели, что его копыта все в тине, и догадались, что случилось с пьяницей, и так обрадовались, что пустились в пляс. А жена пьяницы с тех пор каждый вечер выставляла на порог ведро чистой воды и мела очаг, и у нее все шло замечательно, а пони заботами фейри толстел с каждым днем.

ПИШОГ (PISHOGUE)

В ирландском фольклоре заклинание. Человек, на которого оно направлено, потеряет ориентацию и увидит совсем не то, что есть на самом деле.

Чаще всего пишог насылают фир дарриг. По сути это заклинание весьма похоже на наваждение, которое насылают английские фейри.

ПЛАНТ АННОН (PLANT ANNWN)

В валлийском фольклоре подземные фейри, которые выходят в верхний мир через горные озера. Короля их зовут Гвинн ап Нудд (согласно «Мабиногион», так же зовут и правителя Аннона — валлийской преисподней). К плант аннон принадлежат озерные девы (гуараггед аннон), волшебный скот (гуартег-и-ллин) и свора Аннона (кон аннон).

ПЛАНТ РИС ТУВН (PLANT RHYS DWFEN)

В валлийском фольклоре фейри, населяющие незримый край, в котором круглый год цветет некое чудесное растение, придающее этой земле невидимость. Миловидные и добродушные существа, ростом чуть ниже среднего, плант рис тувн любят бывать на людских рынках и платят за ничем не примечательные товары такие деньги, что с ними

никто не может соперничать. Торговлю они ведут честно и помогают людям, которые отвечают им тем же.

Рассказывают, что один человек по имени Груффид всегда вел себя честно, поэтому фейри однажды пригласили его в гости и наделили богатыми дарами. Перед тем как расстаться, Груффид спросил, как же они охраняют свои сокровища. Фейри ответили, что охранять сокровища нет нужды: никто из них на богатства не покусится. С этими словами они выпроводили Груффида из холма, и больше он в ту страну уже не попадал.

ПЛЕННИКИ ВОЛШЕБНОЙ СТРАНЫ (CAPTED IN FAIRYLAND)

В мифах и фольклоре различных народов сюжет о людях, оказавшихся пленниками потустороннего мира, встречается довольно часто. В европейском фольклоре люди обычно становятся пленниками эльфов, которые насильно удерживают их в Волшебной стране. Фейри похищают не только детей, но и взрослых. Они заманивают к себе юношей, которые умеют играть на музыкальных инструментах и хорошо поют, а самые красивые из этих юношей становятся любовниками принцесс-чародеек. Впрочем, для мужчин опасность быть похищенными не столь велика; а вот женщинам, как утверждают сказки и предания, она угрожает буквально на каждом шагу. Молодых матерей выкрадывают, чтобы они выкармливали грудью младенцев-фейри (дело в том, что у фейри материнское молоко не слишком питательное); поэтому с рождения ребенка и до свершения над женщиной очистительного обряда необходимо принимать всевозможные меры предосторожности. Короли и принцы фейри частенько женятся на смертных женщинах, причем свадьбе почти всегда предшествует похищение.

Предание гласит, что Финварра, король ирландских фейри, хотя и был женат, не упускал случая поухаживать за приглянувшимися ему смертными женщинами. Неподалеку от холма, под которым находились чертоги Финварры, стоял замок. Хозяин замка недавно женился на прекрасной Этне и каждый день устраивал праздники в ее честь. Финварры он не боялся, ибо дружил с королем фейри. Как-то вечером, на балу, Этна, танцевавшая с мужем, вдруг потеряла сознание. Ее отнесли наверх, в спальню. К утру она очнулась, но на все вопросы отвечала рассказами о чудесной стране, в которой побывала ночью и куда хотела бы вернуться. На следующую ночь Этна исчезла. Хозяин замка, догадываясь, что здесь не обошлось без фейри, решил посоветоваться со своим другом Финваррой. Едва он ступил на склон холма, как услышал голоса. «Финварра счастлив, — произнес один. — Он залучил к себе во дворец прекрасную Этну. Муж ее никогда больше не увидит». «Ошибаешься, — ответил другой. — Если он выроет на вершине этого холма глубокую яму, чтобы дневной свет проник в недра земли, Этна к нему вернется». Молодой рыцарь тотчас послал за землекопами. К вечеру они прокопали половину намеченного и отправились отдыхать с хорошим настроением, ибо надеялись на следующий день закончить работу. Однако наутро оказалось, что ямы нет и в помине. Так повторялось три дня подряд, и молодой рыцарь пришел в отчаяние, но внезапно услышал голос, возвестивший: «Посыпь землю солью, и все будет в порядке». После этого работа шла без помех; землекопы подобрались столь близко к чертогам Финварры, что, приложив ухо к земле, можно было расслышать звуки музыки и голоса. «Финварра печален, — изрек один голос. — Он знает: что когда лопата смертного коснется стены его дворца, тот рассыплется в пыль». «Но если король отправит Этну обратно к мужу, мы спасены», — ответил вто-

рой. А сам Финварра воскликнул: «Отложите лопаты, люди, и на закате Этна вернется к своему мужу!» На закате молодой рыцарь встретил супругу у входа в глубокое ущелье, посадил на коня и отвез в замок. Но вскоре выяснилось, что Финварра его обманул — Этна не отвечала на расспросы, глядела в одну точку, словом, вела себя как человек, душа которого осталась в Волшебной Стране. Минул год, и молодой рыцарь услышал знакомые голоса. «Этна молчит до сих пор, ибо Финварра оставил у себя ее душу», — сказал один. «Муж может ее спасти, — ответил второй. — Нужно лишь развязать поясок и вынуть из него булавку, потом сжечь поясок, пеплом посыпать дверь в ее покои, а булавку закопать. Тогда Этна вновь обретет душу». Рыцарь стрелой помчался обратно в замок. С великим трудом он развязал поясок, вынул булавку, сжег поясок и посыпал пеплом дверь в покои Этны. Однако девушка по-прежнему не шевелилась. Рыцарь закопал булавку под кустом шиповника. Когда он вернулся, жена с улыбкой протянула к нему руки. Она помнила все, вот только год, проведенный в Волшебной Стране, мнился ей одним днем.

Пожалуй, самый знаменитый из пленников Волшебной Страны — Томас из Эрсилдуна, или Томас Рифмач, о котором сложено немало баллад. Одна из них гласит, что уставший Томас прилег отдохнуть над быстрой речкой и тут увидел прекрасную незнакомку:

Зеленый шелк — ее наряд,
А сверху плащ красней огня,
И колокольчики звенят
На прядках гривы у коня.

Ее чудесной красотой,
Как солнцем, Том был ослеплен...

Он завел с благородной дамой разговор, и та призналась ему, что она — королева эльфов и давно в него влюблена.

Побудь часок со мной вдвоем,
Да не робей, вставай с колен,
Но не целуй меня, мой Том,
Иль попадешь надолго в плен.

— Ну, будь что будет! — он сказал. —
Я не боюсь твоих угроз.
И верный Том поцеловал
Ее в уста краснее роз.

Королева промолвила:

— Тебя, мой рыцарь, на семь лет
К себе на службу я беру!

Что б не увидел ты вокруг,
Молчать ты должен, как немой,
А проболтаешься, мой друг,
Так не воротишься домой.

И они отправились в путь:

Они неслись во весь опор.
Казалось, конь летит стрелой.
Пред ними был пустой простор,
А за плечами — край жилой.

Через потоки в темноте
Несется конь то вплавь, то вброд,
Ни звезд, ни солнца в высоте,
И только слышен рокот вод.

Несется конь в кромешной мгле,
Густая кровь коню по грудь.
Вся кровь, что льется на земле,
В тот мрачный край находит путь.

Как и говорила королева, Томас провел в Волшебной Стране целых семь лет. Тем временем подошел срок платить подать дьяволу (по некоторым источникам, фейри каждые семь лет должны приносить дьяволу жертву. Опасаясь, что жертвой изберут Тома, королева вернула своего возлюбленного в мир смертных и на прощание наделила его даром говорить только правду:

Но вот пред ними сад встает,
И фея, ветку наклонив,
Сказала: — Съешь румяный плод —
И будешь ты всегда правдив!

— Благодарю, — ответил Том, —
Мне ни к чему подарок ваш.
С таким правдивым языком
У нас не купишь — не продашь.

Не скажешь правды напрямик
Ни женщине, ни королю...
— Попридержи, мой Том, язык,
И делай то, что я велю![1]

Вернувшись из Волшебной Страны, Томас-Рифмач многие годы жил в Эрсилдуне и прославился своими пророчествами. Но королева о нем не забыла. Однажды, когда он

[1] Перевод С. Маршака.

пировал в своем замке, слуга доложил, что на замковый двор пришли из леса две лани. Томас выбежал во двор, и лани увели его в лес, откуда он больше не возвратился. Правда, в ряде легенд утверждается, что Рифмач состоит в советниках у королевы эльфов.

ПЛЕНТИН НЬЮИД (PLENTYN-NEWID)

В валлийском фольклоре подменыши. Поначалу плентин ньюид выглядит точь-в-точь как тот младенец, которого он подменил, но быстро меняется: становится уродливым и раздражительным, постоянно капризничает. Он кусается, щиплется — словом, несчастна та мать, которой его подсунули. Порой он ведет себя как слабоумный, но порой выказывает сверхъестественную мудрость.

Способов избавиться от подменыша и вернуть свое дитя довольно много: можно сунуть его в натопленную печь или выкупать в настое наперстянки, а также сварить похлебку из яичной скорлупы или запечь в тесте дрозда.

Рассказывают, что у одной женщины фейри похитили детей-близнецов. Поначалу женщина ничего не заподозрила, но вскоре ей бросилось в глаза, что ее дети не растут. Она обратилась за советом к мудрому старику, и тот сказал:

— Возьми куриное яйцо, выплесни содержимое, а в скорлупе свари похлебку. Потом прикрой дверь, будто ушла, а варево оставь на столе и прислушайся. Если твои дети будут говорить как взрослые — утопи обоих в озере.

Женщина сварила похлебку в скорлупе и вышла из комнаты. Один близнец тут же сказал другому:

— Сколько лет живу на свете, никогда не видел, чтобы похлебку варили в яйце.

Женщина поняла, что это подменыши, схватила их в охапку и побежала к озеру. Только она успела бросить обоих в воду, как вдруг откуда ни возьмись появились фейри: вытащили подменышей из озера и были таковы. А женщина, вернувшись домой, увидела своих детей, целых и невредимых.

ПОДЗЕМНЫЕ ЖИТЕЛИ (SUBTERRANEANS)

В шотландском фольклоре фейри, которые обитают в холмах и раз в две недели меняют место жительства, переселяясь из одного холма в другой. Больше о них ничего не известно — настолько замкнутый образ жизни они ведут.

ПОДМЕНЫШИ (CHANGELING)

В фольклоре народов Западной Европы существа, которых фейри (или нечистая сила) оставляют взамен похищенных человеческих детей. Фейри готовы почти на все, чтобы похитить у зазевавшейся матери младенца. Это связано с тем, что либо, как утверждают одни, человеческими детьми фейри платят подать дьяволу, либо, как полагают другие, фейри стремятся улучшить свою породу и влить в нее свежую кровь. Чаще всего они крадут некрещеных детей, а вместо них оставляют подменышей. Подменыши бывают разные: к примеру, дубовые колоды, вырезанные в форме человеческого тела; такой колоде с помощью чар придается видимость жизни. Правда, чары быстро рассеиваются, а людям кажется, что ребенок умер, и его хоронят, не подозревая о том, что погребают обыкновенную деревяшку. Впрочем, гораздо чаще вместо младенца оставляют юного или наоборот, совсем уже дряхлого фейри, от которого его родичам уже

ни малейшего толку. Он изводит своих «родителей» постоянными капризами, хнычет, требует есть, а сам не растет и не вылезает из колыбели.

Чтобы вернуть младенца, существует несколько способов. Правда, если вместо ребенка подложили колоду, надежд вернуть дитя практически нет. Но если фейри подсунули своего отпрыска, его можно щипать, бить — словом, мучить, пока настоящие родители не сжалятся и не заберут подменыша обратно. Правда, этот метод себя не оправдывает: многих детей (которые лишь самую малость были не такими, как все) замучили по подозрению в том, что они — подменыши. Их колотили, пороли, одного даже сожгли в печи, так как предполагали, что он — ведь подменыш же! — должен вылететь в трубу. Что касается пожилых подменышей, с ними главное — хитростью заставить признать свой истинный возраст. Способ такой: взять две дюжины пустых яичных скорлупок, положить в очаг и сделать вид, что варишь похлебку. Подменыш постепенно прекратит хныкать, приподнимется в колыбели и пронзительно воскликнет: «Я видел желудь, из которого вырос дуб, но никогда не видел, чтобы из скорлупы варили похлебку»! Тогда его нужно схватить и швырнуть в огонь: он с хохотом вылетит в печную трубу, а похищенный ребенок постучится в дверь.

Фейри — гораздо реже, чем детей — похищают и взрослых, вместо которых обычно оставляют оживленную колоду.

Предание гласит, что одна женщина только-только успела родить, как из-под земли раздался стук. Фермер поспешил к жене и вдруг, проходя мимо сарая, услышал чей-то голос: «Остерегайся скрюченного пальца!» А у его жены как раз был такой палец, и фермер догадался, что фейри замыслили недоброе. Он зажег свечу, взял в руки нож и раскрыл Библию. В ту же секунду из сарая донесся вопль. Фер-

мер стиснул нож зубами и, держа в одной руке свечу, а в другой — Библию, двинулся к сараю. Распахнул дверь, кинул внутрь Библию. Крики стали громче; внезапно мимо фермера промчалась целая толпа фейри. Они так торопились, что бросили деревянную колоду, как две капли воды похожую на фермерскую жену. Фермер подобрал колоду и долгие годы рубил на ней дрова, а фейри к его дому больше и близко не подходили.

Сказка гласит, что однажды ночью в дом к некоему фермеру вошел высокий мужчина в черном плаще. Следом шагала старуха с волосатым, уродливым младенцем на руках. В доме погас свет. Когда его зажгли, родители увидели, что их ребенок пропал, а уродливый младенец лежит в колыбели. Не успели они еще опамятоваться, как в дверь постучали, и вошла женщина в красном платке. Она спросила, почему у них такой ошеломленный вид, а когда узнала, в чем дело, посоветовала не грустить: мол, волосатый младенец — ее ребенок, и если его ей вернут, она подскажет, что нужно предпринять. По совету этой женщины фермер и его жена пришли на волшебный холм, сожгли три вязанки хвороста и пригрозили спалить все, что росло на холме, если фейри не отдадут им ребенка. Фейри испугались и тут же вернули похищенного.

По некоторым источникам, угроза сжечь терновник на волшебном холме иногда помогает вызволить и взрослых.

ПОРТУНЫ (PORTUNES)

В английском фольклоре маленькие фейри, о которых упоминает в своей хронике Жерве из Тилбюри. Они трудятся на полях, а по ночам разводят костры и поджаривают на огне лягушек, которых потом едят. Выглядят портуны как

старички со сморщенными личиками и носят куртки в заплатах. Если нужно что-либо втащить в дом или выполнить другую тяжелую работу, они охотно за нее возьмутся. Любимое развлечение у них такое: подстеречь поздно вечером одинокого путника, схватить его лошадь за уздечку, завести в озеро и с громким хохотом исчезнуть.

ПРОЗВИЩА ФЕЙРИ (FAIRY NAMES)

Во многих традициях, в том числе и на Британских островах, принято называть фейри разного рода описательными именами. Это объясняется тем, что называть фейри настоящим именем небезопасно: они могут появиться и устроить какую-нибудь пакость. Среди наиболее распространенных прозвищ фейри следующие

Добрый Народец,
Малый Народец,
Земляной Народец,
Господа,
Чудесная Семейка,
Чудесный Народ,
Славный Народец,
Серые Соседи,
Добрые Соседи,
Загадочный Народец,
Народ Холмов,
Почтенный Народец,
Малыши,
Крошки,
Мирный Народец,
Ватага,

Древний Народец,
Чужаки,
Те,
Те Самые,
Крошечный Народец.

В народной песенке поется:

Если фейри назовешь —
От меня ни с чем уйдешь.
Если крикнешь: «Эй, сосед!» —
Подмигну тебе в ответ.
Ну а молвишь: «Друг» — тогда
Стану другом навсегда.

ПУКА (POOKA)

В валлийском и ирландском фольклоре оборотень, родич английского пака. Он во всем схож со своим родственником — и привычками, и повадками; разнятся они только обликом. У ирландского пуки козлиные рога и копыта, у валлийского — птичья голова, а фигурой он смахивает на головастика. Ирландский пука может перекидываться в осла и летучую мышь, в козла и в орла; в этом обличье он ради шутки похищает людей, поднимается с ними в небо и сбрасывает наземь. Чаще всего он превращается в лошадку, на которую так и хочется сесть. Но горе всаднику — лошадка с довольным ржанием пускается вскачь по холмам и оврагам, а под конец скидывает седока в канаву или в реку. Еще у пуки есть обыкновение притворяться бродячим огоньком: он заводит путников в болота и буераки и с громким хохотом исчезает.

Рассказывают, что одна девушка каждый вечер оставляла для пуки кринку молока и ломоть хлеба. Но однажды из

озорства она сама выпила молоко и съела почти весь хлеб, так что пуке пришлось довольствоваться водой. На следующий день девушку вдруг схватил кто-то невидимый и как следует отшлепал по мягкому месту, а потом посоветовал больше так не делать.

Р

РАКУШНИК (SHELLYCOAT)

В шотландском фольклоре злокозненный зверь. Обитает он в проточной воде и весь покрыт ракушками, которые бренчат, когда ракушник шевелится. Он обожает потешаться над путниками: устраивает на берегу переполох, зовет на помощь и гремит ракушками как кастаньетами, а когда путник бросается на выручку, ракушник окатывает его водой и исчезает с громким смехом.

РОАНЫ (ROANE)

В шотландском фольклоре фейри, которые живут в воде и лишь время от времени выходят на сушу. В море они плавают под видом тюленей, а выходя на сушу, сбрасывают с себя тюленьи шкуры. Живут они в подводных дворцах из перламутра и жемчуга.

Роаны — самые добродушные и робкие изо всех фейри.

Сказка гласит, что однажды некий охотник пытался ножом убить самца-тюленя, но лишь ранил его и вдобавок уронил нож в море. Вечером в его дверь постучали. На пороге, держа в поводу лошадь, стоял незнакомец, который сказал, что его послали заключить сделку: мол, если охотник добудет столько-то шкур, ему хорошо заплатят. Если он согласен, то вот конь, а заказчик ждет неподалеку. Они сели на

коня; тот помчался вскачь и вскоре поравнялся с торчавшей из моря скалой. Тут незнакомец схватил охотника и прыгнул вместе с ним в море. Они опустились на самое дно, и их окружили тюлени. Охотнику, который тоже превратился в тюленя, протянули нож и спросили: «Это твой?» Он признался. Тогда его провожатый сказал: «Ты ранил моего отца и лишь ты можешь его исцелить». Охотник в точности выполнил то, что ему говорили, и рана зажила на глазах. После этого от охотника потребовали клятвы, что он перестанет убивать тюленей, и отпустили домой. А у порога своего дома он нашел мешок с золотом.

РОБИН ГУД (ROBIN HOOD)

В английском фольклоре персонаж, благородный разбойник, который грабил знатных людей и всю добычу раздавал бедным. Вместе со своим отрядом вольных стрелков Робин Гуд обитал в Шервудском лесу. Фольклорная традиция отождествляет Робин Гуда с Робином Добрым Малым; пуритане же считали его бесом. Кстати сказать, по преданиям, вольные стрелки часто заключали договор с дьяволом. По этому договору стрелок вручал дьяволу свою душу, а тот взамен направлял все стрелы, выпущенные человеком, точно в цель.

РОБИН ДОБРЫЙ МАЛЫЙ (ROBIN GOODFELLOW)

В английском фольклоре самый известный из хобгоблинов. Он прославился благодаря Шекспиру, который вывел его в своей пьесе «Сон в летнюю ночь». Фея, с которой беседует Робин, говорит:

«Да ты... не ошибаюсь я, пожалуй:
Повадки, вид... ты — Робин Добрый Малый?
Тот, что пугает сельских рукодельниц,
Ломает им и портит ручки мельниц,
Мешает масло сбить исподтишка,
То сливкиноснимает с молока,
То забродить дрожжам мешает в браге,
То ночью водит путников в овраге;
Но если кто зовет его дружком, —
Тем помогает, носит счастье в дом»[1].

Существует книга, которая называется «Робин Добрый Малый, его безумные шутки и веселые проказы». Если верить автору этой книги, Робин — полукровка, сын короля фейри Оберона и деревенской женщины. В нежном шестилетнем возрасте он сбежал из дома, и до тех пор никаких чудесных способностей у него не было. Однажды он заснул в лесу, а пробудившись, увидел рядом золотой свиток с текстами заклинаний; то был подарок Оберона. Отец наделил его даром оборотничества и наказал использовать свои таланты во зло неправедным людям и во благо добрым. Ему было обещано, что, если он исполнит наказ, его со временем приведут в Волшебную Страну.

[1] Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

С

САМАЙН (SAMHAIN)

Древний кельтский праздник, отмечается каждый год 31 октября. Точнее, отмечался раньше, ибо ныне ему на смену пришел Хэллоуин.

СЕЛКИ (SELKIES)

В фольклоре жителей Оркнейских и Шетландских островов морские фейри, родичи шотландских роанов. Это тюлений народ, добрые существа с карими глазами. Тюленьи шкуры позволяют им жить в море, однако они время от времени должны выныривать, чтобы глотнуть воздуха. По некоторым источникам, селки — потомки людей, изгнанных в море за свои преступления. Вот почему их так тянет на сушу. Когда селки выходят на берег, то сбрасывают шкуры и превращаются в писаных красавиц. Если шкуру украсть, селки останется на суше. Если она выйдет замуж, у ее детей будут маленькие рожки между пальцами; вдобавок они приобретут целительские способности. В отличие от роанов селки сурово мстят за обиды: насылают шторма, переворачивают рыбацкие лодки, рвут сети и выпускают на волю рыбу. Селки можно призвать: для этого следует во время прилива сесть на камень у воды и уронить в море семь слезинок.

Сказка гласит, что некий рыбак шел по берегу и вдруг услышал звонкий смех. Он подкрался поближе и увидел купающихся в море молодых людей. Неподалеку на песке лежали тюленьи шкуры. Рыбак стащил одну из них. Когда все остальные перекинулись в тюленей и уплыли, на берегу осталась одна прелестная девушка. Она умоляла рыбака отдать шкуру, но тот полюбил девушку с первого взгляда и взял ее в жены. Они стали жить вместе и были счастливы, но жену рыбака словно что-то тяготило: она порой с тоской поглядывала на море. Как-то младшая дочка спросила ее, что такое лежит в каменном сарае — такое серебристое, с коричневыми полосками. Женщина бросилась в сарай, схватила шкуру и устремилась к морю. Когда она отплывала от берега, навстречу ей попалась лодка, в которой сидел рыбак. Он поглядел на тюленя и узнал взгляд жены, но было уже поздно.

СИДЫ (SIDHE)

В ирландском и шотландском фольклоре героические фейри. Сиды — правильно «ши» — аристократы Волшебной Страны. Они ведут свой род от Туата Де Дананн. Сиды высоки ростом и красивы настолько, что людям ни в коем случае нельзя смотреть на них. Одного их прикосновения достаточно, чтобы свести человека с ума; стрелы сидов, с пропитанными ядом наконечниками, убивают на месте. Правит сидами королева Медб — красавица в белой шелковой мантии, с голубыми глазами и длинными волосами. Тот, кому доведется увидеть ее, умрет от любви и тоски.

Если сидам не докучать, они не обратят на людей ни малейшего внимания. У них своя жизнь, свои заботы — они пасут стада, попивают виски, музицируют. Сиды не отказываются от подношений, но эти подношения лучше оставлять

на определенном расстоянии от холмов, в которых они живут. Ибо известно, что сиды похищают неосторожных и превращают их в своих рабов. Те, кому в конце концов удается вырваться, до конца дней не могут оправиться от пережитого потрясения; такие люди становятся безумцами, пророками или целителями.

Пуще всего следует избегать сидов в кануны Белтейна и Хэллоуина (1 мая и 31 октября), когда они переселяются с «летних квартир» на «зимние» и наоборот, а также весь месяц май — в сумерках, перед рассветом и в полдень.

В ирландской саге «Исчезновение Кондлы Прекрасного, сына Конда Ста Битв» рассказывается, что девушка из сидов долго соблазняла одного юношу. Она говорила ему:

«— Я пришла из страны живых, из страны, где нет ни смерти, ни невзгод. Там у нас длится беспрерывный пир, которого не надо готовить. В большом сиде (холме. — *К. К.*) обитаем мы, и потому племенем сидов зовемся мы.

Пойдем со мной, мой возлюбленный.
Золотой венец покроет твой пурпурный лик,
Чтоб почтить твой царственный облик.
Пожелай лишь — и никогда не увянут
Ни юность, ни красота твоих черт,
Пленительных до скончания века».

Дважды друидам удавалось рассеять чары сидов, но на третий раз, когда девушка спела:

«— Давно влечет тебя сладкое желание,
Со мной за волну унестись ты хочешь,
Если войдешь в мою стеклянную ладью,
Мы достигнем царства Победоносного.

Есть иная страна, далекая,
Мила она тому, кто отыщет ее.
Хоть, вижу я, садится уж солнце,
Мы ее, далекой, достигнем до ночи»[1], —

юноша прыгнул в стеклянную ладью и уплыл вместе с девушкой, и больше его среди людей не встречали.

СЛЕЙ БЕГГИ (SLEIGH BEGGEY)

В фольклоре жителей острова Мэн исконные обитатели Мэна, появившиеся там задолго до прихода людей. Живут они под землей, причем чтобы попасть в их жилище, нужно преодолеть подземный водоем или реку. Ходы в жилища Слей Бегги открываются раз в году, в канун Белтейна. Говорить об этих фейри следует только ласково, ибо они слышат все разговоры людей.

Слей Бегги — отъявленные воришки, особое предпочтение они отдают лошадям. У них хватает своих коней, но они попросту не могут удержаться, когда видят рослых и стройных человеческих скакунов. Узнать, что на лошади ездили Слей Бегги, можно по взмыленным бокам животного.

Бегги ходят только по дорожкам, которые сами себе отвели. Они ненавидят соль, искусственное освещение, подковы, серебро и все желтые цветы, кроме ракитника. Если на снегу остались отпечатки, похожие на птичьи следы, — значит, тут проходили Слей Бегги.

---

[1] Перевод А. Смирнова.

СЛУА (SLUAGH)

В шотландском фольклоре фейри, еще более злобные, чем Неблагий Двор. Это воинство неупокоенных мертвецов. Они стаями носятся по небу и сражаются, не ведая отдыха. Их крики и лязг оружия разносятся далеко окрест в студеные зимние ночи. Кровь слуа пятнает скалы и валуны. Они убивают кошек, собак и домашний скот, безжалостно поражают животных дротами. Людей они призывают под свои знамена, и те подчиняются, ибо просто не могут ослушаться.

СПАНКИ (SPUNKY)

В шотландском фольклоре бродячий огонек. Эти фейри сбивают с дороги путников, топят в море лодки, кормчие которых принимают спанки за огни маяка. По некоторым источникам, спанки — духи некрещеных младенцев, обреченные скитаться по земле до Страшного Суда. В ночь летнего солнцеворота спанки собираются в церквях, чтобы встретить приветом недавно умерших.

СПРИГГАНЫ (SPRIGGANS)

В английском фольклоре уродливые фейри, из которых правители Волшебной Страны чаще всего набирают себе телохранителей. Их можно встретить на развалинах древних крепостей и замков, где они стерегут сокровища. Они крадут человеческих детей, вместо которых оставляют подменышей, насылают ненастье и устраивают другие пакости.

По некоторым источникам, спригганы — потомки древних великанов, а потому могут, если захотят, вырастать чуть ли не до небес. В отличие от боуги, они не столько зловредны, сколько склонны поозорничать, хотя иногда такое озорство кажется худшей из напастей.

Предание гласит, что спригганы собирались по ночам в доме одной старухи и делили добычу, а старухе всегда оставляли серебряную монетку. Но старуха была жадиной и однажды, когда спригганы в очередной раз вернулись с награбленным добром, она вывернула наизнанку кофту, но не успела надеть, чтобы прогнать фейри и забрать все себе. Спригганы ей отомстили: с тех пор, стоило старухе надеть эту кофту, ее тут же начинало корчить.

Еще рассказывают, что однажды несколько контрабандистов пристали к берегу. Двое отправились искать покупателей на товары, а остальные улеглись вздремнуть. Но заснуть им не дали пронзительные звуки дудок. Один из мужчин решил проверить, кто там расшумелся. Между холмами он увидел скопище крошечных человечков в разноцветных одеждах. Человечки танцевали под музыку. Человек дважды окликнул их, и вдруг спригганы — а это были они, — развернувшись к нему, выстроились клином. Откуда ни возьмись появились луки со стрелами и копья, и вся толпа двинулась на человека. Он бросился бежать, поднял своих товарищей. Они запрыгнули в лодку и погребли прочь от берега. А спригганы приближались, причем с каждым шагом становились все выше. Контрабандисты провели в море всю ночь, лишь на рассвете спригганы исчезли, и люди смогли вновь пристать к берегу.

СПЯЩИЕ ВИТЯЗИ (SLEEPING WARRIORS)

В европейском фольклоре легендарные воины, спящие под холмами и курганами в ожидании своего часа. Среди этих героев Карл Великий и Фридрих Барбаросса, Хольгер Датский и король Артур. В большинстве преданий утверждается, что воин и его дружина очнутся, когда кто-либо протрубит в рог, висящий рядом с витязем.

Легенда гласит, что некий король вместе со своей королевой и дружиной спал в подземелье замка, куда невозможно было попасть, ибо вход был засыпан. Однажды деревенский пастух провалился в дыру и очутился в подземелье. Он на ощупь двинулся вперед и вскоре увидел свет, а затем очутился в сводчатом зале, где и вправду увидел короля с королевой и воинов. Рядом с королем стоял столик, на котором лежали большой рог, подвязка и каменный меч. Пастух взял меч — рыцари зашевелились — и перерубил подвязку. Спящие уселись на своих ложах, но тут пастух вложил меч обратно в ножны, и тогда король, перед тем как снова лечь, произнес:

«На горе нам, на горе всем
Проклятый трус рожден!
Меч обнажил, но не посмел
Коснуться рога он».

СТУКАНЦЫ (KNOCKERS)

В корнуоллском фольклоре горные фейри, искусные рудокопы, которым известно местонахождение каждой жилы в толще скал. Порой можно слышать, как они стучат своими

молоточками в заброшенных штольнях. Если кто-то из людей придется стуканцам по нраву, они подскажут, где стоит копать. По преданиям, с помощью стуканцов многие рудокопы и впрямь находили богатые жилы. Кроме того, стуканцы предупреждают об опасности — принимаются стучать дробно, вразнобой, или же кто-то из них садится у входа в штольню и принимается громко стонать. В награду за то, что они приносят удачу, их следует подкармливать и раз или два в год шить им новую одежду. Стуканцы терпеть не могут, когда в шахте свистят или ругаются. Зато очень любят смех и веселье, а свист доводит их до безумия и они даже могут свернуть свистуну шею. По некоторым источникам, стуканцы — духи евреев, трудившихся когда-то в шахтах (этих евреев отправили под землю в наказание за то, что они принимали участие в распятии Христа).

Ростом стуканцы от одного до трех футов, одеты как рудокопы, в кожаных фартуках и с палками в руках. Стуканцов не следует путать со стукачишками, которые относятся к суматошникам и живут не в шахтах, а в людских домах.

Предание гласит, что однажды на троих рудокопов, трудившихся в шахте, обрушился град камней. Они отбежали на безопасное расстояние и вдруг увидели перед собой маленького человечка с камнем в руке. Не говоря ни слова, он показал рудокопам за спину. Те обернулись — и увидели, как потолок штольни, в которой они работали, медленно осел, ломая крепеж.

СУМАТОШНИКИ (POLTERSPRITES)

В английском фольклоре демонические существа, которых русский язык именует «барабашками» или «полтергейстом». Эти существа — потомки кобольдов, расселившиеся

по всему миру. Суматошники — оборотни, любимое занятие которых — греметь и стучать. Они бегают по дому в обличье белок или кошек, устраивая такой тарарам, что подпрыгивают блюдца в буфете и чашки на столе. Они колотят по полу, громыхают на чердаке, кидают камни на крышу, скрипят мебелью. Когда кому-либо из членов семьи, живущей в доме, приходит срок умереть, шум становится еще громче — суматошники как бы предупреждают о грядущей беде.

Они носят зеленые или серые куртки и красные шапки-невидимки. А.Н. Афанасьев говорит: «Они колотят по стенам, стучат по лестницам, хлопают дверьми, бросают в проходящих кирпичи и камни, возятся, прыгают и кричат в ночное время, стаскивают с сонных постельные покровы, гасят у слуг свечи, опрокидывают у коровницы подойник и, разливая молоко, смеются злым смехом... они являются домашними мучителями, пугалами детей и взрослых».

Т

ТАГЕЙРМ (TAGHAIRM)

Магический ритуал, суть которого состоит в том, чтобы заживо поджаривать кошек, пока не появится громадный кот по прозванию Большие Уши, который выполнит желание заклинателя. Вот как описывает церемонию магистр книжной и оккультной магий Густав Майринк:

«...Со мной была тележка с пятьюдесятью черными кошками... Я развел костер и произнес ритуальные проклятия, обращенные к полной луне... Выхватил из клетки первую кошку, насадил ее на вертел и приступил к тагейрму. Медленно вращая вертел, я готовил инфернальное жаркое, а жуткий кошачий визг раздирал мои барабанные перепонки в течение получаса, но мне казалось, что прошли многие месяцы, время превратилось для меня в невыносимую пытку. А ведь этот ужас надо было повторить еще сорок девять раз!.. Предощущая свою судьбу, кошки, сидевшие в клетке, тоже завыли, и их крики слились в такой кошмарный хор, что я почувствовал, как демоны безумия, спящие в укромном уголке мозга каждого человека, пробудились и теперь рвут мою душу в клочья... Смысл тагейрма состоит в том, чтобы изгнать этих демонов, ведь они-то и есть скрытые корни страха и боли — и их пятьдесят!.. Две ночи и один день длился тагейрм, я перестал, разучился ощущать ход времени, вокруг, насколько хватало

глаз, — выжженная пустошь, даже вереск не выдержал такого кошмара — почернел и поник...»

ТАРУ-УШТИ (TARROO-USHTEY)

В фольклоре жителей острова Мэн водяной бык. Он менее злобен, чем кабилл-ушти, но это не означает, что с тару-ушти можно шутить. Узнать его можно по круглым ушам и дикому блеску в глазах.

Предание гласит, что некий фермер заметил тару-ушти, который пасся вместе с его стадом. Он ударил быка палкой, и тот прыгнул в море, а у фермера полегла пшеница. В следующий раз фермер попытался изловить быка, но тот ускользнул, а у фермера сгнил на корню картофель. На третий раз, по совету мудрого старика, фермер огрел тару-ушти палкой из рябины. Это подействовало — тару-ушти спокойно вошел в загон. Какое-то время спустя фермер повел быка на ярмарку. Некий человек согласился купить животное при условии, что фермер на нем прокатится. Тот сел, стукнул быка рябиновой палкой, но палка вдруг выскользнула у него из руки, а бык помчался вскачь и прыгнул в море. Лишь в последний миг фермеру удалось соскочить, и он едва живой добрался до дома.

ТИЛВИТ ТЕГ (TYLWITH TEG)

В валлийском фольклоре златовласые фейри. Волосы у них золотистые потому, что они часто женятся на гуараггед аннон. Жилища тилвит тег находятся под землей, а чтобы добраться до них, нужно сначала нырнуть в реку или в озеро. Тилвит тег дружелюбны к тем, кто им нравится, впрочем,

этим людям тоже грозит опасность — они могут попросту исчезнуть из мира смертных или пропасть и вернуться безумцами. Главный порок тилвит тег — они не могут удержаться, чтобы не украсть златовласого младенца или молодую девушку.

Порой прозвище тилвит тег употребляют применительно лишь к тем фейри, что высоки ростом, одеты в белое и живут на невидимом острове, а порой — к тем, что носят одежду желто-зеленых тонов, отличаются хитростью и проказливостью, воруют молоко и похищают детей. Впрочем, всех этих фейри объединяет одна черта: у них золотистые кудри, и являются они только тем людям, которые могут похвастаться такими же волосами. Тилвит тег пасут коз, расчесывают козлам бороды, охотятся, а также проводят время за танцами и прочими развлечениями.

ТОПОТУН (SKRIKER)

В английском фольклоре фейри, встреча с которым предвещает несчастье и даже смерть. Порой слышно, как он разгуливает по лесу, издавая душераздирающие вопли. Обычно топотун невидим, но иногда появляется среди людей под видом большого черного пса с глазами-плошками и длинным густым мехом.

Сказка гласит, что некий путник услышал позади тихое «шлеп-шлеп». Обернувшись, он увидел громадного белого пса и огрел его палкой. Палка прошла насквозь, а пес лишь пристально посмотрел на человека, но тот так испугался, что опрометью кинулся домой, слег в постель и через несколько дней умер.

ТРАУ (TROW)

В фольклоре жителей Оркнейских и Шетландских островов фейри, которые, подобно карликам и троллям, боятся солнечного света. Правда, в отличие от тролля, трау, которого застал рассвет, не превращается в камень, а всего лишь теряет способность передвигаться, и вынужден, чтобы сойти с места, дожидаться вечера. Среди трау нет ни единой женщины, поэтому они женятся на смертных, причем всякая женщина, у которой рождается ребенок от трау, умирает сразу после родов. Потому трау женятся один-единственный раз в жизни. Существуют как трау морские, так и «наземные». По ночам трау играют на скрипках и танцуют (их любимый танец — хенкинг). Некоторые утверждают, что трау — искусные кузнецы. В частности, об этом писал Вальтер Скотт: «Я повесил себе на шею цепочку, которую, как известно всем на островах, выковали не смертные кузнецы, а трау в глубине своих загадочных пещер...»

Трау умирают, когда их сыновья становятся взрослыми. Некоторые отказываются жениться, надеясь таким образом достичь бессмертия. Но у трау есть закон, по которому упорствующих холостяков изгоняют, и вернуться они могут лишь с женами.

Подслушать разговор трау — к удаче, но увидеть трау — к большой беде. Одеваются трау обычно в серое и ходят задом наперед.

ТУАТА ДЕ ДАНАНН (TUATHA DE DANANN)

В ирландской мифологии и фольклоре божества, рожденные богиней Дану (отсюда их прозвище — Племена богини Дану). Они в незапамятные времена сошли с небес на землю и при-

несли с собой многие умения и искусства. Они спустились наземь в Ирландии, победили фирболгов и стали править островом, но потом потерпели поражение от милезов и бежали за океан. Туата Де Дананн — величайшие чародеи Волшебной страны (см. ФЕЙРИ). Они вечно молоды и прекрасны, у них замечательные кони — быстроногие, как ветер, спины дугой, широкая грудь, глаза пышут пламенем. Конюшни этих животных, уздечки которых — сплошь из золота и серебра, находятся в тех же холмах, где живут Туата. На выезд Туата стоит посмотреть: семь коней шагают в ряд, на лбу у каждого сверкает самоцвет, всадники все в зеленых плащах и золотых шлемах, с золотыми копьями в руках... К потомкам Туата Де Дананн принадлежат сиды и дини ши.

Вот что говорится о Туата Де Дананн и их сокровищах в саге «Битва при Маг Туиред»: «На северных островах земли были Племена Богини Дану и там постигали премудрость, магию, знание друидов, чары и прочие тайны, покуда не превзошли искусников со всего света.

В четырех городах постигали они премудрость, тайное знание и дьявольское ремесло — в Фалиасе и Гориасе, Муриасе и Финдиасе.

Из Фалиаса принесли они камень Лиа Фаил, что был потом в Таре. Вскрикивал он под каждым королем, кому суждено было править Эрином.

Из Гориаса принесли они копье, которым владел Луг. Ничто не могло устоять пред ним или пред тем, в чьей руке оно было.

Из Финдиаса принесли они меч Нуаду. Стоило вынуть его из боевых ножен, как никто уже не мог от него уклониться, и был он воистину неотразим.

Из Муриаса принесли они котел Дагда. Не случалось людям уйти от него голодными».

У

УРИСК (URISK)

В шотландском фольклоре фейри, похожие отчасти на человека, отчасти на козла. Уриск приносит счастье тому дому, в котором селится, он присматривает за скотом и за хозяйством. Иногда он предпочитает жить не в доме, а в пещере близ водопада, однако постоянно скучает по человеческому обществу, а потому частенько преследует ночами запоздалых путников, не причиняя тем, впрочем, ни малейшего вреда. В определенный заранее день все уриски собираются на своего рода торжественную встречу.

УРЧИН (URCHIN)

В английском фольклоре прозвище фейри, связанное с тем, что некоторые боуги и пикси имеют привычку превращаться в ежей («urchin» переводится как «еж»). В пьесе Шекспира «Буря» волшебник Просперо насылает на Калибана именно урчинов:

> «Всю ночь — попомни это — будут духи
> Тебя колоть и судорогой корчить.
> От их щипков ты станешь ноздреватым,
> Как сот пчелиный, и щипки их будут
> Еще больнее, чем укусы пчел»[1].

---

[1] Перевод М. Донского.

Ф

ФАХАН (FACHAN)

В шотландском фольклоре уродливый фейри, одного взгляда на которого порой достаточно, чтобы умереть от страха. У него одна рука, растущая из груди, одна нога и один глаз посреди лица. По некоторым источникам, из темечка у фахана торчит пук темно-синих перьев, смахивающих на петушиный гребень. Когда фахан собирается нападать, эти перья становятся дыбом. В руке он обычно держит железную цепь или кожаный хлыст, орудуя которыми, может уничтожить за ночь целый сад. По описаниям, это весьма своеобразная цепь — в ней двадцать звеньев, на каждом звене по пятьдесят яблок, каждое из яблок пропитано отравой.

ФЕИ (FAYS)

В фольклоре народов Западной Европы воздушные существа в снежно-белых нарядах. Они живут близ потоков, в которых каждый вечер стирают свои платья. Чтобы просушить платья, феи надевают их на себя и пускаются в пляс на берегу. Тем, кто будет в этот миг проходить мимо, грозит серьезная опасность: если они согласятся потанцевать, их ждет могила на дне реки. Очень немногие из людей могут противиться очарованию

фей. У них миловидные личики и гипнотический взор, а отличить их можно по змеиному хвосту или по птичьим лапкам вместо ног. Они способны по желанию превращаться в облако и в пелену тумана, в камень и в мох. На деревенских ярмарках феи торгуют самоцветами и отрезами тканей — ради забавы, ибо когда покупатель наклоняется, чтобы рассмотреть товар, фея выворачивает ему руку и со смешком исчезает.

К феям, как и ко всем прочим фейри, следует относиться с уважением, нельзя обижать их, а уж тем более оскорблять. Нельзя мешать им брать то, что они хотят, ибо они всегда возвращают то, что берут, в целости и сохранности.

Если фея дает совет, ему надо следовать в точности, каким бы странным и невразумительным он ни казался. О дарах фей ни в коем случае нельзя никому рассказывать.

У фей множество прозваний и обличий: марты — темнокожие волосатые женщины с грудями до колен и огненными глазами; соважоны; файеты, обожающие превращаться в мотыльков; хады и фады, бланкеты, файюли и даже горные феи, появляющиеся в образе языков пламени.

ФЕРРИШИН (FERRISHIN)

В фольклоре жителей острова Мэн бродячие фейри, менее аристократичные в своих повадках, нежели валлийские и ирландские фейри, у них нет ни короля, ни королевы. Ростом они около трех футов, занимаются тем, что крадут человеческих детей и оставляют вместо них подменышей, частенько заглядывают в дома и мастерские людей, когда хо-

зяева ложатся спать, и тащат все, что подворачивается под руку. Любимое развлечение ферришин — охота; собаки у них то белые с красными ушами, то разноцветные, как радуга. Ферришин улавливают малейшее дуновение ветерка и слышат все, о чем говорят люди, вот почему о них надо говорить только ласково.

ФЕТЧ (FETCH)

В английском фольклоре двойник. Встреча с ним после заката солнца сулит смерть, а в другое время суток — серьезные неприятности. По преданию, королева Елизавета Первая умерла после того, как увидела своего фетча — бледного, сморщенного и ссохшегося.

ФИНОДИРИ (FENODEREE)

В фольклоре жителей острова Мэн высокие, косматые фейри с уродливыми чертами лица. По некоторым источникам, первый финодири был принцем ферришин. Уродство его потомков — наказание за то, что он влюбился в смертную женщину и ради нее отказался присутствовать на каком-то из праздников Волшебной страны.

Финодири обладают недюжинной физической силой и помогают крестьянам, выполняя тяжелую работу — в частности, замечательно быстро и ловко убирают урожай; им ничего не стоит обмолотить за ночь зерно, собранное с целого поля. Любимое развлечение финодири — пожимать руки, ведь их рукопожатие настолько крепкое, что они ломают кости своим «соперникам». Правда, ума им не хватает, поэтому люди, желающие отмстить за синяки или

сломанные кости, посылают финодири принести воду в решете или загнать зайца с помощью овец.

Финодири ни в коем случае не следует благодарить за помощь или дарить им одежду, иначе они обидятся и сбегут. Еще они терпеть не могут критики.

Сказка гласит, что некий фермер отругал финодири за то, что тот не слишком чисто выкосил траву, оставив ее довольно высокой. В отместку финодири перестал помогать фермеру и с тех пор повсюду следовал за ним, выдергивая траву с корнем прямо из-под ног фермера, и чуть было не оторвал тому шнурки.

Есть также история о том, что некий лорд решил построить замок. Материалы сложили на песке, а среди них — громадный кусок белого мрамора, который было не под силу поднять никому. Финодири за одну ночь перетащил его на нужное место. Лорд оставил для него новый наряд. Увидев одежду, финодири воскликнул:

«Шапка на голову — бедная голова!
Куртка на плечи — бедные плечи!
Штаны на ноги — бедные ноги!
Это все твое, но тебе здесь не место!»

Потом жалобно заскулил и пропал.

ФИР БОЛГ (FIR BOLG)

В ирландской псевдоисторической традиции первые жители острова, в неравной борьбе уступившие Туата Де Дананн. Это высокие и уродливые фейри. При них Ирландию поделили на пять областей. После поражения в битве при Маг Туиред они уплыли на запад.

Вот что сказано в саге «Битва при Маг Туиред»: «В первой битве при Маг Туиред сразились Племена Дану с Фир Болг и обратили их в бегство и поразили сто тысяч воинов вместе с королем Эохайдом, сыном Эрка. В этой-то битве и отрубили руку Нуаду и совершил это Сренг, сын Сенгана. Тогда Диан Кехт, врачеватель, приставил ему руку из серебра, что двигалась словно живая... Те из Фир Болг, что спаслись с поля битвы, отправились прямо к фоморам...»

ФИР ДАРРИГ (FIR DARRIG)

В ирландском фольклоре крошечные фейри с голубыми носами. Ходят они в красных куртках. За глоток виски фир дарриг позволяют людям, попавшим в плен к фейри, бежать из Волшебной страны, а также учат заклинаниям против чар и дают амулеты. Впрочем, особо им доверять не следует, ибо они не прочь созорничать, а шутки их порой граничат с жестокостью. Фир дарриг — великие искусники насылать пишог, своими чарами они могут день превратить в ночь, женщину — в мужчину, пищу в пыль, и так далее.

Пишог — такое заклинание, что человек, на которого оно направлено, потеряет ориентацию и увидит совсем не то, что есть на самом деле.

ФОМОРЫ (FOMORI)

В ирландском фольклоре злобные существа, против которых сражалось большинство ирландских фейри. Свидетельств о том, как они попали в Ирландию, не сохранилось. Первыми с ними сразились сыновья Партолона, но были

побеждены. Людей Немеда они поработили, и каждый ноябрь те платили им подать — отдавали две трети своих детей и две трети скота. В решающей битве, правда, люди Немеда одолели фоморов и убили их короля, но их самих осталось так мало, что они покинули Эрин. Фир Болг заключили с фоморами союз и вместе бились против Туата Де Дананн. В конечном итоге фоморы уступили Племенам Дану.

В саге «Битва при Маг Туиред» о сражении фоморов с Туата Де Дананн рассказывается так:

«Каждый день бились фоморы и Племена Богини, но короли и вожди до поры не вступали в сражение рядом с простым и незнатным народом.

И не могли надивиться фоморы на то, что открылось им в схватке: все их оружие, мечи или копья, что было повержено в битве, и люди, убитые днем, наутро не возвращались обратно. Не так было у Племен Богини, ибо все их притупленное и треснувшее оружие на другой день оборачивалось целым, оттого что кузнец Гоибниу без устали выделывал копья, мечи и дротики... А сраженные насмерть бойцы погружались в заклятый источник и выходили из него невредимыми. Возвращались они к жизни благодаря могуществу заклинаний, что пели вокруг источника четыре врачевателя...

В день великого сражения выступили фоморы из лагеря и встали могучими несокрушимыми полчищами, и не было среди них вождя иль героя, что не носил бы кольчуги на теле, шлема на голове, тяжелого разящего меча на поясе, крепкого щита на плече да не держал в правой руке могучего звонкого копья. Воистину, биться в тот день с фоморами было, что пробивать головой стену, держать руку в змеином гнезде или подставлять лицо пламени...

Против них поднялись Племена Богини Дану... и двинулись к полю сражения... Громкий клич испустили вои-

ны, двигаясь в битву, и сошлись и принялись разить друг друга.

Немало благородных мужей пало сраженными насмерть. Была там великая битва и великое погребение. Позор сходился бок о бок с отвагой, гневом и бешенством. Потоками лилась кровь по белым телам храбрых воинов, изрубленных руками стойких героев, что спасались от смертной напасти...

Тогда сошлись в битве Луг и Балор с Губительным Глазом. Дурной глаз был у Балора и открывался только на поле брани, когда четверо воинов поднимали его веко проходившей сквозь него гладкой палкой... Когда же подняли веко Балора, метнул Луг камень из пращи и вышиб глаз через голову наружу... Пал этот глаз на фоморов, и трижды девять из них полегли рядом...

Бегством фоморов закончилась битва, и прогнали их к самому морю... Что до вождей, королей, благородных фоморов, детей королевских, героев, пять тысяч, трижды по двадцать и трое погибли; две тысячи и трижды по пятьдесят, четырежды двадцать тысяч и девять раз по пять, восемь раз по двадцать и восемь, четырежды двадцать и семь, четырежды двадцать и шесть, восемь раз двадцать и пять, сорок и два... погибли в сражении — вот сколько было убито великих вождей и первейших фоморов. Что же до черни... всех их не счесть... не сосчитать никогда, как не узнать, сколько звезд в небесах, песка в море, капель росы на лугах, травы под копытами стад...»

ФОРМОРЫ (FORMORIANS)

В шотландском фольклоре великаны, дальние родичи ирландских фоморов и мэнских фуаров. Они часто ссорятся между собою; эти ссоры нередко заканчиваются тем, что

противники принимаются швырять друг в друга громадные валуны. В отличие от своих собратьев, к людям форморы относятся достаточно терпимо.

ФРИДЫ (FRIDEAN)

В шотландском фольклоре существа, которые обитают под камнями, мгновенно съедают просыпанные наземь хлебные крошки и выпивают пролитое молоко.

ФУА (FUATH)

В шотландском фольклоре зловредные, опасные для людей фейри, которые обитают в реках, озерах и прибрежных морских водах. Они могут превращаться в жеребцов и выходят в таком облике на сушу, высматривая себе жертв. К фуа, в частности, относятся уриски и накилеви.

ФУАР (FOAWR)

В фольклоре жителей острова Мэн великаны, которые любят швыряться огромными камнями, воруют у людей скот, но людоедами как будто не являются.

X

ХОББИТЫ (HOBBITS)

В английском фольклоре фейри. Многие считают, что хоббиты — существа вымышленные, что их придумал английский писатель Джон Р. Р. Толкин. На самом деле о хоббитах было известно давным-давно. Майкл Дэнхем, автор «Дэнхемских списков», дает, к примеру, следующий перечень сверхъестественных существ: «... двойники, боуги, портуны, гранты, ХОББИТЫ (выделено мной. — *К. К.*), хобгоблины, данни...».

Во «Властелине Колец» хоббиты описаны так:

«Хоббиты — скромный и очень древний народец, в прошлом более многочисленный, нежели в наши дни. Они любят мир и покой и тянутся к возделанной земле, предпочитая селиться в благоустроенной и процветающей сельской местности. Они никогда не понимали и не восхищались машинами сложнее кузнечных мехов, водяной мельницы или ручного ткацкого станка; не понимают и теперь, хотя ловко обращаются со всякими инструментами... У них зоркие глаза и острый слух, они склонны к полноте и не желают суетиться по пустякам, однако быстры и сноровисты в движениях...

Они — малый народец, ниже ростом, чем даже гномы — впрочем, ненамного, — и не такие коренастые. Если мерить нашими мерками, их рост колеблется между двумя и

четырьмя футами. Ныне они редко дорастают до трех футов, но утверждают, что раньше были выше...

Одеваются они в одежду ярких цветов; больше всего их привлекают желтый и зеленый. Однако башмаков хоббиты почти не носят — ведь кожа у них на ступнях грубая и жесткая, а стопы покрыты густыми вьющимися волосами, похожими на те, что растут на головах...

Лица хоббитов, как правило, скорее добродушные, чем красивые, губы всегда готовы растянуться в улыбке, а рты так и норовят раскрыться пошире — мол, неплохо бы выпить да подзакусить... Они — радушные хозяева, им нравятся праздники и подарки, которые они охотно дарят и с удовольствием принимают.

Не приходится сомневаться, что, пускай хоббиты сторонятся нас, они — наши родственники; они гораздо ближе к нам, чем эльфы и гномы. В старину они говорили на языках людей, искажая слова, как им было удобнее, любили и ненавидели почти то же самое, что любили и ненавидели люди».

ХОБГОБЛИНЫ (HOBGOBLINS)

В английском фольклоре добродушные домашние фейри, похожие своими повадками на брауни. Они редко выходят из дома, предпочитая греться у огня. Правда, они очень обидчивы, и если уж обижаются, то хозяевам достается по первое число — молоко скисает, одежда рвется словно сама собой, чисто выметенный пол тут же вновь оказывается грязным. Один обиженный хобгоблин утащил с собой все ключи и отказывался их возвращать до тех пор, пока ему не испекли его любимых лепешек.

Ростом они около двух футов, у них смуглая кожа, ходят они либо нагишом, либо в темных одеждах.

Несмотря на свое добродушие и готовность помочь людям, хобгоблины удостоились сомнительной чести: их нередко путали, а то и намеренно отождествляли с бесами. К примеру, у Джона Беньяна в «Пути паломника» можно найти такую фразу: «и мерзкий демон хобгоблин».

ХОБИИ (HOBYAHS)

В английском фольклоре жестокие гоблины, людоеды и похитители детей. Перед тем как съесть похищенных, хобии заставляют их трудиться в подземных копях, добывая золото. Хобии не боятся ничего и никого кроме собак. Правда, ныне их почти не осталось, ибо большинство хобиев проглотил однажды большой черный пес.

ХРОМУШКИ (HENKIES)

В фольклоре жителей Шетландских островов фейри, близкие родичи трау. Их можно узнать по тому, что они, когда пляшут, припадают на одну ногу. О них поют такую песенку:

Эй, спросила Китти,
Танцевать хотите?
Нет? Ну, дело ваше —
Я поковыляла.

Ч

ЧИВЕФАС (CHIVEFACE)

В английском фольклоре чудесное животное, издалека напоминающее корову. Оно питается исключительно скромными и во всем покорными мужьям женщинами, а поскольку те встречаются крайне редко, чивефас всегда голоден — иными словами, кожа да кости. О нем упоминает в своих «Кентерберийских рассказах» Джеффри Чосер, советуя женщинам остерегаться чудовища.

Ш

ШЕЛКОВИНКИ (SILKIES)

В английском фольклоре женщины-брауни, которых называют шелковинки, потому что они носят шелковые платья. Шелковинки выполняют домашнюю работу и наказывают нерадивых слуг. Живут они не в домах, а на деревьях, и стерегут жилища своих хозяев. Когда на них находит настроение попроказничать, они принимаются разбрасывать то, что сами недавно убирали. Если шелковинку обидеть, она, как и остальные брауни, превращается в боггарта. Справиться с разбушевавшейся шелковинкой можно, лишь пригрозив ей крестом из рябины.

ШИФРА (SIOFRA)

В ирландском фольклоре крошечные бродячие фейри. Они носят шапки, напоминающие формой цветки наперстянки. Чаще всего о шифра рассказывают, что они похищают молодых девушек и детей, вместо которых оставляют подменышей. По некоторым источникам, шифра стремятся получить бессмертную душу и потому даже склоняются к вере в Христа.

ШУПИЛТИ (SHOOPILTEE)

В фольклоре жителей Шетландских островов крошечные водяные лошадки. Как и у других водяных лошадок, их любимая проказа — прыгнуть вместе с седоком в воду. Нельзя сказать, что шупилти жестоки и кровожадны, однако они пьют кровь утопленников.

Э

ЭЛЛИЛЛДАН (ELLYLLDAN)

В валлийском фольклоре бродячие огоньки. Как и их сородичи, они обожают сбивать путников с дороги и заводить их в болота и овраги.

ЭЛЛИЛЛЫ (ELLYLLON)

В валлийском фольклоре крошечные фейри, пища которых — поганки и «волшебное масло» — то вещество, которое можно найти в корнях старых деревьев.

Предание гласит, что некий фермер был ходячим несчастьем: если у других животные росли — у него вымирало все стадо, если шел град — он попадал только на его поле. Жена фермера была прикована к постели. Бедняга так измучился, что решил все бросить, но тут вдруг появился эллилл и сказал, что отныне ему не о чем беспокоиться: пусть жена выметет очаг и зажжет свечу, а об остальном они позаботятся. Фермер послушался; и каждую ночь в его доме звучали голоса, раздавался смех, а поутру все оказывалось убрано. Фермер начал богатеть, но однажды ночью жена фермера решила посмотреть на эллиллов: она прокралась на кухню и заглянула в щелку. Эллиллы смеялись так заразительно, что женщина не выдержала и тоже расхохоталась. В тот же миг свеча погасла, и все разбежались. Больше эллиллы не

возвращались, однако фермер, благодаря прежней их заботе, продолжал преуспевать.

ЭЛЬФЫ (ELVES)

В мифологии и фольклоре германских народов духи. Это потомки скандинавских альвов и ирландских сидов, унаследовавшие проказливость первых и величественность и красоту вторых. Подобно альвам, эльфы делятся на светлых, веселых и озорных, и темных — суровых и даже жестоких. У светлых эльфов золотистые волосы, чудесные мелодичные голоса, они частенько играют на волшебных арфах. Они ничуть не боятся солнечного света, но увидеть их может только ребенок, родившийся в воскресенье и ставший одной ногой в ведьмино кольцо. К темным эльфам относятся, к примеру, шотландские, которые похищают людей, насылают порчу на скот и жестоко мстят за причиненные им обиды.

Сказки утверждают, что не так давно — разумеется, по меркам обитателей Волшебной страны — эльфы были другими: высокими, стройными, статными. Но их то ли подкосила какая-то хворь, то ли они стали жертвами колдовства... В общем, эльфы постепенно стали уменьшаться в росте (вот откуда на страницах сочинений Шекспира появились эльфы-малютки). Ныне таких эльфов совсем уже не осталось: они все ушли в Волшебную страну.

ЭХ-УШКА (EACH-UISGE)

В шотландском фольклоре водяные лошадки, коварные и опасные. Порой они оборачиваются прекрасными юношами или гигантскими птицами. Эх-ушку в облике человека

можно узнать по водорослям в волосах. Представляясь лошадью, эх-ушка словно приглашает сесть на себя, но того, кто на это осмелится, ожидает трагический конец: лошадь прыгает в воду и пожирает своего седока, а потом волны выбрасывают на берег печень жертвы. В отличие от келпи, которые живут в проточной воде, эх-ушки обитают в морях и озерах.

Предание гласит, что у одного человека пропала дочь. Наутро на берегу озера, в котором, по слухам, обитал эх-ушка, нашли ее тело. Человек решил отомстить. Он выковал громадные железные крючья и раскалил их добела, а его сын тем временем зажарил овцу, и запах поплыл над озером. Тут из воды возник эх-ушка и схватил было овцу, но отец с сыном накинулись на него с крючьями и убили. А наутро на берегу не оказалось ни трупа, ни даже костей — только желеобразное вещество, похожее на растаявшую медузу.

Я

ЯРТКИНЫ (YARTHKINS)

В английском фольклоре фейри, которые помогают людям, повышая плодородие земли. В награду они ждут сливок и молока, а если о том забывают, становятся опасны.

Предание гласит, что в одной местности долго шли дожди, вода в реке начала стремительно прибывать и затопила несколько деревень. И тогда в ночь на новолуние все люди вышли из своих домов, встали на берегу реки и обратились за помощью к ярткинам. В ответ раздался крик чибиса — это означало, что просьба услышана; а поутру все увидели, что вода спала.

Библиография

Археологический словарь. М., 1990.

Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов. СПб., 2001.

Беовульф // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975.

Вагнер, Рихард. Кольцо Нибелунга. М., 1910.

Гальфрид Монмутский. История бриттов. М., 1984.

Демонология эпохи Возрождения. М., 1996.

Джонг, Эрика. Ведьмы // Иностранная литература, 1992, № 3.

Древнеанглийская поэзия. М., 1982.

Записки Юлия Цезаря. М., 1993.

Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973.

Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: весенние праздники. М., 1977.

Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: летне-осенние праздники. М., 1978.

Королев К.М. Мифические существа. Энциклопедия. М.; СПб., 1997.

Королев К.М. Соседи по планете // Если. 1994. № 9.

Королев К.М. Энциклопедия сверхъестественных существ. М.; СПб., 2003.

Котерелл Артур. Мифология. Энциклопедический справочник. М., 2000.

Лукан, Марк Анней. Фарсалия. М., 1993;

Мабиногион: Волшебные легенды Уэльса. М., 1995.

Майринк, Густав. Ангел Западного окна. СПб., 1992.

Маколей Т. Англия и Европа. СПб., 2002.

Михайлов А.Д. Артуровские легенды и их эволюция // Мэлори, Томас. Смерть Артура. М., 1993.

Михайлов А.Д. Книга Гальфрида Монмутского и ее судьба // Гальфрид Монмутский. История бриттов. М., 1984.

Мифологический словарь. М., 1990.

Мифы народов мира: В 2 т. М., 1982.

Младшая Эдда. М., 1994.

Мортон А. Л. Артуровский цикл и развитие феодального общества // Мэлори, Томас. Смерть Артура. М., 1993.

Мэлори, Томас. Смерть Артура. М., 1993.

Похищение быка из Куальнге. М., 1985.

Рис Алан, Рис Бринли. Наследие кельтов. М., 1999.

Сказки Биг Бена. М., 1993.

Сказки Британских островов. М., 1992.

Сказки народов Европы. М., 1988.

Старшая Эдда: Избранные песни о богах. М., 1989.

Тацит, Корнелий. Жизнеописание Юлия Агриколы // Тацит. Сочинения в двух томах. Том 1. Анналы. Малые произведения. М., 1993.

Фрэзер, Д. Золотая ветвь. М., 1983.

Холл, Мэнли П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, кабалистической и розенкрейцеровской символической философии. Новосибирск, 1992.

Чосер, Джеффри. Кентерберийские рассказы. М., 1973.

Чудесный рог: Народные баллады. М., 1985.

Шекспир, Уильям. Собрание сочинений в 14 томах. М., 1993—1996.

Широкова Н.С. Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб., 2000.

Шотландские баллады // Бернс, Роберт. Стихотворения. Шотландские баллады. М., 1976.

Энциклопедия демонологии и колдовства. М., 1995.

Allardice, Pamela. Myths, Gods and Fantasy. Lnd., 1990.

Arrowsmith, Nancy & Moorse, George. A Field Guide to the Little People. Lnd., 1977.

Bett, Henry. English Myths and Traditions. Lnd., 1952.

Branston, Brian. The Lost Gods of England. Lnd., 1957.

Briggs, Katharine. A Dictionary of Fairies. Lnd., 1976.

Briggs, Katharine. The Fairies in Tradition and Literature. Lnd., 1967.

Briggs, Katharine. The Anatomy of Puck. Lnd., 1959.

Buss, Reinhard J. The Klabautermann of the Northern Seas. Berkeley, 1973.

Campbell, J. G. Popular Tales of the West Highlands. Lnd., 1890—1893.

Companion to Literature in English. Cambridge, 1988.

Croker, T. Crofton. Fairy Legend and Traditions of the South of Ireland. Lnd., 1825—1828.

Dictionary of Mythology. Edinburgh, 1991.

Folktales of the British Isles. Moscow, 1987.

Keightley, Thomas. The Fairy Mythology, Illustrative of Romance and Superstition of Various Countries. Lnd., 1750.

Kipling, Rudyard. Puck of Pook's Hill. Lnd., 1961.

Mac Manus, D. A. The Middle Kingdom. Lnd., 1959.

McNeill, Marian F. Hallowe'en. Edinburgh, 1970.

Mother Goose Rhymes. Moscow, 1988.

Spence, Lewis. British Fairy Origins. Lnd., 1946.

Scott, Walter. Letters on Demonology and Witchcraft. Lnd., 1830.

Sikes, Wirt. British Goblins. Yorkshire, 1880.

Treharne, R. F. The Glastonbury Legend. Lnd., 1971.

Wainwright, F. T. (ed.). The Problem of the Picts. Lnd., 1955.

Wilde, Lady. Ancient Legends, Mystic Charms and Superstitions of Ireland. Lnd., 1887.

Yeats, William B. The Celtic Twilight: Men and Women, Ghouls and Faeries. Lnd., 1893.